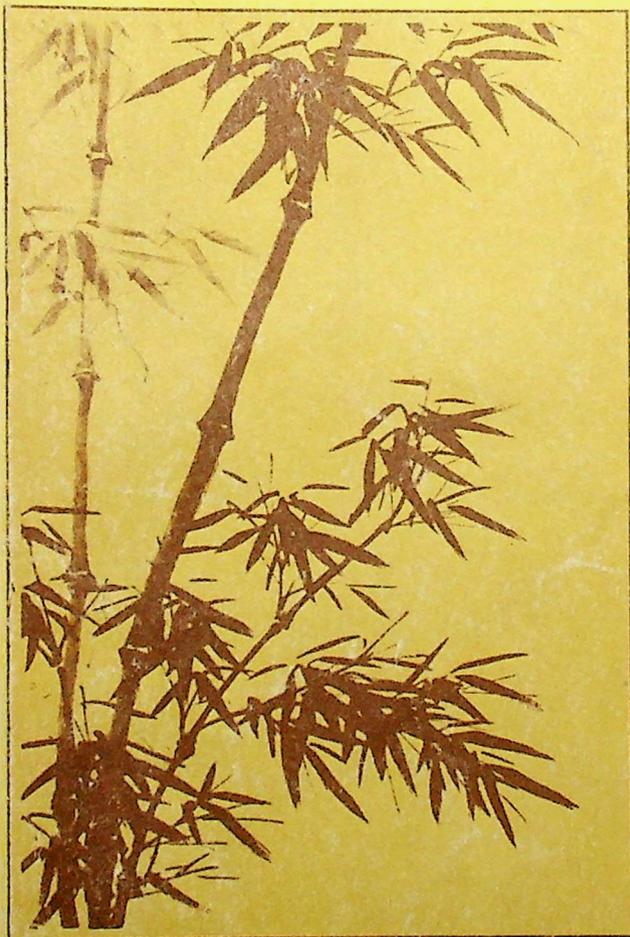

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/93

ISSN 0131-2812

Визит Б.Н.Ельцина в Японию

*

Тайвань: экономика, политика,
культура

*

"Большой Китай": замыслы и
реальность

*

Международные связи
Хабаровска

*

Рихард Зорге: супершпион и
суперполитик

*

Китайский эрос

1600
203

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

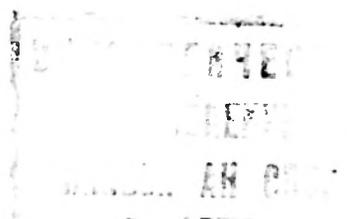
5/93

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 г.

ДОКУМЕНТЫ

- Токійская декларация о российско-японских отношениях 3
Декларация о перспективах торгово-экономических и научно-
технических отношениях между Российской Федерацией и
Японией 6

РЕГИОН

- В.Бунин. Подходы стран СВА к проблеме обеспечения
безопасности после эпохи "холодной войны" 8
В.Анрианов. Роль внешнеэкономических связей в формировании
модели устойчивого развития азиатских НИС 16
В.Мясников. Международные связи Хабаровского края 27

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

- В.Савин. Что выгоднее экспортировать, сырье или машины?
(окончание) 36

ТАЙВАНЬ

- К читателю 44
Ф.Тодер. Изучение Тайваня в России 45

ЭКОНОМИКА

- С.Шиловцев. Рыночная модернизация в Восточной Азии и опыт
Тайваня 57
А.Н.Бубенников, А.А.Бубенников, Г.И.Мамрыкин. Тайваньский
феномен в сфере высоких технологий 67

1-й экз.

ПОЛИТИКА	
Л.Гудошников. Эволюция политического режима на Тайване	77
П.Иванов. Демократическая прогрессивная партия и формирование многопартийности на Тайване	88
ПРОБЛЕМА "БОЛЬШОГО КИТАЯ"	
А.Ларин. "Большой Китай" - замыслы и реальность	97
С.Дементьев. Материковый Китай и Тайвань на пути экономического сотрудничества.....	104
ОБЩЕСТВО	
Д.Жоголев. Малые народности Тайваня	108
ФИЛОСОФИЯ	
А.Ломанов. Постконфуцианская философская мысль Тайваня и Гонконга (50-70-е годы XX века)	118
КУЛЬТУРА	
В.Сорокин. Существует ли тайваньская литература?.....	129
Е.Завадская. Тайваньский постмодернизм (1981-1992 гг.).....	138
Д.Жоголев. Тайвань: Справочник для деловых людей.....	149
ЗАПАД-ВОСТОК	
В.Малявин. К типологии цивилизаций Запада и Востока.....	151
КЛУБ КОНФУЦИЯ	
Е.Торчинов. Понятие "бессмертный" в даосской традиции	160
ПРОФИЛИ	
И.Кожевникова. Жизнь и труды Алексея Ванновского	171
ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ	
В.Молодяков. Рихард Зорге: Супершпион или суперполитик	180
РЕЦЕНЗИИ	
В.МАЛЯВИН. А.И.Кобзев. Китайский эрос	187
ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО	
Л.П.Делюсину - 70 лет	189

Редакционная коллегия:

А.М.Григорьев (главный редактор), Я.М.Бергер (замглавного редактора), Ю.М.Гарушняц, В.И.Глунин, Л.М.Гудошников, П.М.Иванов, В.Н.Кашин, В.В.Малявин, С.А.Манежев, П.А.Минакер, В.С.Мясников, Л.С.Переломов, Д.В.Петров, А.А.Писарев, В.Я.Портяков, Б.Л.Рифтин, Б.Н.Славинский (замглавного редактора), Н.Н.Соловьев, В.Ф.Сорокин, Ю.С.Столяров, Г.Д.Сухарчук, М.Л.Титаренко, Н.С.Тихонов (отв.секретарь), В.П.Ткаченко

© Российская академия наук
Институт Дальнего Востока РАН

Москва, 117218, ул.Красикова, 27, тел. 124-09-04

Документы

11-13 октября 1993 г. проходил визит Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина в Японию. В ходе визита был подписан ряд документов, важнейшие из которых публикуются ниже. Документы предоставлены МИД РФ.

Токийская декларация о российско-японских отношениях

Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, руководствуясь пониманием того, что в результате окончания холодной войны мир движется от структуры конфронтации к сотрудничеству, открывающему новые перспективы развития международного взаимодействия, на глобальном и региональном уровнях и в двусторонних отношениях между государствами, что создаст благоприятные предпосылки для полной нормализации российско-японских двусторонних отношений;

провозглашая, что Российская Федерация и Япония разделяют универсальные ценности свободы, демократии, верховенства права и уважения основных прав человека;

памятуя о том, что поддержка рыночной экономики и свободной торговли способствует процветанию экономик обеих стран и здоровому развитию мировой экономики в целом;

будучи уверенными в том, что успех реформ, осуществляемых в Российской Федерации, имеет решающее важное значение для строительства нового мирового политического и экономического порядка;

подтверждая важность строительства двусторонних отношений на основе уважения целей и принципов Устава ООН;

будучи убежденными в том, что Российская Федерация и Япония должны преодолеть наследие тоталитаризма и взаимодействовать друг с другом в духе международного сотрудничества в целях строительства нового международного порядка и полной нормализации двусторонних отношений, заявляют о нижеследующем.

1. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии едины в понимании того, что демократические преобразования и экономическая реформа, проводимые в России, имеют чрезвычайно важное значение не только для народов этой страны, но и для всего мира в целом, причем успех перехода России к подлинно рыночной экономике и плавная интеграция Российской Федерации в мировое демократическое сообщество, по мнению сторон, являются неотъемлемым фактором укрепления международной стабильности, необратимости процесса формирования нового мирового порядка.

В этой связи Премьер-министр Японии передал Президенту Российской Федерации следующее послание лидеров стран "семерки".

"Мы сожалеем, что в результате спровоцированных в Москве сторонниками бывшего парламента вооруженных столкновений имели место многочисленные человеческие жертвы, но вместе с тем приветствуем, что

обстановка нормализуется, восстанавливаются законность и порядок, включая уважение прав человека.

Мы вновь подтверждаем, что наша поддержка проводимому Президентом Б.Н.Ельциным курсу демократических и экономических реформ остается неизменной, и выражаем большую надежду на то, что в результате проведения свободных и справедливых, с широким народным участием выборов в новый парламент, родится подлинно демократическое общество, которое будет отражать волю народа, и реформы получат дальнейшее продолжение".

2. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса исходя из исторических и юридических фактов, и на основе выработанных договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения. В этой связи Правительство Российской Федерации и Правительство Японии подтверждают, что Российская Федерация является государством-продолжателем СССР и что все договоры и другие международные договоренности между Советским Союзом и Японией продолжают применяться в отношениях между Российской Федерацией и Японией.

Правительство Российской Федерации и Правительство Японии отмечают также, что в рамках рабочей группы по мирному договору между двумя странами до настоящего времени осуществлялся конструктивный диалог и одним из его результатов явилось совместное опубликование российской и японской сторонами в сентябре 1992 года "Совместного сборника документов по историческому территориальному размежеванию между Россией и Японией".

Правительство Российской Федерации и Правительство Японии соглашаются предпринять ряд шагов в целях углубления взаимопонимания прежде всего в плане дальнейшего совершенствования проведения взаимных поездок постоянных жителей упомянутых выше островов и жителей Японии, которые осуществляются в рамках установленной на основе договоренности между двумя сторонами процедуры.

3. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, будучи уверенными, что расширение политического диалога является полезным и эффективным средством развития российско-японских отношений, соглашаются продолжать, углублять и развивать политический диалог путем осуществления регулярных взаимных визитов на уровне высших руководителей, министров иностранных дел, а также заместителей министров иностранных дел.

4. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии приветствуя результаты, достигнутые до настоящего времени в области контроля над вооружениями и разоружения, и подтверждая необходимость добросовестного воплощения, едины в понимании важности дальнейшего продвижения этого процесса и придания ему необратимого характера.

Стороны, придерживаясь общего понимания важности для обеспечения безопасности во всем мире вопроса о демонтаже ядерного оружия, возникающей в этой связи проблемы хранения ядерных материалов, контроля над ними и их утилизации, подтверждают стремление сотрудничать в указанных сферах. Стороны подтверждают также, что сброс радиоактивных отходов вызывает серьезную озабоченность в глобальном масштабе, особенно с точки зрения своего влияния на окружающую среду в прилегающих государствах. Стороны соглашаются в целях дальнейшего рассмотрения этой проблемы осуществлять тесные консультации по линии совместной российско-японской рабочей группы.

Стороны приветствуют подписание в январе 1993 года в Париже Конвенции о запрещении химического оружия и выражают надежду на то, что

данной Конвенции присоединится как можно большее число государств, и она будет способствовать миру и стабильности во всем мире. Стороны соглашаются также тесно сотрудничать друг с другом в целях эффективного обеспечения режима нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также связанных с ним материалов, оборудования, технологий и знаний и в целях повышения транспарентности поставок обычных вооружений.

5. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии придерживаются общего мнения о наличии возможностей для динамичного развития, которое может продемонстрировать азиатско-тихоокеанский регион в мире XXI века на основе общих принципов свободы и открытости. Стороны подтверждают значение того, что Российская Федерация путем претворения в жизнь принципов законности и справедливости станет активным и конструктивным партнером в этом регионе и будет вносить дальнейший вклад в развитие политических и экономических связей между расположенными в нем государствами, а также едины в том, что существенную важность для реализации этой задачи имеет полная нормализация отношений между играющими важную роль в этом регионе Российской Федерацией и Японией, в той связи, что она позволит сделать этот регион зоной мира и стабильности, а также районом развития экономического сотрудничества на основе системы свободной торговли, открытой для всех стран и регионов, включая Российскую Федерацию.

Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, исходя из общего понимания необходимости укрепления мира и стабильности в азиатско-тихоокеанском регионе, подтверждают важность диалога между правительственными органами двух стран по широкому кругу вопросов, включая аспекты обеспечения безопасности, и соглашаются и далее активизировать подобные обмены мнениями.

6. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, принимая во внимание ведущиеся в ООН дискуссии, в том числе по вопросу о том, каковы должны быть функции и структура Организации с тем, чтобы она, адаптируясь к изменяющейся международной обстановке, могла играть центральную роль в поддержании и созидании мира во всем мире, соглашаются активизировать вклад обеих стран в усилия ООН, направленные на урегулирование глобальных и региональных проблем, и предпринимать тем самым совместные усилия для дальнейшего повышения авторитета Организации.

Токио, 13 октября 1993 года.

**Президент
Российской Федерации**

**Премьер-министр
Японии**

Декларация о перспективах торгово-экономических и научно-технических отношений между Российской Федерацией и Японией

Правительство Российской Федерации и Правительство Японии, принимая во внимание решимость Российской Федерации прилагать усилия к осуществлению преобразований, направленных на укрепление демократии, переход к рыночной экономике и поворот к дипломатии, опирающейся на принципы законности и справедливости, учитывая весомый потенциал сотрудничества, которым обладают обе страны, заявляют, что они намерены следующим образом развивать в будущем двусторонние отношения в торгово-экономической области, основываясь на принципах равенства и взаимовыгоды, а также исходя из намерения сбалансированно расширять отношения между двумя странами в целом:

1. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии подтвердили следующее: в условиях углубляющейся в международном сообществе взаимозависимости проводимые в Российской Федерации реформы имеют весьма важное значение не только для народов Российской Федерации, но и для всего мира; успех реформ в Российской Федерации и ее интеграция в мировую хозяйственную систему являются весомым фактором обеспечения перехода международного сообщества от структур холодной войны к новому мировому порядку; поддержка и практическое содействие проводимым в Российской Федерации реформам являются важной составной частью формирующегося нового мирового порядка,.

2. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии придерживаются общего понимания относительно того, что при оказании содействия усилиям Российской Федерации по переходу к рыночной экономике может быть полезным опыт, приобретенный Японией в ходе послевоенного экономического развития. Правительство Японии подтверждает готовность поделиться с Российской Федерацией указанным опытом в таких областях, как макроэкономическая политика, реформы финансовой и кредитно-денежной систем, промышленных структур, а также становление малого и среднего бизнеса и другие.

3. Исходя из указанного принципиального понимания, Правительство Российской Федерации и Правительство Японии, положительно оценивая осуществлявшееся до сих пор сотрудничество в указываемых ниже областях и опираясь на достигнутые результаты, принимая во внимание то, что по мере продвижения реформ в Российской Федерации будут возрастать возможности для развития двусторонних торгово-экономических отношений, а также руководствуясь намерением обеспечить сбалансированное расширение двусторонних отношений в целом, соглашаются и впредь добиваться дальнейшего развития сотрудничества с перспективой на будущее в этих областях.

- топливо и энергетика;
- черная и цветная металлургия, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность и так далее;
- транспорт и связь;
- банковская система;
- обеспечение безопасности атомных электростанций;
- конверсия;
- мирное использование космического пространства;
- охрана окружающей среды;
- сельское и рыбное хозяйство;
- здравоохранение и медицина;
- подготовка кадров.

4. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии разделяют мнение о том, что с учетом реалий, существующих в двусторонних торгово-экономических отношениях, важное значение имеет обеспечение соответствующих условий для их нормального развития.

5. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии подтверждают, что содействие возможно более широкому обмену экономической информацией отвечает интересам обеих стран.

6. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии, подтверждая намерение сотрудничать в деле сохранения и рационального использования биологических ресурсов северо-западной части Тихого океана, разделяют мнение о важности развития сотрудничества в сфере рыболовства между предприятиями и организациями обеих стран, руководствуясь принципом взаимной выгоды. Стороны сошлись во мнении о том, что для дальнейшего развития такого сотрудничества необходимо продолжать взаимные конструктивные консультации.

7. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии, считая, что научно-техническое сотрудничество занимает важное место в связях между двумя странами, намерены и впредь развивать сотрудничество в области фундаментальных и прикладных исследований при соблюдении соответствующих национальных законов и правил, в том числе с учетом возможностей экономического и промышленного внедрения их результатов.

8. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии, исходя из того, что экономические и другие обмены между регионами обеих стран способствуют не только процветанию этих регионов, но и развитию двусторонних отношений в целом, соглашаются поощрять расширение таких обменов.

9. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии соглашаются развивать сотрудничество в рамках международной экономической системы, в частности, в различных международных финансовых институтах, членами которых они являются. Правительство Японии активно поддержало вступление России в МВФ, Всемирный банк и другие международные организации и окажет соответствующее содействие ее участию или вступлению в международные экономические организации, членом которых Россия не является.

10. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии, осознавая, что их страны являются важными соседями в азиатско-тихоокеанском регионе, полагают важным способствовать активизации экономических отношений между государствами региона с учетом общепризнанных принципов свободы торговли и открытого регионального сотрудничества.

11. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии, памятуя о состоявшихся в январе 1993 г. межправительственных консультациях по торгово-экономическим вопросам, подтверждают намерение проводить консультации по двусторонним вопросам, возникающим в связи с развитием торгово-экономических отношений между двумя странами, а также по международным экономическим проблемам, представляющим взаимный интерес.

12. Правительство Российской Федерации и Правительство Японии, исходя из намерения сбалансированно расширять отношения между двумя странами в целом, разделяют мнение о возможности выработки в дальнейшем соглашений и других соответствующих документов, если это будет признано необходимым и целесообразным для конкретизации положений настоящей Декларации.

Токио, 13 октября 1993 года

Президент
Российской Федерации

Премьер-министр
Японии

Подходы стран СВА к проблеме обеспечения безопасности после эпохи "холодной войны"

© 1993

В.Бунин

Многие российские и зарубежные исследователи отмечают, что благотворные последствия окончания "холодной войны" как бы не коснулись обширного азиатско-тихоокеанского региона и прежде всего жизненно важного для Российской Федерации района Северо-Восточной Азии. Однако эти утверждения носят довольно общий характер. Если же рассматривать положение в регионе более тщательно, можно и здесь заметить разительные позитивные перемены. Прежде всего в том, что впервые после многих лет безразличия к Дальнему Востоку в России появился свой внешнеполитический курс в СВА, который сформулирован Президентом РФ Борисом Ельциным во время его визитов в 1992 г. в Республику Корея и Китайскую Народную Республику, а также в апрельской (1993 г.) "Внешнеполитической концепции РФ", содержащей раздел по СВА.

Что касается Соединенных Штатов Америки, то этот регион долгое время оставался как бы на задворках их геополитических интересов. Они считали Тихий океан своим удельным озером, в котором их национальная безопасность была надежно гарантирована системой двусторонних договоров. Центром системы выступал Японо-американский договор о сотрудничестве и гарантии безопасности 1960 г. Вокруг него концентрировались договоры и соглашения США с Республикой Корея, Тайванем, Филиппинами, Таиландом, Сингапуром и другими странами. В совокупности они составляли прочно сложившуюся так называемую "американскую систему безопасности", принесшую СВА, как утверждают западные политологи, длительный мир, стабильность и экономическое процветание. Совсем недавно и администрация Клинтона пришла к выводу, что дальше жить старым багажом уже нельзя: новый мировой порядок настоятельно диктует необходимость пересмотра американской позиции в АТР, трансформации двусторонних отношений в некую многостороннюю структуру или механизм, которые больше соответствовали бы требованиям времени.

Касаясь российской концепции безопасности, нельзя оставить без внимания опубликованную в газете "Правда" 13.8.1993 г. статью известного ученого-китаеведа доктора Б.Занегина под заголовком <<"Холодная война" еще продолжается>>, в которой он обрушился с нападками на вытекающий из вышеупомянутой концепции внешнеполитический курс Российской Федерации. Автор приходит к заключению, что дипломатическая деятельность России в СВА на практике <<выливается в проведение недоброжелательной, а то и враждебной, по существу конфронтационной политики по отношению к социалистическим странам параллельно или совместно с США и другими

антикоммунистическими режимами, в грубое вмешательство России в "холодную войну" в АТР>>¹.

После такого утверждения так и хочется спросить, как же такой уважаемый исследователь рискнул перечеркнуть все усилия Москвы по активизации дипломатии на этом важнейшем для нее геополитическом направлении? Напрашивается вопрос, представляет ли доктор Занегин в чем заключаются национальные интересы России в этом регионе? Если да, то вряд ли он стал бы характеризовать внешнюю политику России как <<построенную на догмах антикоммунизма и однозначно ориентированную на США>>².

На самом же деле непредвзятый анализ <<внешнеполитической концепции>> России говорит о том, что она исходит из общих национальных интересов Российской Федерации, которые заключаются в следующем:

- во внутренней политике, которой отдается приоритетное направление, - сохранение России как целостного независимого, самостоятельного и демократического государства, а для этого прежде всего необходимо нормализовать управление государством; сохранение и формирование экономического пространства делового взаимодействия в рамках бывшего СССР; стабилизация экономики и финансов, создание социально ориентированной рыночной экономики и в конечном счете достижение экономического процветания; поэтапное осуществление конверсии при международной поддержке;
- во внешней политике - поддержание на должном уровне обороноспособности страны и обеспечение ее внешней безопасности; развитие дружественных политических и взаимовыгодных торгово-экономических отношений, коммуникаций, гуманитарных обменов со всеми государствами на глобальном и региональном уровнях, в том числе особенно в азиатско-тихоокеанском регионе, где Россия имеет довольно протяженную морскую границу; сохранение стабильного и безопасного мира в регионах, включая Северо-Восточную Азию, и на планете в целом, конструктивное участие в деятельности ООН и других международных организаций.

Как видно из этого далеко не полного перечня российских интересов, а их простое перечисление заняло бы несколько журнальных полос - да и вряд ли кто осмелился бы сформулировать их в полном объеме - почти все они направлены на обеспечение внутренней стабильности и достижение процветания многонационального государства. В этом состоит их коренное отличие от конфронтационной внешнеполитической доктрины бывшего СССР времен "холодной войны". Однако Российская Федерация не отказывается ни в каком аспекте от своей геополитической и стратегической роли в АТР и наоборот намерена активно участвовать во всех мероприятиях этого обширного региона, в том числе и в создании надежного механизма по обеспечению коллективной безопасности, но это вовсе не означает, что она ведет конфронтационную политику.

Какие же новые вызовы выдвигаются в нынешних условиях перед государствами Северо-Восточной Азии, включая Россию, которые противостоят национальным интересам стран региона и перспективам создания надежной системы коллективной безопасности? Это прежде всего появление тенденций к гегемонизму на мировой арене и в регионе. Сюда же следует отнести региональные и этнические конфликты, происходящие также внутри России и в ее ближайшем зарубежье; сохранение имеющихся и стремление к созданию новых замкнутых военно-политических союзов; выступление ряда стран с территориальными притязаниями к другим государствам. Это касается и достаточно спорных японских посягательств на так называемые "северные территории", принадлежащие Российской Федерации. Безусловно, в этот перечень необходимо включить существующие ограничения в свободной торговле, препятствия обмену передовыми технологиями. Хотя на шюльском "саммите семерки" в Токио и были сделаны заверения, что ограничения

КОКОМ по отношению к России будут устранены до конца нынешнего столетия, Москва не могла не почувствовать, что к ней проявляется такое же недоверие, как это было в период "холодной войны", рудименты которой просматриваются еще во многом, но во всяком случае не в политике Российской Федерации.

Любые формы идеологизации межгосударственных отношений - это также одна из разновидностей новых вызовов, которые приходится преодолевать современной дипломатии. Россия, как известно, не выступает против существующих в СВА двусторонних договоров, составлявших систему безопасности США и их союзников в период "холодной войны". В то время эта система, видимо, себя оправдывала. Однако в новых условиях, после "холодной войны," назрела насущная необходимость, чтобы в являющемся центральным в системе союзов в регионе американо-японском "пакте безопасности" стороны в какой-либо форме продекларировали, что он впредь не будет направлен против других стран региона. Это - веление времени!

К перечню новых вызовов следует отнести: торговлю наркотиками, расширяющийся терроризм, пиратство, а также доставшиеся в наследство от "холодной войны" и продолжающиеся широкомасштабные совместные учения ВМС и других видов вооруженных сил вблизи территорий других государств.

Особую опасность приобретает вероятность распространения ядерного, химического и других средств массового уничтожения. Нельзя не замечать наращивания в регионе обычных вооружений, что, безусловно, ведет к повышенной милитаризации развивающихся стран. Немалую озабоченность России и других государств региона вызвала предпринятая Пхеньяном попытка выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия; в связи с этим настораживают и ракетно-ядерные амбиции КНДР. Тревожно звучат также и раздающиеся из Токио голоса о том, что в случае появления ядерного оружия в Северной Корее, токийское руководство может пойти на пересмотр своих оборонительных концепций.

В вышесприведенный перечень вызовов и угроз, которые составляют предмет озабоченности российского руководства, непременно включается и экологическая безопасность.

Чтобы противостоять совместно с другими государствами региона этим вызовам и угрозам, Россия осуществляет широкий комплекс мероприятий, хорошо понимая, что ни одно государство, каким бы могучим оно ни было, не может самостоятельно решить все возникающие при этом проблемы.

Прежде всего руководство России исходит из того, что ее вооруженные силы на Дальнем Востоке должны служить гарантом стабильности и безопасности, а не нести угрозу для других государств. Эту свою политику Российская Федерация осуществляет путем значительного сокращения боевого состава Тихоокеанского флота; снятия с боевого дежурства части ракетно-ядерных подводных сил и стратегических бомбардировщиков; полной ликвидации ракет средней и меньшей дальности, располагавшихся в азиатской части России (кстати, сейчас ни одна стратегическая ракета не направлена против какого-либо азиатского государства); сокращения своего военного присутствия на южных островах Курильской гряды, вплоть до его полной ликвидации; снижения уровня военного контингента, расположенного вдоль российско-китайской границы; неукоснительной реализации обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия, а также о неприменении его первым.

Политика по обеспечению безопасности реализуется Россией в ходе таких мероприятий, как укрепление и модернизация обычных вооруженных сил при последовательном сокращении их численности на основе концепции оборонительной достаточности; сохранение ядерного потенциала на уровне, предусмотренном договором по СНВ-2 и другими обязательствами; продление моратория на ядерные испытания еще на 1 год, если какая-либо из сторон не возобновит их первой; поддержание стабильных и многосторонних связей с

другими странами в интересах сотрудничества и безопасности в регионе. Моделью такого позитивного сотрудничества могут служить российско-китайские переговоры о демилитаризации общей границы между двумя странами, а также соглашения РФ и США по вопросам безопасности и разоружения. Безопасность России обеспечивается и проведением курса на политическое решение кризисных ситуаций в регионах. Россия поддержала позицию семерки на "саммите" в Токио, высказавшуюся в пользу создания переговорного механизма контроля за политическим решением конфликтов в СВА.

Если более детально рассматривать стратегию России в Северо-Восточной Азии с точки зрения обеспечения безопасности и стабильности, мира и процветания всего азиатско-тихоокеанского региона, то прежде всего следует исходить из того, что Российская Федерация, являясь евразийским государством, рассчитывает на всестороннее участие во всех региональных структурах, формируемых с целью обеспечения вышеперечисленных задач в субрегионе Северо-Восточной Азии. При этом не в роли младшего партнера, как утверждает Б.Зансгин, а как равноправное с другими членами государство. Кстати, президент США Билл Клинтон, говоря о роли России в АТР, назвал ее "великой тихоокеанской державой".

Для обеспечения своей стратегии в Северо-Восточной Азии Россия нуждается в международной поддержке проводимых ею преобразований, в поддержке моральной, духовной, нравственной. Причем Москва рассчитывает не столько на финансовые инъекции и гуманитарную помощь, сколько на налаживание широкого делового сотрудничества, на снятие всех ограничений на поставки высоких технологий, в том числе из Японии. Говоря о технологической роли Японии в рамках региона, видный японский политический и общественный деятель, бывший премьер-министр Страны восходящего солнца Ясухиро Накасонэ в своем труде "После холодной войны" подчеркивает, что его страна только тогда прочно утвердится на мировой арене, когда наладит <<процесс передачи технологий и принятия мер по защите окружающей среды>>³. Несмотря на неоднократные заявления президента США Б.Клинтона о том, что он ликвидирует барьеры в торговле с Россией, подходы участников прошедшего в начале июля 1993 г. совещания семи высокоразвитых стран мира в Токио оказались в этом плане, как отмечалось выше, в духе времен "холодной войны."

России мог бы пригодиться опыт стран, в которых уже происходили или происходят процессы, сходные с теми, которые сейчас отмечаются у нас: в Японии - в 50-60-е годы, в Республике Корея, Тайване, Гонконге, Сингапуре, Малайзии, Таиланде и Индонезии - в недавнем прошлом и вплоть до настоящего времени.

Москва хотела бы не только обезопасить свои границы, в том числе и дальневосточные, но и исключить какое-либо вмешательство извне в свои внутренние дела.

Россия не заинтересована в изоляции своей азиатской части от внешнего мира, в том числе и от государств Северо-Восточной Азии. Составляя планы развития сибирских и дальневосточных районов, Россия рассчитывает на участие тихоокеанских стран, в первую очередь государств северо-западной части Тихого океана, в развитии ее восточных районов, в освоении огромных природных ресурсов, создании здесь инфраструктуры, необходимой для инкорпорации этой части России в систему экономических связей в АТР.

Необходимо подчеркнуть еще раз, что вхождение РФ в мировое сообщество подразумевает и ее равноправное, а не какое-нибудь косвенное или второстепенное участие во всех процессах, происходящих в АТР. К сожалению, некоторые страны этого региона, и в первую очередь Япония, опасаясь конкуренции и снижения уровня своего влияния, никоим образом не заинтересованы в присутствии здесь России.

Похоже, что к региону АТР стали проявлять интерес, помимо России, и другие республики СНГ. Так, например, президент Казахстана Н.Назарбаев,

выступая на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1992 г., заявил: "Второй аспект, на котором я хотел бы остановиться, это проблема мира и безопасности на нашем континенте - Азии, или еще шире - Евразии. Речь идет об инициативе Республики Казахстан по проведению Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)"⁴. По Назарбаеву, эта Ассамблея к концу XX века должна трансформироваться в Совещание по безопасности и сотрудничеству в Евразии, а в начале XXI века - подготовить объединение континентальных систем коллективной безопасности Азии, Европы, Африки и Америки в единую всемирную систему коллективной безопасности и сотрудничества. Однако реальное положение подсказывает, что эта идея в обозримом будущем вряд ли осуществима. Скорее всего о ней вскоре забудут, как было с брежневской идеей коллективной безопасности в Азии и горбачевской идеей азиатского совещания, так как условия для формирования такой системы еще не созданы. Но это указывают многие исследователи. Как пишет, например, в журнале "Ляован" китайский ученый Вань Гуан, несмотря на общую стабильность в АТР и в Восточной Азии, "многие страны региона по мере сдвигов в мировой обстановке вносят коррективы в свою политику и планы, а в соотношении и расстановке сил в регионе сейчас происходят глубокие изменения" и далее Вань констатирует, что "в АТР будет продолжать развиваться тенденция к многополярности"⁵.

В свою очередь, само руководство крупнейшей азиатской державы - Китайской Народной Республики - считает, что в ближайшей перспективе возникновение новой мировой войны вряд ли возможно. Однако полностью военная опасность не устранена. К числу угрожающих безопасности Китая факторов руководство страны относит прежде всего тайваньскую проблему, нерешенность вопросов о "спорных" участках на государственных границах прежде всего с Индией, конфликты по поводу принадлежности ряда островов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, проблему континентального шельфа в морских районах, граничащих с Южной Кореей и Японией, возможность вмешательства соседних государств во внутренние дела Китая (например, прямая поддержка Индией тибетских сепаратистов). Большая часть этих проблем относится к сфере территориальных разногласий, имеет глубокие исторические корни и носит долгосрочный характер. Китай стремится ко все более активному участию в решении глобальных и региональных проблем, связанных с международной безопасностью. Руководство страны считает, что в наибольшей степени этой задаче отвечают такие аспекты политики КНР, как неучастие в каких-либо военных блоках и союзах, отсутствие военных баз на территориях других государств, обязательство не применять ядерное оружие первым и не использовать его против безъядерных зон и государств, не имеющих ядерного оружия на своих территориях, безусловное запрещение химического и других видов оружия массового поражения. В плане обеспечения региональной безопасности важное место занимает становящийся все более инициативным курс Китая на возрождение добрососедских отношений со всеми сопредельными ему государствами, странами - членами АСЕАН и другими государствами региона, в том числе входящими в военно-политические союзы.

Исходя из принципов "самостоятельности и независимости" внешней политики, а также непрерывно рстущего экономического потенциала (КНР сохраняет сейчас самый высокий в мире экономический рост - до 12% в год), Пекин пока отклоняет идею коллективной региональной безопасности.

Китай осуществляет модернизацию своего военно-морского флота, что вполне естественно для суверенного государства, которое до сих пор практически океанского флота не имело. В то же время это вызывает опасения у соседних с ним азиатских государств. К середине 90-х годов Китай будет иметь возможность «размещения в открытом море военно-морских сил, состоящих из многих кораблей, поддерживаемых бомбардировщиками дальнего радиуса действия с противокорабельными ракетами»⁶. Настораживает соседей также

расширяющаяся продажа Китаем ракет класса корабль - корабль (Таиланду в 1990 г.)⁷.

Усиливается реальная возможность превращения Китая в крупную региональную силу, которая может существенно влиять на обстановку не только в регионе СВА, но и в глобальном масштабе.

Попытки КНДР выйти из Договора по нераспространению ядерного оружия и ракетно-ядерные амбиции Пхеньяна серьезно осложнили проблемы безопасности в Азии. В Российских средствах массовой информации преобладает мнение о том, что начавшиеся было закладываться основы коллективной безопасности в СВА оказались существенно подорванными. Демарш Северной Кореи, как утверждает "Красная Звезда", вверг Азию в неотмечавшуюся ранее нестабильность и стратегическую неопределенность⁸. В связи с этим высказывалось даже предположение о том, что идея реализации коллективной безопасности в Азии в настоящее время кажется маловероятной. Хотя эти оценки следует рассматривать как крайние, тем не менее этот пхеньянский демарш, несомненно, существенно затормозил политическое урегулирование на Корейском полуострове.

Что касается США, то американские ученые, и в частности Джеймс Гудби, профессор Университета Карнеги Меллон, считают, что стабильная региональная система в АТР, включающая США, Китай, Японию, Республику Корея, КНДР и Россию, может базироваться на четырех основных руководящих организационных принципах: гегемония, баланс сил, коллективная безопасность и консенсус (согласие)⁹. Нынешняя система, по Гудби, не соответствует ни одному из перечисленных принципов: ни одна из стран не имеет соответствующего потенциала и, следовательно, не может претендовать на роль гегемона в регионе: у Японии, кроме экономической мощи нет других рычагов для проявления гегемонистских амбиций; военно-экономическая мощь США как атрибут сверхдержавы не переросла в регионе в разряд гегемонистских; Китай и Россия, занятые внутренними делами, не претендуют на гегемонию, другие державы по совокупности своих потенциалов не могут выступать в этой роли. Это мнение видного американского исследователя по-видимому близко к истине. Во всяком случае многие ученые из стран Северо-Восточной Азии считают, что США, довольно резко высказавшиеся по результатам формирования Европейского сообщества, с сомнением относятся к идее создания экономического и политических объединений в регионе СВА и не определили своего четкого отношения к региональным объединениям в АТР. Их вполне устраивает существовавшая до сих пор структура безопасности на основе двусторонних договоров, которую в настоящих условиях следовало бы лишь немного модифицировать. При этом непонятными остаются роли, которые США отводят России и Китаю.

Правительство Японии поддерживает позицию США в сохранении и частичной модификации существовавшей до сих пор американской системы безопасности, основанной на двусторонних договорах. В то же время, по мнению японского академического мира, уже давно назрела необходимость в региональном союзе коллективного обеспечения безопасности, а также в региональных договорных отношениях.

В случае создания регионального союза коллективного обеспечения безопасности необходимо, как считают японские исследователи, прежде всего обдумать меры по созданию отношений подлинного сотрудничества или по меньшей мере взаимного понимания, без этого не может быть достигнуто осознание опасности противостояния военных блоков. Говоря конкретнее, вопреки логике существовавшей до сих пор силовой политики отдельные влиятельные государства из соседних союзов обеспечивали между собой эффективное сосуществование. Возможно, следует подумать вначале о <<союзе, способном принимать серьезные решения>>¹⁰. Кроме того, было бы желательно разработать на определенном уровне организационные решения между

различными, не являющимися соседями, союзами (например, обсуждение глобальных проблем разоружения). Такую структуру можно было бы назвать "азиатским домом", который решал бы вышеназванные проблемы - считают японские исследователи¹.

Многие аналитики сходятся во мнении, что региональные союзы, не включающие в себя влиятельные страны, может быть и могут существовать по воле небольших групп, обладающих правом вето, однако они не могут достаточно эффективно обеспечить безопасность в регионе. Возможно, к такому роду союзов принадлежит АСЕАН, которая пользуется покровительством американской военной мощи (через Филиппины, Таиланд, Сингапур), что и явилось одной из причин ее успеха. АСЕАН и Азиатско-Тихоокеанский экономический форум (АТЭФ) имеют, пожалуй, наибольшие шансы для того, чтобы стать центрами будущих региональных структур в АТР.

Среди успешно функционирующих институтов АСЕАН выделяются раздвигающие свои рамки расширенные совещания министров иностранных дел по формуле "6 + 5 + X", где 6 - асановская "шестерка" (Сингапур, Филиппины, Таиланд, Малайзия, Индонезия, Бруней), 5 - тихоокеанская "пятерка" (США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия), X - ЕС, Республика Корея, а также возможные в будущем другие члены сообщества. На очереди - подключение к этому форуму России и Китая в качестве уже не гостей, а участников. В июле 1992 г. и августе 1993 г. впервые за советский и постсоветский период в работе расширенного совещания министров иностранных дел стран АСЕАН принял участие (наряду со своими китайским, вьетнамским и лаосским коллегами) министр иностранных дел России. Расширенные совещания министров иностранных дел стран - участниц АСЕАН при дальнейшем пополнении их состава представляют собой почти готовую структуру регионального взаимодействия в АТР, способную стать основой формирования коллективной безопасности в СВА.

Своеобразную модель восточно-азиатского порядка предложил профессор Сеульского национального университета Ян Сун Чуль². Он назвал ее моделью "летающего змея", или восточно-азиатским режимом коллективного мира и процветания. В центре такого бумажного змея находится Корейский полуостров с расположенными на нем двумя государствами: КНДР и Республикой Корея, а по четырем углам располагаются СНГ (Россия), Япония, Китай и США. В будущем предполагается, что после объединения центральную роль в нем займет единая Корея, в настоящее время центральные функции могла бы взять на себя Республика Корея.

Корейский ученый обосновывает, почему именно Республика Корея должна занять центрально-объединительную роль следующими факторами:

Во-первых, центральный орган региона не должен иметь наступательного потенциала и нести в себе какие-либо угрозы по отношению к другим государствам, образующим структуру модели. По этому параметру Сеул отвечает выдвинутым условиям:

Во-вторых, центральное руководство не должно находиться в конфликте с остальными четырьмя государствами. Южная Корея соответствует этим требованиям. Другие же государства в различное время, в прошлом и настоящем, находились в конфликтных отношениях между собой:

В-третьих, Республика Корея может выступать в качестве третьей силы не только по проблемам безопасности, но и в экономической области. Динамично развивающаяся экономика страны позволяет ей выполнить данную функцию.

Но модель "летающего змея" гипотетически возможна лишь тогда, когда мир не пойдет по пути развития силовой политики и концентрации ее у великих держав, если региональный порядок будет строиться на таких общих ценностях, как демократия, защита человеческих прав, уважение международных законов,

а также таких институтов как ООН. Хотя эта модель и получила позитивные отзывы оппонентов, в настоящее время она представляется утопической.

Краткий анализ национальных интересов России и ее подхода к проблеме обеспечения безопасности в СВА показывает, что при разработке внешнеполитической концепции в СВА российское руководство исходило из предпосылок, что после утраты ряда черноморских и балтийских портов и гаваней Дальний Восток становится главным форпостом и морскими воротами РФ в Азию. Рассмотрение позиций основных государств региона по вопросу формирования органа, способного выступать в качестве координирующего центра, который мог бы объединить совпадающие интересы всех государств СВА и направить их на обеспечение стабильности мира и процветания, свидетельствует о множественности подходов, о том, что этот процесс пойдет по весьма длительному и непростому пути, что он имеет свою специфику, разительно отличающуюся от процесса СБСЕ, хотя некоторые европейские мероприятия и могут быть наложены на общую карту формирования переговорного механизма в азиатско-тихоокеанском регионе в целом и субрегионе Северо-Восточной Азии в частности.

1. Правда. - 1993. - 13 августа.
2. Там же.
3. Ясухиро Накасонэ и др. Рэйсэи нго (Кедо кэнкию) (После "холодной войны". Совместное исследование.) - Токио, 1992. - С. 225.
4. Казахская правда. - 1992. - 9 октября.
5. Азиатско-тихоокеанский регион: некоторые вопросы текущей повестки дня: Информационные материалы ИДВ РАН. - М., 1993. - Вып. 2. - С. 78.
6. Gary Clintworth. "China's New Navy" // Pacific Research. - V. 2. - May 1989. - P. 7.
7. Азиатско-тихоокеанский регион: некоторые вопросы текущей повестки дня... - М. 49.
8. Красная Звезда. - 1993. - 1 апреля.
9. Goodby E. James. Cooperative Security in Northeast Asia // Scientific Papers of Carnegie Mellon University. - 1992. - July 14. - P. 6.
10. Накасонэ Я. и др. Указ. соч. - С. 218.
11. Там же. - С. 218-219.
12. Sino-Soviet Affairs. - V. 3. - N 16. - The Institute for Sino-Soviet Studies, Hanyang University. - Seoul, 1992. - P. 166-168.

Роль внешнеэкономических связей в формировании динамичной модели устойчивого развития азиатских НИС

© 1993

В. Андрианов*

В послевоенный период на фоне бурного развития мирового хозяйства отдельные страны продемонстрировали еще более феноменальные достижения в экономической и социальной сферах. С определенным временным лагом в мировой экономике наблюдались западногерманское экономическое "чудо", итальянское, японское, бразильское и, наконец, "чудо" новых индустриальных стран Азии.

При этом созданная в этих странах социально-рыночная экономика отличалась достаточной устойчивостью как к внутренним противоречиям развития, так и к внешним дестабилизирующим факторам. Под устойчивостью автор понимает динамизм экономического развития, социальную стабильность и относительное экологическое равновесие.

При всем различии причин стремительного экономического взлета этих стран прослеживаются общие закономерности. В основе их поразительных успехов лежит совокупность внутренних и внешних факторов, рациональное использование которых в конечном счете и определило динамизм и устойчивость их социально-экономического развития.

Особо следует остановиться на роли внешних факторов, без многих из которых не могло состояться ни одно европейское, ни одно азиатское "чудо". Для НИС Азии бурный рост внешнеэкономических связей не был логическим результатом внутреннего развития. Скорее наоборот: форсированное развитие внешних связей стало катализатором роста внутренней экономики и способствовало созданию рыночных механизмов, обеспечивающих динамизм и устойчивость экономического роста.

Наиболее наглядно влияние внешнеэкономических связей на формирование в НИС Азии адекватной развитым странам устойчивой экономической модели можно проследить, используя инструментарий системного анализа. Для этого всю группу индустриально развитых государств представим как единую систему, имеющую общие признаки. Среди них наиболее существенны: характер производственных отношений (приоритет частной собственности и свободы предпринимательства), ориентация производства на рынок с эффективными механизмами регулирования народнохозяйственных пропорций; уровень развития производительных сил (наличие транснациональных корпораций и банков, активное участие в международном разделении труда); приоритетное развитие наукоемких отраслей; высокая конкурентоспособность экономики; наличие функциональных систем, обеспечивающих процесс саморазвития, и др.

Группа индустриально развитых стран как система является саморазвивающейся и открытой, т.е. находится в состоянии развития и взаимодействия с внешней средой. В нашем случае внешней средой для индустриально развитых стран будут азиатские НИС.

По определению системного анализа, взаимодействие открытых систем с внешней средой в самом общем виде проявляется в обмене веществом, энергией и информацией.

В экономических системах аналогами вещества, энергии и информации, очевидно, будут сырье, полуфабрикаты, готовые изделия, техника, технология, лицензии, патенты, "ноу-хау", предпринимательские и ссудные инвестиции, научные разработки и квалифицированная рабочая сила и др. Обмен ими представляет собой не что иное, как внешнеэкономические связи.

Если следовать положениям системного анализа, то в процессе взаимодействия система и внешняя среда должны взаимопроникать друг в друга. Причем, чем длительнее взаимодействие и шире сфера обмена, тем глубже и взаимное проникновение.

При этом действуют законы отражения и регуляции. Под отражением следует понимать свойство системы воспроизводить присущие ей особенности в форме, адекватной своей организации, т.е. под влиянием взаимодействия системы с внешней средой, последняя должна деформироваться и преобразоваться в самостоятельную систему. Фактически саморазвивающаяся система через отражение и регуляцию должна создавать во внешней среде новую, себе подобную систему.

Чтобы проследить действие этих законов в процессе формирования в НИС Азии адекватных индустриально развитым странам экономических структур, изобразим экономический механизм в упрощенной абстрактной схеме, которая в самом общем виде отражает цель, способ и средства производства и представляет собой открытую саморазвивающуюся систему (см. схему 1).

Развитые капиталистические страны

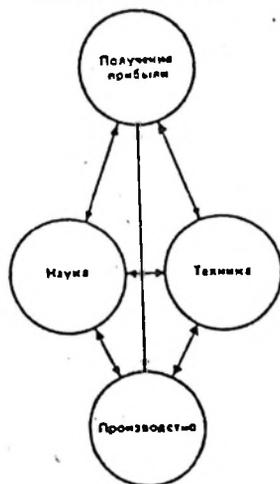

Схема 1

Поскольку ранее азиатские НИС относились к разряду развивающихся стран, в их экономическом механизме отсутствовали два важных элемента - "техника" и "наука", поэтому схематически процесс производства в этих странах в тот период можно изобразить в следующем виде (см. схему 2).

Развивающиеся страны

Схема 2

На первом этапе экономическое взаимодействие развитых стран с будущими НИС осуществлялось в основном на уровне "производства" (условное обозначение на нашей схеме) и ограничивалось внешнеторговыми связями, где превалировал обмен готовой промышленной продукции развитых стран на сырьевые товары будущих НИС (см. схему 3). На этом этапе доминирующей формой внешнеэкономических связей была внешняя торговля. Структура экспорта будущих НИС Азии характеризовалась узостью номенклатуры с преобладанием сырьевых товаров.

Развитые капиталистические страны

Развивающиеся страны

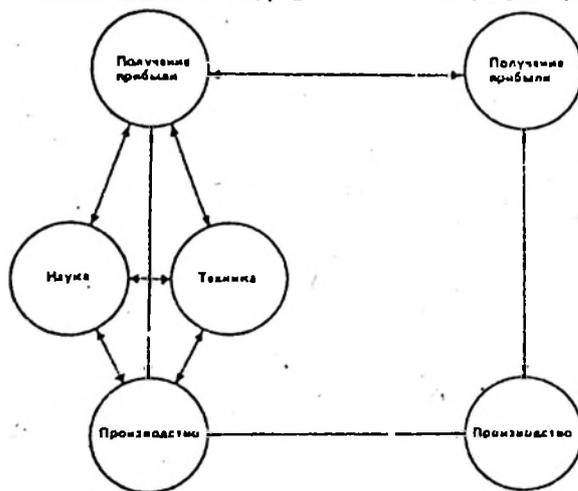

Схема 3

В этот период в характере взаимоотношений между двумя группами стран доминирующим было ярковыраженное субординирующее влияние

промышленно развитых государств, что отражалось на формах сотрудничества и зависимости. Фактически речь здесь идет о колониальной или неоколониальной форме взаимоотношений.

Очевидно, что такой характер внешней зависимости сказывался на НИС Азии, экономика которых в этот период отличалась неустойчивостью и была очень чувствительна к внешним изменениям. Устойчивость экономического развития нарушалась под влиянием мировых экономических кризисов (как циклических, так и структурных), изменений мировой конъюнктуры по основным товарам экспорта НИС Азии, колебаний валютных курсов, биржевых котировок в промышленно развитых странах и др.

На втором этапе взаимодействие между развитыми странами и НИС Азии распространилось на другой уровень нашей схемы - "техника" (см. схему 4).

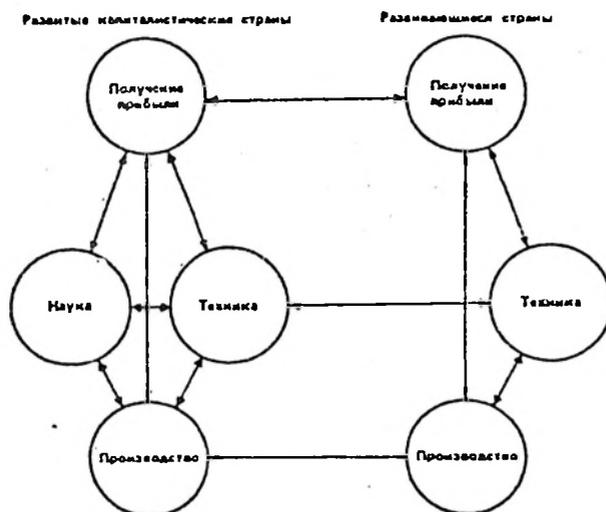

Схема 4

В это время торговое сотрудничество стало дополняться активным вывозом капитала из индустриальных держав, которое сопровождалось поставками машин, оборудования, современной техники, технологии, продажей патентов, лицензий, "ноу-хау" и др.

В этот период внешние финансовые ресурсы, техника и технология направлялись на создание промышленной инфраструктуры и развитие импортозамещающих отраслей. Поскольку большинство азиатских НИС в то время имели достаточно узкий и неразвитый внутренний рынок, благодаря политике импортозамещения удалось достаточно быстро насытить внутренний рынок потребительскими товарами.

Ограниченность внутреннего рынка НИС Азии была основным сдерживающим фактором для дальнейшего развития экономики, что потребовало изменения общей концепции развития. Именно в этот период начинает формироваться политика ориентации на экспорт.

Новая стратегия органично вписывалась в структурную перестройку экономики индустриально развитых стран, в изменения международного разделения труда. Для этого периода развития мирового хозяйства характерны формирование крупных транснациональных корпораций и активный перенос отдельных отраслей промышленности в развивающиеся страны, в том числе в будущие азиатские НИС.

Таким образом, на втором этапе доминирующей формой внешнего воздействия на экономику азиатских НИС было перемещение в эти страны отраслей, достигших стадии зрелости в промышленно развитых странах. Этот процесс сопровождался поставками в НИС Азии промышленного и технологического оборудования и ростом иностранных капиталовложений.

Трансформация народнохозяйственных структур в азиатских НИС проходила под воздействием импорта иностранного капитала. Большая часть всех финансовых ресурсов поступала в виде ссудного капитала, который превратился в основную форму вывоза капитала из промышленно развитых государств.

Экспорт капитала в азиатские НИС осуществлялся как по государственной, так и по частной линии на двусторонней и многосторонней основах, на льготных и коммерческих условиях. При этом прослеживаются определенные закономерности. Сначала была государственная помощь развитию, затем последовали кредиты на осуществление крупных инвестиционных проектов, экспортные кредиты и, наконец, займы на обслуживание внешнего долга.

В отличие от НИС Латинской Америки, у которых импорт ссудного капитала и его нерациональное использование привели к образованию огромного внешнего долга и дестабилизации экономики, азиатские НИС смогли избежать долговой кабалы.

Азиатским НИС удалось создать весьма эффективные механизмы использования ссудного капитала и сформировать достаточно широкий инструментарий обслуживания внешнего долга. Сюда входят прежде всего доходы от экспорта товаров, валютные поступления от туризма, перевод дивидендов на предпринимательские инвестиции за рубежом, доходы от экспорта услуг (транспортные, валютно-финансовые, информационные и др.).

Вместе с тем, оценивая относительную предпочтительность привлечения капиталов в предпринимательской и ссудной формах, следует подчеркнуть, что прямые инвестиции имеют ряд преимуществ. Прежде всего активизируется деятельность частного сектора, расширяется выход на внешние рынки и облегчается доступ к новым технологиям и методам управления. В этом случае больше вероятность реинвестирования прибыли внутри страны, чем их вывоза. Кроме того, приток предпринимательского капитала не увеличивает внешнюю задолженность.

По нашим оценкам, за период с 1970 г. по 1990 г. в экономику НИС Азии в форме прямых инвестиций было вложено более 50 млрд. долл.¹, из которых большая часть приходится на японские и американские транснациональные корпорации.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что эффективному функционированию иностранного капитала способствовала государственная политика НИС Азии, направленная на привлечение зарубежного опыта, капиталов и технологий, активизацию деятельности частного сектора, создание валютно-финансового механизма, обеспечивающего подъем деловой активности и стимулирующего предпринимательскую деятельность местного капитала.

Приток иностранного капитала и ТНК обострили конкурентную борьбу на внутренних рынках НИС. В создавшихся условиях экономическое выживание местных компаний во многом определялось их конкурентоспособностью и динамизмом. Филиалы и дочерние фирмы ТНК оказали обучающее и стимулирующее воздействие на национальные фирмы, вынуждали их быстрее осваивать передовой технический опыт, совершенствовать технологию, методы управления, развивать научно-техническую базу. В отличие от многих других развивающихся стран азиатским НИС удалось наиболее эффективно использовать иностранные инвестиции и те преимущества, которыми обладают транснациональные корпорации, для ускорения экономического развития.

Следует подчеркнуть, что именно транснациональные корпорации сыграли решающую роль в формировании экспортного потенциала азиатских НИС. Создание предприятий, ориентированных на внешний рынок, отвечало взаимным интересам ТНК и принимающих стран. Перенос производства в азиатские НИС, транснациональные корпорации значительно сокращали издержки производства путем соединения относительно дешевой, но достаточно квалифицированной местной рабочей силы с вещественным фактором (в виде капитала, машин, оборудования, полуфабрикатов, сырья), первоначально практически полностью привносимым извне.

В результате произошли существенные сдвиги в народнохозяйственной структуре НИС, на одно из ведущих мест вышла обрабатывающая промышленность, значительно возрос экспорт промышленной продукции, диверсифицировалась структура вывоза. Сформировалась устойчивая обратная связь. В индустриально развитые страны из НИС Азии хлынул поток конкурентоспособных промышленных товаров, которые для большинства азиатских НИС превратились в основную статью их экспорта.

Создание экспортного потенциала стало для НИС Азии не только важным источником получения твердой валюты, но и дополнительным фактором роста валовых внутренних накоплений, используемых для нужд расширенного воспроизводства. Увеличение вывоза готовых изделий обогатило структуру экспорта, а рост валютных доходов позволил расширить импорт современной техники и технологии, потребительских товаров.

Кроме того, экономическое развитие, ориентированное на внешний рынок, дало возможность азиатским НИС держать руку на пульсе научно-технического прогресса. Именно на мировом рынке проявляется конкурентоспособность выпускаемой продукции, выявляются сильные и слабые стороны местной промышленности.

Таким образом, под воздействием иностранных инвестиций и ТНК в азиатских НИС была создана устойчивая экономическая структура, которая способна быстро адаптироваться к постоянно меняющейся конъюнктуре мирового рынка. Экспортный сектор стал доминирующим в экономике азиатских НИС. Важную роль сыграли транснациональные корпорации в продвижении продукции азиатских НИС на мировые рынки. Первоначально эта продукция реализовывалась через сбытовую сеть западных ТНК. В частности, на японском рынке электронная и электротехническая продукция южнокорейской фирмы "Самсунг" продавалась японской ТНК "Хитати" под ее фирменным знаком, аналогичная продукция южнокорейской фирмы "Дэу" реализовывалась японской компанией "Мацусита" под ее фирменным знаком. На рынке США изделия южнокорейских компаний продавались американскими ТНК под торговым знаком "Сельвэния". Гонконгская и тайваньская продукция легкой и электронной промышленности поступает в торговую сеть Великобритании с фирменными знаками "Джегер", "Кларк".

Расширению экспорта товаров из азиатских НИС способствовала также политика ряда промышленно развитых стран, которые стимулировали импорт готовых изделий в рамках Общей системы преференций (ОСП), предусматривающей льготное налогообложение для экспортеров из развивающихся стран в целях облегчения их доступа на западный рынок и стимулирования национального экспорта. В конце 80-х годов азиатские НИС ежегодно экспортировали товаров в США по льготным таможенным ставкам на сумму свыше 10 млрд.долл.²

Используя налаженную торговую инфраструктуру западных ТНК, а также таможенные льготы, компании из азиатских НИС смогли закрепиться на рынках промышленно развитых государств. Расширить свои позиции на этих рынках азиатским фирмам удалось также за счет высокой конкурентоспособности экспортной продукции. По данным швейцарской исследовательской организации "Уорлд экономик форум", которая проводит

регулярно (с 1980 г.) анализ конкурентоспособности экономик отдельных стран, в последнее десятилетие азиатские НИС занимают ведущие места среди развивающихся стран. В 1991 г. эти места распределялись следующим образом: Сингапур (1-е), Гонконг (2-е), Южная Корея (3-е), Тайвань (4-е), Малайзия (5-е), Таиланд (8-е)³.

Конкурентоспособность продукции азиатских НИС находится в прямой зависимости от многих разноплановых факторов. Среди них первостепенное значение имеют производительность труда и издержки на заработную плату, поскольку именно в процессе производства закладываются материальные основы конкуренции, которые проявляются на рынке через сравнительный уровень прибыльности и рыночных цен.

Благодаря эффективному использованию импортной передовой техники и технологии, достижений научно-технической революции, современных методов организации управления производством, подготовке высококвалифицированных кадров многие компании азиатских НИС смогли добиться высоких темпов роста производительности труда, которые в отдельные годы были выше, чем в индустриально развитых государствах.

Высокий уровень производительности труда и более низкие издержки на заработную плату давали возможность компаниям из НИС Азии использовать такой важный фактор конкурентоспособности, как цена товара. Являясь в основном производным от внутренних условий создания потребительских стоимостей, на внешнем рынке цена товара для азиатских НИС имела первостепенное значение.

В 70-е годы и в первой половине 80-х годов значительно дешевле западных аналогов продавались товары из азиатских НИС на рынках швейной, обувной, текстильной, электронной и электротехнической, сталелитейной, станкостроительной, судостроительной и автомобильной продукции и др., что позволило по ряду изделий занять доминирующие позиции на мировом рынке. По нашим расчетам, на долю НИС Азии в начале 90-х годов приходилось 58% мирового экспорта обуви, 55% одежды, 45% бытовой электронной аппаратуры, 42% электронных компонентов, 40% игрушек, 25% текстильных изделий, 20% оборудования связи⁴.

Эта ситуация напоминает 60-е годы, когда началось проникновение японских товаров на основные мировые рынки сбыта. В то время основной причиной расширения экспорта продукции японских фирм были низкие цены, обусловленные способностью производить товары дешевле конкурентов. В 80-е годы такой способностью в большей степени обладали компании из азиатских НИС.

Оценивая в целом характер взаимодействия НИС Азии с промышленно развитыми странами на втором этапе, необходимо отметить, что формы внешнеэкономических связей значительно диверсифицировались благодаря подключению инвестиционного и технического сотрудничества. На этом этапе взаимодействие и зависимость стали структурно-технологическими при сохранении субординирующего влияния промышленно развитых государств на азиатские НИС. В этот же период в экономике НИС Азии начинают формироваться функциональные системы, которые обеспечивают саморегуляцию и значительно повышают динамизм и устойчивость экономических систем. В частности, среднегодовой темп прироста ВВП азиатских НИС в период 1970-1990 гг. составлял 7,1% против 3,4% в промышленно развитых государствах⁵.

С конца 80-х годов в мировой экономике началось определенное выравнивание национальных условий производства в обрабатывающей промышленности развитых стран и НИС Азии вследствие сближения уровней производительности и оплаты труда. В этих условиях на первый план в конкурентной борьбе выходят неценовые факторы, из которых важнейшее значение приобретает качество товаров, новизна и наукоемкость изделий.

Реально сознавая, что сохранить завоеванные позиции на внешнем рынке можно лишь путем глубинных изменений в структуре национальной экономики, многие азиатские НИС сделали ставку на приоритетное развитие наукоемких отраслей. Поэтому на третьем этапе в структуру взаимодействия НИС Азии с промышленно развитыми странами подключается наука (см. схему 5).

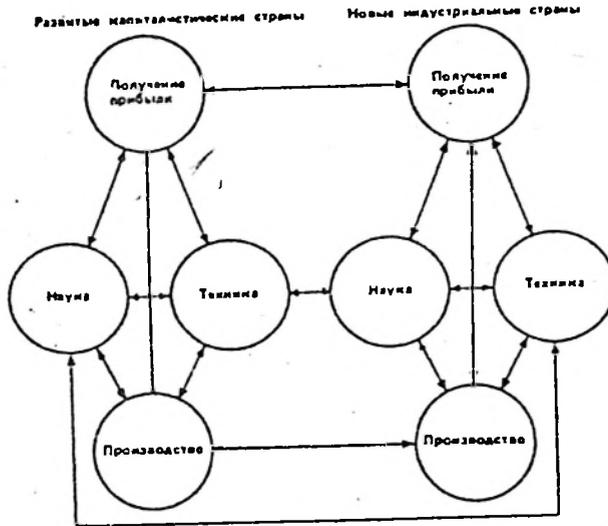

Схема 5

Прогрессивное развитие любой системы обусловлено ее открытостью к синтезу с другими системами, позитивным отношением к чужому опыту и готовностью усвоить его. Именно эта характерная особенность НИС Азии дала им возможность наиболее эффективно использовать достижения научно-технической революции, что обеспечивает поступательное развитие всей экономической системы.

Однако постепенно политика заимствования, позволяющая абсорбировать и использовать лучшие достижения в мировой науке, все больше начинает сочетаться с селективной стратегией развития собственного научно-технического потенциала. Практические результаты достигаются за счет концентрации ресурсов на определенных направлениях НТР.

Приоритет отдается уникальным разработкам, прокладывающим путь техническим нововведениям в таких областях, как информатика, микроэлектроника, мекатроника, биотехнология, геновая инженерия, аэрокосмический комплекс. Как ожидается, именно на этих направлениях результаты исследований откроют дорогу бурному развитию новых отраслей производства.

Научно-исследовательские работы носят преимущественно прикладной характер и сосредоточены в НИИ крупных компаний и в технопарках. Расширяется сеть рискофирм (венчурных компаний), создаются операционные центры.

В наиболее развитых НИС начали осуществляться программы создания технополисов - городов передовых технологий, научных исследований и проектно-конструкторских технологий. Стратегия технополисов - это прорыв в новые сферы деятельности на основе развития сети региональных центров высшего технологического уровня, это интеллектуализация всего национального хозяйства новых индустриальных стран.

Переход к этому этапу развития экономики также был бы невозможен без внешнего фактора. Прежде всего это касается подготовки квалифицированных и особенно высококвалифицированных кадров. Начиная с конца 60-х годов ежегодно десятки тысяч человек направлялись из НИС на учебу в США, Японию, Великобританию и другие промышленно развитые страны. Проведенные в конце 80-х годов исследования показали, что в настоящее время практически все ведущие ученые и менеджеры крупнейших корпораций азиатских НИС получили образование за рубежом.

Следует подчеркнуть, что возможность получить образование в ведущих западных университетах ложилась на весьма благодатную национальную почву. Дело в том, что во всех НИС Азии весьма сильны конфуцианские традиции: прежде всего присущая населению этих стран дисциплинированность и предприимчивость, престиж образования, высокий уровень профессиональной подготовки и квалификации - все это в совокупности и дает возможность подключить человеческий фактор к реализации общей стратегии развития.

К концу 80-х годов по общеобразовательному уровню НИС Азии опережали не только развивающиеся государства, но и отдельные промышленно развитые страны. Уровень грамотности населения в конце 80-х годов составлял в Южной Корее и Тайване 92%, Таиланде - 91%, Гонконге - 88%, Сингапуре - 86% и Малайзии - 73%.

Однако пока сохраняется отставание от индустриальных стран по числу ученых и инженеров, занятых в научно-исследовательской сфере. В середине 80-х годов число ученых и инженеров на 10 тыс. занятых в материальном производстве составляло на Тайване 35 человек, в Южной Корее и Сингапуре - 27 человек против 79 в Японии, 67 - в США и 52 - в ФРГ.

Развитие в азиатских НИС наукоемких отраслей, создание собственной научно-исследовательской базы фактически завершают процесс формирования в них рыночных структур, в основных чертах адекватных экономическим системам индустриально развитых государств.

Взаимодействие промышленно развитых стран с азиатскими НИС происходит на всех уровнях используемой нами схемы (см. схему 5). Очевидно, что под влиянием взаимодействия (развития внешнеэкономических связей) по законам отражения и регуляции в азиатских НИС произошло адекватное отражение модели производства промышленно развитых государств, а в мировой экономике появились новые индустриальные страны Азии. Следует подчеркнуть, что этот процесс в НИС Азии проходил под субординирующим влиянием промышленно развитых государств, что отражалось на формах их взаимодействия и характере зависимости. В ходе его сильная зависимость НИС Азии от развитых государств перерастает во взаимозависимость. Субординирующее влияние индустриальных государств на азиатские НИС сменяется взаимодополнением координационного типа, относительно равнополюсной взаимозависимостью.

Таким образом, можно сделать вывод, что внешнеэкономические связи явились основным структурообразующим фактором в процессе формирования динамичной модели устойчивого развития азиатских НИС, адекватной индустриально развитым странам. В новой системе - системе НИС - появились и развились характерные признаки, присущие системе, с которой осуществлялось взаимодействие.

Следовательно, НИС Азии можно охарактеризовать как динамичные, устойчивые, саморегулирующиеся экономические системы, в основе функционирования которых лежат приоритет частной собственности, свободное предпринимательство и конкуренция с эффективным механизмом государственного регулирования. В этих системах сформировались транснациональные структуры, активно участвующие в международном разделении труда, смещающие акцент на приоритетное развитие наукоемких отраслей.

На современном этапе во внешнеэкономических связях азиатских НИС новым и весьма активным элементом становится вывоз капитала как в ссудной, так и в предпринимательской форме. По нашим подсчетам, на конец 1992 г. инвестиционную деятельность за рубежом осуществляли более трех тысяч компаний НИС Азии, накопленный объем вывоза предпринимательского капитала которых составлял более 20 млрд. долл.

Экспорт капитала из азиатских НИС - относительно новое явление в мировой экономике, а с точки зрения законов системного анализа, представляет собой не что иное, как процесс обратной связи, посредством которого осуществляется интеграция НИС Азии в мировое хозяйство. Подобно развитым странам азиатские НИС уже сами активно переносят в наименее развитые государства промышленное производство. Причем в ближайшие годы следует ожидать усиления внешнеэкономической экспансии азиатских НИС как в развивающиеся страны, так и в бывшие социалистические государства.

Экономическое сотрудничество НИС Азии с этими группами стран начинает играть такую же роль, какую сыграли для НИС промышленно развитые страны. В этой связи вероятность вызревания новых экономических феноменов в развивающихся и бывших социалистических странах возрастает, так как возможность формирования в них динамичных устойчивых экономических систем увеличивается за счет подключения к активной внешнеэкономической деятельности новых индустриальных стран Азии.

В мировой экономике уже сейчас начинает формироваться следующая волна новых индустриальных экономик. В азиатском регионе это прежде всего страны АСЕАН, Китай и Вьетнам, куда в последние годы устремились предпринимательские инвестиции из Японии, США, а также из азиатских НИС (см. схему 6).

Фактически в азиатском регионе складывается целая зона новоиндустриальности. Вслед за юго-восточными районами Китая эта зона могла бы распространиться и на российскую территорию. Наиболее благоприятные перспективы для создания динамичной устойчивой модели экспортного типа имеют Дальневосточные районы России.

Появление новых индустриальных стран Азии и формирование новой волны НИС позволяют говорить о новоиндустриальности как об объективном, закономерном процессе развития мировой экономики. При этом одним из основных структурообразующих элементов и катализатором этого процесса являются внешнеэкономические связи, которые ускоряют создание динамичных устойчивых адекватных развитым странам экономических систем.

Вместе с тем азиатские НИС можно рассматривать как подсистемы мирового хозяйства, а по законам системного анализа появление в системе адекватных подсистем увеличивает общий ресурс системы, что, в свою очередь, повышает ее устойчивость.

Таким образом, одно из направлений повышения устойчивости мирового хозяйства - распространение динамичной модели устойчивого развития азиатских НИС на другие развивающиеся страны и бывшие социалистические государства.

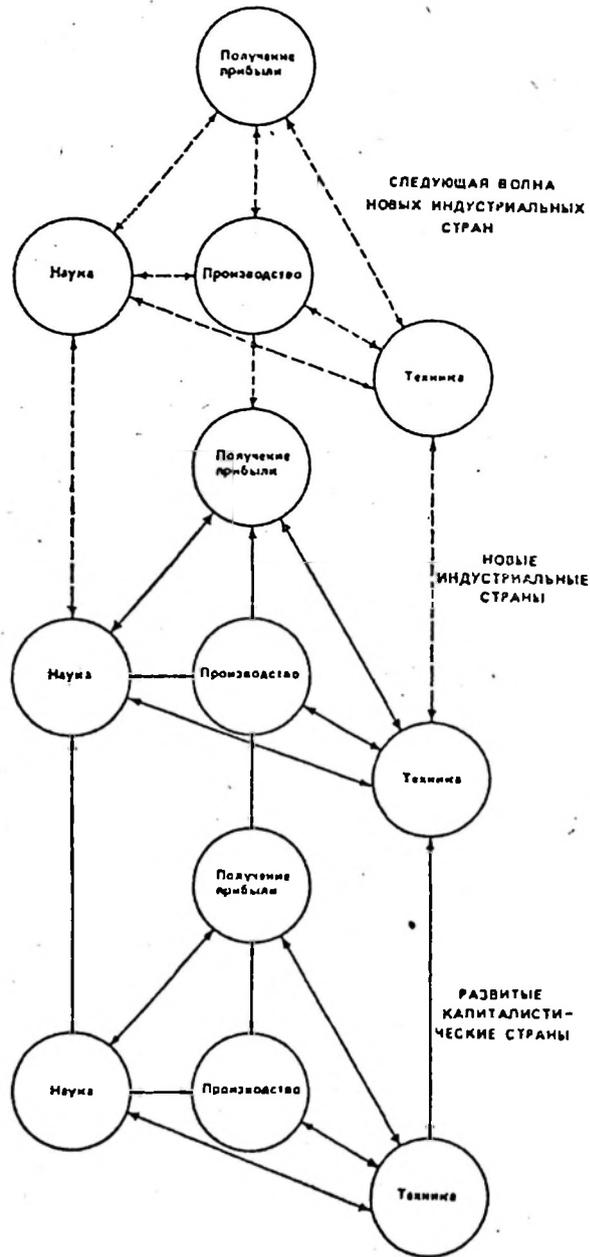

Схема 6

1. Balance of Payments Yearbook. International Monetary Fund. - Washington, 1970-1992.
2. The Asian Wall Street Journal Weekly, February 8, 1989.
3. Le Rapport Annuel de la Fondation pour L'economie Mondiale. - Geneva, 1993, P. 160.
4. Подсчитано по International Trade 1991-1992, GATT. - Geneva, 1993, P. 160.
5. Подсчитано по Handbook of International Trade and Development Statistics, 1991, Supplement, United Nation. - N.Y., 1992.
6. Main Science and Technology Indicators 1981-1987, OECD, 1988.

Международные связи Хабаровского края

© 1993

В.Мясников

Хабаровску исполнилось 135 лет. Основанный в 1858 г. пост Хабаровский был первоначально военным поселением 13-го линейного батальона. Впоследствии под названием Хабаровска он стал городом и с 1884 г. - резиденцией генерал-губернатора, наконец, ровно 100 лет тому назад город на высоком берегу Амура получил нынешнее наименование - Хабаровск. К юбилею восстановлен памятник основателю города Н.Н.Муравьеву, набережной возвращено название, данное когда-то в честь другого подвижника русского дела на Дальнем Востоке - адмирала Г.И.Невельского.

Стандартные определения типа "окно в Азию" или "ворота в Азиатско-тихоокеанский регион" к Хабаровску сегодня не применимы. Новая Россия распахнула в Азию не окно, а тысячи километров своих границ от Чукотки до Новороссийска. В международные экономические связи вовлечены многие края, области и автономные образования - субъекты Российской Федерации. Но при этом Хабаровску и Хабаровскому краю присуща своя особая роль в формировании процесса стыковки экономики России с государствами ближнего и дальнего зарубежья. Это объясняется и пограничным статусом огромного города, являющегося центром административной единицы, по территории превышающей такие страны, как Франция, Турция, Чили; и географическими выгодами положения края, развернутого и к Великому океану, и к великой реке - Амуру, прорезанного такими железнодорожными магистралями, как Великая Сибирская и БАМ, имеющего речные и океанские оснащенные порты, связанного веером авиационных линий с многими деловыми центрами соседних государств - от Харбина до Анкориджа.

Но у Хабаровска есть и свой "секрет": хабаровчане широко опираются на исторический опыт. Их город и край изначально были сорентированы не столько на связи с Европейской Россией, сколько на контакты с "заречной" Маньчжурией. Немаловажную роль в стремлении выйти на внешние рынки играет и мощный экономический потенциал Хабаровского края: такие предприятия, как "Амурсталь", "Дальдизель", Хабаровская фабрика универсальных кабелей, Акционерное предприятие Хабаровская фабрика теплооборудования, десятки предприятий ВПК дают основной объем промышленной продукции, вполне конкурентноспособной на мировом рынке. Наконец, уровень культуры здесь не отличается от развитых регионов России. Например, Институт экономических исследований РАН уже не одно десятилетие реализует широкую программу изучения экономики стран АТР. Отнюдь не случайно директор этого Института профессор П.А.Минакир стал одновременно и первым заместителем главы администрации Хабаровского края.

Экономическая реформа - основа для равноправного партнерства с соседями

Хабаровск стремительно набирает темпы участия в международной торговле, укреплении экономических, научно-технических, культурных и туристических связей с соседними странами. Администрация края и города понимает, что у нее есть уникальный шанс превратить Хабаровск в мощный центр международной деловой активности и на этом пути вывести из кризиса экономику края. Для этого она стремится в первую очередь реорганизовать

финансовую систему, оживить деятельность иностранного капитала, создать информационные и финансовые подразделения как основу для деловой инфраструктуры, установить независимую налоговую и таможенную политику, выработать приоритеты и под них уже реализовывать серию инвестиционных проектов!

Для Хабаровска, как и для всего Дальнего Востока России, основные препятствия в развитии деловых связей с зарубежными партнерами - это политическая нестабильность в стране, отсутствие четко действующего законодательства, гарантирующего права и прибыли иностранных инвесторов, неразвитость современной инфраструктуры. Не менее важны и налаживание рыночных отношений, корреляция экономики края с экономическими системами соседних стран. К осени 1992 г. в Хабаровском крае было 48 негосударственных промышленных предприятий, дававших 9,8% валовой продукции. Для Сахалина этот показатель равнялся 6,7%, для Приморья - 3,6%, для республики Якутия-Саха - 3,1%. Количество фермерских хозяйств достигало в крае 1.271 при среднем наделе 31 га.

В соответствии с Государственной программой приватизации государственных и муниципальных предприятий Российской Федерации в 1992 г. Хабаровский край и Еврейская Автономная Область приватизируют следующие предприятия:

<i>Легкой промышленности</i>	60	-60
<i>Пищевой промышленности</i>	50	-50
<i>Строительства</i>	65	-65
<i>Строительных материалов</i>	50	-50
<i>Сельскохозяйственные</i>	60	-60
<i>Автотранспортные</i>	60	-60
<i>Розничной торговли</i>	60	-60
<i>Оптовой торговли</i>	50	-50
<i>Снабженческие</i>	50	-50
<i>Сферы обслуживания</i>	60	-60 ²

Во второй половине 1992 г. реорганизовалось в акционерное общество открытого типа одно из крупнейших предприятий края - Северовостокзолото³.

По мнению П.А.Минакира, это все элементы экономической автономии региона, против которой Москва категорически возражает. Как бы то ни было, это - определенное продвижение в создании инвестиционного климата. "Москва не дает краю ничего, - отмечает он, - и не может что-либо дать, поэтому бесполезно идти к ней с протянутой рукой. Необходимо создать экономическую инфраструктуру, зависимую не от правительства, а только от финансирования ее более мощной структурой"⁴.

Однако справедливости ради следует отметить, что Москва не оставляет без внимания Хабаровский край. В трудные минуты, когда в первой половине 1992 г. капиталовложения в капстроительство в крае снизились на 33%, капитальные инвестиции из центра были равны только 38% от уровня 1991 г. а жилищное строительство упало на 43% по сравнению с 1991 г.⁵, именно Москва организовала международный тендер, на который были оставлены залежи золота в Хакандше и Юрьевском, расположенные в Охотском районе. Финансовыми экспертами для Хакандши будет "Голдман Сакс", а "Клеари", "Готтлиб", "Стейн" и "Хамильтон" будут юридическими фирмами. Для Юрьевского советниками выступают "Кредит Свисс Ферст Бостон" (финансы) и "Клифорд Вэнс" (юридические вопросы). Хотя малый совет Хабаровского края и пытался возражать, ссылаясь на экологические проблемы, тендер было решено провести в Хабаровске.

Кроме того, Хабаровск получил специальный кредит от Правительства России и Центрального банка в соответствии с постановлением N 458 от 1 июля 1992 г. сроком на 2 года на сумму 500 млн. руб.⁶. Хотя размер кредита

относительно невелик (например, свободная экономическая зона "Находка" получила от правительства России кредит в 20 млрд. 125 млн. рублей⁷, следует учитывать и уровень инфляции, так как кредит Находке был предоставлен на 10 месяцев позднее. Администрация Хабаровска попыталась дать налоговые стимулы производителям, но встретила противодействие финансовых органов, обеспокоенных судьбой бюджета края, поэтому спад производства продолжался. Как сообщило 9 сентября 1992 г. Московское телевидение, в Хабаровском крае остановлены 20 крупных предприятий; причины: нехватка сырья, неспособность заказчиков оплатить продукцию и несостоятельность поставщиков в выполнении обязательств. В осенне-зимний период на производство отрицательно влияла также нехватка средств для оплаты тепла и электроэнергии.

В целях преодоления энергетического кризиса было внесено предложение о строительстве в Хабаровском крае АЭС. 16-20 июня 1992 г. Дальневосточное отделение Российского центра общественного мнения провело опрос по этому поводу. За строительство АЭС высказалось 14,2% опрошенных, против - 76,6%, затруднилось ответить - 9,2%⁸. Своим решением № 150 от 24 июля 1992 г. Малый совет Хабаровского края постановил: 1) строительство атомной электростанции в крае возможно лишь после проведения референдума; 2) комиссиям по правам человека, социальной справедливости, праву и законности необходимо выработать процедуру референдума; 3) решение о сроках проведения референдума должно быть принято после изучения проблем строительства АЭС⁹. Ныне Хабаровск разрабатывает программу развития газо- и нефтедобывающей отраслей.

Для концентрации финансовых ресурсов и обеспечения свободы маневра ими администрация стремится к созданию в крае банковского центра привлечением банков с иностранным капиталом. Но, как отмечал П.А.Минакир, результаты деятельности в этом направлении пока ничтожны. Сейчас в Хабаровске существует 20 банков с капиталом от 6 млн. рублей до сотен миллионов. Наиболее примечательным достижением последнего времени было учреждение Хабаровского отделения Росвнешторгбанка. Создание сильной банковской системы будет означать заметную финансовую автономию региона и гибкость его экономической политики¹⁰.

В ходе реализации этой программы в Хабаровске создан "Бизон-Банк", разместившийся в том же здании, где когда-то находилось отделение Русско-Китайского банка. "Бизон-Банк" - первое в крае финансовое учреждение, имеющее лицензию на операции с иностранной валютой. Банк связан с Токийским банком, а также имеет партнерские отношения с основными банками США, Австралии и Южной Кореи¹¹. Заложено начало формирования информационного центра и финансовых инвестиционных фондов¹².

Постепенно, с трудностями, но все же реализуется и проект по созданию деловой инфраструктуры. Совместное предприятие "Дальтелеком Интернэшнл" должно было обеспечить телефонную связь по всему Дальнему Востоку. Но, когда американские специалисты прибыли в Хабаровск со своим оборудованием для международных линий, они не смогли найти помещения для своего офиса. Дом Радио, который хотели использовать для установки узла связи, оказался закрытым даже для городских телефонных станций¹³. Тем не менее в августе 1992 г., как и было обещано, Хабаровск получил новую систему телефонной связи¹⁴.

Практически одновременно "Востокинфокосмос" - совместная с США компания - создал в Хабаровске станцию спутниковой связи, обеспечивающей контакты со всем миром. Американские фирмы поставили оборудования на 1,1 млн долл. Одна линия будет через спутник "Интелсат" передавать информацию на американское побережье Тихого океана, а другая через российский спутник "Горизонт" обеспечит связь с регионом. Немецкая компания "Сименс" победила в тендере на создание волоконно-оптической линии связи Хабаровск - Находка (стоимость контракта 12 млн долл.). Строительство объекта будет завершено в

1995 г., а первые поставки комплектующих будут произведены в конце июня 1993 г.¹⁵. Хабаровск станет важным звеном телекоммуникационного моста Запад-Восток, проект которого сейчас разрабатывается рядом российских и зарубежных компаний.

Все это шаг за шагом создает условия для взаимодействия с зарубежными партнерами, которые готовы сотрудничать, несмотря на нестабильность обстановки в России.

В первой половине 1992 г. предприятия Хабаровского края произвели экспортной продукции на 3.457.1 млн руб., включая 2.462.4 млн руб. в свободно конвертируемой валюте. Как и ранее, основной была продукция лесной промышленности, давшая 859,8 млн руб., экспорт машин и машинного оборудования подошел к 735 млн, нефтяная промышленность дала 706,3 млн руб., сельскохозяйственное машиностроение и оборудование - 253,4 млн.

Все большее число предприятий стало участвовать в бартерной торговле. Объем этого вида экспорта насчитывает 1,899 млн руб. или 54,9% от всего экспорта. Комбайны, лесоматериалы, нефтепродукты, рулонная сталь, олово и яйцо шли по бартеру в обмен на одежду, обувь, потребительские товары, сахар, чай, фрукты, цветы и т.д.

К июлю 1992 г. в крае было зарегистрировано 41 совместное предприятие. Стоимость их продукции составляла 317,2 млн руб., причем 77% всего оборота пришлось на 4 СП: "Востокметалл" (алюминиевый сплав - 117,6 млн. руб.); "Мирметалл" (лом и отходы металлургической промышленности - 64,9 млн. руб.); "Амур трейдинг" (пищевые продукты - 49,8 млн. руб.) и "Охотск Суисан" (рыба и рыбопродукты - 11,1 млн. руб.)¹⁶.

Китай - главный партнер

Как и прежде, Китай остается главным торгово-экономическим партнером России на Дальнем Востоке. Взаимодействие с Китаем осуществляется как на правительственном, так и на местном уровне. Хабаровск имеет возможность сочетать у себя приграничную и межрегиональную торговлю. Разумеется, местные связи ощущают на себе воздействие общегосударственных, хотя ныне напрямую и не регулируются центром.

18-19 августа 1992 г. в Москве прошло двухдневное совещание российско-китайской Межправительственной комиссии по торговле, экономическому и техническому сотрудничеству, возглавляемой вице-премьерами А.Шохиным и Тянь Цзюнем. Подписанные документы в себя включали: протокол о двусторонней торговле, экономических и научно-технических отношениях с учётом приграничной и межрегиональной торговли; договоренности о развитии сотрудничества во всех сферах, в том числе для действия на рынках третьих стран; двустороннее соглашение о китайской рабочей силе в России.

Была достигнута договоренность о том, что будут подписаны соглашения о гарантиях для вложения капиталов, о сохранении двойного налогообложения и об охране интеллектуальной собственности.

Во время визита в Пекин в декабре 1992 г. президент Б.Н.Ельцин в ходе своей беседы с премьером Ли Пэнгом изложил развернутую программу улучшения экономических отношений России с Китаем, которая включала в себя:

1. выработку эффективной системы клиринговых операций с целью снижения удельного веса бартерной торговли;
2. развитие крупномасштабной оптовой торговли, включая биржевую;
3. взаимное покровительство интересам торговых партнеров и инвесторов, обеспечение защиты собственности, интеллектуальной собственности, патентов, торговых марок и т.д.;
4. создание и поощрение совместных предприятий, особенно в области пищевой, швейной, обувной, сантехнической и строительной промышленности;

5. развитие транспортной и коммуникационной сетей;
6. улучшение правового статуса границы и развитие приграничной инфраструктуры, включая таможни;
7. сотрудничество в совместных исследованиях и внедренческих разработках по конверсии, создание совместных коммерческих и производственных высокотехнологичных предприятий;
8. сотрудничество в промышленном строительстве в Китае (сооружении АЭС, строительство гидроузла Саньмэнся, метрополитенов, крупномасштабных ТЭЦ, предприятий металлургической, сталелитейной и машиностроительной промышленности);
9. развитие двустороннего приграничного и межрегионального сотрудничества;
10. активное участие России в Тумэньцзянском проекте, создание сети свободных экономических зон вдоль российско-китайской границы;

Китайская сторона согласилась с подобным широким подходом и даже заняла более активную, наступательную позицию в торгово-экономических связях с Россией. Однако, по мнению японской газеты "Джапан Таймс", пока Китай может быть источником дешевых потребительских товаров, дешевой рабочей силы и крупных военных заказов, он не может обеспечить технологию или капиталы, необходимые для развития Азиатской России, составляющей 2/3 территории страны¹⁷.

Хабаровск вносит весомый вклад в установлении тесных контактов с китайскими партнерами. Так, 17 декабря 1992 г. делегация Хабаровского края, руководимая главой администрации Виктором Ишаевым, посетила провинцию Ляонин для обсуждения с китайскими коллегами программы экономического сотрудничества. В настоящее время Хабаровский край снабжает провинцию Ляонин главным образом сырьем, получая взамен потребительские товары и продовольствие. Обе стороны выразили желание диверсифицировать свои связи. Было подписано соглашение о долгосрочном сотрудничестве, в основу которого положены приоритеты кооперации между двумя территориями. Наиболее обещающими являются партнерство в области машиностроения и радиоэлектроники, разработке рудных месторождений, развитии металлургии, создании совместных предприятий в лесной промышленности и в производстве сырья и сельхозпродукции. Соглашение предусматривает открытие прямого авиасообщения между Хабаровском и Шэньяном и судоходной линии между Ванино и Далянем.

Но провинция Ляонин для Хабаровского края - своего рода "дальнее" китайское зарубежье, ближайшим же его соседом выступает провинция Хэйлунцзян, на которую и падает основной объем международных связей. В последние годы, благодаря активной внешнеэкономической политике, провинция Хэйлунцзян стала главным партнером в торговле не только Хабаровского края, но и в целом государств СНГ: в первом полугодии 1992 г. Хэйлунцзян подписал с ними 675 соглашений о сотрудничестве в области экономики и технологий на сумму 1,15 млрд амер. долл. Это сотрудничество охватывает различные сферы от простого экспорта рабочей силы до капиталовложений в предприятия и разнообразные формы развития импорта и компенсационной торговли. Заводы провинции направляют экономические и торговые делегации в Приморский и Хабаровский края, Амурскую и Новосибирскую области с тем, чтобы установить связи с различными городами, административными единицами и отдельными предприятиями¹⁸.

Столичный город провинции - Харбин превратился в главного партнера и конкурента Хабаровска. Китайские предприниматели в освоении российского экономического пространства опережают по темпам всех иностранных контрагентов. Гибкость китайской стороны заключается не только в умении налаживать контакты, но и в своевременном исправлении ошибок и недостатков. Как только качество китайских товаров стало вызывать нарекания,

правительство КНР тут же отреагировало на это. В апреле 1993 г. под председательством заместителя премьер-министра Тянь Цзюня прошло совещание деловых кругов, на котором был поставлен вопрос о качестве товаров, экспортируемых из Китая. Введен жесткий правительственный контроль качества вывозимой за рубеж продукции.

Китайская сторона по традиции разрабатывает для каждого конкретного случая свою оптимальную стратегию. Следуя этому правилу, правительство провинции Хэйлуцзян выдвинуло новую стратегию экономического сотрудничества с СНГ. Она заключается в том, чтобы, во-первых, сконцентрировать усилия по созданию зоны экономического сотрудничества в Находке, где будут осуществляться общее развитие строительства, приобретение собственности, развитие ресурсной базы, торговли, общественного питания и служб сервиса. Города Харбин, Цицикар, Муданьцзян, Цзямусы, Дацин и Хэйхэ будут сотрудничать с партнерами в СНГ в строительстве "чайна-таунов" и "чайна-виллиджей". Во-вторых, такие отрасли промышленности провинции, как легкая, текстильная, пищевая, металлургическая, электроэнергетическая, нефтяная, судостроительная, лесодобывающая, сельскохозяйственная и строительная будут устанавливать прямые связи с партнерами в СНГ, где будет создаваться сеть совместных предприятий, чтобы решать проблемы, возникающие в связи с конверсией тяжелой и легкой военной промышленности. В-третьих, все торговые центры в больших и средних городах будут поощряться в создании отделений в странах СНГ. Приоритет будет отдаваться в предоставлении займов предприятиям торговли провинциального уровня для инвестиций вне пределов провинции. Первые 5 лет их деятельности они не должны возвращать прибыль, получаемую на "внешней территории". После 5-летнего срока они будут оставлять 80% прибыли, причем валюта, добытая в этот срок, может использоваться предприятиями для их собственных нужд¹⁹.

Как и Хабаровский край, Хэйлуцзян стремится использовать выгоды своего географического положения. 15 речных портов открыты в Хэйлуцзяне для торговли с государствами СНГ. Хэйлуцзян стремится привлечь иностранных инвесторов. Только за первые 6 месяцев 1992 г. завершены переговоры по 191 совместному проекту общей стоимостью около 4 млрд. юаней, что превышает общую сумму за предыдущие 4 года. Иностранные фирмы привлекаются для культивирования новых земель, инвесторы получают право пользования землей на 50 лет и в течение 10 лет освобождаются от налогов. К концу июня 1992 г. деловые люди с Тайваня, из Гонконга, Макао, Японии, Южной Кореи, США, Таиланда, Сингапура, Австралии и других стран достигли соглашений по 252 совместным проектам с общей стоимостью вложений в 160 млн долл. Иностранные инвесторы проявляют интерес и к другим секторам экономики, включая легкую промышленность, текстильную, швейную, химическую, электронику и промышленность, производящую оборудование для жилых домов

Все более популярными становятся ежегодные международные ярмарки в Харбине. На первой ярмарке в 1990 г. было заключено сделок на 1,4, на второй - на 2,7, а на третьей в июне 1992 г. - на 6,2 млрд амер. долл.²⁰.

После одной из ярмарок работники хабаровской авиапромышленности получили нового зарубежного партнера - размещающуюся в Хэйлуцзяне компанию, специализирующуюся на импорте и экспорте текстиля. Эта компания стала одним из основателей совместного предприятия "Авиатекс", которое зарегистрировано в Хабаровске и будет заниматься обслуживанием и ремонтом авиационного оборудования. Китайская компания имеет большой опыт в посреднической деятельности и гарантирует высокое качество работ в аэропортах Хабаровска и Харбина, связанных регулярным воздушным сообщением. Партнерство открывает также возможности для развития туризма и сотрудничества в производстве потребительских товаров, строительстве деревообрабатывающих предприятий и торговых центров.

Хэйлунцзянская золотодобывающая компания и Российское объединение "Северовостокзолото" подписали в Харбине соглашение о совместном развитии золотых приисков в Галухэ. Копи Галухэ находятся в уезде Хума провинции Хэйлунцзян и представляют собой глубокие аллювиальные залегаия золота, очень трудные в разработке путем нынешней технологии. "Северовостокзолото", которое специализируется главным образом на добыче аллювиального золота, обладает необходимой технологией для организации работ на этом месторождении²¹.

Все большую роль в Хэйлунцзяне играют открытые экономические зоны. Приграничные с Россией города Хэйхэ и Суйфэньхэ учредили при поддержке центрального правительства открытые зоны приграничного экономического сотрудничества. Города Цзямусы, Муданьцзян, Дацин и Цицикар создали свои зоны экономического развития и иностранных капиталовложений при помощи провинциальных властей. Уездные города Хуньхэ, Суньбу, Мишань, Дуннин, Хулинь и Тунцзян основали зоны пограничного экономического сотрудничества на собственные средства и при поддержке провинциальных властей. Город Цзиси по собственной инициативе превращается в экспортно ориентированный трансрегиональный экспериментальный экономический узел с собственными характеристиками. К середине сентября 1992 г. в Хэйхэской городской зоне пограничного экономического сотрудничества (ГЗПЭС) уже действовало более 4000 инвестиционных групп из других районов Китая и остального мира. Быстрыми темпами идет освоение и экономической зоны в Суйфэньхэ площадью свыше 5 га, где вложено уже 300 млн юаней²².

Для провинции Хэйлунцзян "стыковочным узлом" с Хабаровским краем является уездный город Фуюань, находящийся на противоположном от Хабаровска берегу Амура. Уезд Фуюань насчитывает около 80 тыс. жителей и является сельскохозяйственным районом, производящим зерновые и соевые бобы. Госсовет КНР определил Фуюань в качестве главного порта провинции. Хэйлунцзян. Частью программы по привлечению большего числа инвестиций для уезда Фуюань стали ускорение строительства основных сооружений и проектирование серии мероприятий, предназначенных для улучшения сервисного обслуживания. Приняты также меры для обеспечения политики благоприятствования для иностранных инвесторов, внедрения современной технологии и пользования землей.

В Фуюане уже открыт сервисный центр стоимостью в 4,5 млн. юаней и площадью в 5 тыс. кв.м, начато строительство скоростной магистрали между Фуюанем и Цзямусы. С июля 1992 г. начала работать международная факс-служба и кодовая телефонная связь. Строятся предприятия по переработке сельхозпродукции, туристические сооружения, зоны торговли, обслуживания и местной индустрии. Уезд заключил свыше 30 соглашений, для реализации которых предоставлено более 8,5 млн. юаней капиталовложений китайскими и зарубежными компаниями, включая гонконгские и американские фирмы²³.

Хабаровск уже начинает ощущать дыхание Фуюаня. Глава уездной администрации Чжэнь Шянь и сопровождавшие его официальные лица встретились в Хабаровске с главой городской администрации Виктором Тевелевичем и подписали предварительный контракт с ДальРГО о развитии туризма. Хабаровская торговая компания Куай подписала соглашение о поставках мини-тракторов, фруктов и картофеля²⁴.

Япония хотела бы сотрудничать

"Японские компании более положительно относятся к отношениям с Россией, чем японское правительство", - заявил Кумикубо Хитоши, московский представитель Экспортно-Импортного Банка Японии. Многие ведущие японские торговые компании предпочли игнорировать холодность в официальных российско-японских отношениях и открыли свои конторы в Хабаровске. Имеет свой офис здесь и газета "Хоккайдо симбун". Японские бизнесмены вовлекаются

в различные проекты от строительства отелей и добычи шельфовой нефти до строительства нового здания международного аэропорта²⁵.

Аэропорт - как бы деловая витрина любого уважающего себя города. И хабаровчане и их гости давно уже страдали от тесноты и неудобств бывшего "депутатского" зала, который вынужденно стал международным комплексом Хабаровского аэропорта. Теперь времена изменились: японские фирмы взяли на себя обустройство этой части деловой инфраструктуры города. Японская компания Тайсэй, специализирующаяся на строительстве международных аэропортов, подписала контракт с российской стороной о строительстве нового терминала, отвечающего современным требованиям и позволяющего увеличить количество транзитных рейсов через Хабаровск.

Строительство нового авиатерминала ведется на простом расчете: Россия предоставляет терминал, Япония - увеличивает количество авиарейсов. Площадь нового терминала 5,600 кв.м, а стоимость 1,4 млрд иен. Предполагается увеличить количество рейсов в Ниигату до пяти в неделю вместо трех существующих ныне летом и двух зимой, добавить два рейса в неделю на Гонконг. Авиарейсы в Сеул, Анкоридж и Сан-Франциско будут выполняться дважды в неделю, намечается открытие авиалиний в Нагоя, Сендай и Саппоро.

Разумеется, строительство аэропорта - это не самый крупный российско-японский проект. Деловые круги Японии предпринимают активные шаги, чтобы ответить на вызов китайских и южно-корейских конкурентов в борьбе за российский рынок. Так, Японско-российская торговая ассоциация в августе 1992 г. в принципе договорилась с 15 (по другим источникам с 14) местными российскими администрациями учредить совместный торговый консорциум с капиталом в 300 млн долл., штаб-квартира которого в начале 1993 г. разместилась в Хабаровске. Членами ассоциации стали такие известные корпорации, как "Токио-Маруничи" и "Айва", кроме них в соглашении участвуют еще 18 японских фирм. Стороны стремятся противодействовать спаду в российско-японской торговле. "Идея заключается в том, - заявил Сато Тетсуо - президент Японо-российской ассоциации по торговле, - что японские компании образуют совместную инвестиционную фирму, которая будет создавать совместные предприятия с указанными 14 местными властями"²⁶.

Помощь экономическим реформам в России заключается не только в предоставлении кредитов, займов или инвестиций в совместные проекты. Проблемы организации труда в условиях рыночной экономики для российских предприятий не менее важны, поэтому Всероссийский центр производительности труда и Японский центр производительности труда и анализа направили специалистов в Хабаровск для создания регионального центра производительности труда. Японская сторона готова принять две группы для подготовки специалистов, одна из которых будет укомплектована представителями Дальнего Востока.

Южная Корея ищет партнеров

По приглашению корпорации "Самсунг" Виктор Ишаев, глава администрации Хабаровского края, посетил Южную Корею. Цель визита - обсуждение возможностей капиталовложений в целую серию проектов в крае, таких как реконструкция порта Ванино и усовершенствование связанной с ним железнодорожной сети, строительство Ургальской и Буреинской ГЭС, добыча минерального сырья и строительство первоклассного отеля в Хабаровске. В.Ишаев встретился также с заместителем премьер-министра и министром экономики и планирования Чо. Они обсудили проблему распределения на Дальнем Востоке кредитов, предоставленных России Южной Кореей. Чо подтвердил, что Корея намерена настаивать на том, чтобы последний кредит в 1 млрд долл. был размещен на Дальнем Востоке²⁷.

1-3 ноября 1992 г. Хабаровск посетила делегация КОТРА для обсуждения деловых возможностей²⁸. Солнечный горнообогатительный комбинат заключил

предварительное соглашение с южнокорейской корпорацией "Хендай" о совместной разработке залежей олова в Правоурмиском. Южно-корейская компания уже выделила деньги на разведочные работы²⁹.

Самое дальнее зарубежье

Австралийский посол Каван Хог (Cavan Hogue) посетил Хабаровск для переговоров о сбыте австралийской сельскохозяйственной продукции на Дальнем Востоке. Местные представители проявили интерес к сотрудничеству с Австралией, и первые совместные предприятия уже действуют.

Вслед за этим австралийская компания "Пармелиа 'Ресурсез Н.Л". ("Моунт Плезант" в Восточной Австралии) подписала 1 декабря 1992 г. соглашение об аренде части сталелитейного завода Амурсталь в Комсомольске-на-Амуре с тем, чтобы снабжать сталью азиатский рынок. При 5-летней аренде Памела будет иметь 32% и российская сторона 68% прибыли. Годовое производство составит от 250.000 до 500.000 т³⁰.

Американская компания "Эвергрин" использует Хабаровск вместо перегруженного Токио для посадки на маршруте Анкоридж - Гонконг. Путь через Хабаровск короче, кроме того российская сторона добилась возможности отправлять грузы этими рейсами, оплачивая стоимость в валюте³¹.

Российский Национальный Комитет по Экономическому сотрудничеству в АТР (РНКАТЭС) в августе 1992 г. провел свое заседание в Хабаровске. Его цель - содействие развитию деловых и культурных связей со странами Тихоокеанского бассейна. Хотя это не правительственная организация, в конференции участвовали представители МИД и МВЭС России. В мае 1993 г. в Хабаровске состоялась международная конференция по проблемам экономического сотрудничества в АТР, организованная РНКАТЭС.

Так из транспортного перекрестка город на Амуре превращается в центр деловой активности и творческого осмысления интеграционных процессов, набирающих силу в регионе.

1. Приамурские ведомости. - 1992. - 1 августа.
2. Там же. - 1992. - 13 августа.
3. Там же. - 1992. - 8 августа.
4. Там же. - 1992. - 1 августа.
5. Тихоокеанская звезда. - 1992. - 4 августа.
6. Там же. - 1992. - 30 июля.
7. Известия. - 1993. - 25 мая.
8. Тихоокеанская звезда. - 1992. - 4 июля.
9. Приамурские ведомости. - 1992. - 11 августа.
10. Там же. - 1992. - 1 августа.
11. Тихоокеанская звезда. - 1992. - 11 июля.
12. Приамурские ведомости. - 1992. - 1 августа.
13. Тихоокеанская звезда. - 1992. - 14 июля.
14. Приамурские ведомости. - 1992. - 22 августа.
15. Финансовые известия. - 1993. - N 31. - 29 мая - 4 июня.
16. Тихоокеанская звезда. - 1992. - 4 авг.
17. Japan Times. - 1992. - October, 31.
18. Радио Харбина. - 1992. - 26 сентября.
19. Цзинцзи даобао (Гонконг). - 1992. - 10 августа.
20. Синьхуа. - 1992. - 22 августа.
21. Радио Харбина. - 1992. - 12 ноября.
22. Там же. Радио Харбина. - 1992. - 15 октября.
23. Синьхуа. - 1992. - 27 июля.
24. Приамурские ведомости. - 1992. - 19 августа.
25. Japan Times. 1992. - November, 26.
26. Киодо Цусин. 1992. - 16 октября.
27. Тихоокеанская звезда. - 1992. - 10 июля.
28. Утро России. 1992. - 22 октября.
29. Тихоокеанская звезда. - 1992. - 15 июля.
30. West Australian. - 1992. - December. - P. 51.
31. Anchorage Daily News. - 1992. - August, 19.

Опыт экономических реформ

Что выгоднее экспортировать, сырье или машины?

Продолжение. Начало см. в № 1 за 1993 г.

© 1993

В. Савин

Фактор времени и эффективность экспорта

Неправильное представление о степени эффективности экспорта готовой продукции, машин и оборудования может сложиться в результате недоучета фактора времени. Дело в том, что в отличие от обычной практики реализации сырьевых и топливных товаров многие виды готовой продукции, в том числе машины и оборудование, реализуются не за наличные в момент пересечения границы, а по истечении некоторого времени.

Очень часто машины и оборудование продаются в кредит с отсрочкой платежа на 5-10 и более лет. Кроме того, есть случаи, когда момент пересечения готовой продукцией границы и момент ее реализации не совпадают по специфическим причинам: последующая продажа товара на комиссионных началах, с консигнационных складов, с выставок после их закрытия и т.д.

Как в том, так и в другом случаях влияние фактора времени на показатели эффективности экспорта не учитывается, в результате чего эффективность экспорта машин и оборудования оказывается завышенной. В первом случае это происходит из-за недоучета потерь в связи с отсрочкой реализации товара, или, иными словами, из-за потерь от замораживания материальных ресурсов. Для иллюстрации последствий недоучета фактора времени при определении эффективности экспорта товара на условиях кредита по сравнению с реализацией за наличные воспользуемся формулами, которые обычно приводятся в методиках по определению эффективности внешней торговли.

Допустим, что затраты на производство и транспортировку товара составляют $З_э = 100$ руб. при внешнеторговой цене $В_э = 120$ руб. Оплата товара происходит через 5 лет с начислением 5% годовых за пользование кредитом.

Определяя показатель эффективности, приводим затраты к моменту оплаты товара, учитывая, что производительное использование средств, отвлекаемых на период кредитования, дало бы народному хозяйству дополнительную прибыль из расчета 15% в год от суммы этих средств. К валютной выручке добавляем начисленную сумму процентов за кредит. В этом случае показатель эффективности экспорта в кредит ($X_{ЭК}$) составит:

$$X_{ЭК} = \frac{В_э + В_э \frac{P_K}{100} \cdot t}{З_э (1 + P_H)^t} = \frac{120(1 + 0.05 \cdot 5)}{100 (1 + 0.15)^5} = 0.75$$

При продаже этого же товара за наличный расчет показатель эффективности экспорта был бы равен:

$$X_{\text{эк}} = \frac{B_3}{\Xi_3} = \frac{120}{100} = 1,2$$

Таким образом, даже при сравнительно низком проценте за кредит (5% годовых) и коротком сроке кредита (5 лет) потеря в эффективности экспорта по сравнению с реализацией товара за наличные весьма существенна: 75 коп. за 1 рубль внутренних затрат вместо 1 руб. 20 коп.

Полнота учета внутренних затрат и эффективность экспорта

Завышение эффективности экспорта машин и оборудования имеет место в связи с недоучетом целого ряда статей народнохозяйственных затрат. Укажем на некоторые из них.

Затраты на научные исследования. Как известно, наука финансируется из разных источников. Та часть научных исследований, которая имеет отношение к производству той или иной продукции, но финансируется за счет госбюджета, не находит полного отражения в издержках производства. Принимая форму чистого дохода, эта часть издержек на научные исследования распределяется пропорционально основным фондам (капиталу). Но, поскольку отрасли машиностроения в нашей стране не относятся к числу фондоемких (разумеется, на отдельной стадии производства), значительная часть бюджетных расходов, связанных с научными исследованиями в машиностроении, не попадет во внутреннюю цену машиностроительной продукции.

Сказанное имеет немалое значение, так как затраты на научные исследования в области машиностроения относительно велики. Так, в США доля затрат этого рода в стоимости продукции большинства отраслей машиностроения в 1,4 раза выше аналогичного показателя для других отраслей обрабатывающей промышленности, не говоря уже об отраслях добывающей промышленности.

Очень важны в наших условиях не только адресность, но и полнота учета затрат на научные исследования. Речь идет в данном случае об учете фактора времени научных исследований. Известно, что от зарождения технической идеи до начала серийного выпуска продукции проходит в среднем 10-15 лет. Хотя этот срок постепенно сокращается, но пока остается значительным. Затраты на научные исследования не должны представлять собой простую сумму, а должны увеличиваться на определенный процент дисконтирования, как и все другие элементы капитальных затрат.

Затраты на опытные образцы. Машиностроение - отрасль постоянного и быстрого обновления продукции. В этой отрасли у нас ежегодно внедряются тысячи новых образцов машин, механизмов, приборов, механизированных и автоматических линий.

Освоение новых образцов сопряжено с большими дополнительными расходами средств. Удельный вес этих затрат в производстве экспортной продукции относительно выше, чем в случае производства продукции для внутреннего потребления. Это характерно не только для нашей страны, но и для других стран, поскольку острота конкуренции на мировом рынке вынуждает экспортеров интенсивно работать над улучшением качества своей продукции. Между тем в оптовых ценах на машиностроительную продукцию затраты на головные образцы не всегда находят соответствующее полное отражение.

Общественные фонды потребления. Кроме затрат на подготовку кадров, о чем говорилось выше, в понятие общественных фондов потребления, как известно, включаются также затраты государства на здравоохранение,

культурные мероприятия, льготную оплату жилищ, санаториев, домов отдыха, пенсии, пособия, содержание детских учреждений и т.д. Эти затраты достигают больших величин.

Мы оставляем в стороне вопрос об экономической природе общественных фондов потребления, т. е. являются ли эти затраты частью необходимого труда или труда для общества. В данном случае для нас существенно то, что независимо от сложившейся практики формирования и использования этих фондов существует количественная дифференциация этих фондов по отраслям.

Нам неизвестны какие-либо подсчеты величины общественных фондов потребления, приходящейся на работников машиностроительной промышленности. Однако, опираясь на некоторые освещенные данные, можно высказать предположение, что относительная сумма общественных фондов потребления, приходящаяся на работников машиностроительной отрасли, выше, чем в сельском хозяйстве и в промышленности в целом.

Но, поскольку основная часть общественных фондов потребления принимает форму чистого дохода, а чистый доход включается в цену товаров пропорционально основным фондам (капиталу) и поскольку отрасли машиностроения относятся к числу относительно нефондоемких отраслей, постольку цены на продукцию машиностроения занижены из-за неполного учета выплат из общественных фондов потребления.

По нашей ориентировочной оценке, оптовые цены на машиностроительную продукцию в результате недоучета перечисленных выше и некоторых других статей затрат занижены примерно на 20-30%, а по отдельным видам машин и оборудования степень занижения еще значительнее.

Следует заметить, что и в отраслях добывающей промышленности имеет место недоучет определенной части затрат, что ведет к искусственному завышению эффективности экспорта. Эта проблема будет затронута ниже.

Динамика мировых цен и эффективность экспорта

Иногда в качестве одного из аргументов в пользу предпочтительности экспорта готовой продукции используются данные о более быстром росте мировых цен на готовую продукцию по сравнению с сырьем. При этом обычно ссылаются на различные публикации индексов цен, в том числе на публикации ООН.

Допустим, что эти индексы правильно отражают основные тенденции в движении цен на две рассматриваемые категории товаров, и попытаемся найти им соответствующее объяснение. Предположим, что преимущественный рост цен на готовую продукцию происходит за счет повышенной прибыли, реализуемой в цене на готовую продукцию. В основе такого предположения по существу лежит отрицание конкуренции между производителями взаимозаменяемой готовой продукции, между производителями готовой продукции и ее потребителями, между производителями готовой продукции и производителями сырья и материалов.

Между тем известно, что даже в условиях наивысшей монополизации производства исключить полностью разнообразные проявления конкуренции невозможно, непрерывно идут процессы перелива капитала и выравнивания нормы прибыли. Это справедливо для внутренней рыночной экономики каждой страны. Тем более это справедливо для международного разделения труда и мировых цен, особенно в долгосрочном плане.

Иногда опережающий рост цен на готовую продукцию объясняют активной борьбой трудящихся Запада за свои жизненные права. Конечно, этот фактор может оказывать повышательное воздействие на уровень цен, но при одном условии: если производительность труда будет уступать в темпах росту заработной платы. Но динамика производительности труда и реальной заработной платы в главных капиталистических странах прямо противоположна.

По данным, опубликованным в Лондонском издании National Unstitute Economic Rewiew за последние четверть века, производительность труда неизменно опережала рост реальной заработной платы в таких странах, как США, Канада, Япония, Франция, ФРГ, Италия, Англия и др. А именно эти страны поставляют на внешние рынки основную часть готовой продукции. Следовательно, в результате суммарного влияния динамики производительности труда и заработной платы цены на готовую продукцию за счет этого фактора не могут иметь повышательную тенденцию.

Нередко в экономических дискуссиях сопоставляются индексы цен на готовые изделия и сырье. В связи с этим следует обратить внимание на определенные различия в методике исчисления разных индексов мировых цен¹.

Во-первых, индексы основываются, как правило, не на фактических, а на номинальных ценах, не учитывающих скидок покупателям. Между тем машиностроительная продукция в отличие от сырья и топлива очень часто реализуется с определенной долей скидки. В настоящее время насчитывается около 20 видов всевозможных скидок. Это скидки за количество или серийность; общие скидки с прейскурантных цен, применяемые при реализации некоторых массовых видов стандартного оборудования, инструмента и приборов; специальные скидки, применяемые в отношении определенных категорий покупателей; дилерские скидки, предоставляемые постоянным посредникам по сбыту и др. Размеры скидок весьма значительны, достигают 20-30% цены, а в отдельных случаях - и более высокого процента. Наряду с открытыми скидками продавец нередко предоставляет так называемые скрытые скидки в форме льготных или даже беспроцентных кредитов, бесплатных услуг, доставки товара бесплатно или по пониженным ставкам для покупателя.

Практика предоставления скидок по мере усиления конкурентной борьбы на рынке готовой продукции расширяется и принимает все более усложненные формы. В результате недоучета скидок при составлении индексов цен на машины и оборудование рост этих индексов в определенной степени оказывается искусственно завышенным.

Во-вторых, при составлении индексов цен на готовую продукцию и сырье в разной степени учитываются качественные различия рядов одноименных товаров. По этой причине индексы цен на сырьевые товары и промышленные изделия по существу несопоставимы.

В то время как по сырьевым товарам статистики ООН самостоятельно определяют ряды соответствующих цен и на их базе исчисляют индексы, по промышленным изделиям за основу берутся готовые ряды для всей этой большой и разнообразной группы товаров, определяемые отдельными странами по различной методологии. Каждая страна представлена одним сводным индексом, полученным не на базе конкретных цен, как это сделано по сырью, а на основе так называемых удельных цен, рассчитываемых по весу (unit values).

Индексы цен промышленных изделий, базирующиеся на удельных ценах, не отражают в чистом виде движение цен, потому что они не учитывают в полной мере изменение качественных параметров машин, оборудования и других видов готовой продукции. В силу этого имеет место некоторое искусственное завышение этого индекса². Что же касается индекса цен сырьевых товаров, то там такого завышения не происходит, поскольку в основе рядов цен лежат качественно сопоставимые показатели продукции.

В-третьих, индекс цен готовой продукции завышается в связи с особенностями принятого способа взвешивания цен. Для этого применяется формула Ласпейреса (I л). Одна из особенностей расчетов по этой формуле состоит в получении относительно завышенного индекса, поэтому нередко значение индекса дополнительно определяется по формуле Пааше (I п). Однако расчеты с ее использованием дают относительно заниженную динамику цен.

Иногда индексы, рассчитанные по формулам Ласпейреса и Пааше, усредняются. Для этого применяется формула Фишера (I ф). Индекс цен,

исчисленный по этой формуле, представляет собой среднегеометрическую двух индексов:

$$I_f = I_l \times I_p$$

Именно такой индекс цен на машины и оборудование исчисляется, например, Министерством финансов Японии.

Количественные значения индексов, рассчитанных для одного и того же ряда цен, располагаются в определенном порядке и подчиняются следующему соотношению:

$$I_l > I_f > I_p.$$

При исследовании индексов обнаруживается следующее свойство: чем выше степень обновления ассортимента продукции и чем выше динамика в изменении качества изделий, тем значительнее амплитуда колебания крайних индексов (I_l и I_p), тем выше степень превышения предыдущего индекса над последующим (I_l над I_f , I_f над I_p). А отсюда следует вывод о том, что хотя индексы цен рассчитываются по формуле Ласпейреса для всех товаров и соответственно завышают динамику цен всех товаров, сравнительно большая степень завышения присуща, как правило, готовым изделиям, а меньшая - сырьевым и топливным товарам.

Таможенные пошлины и эффективность экспорта

На эффективность экспорта разных товаров оказывают определенное влияние таможенные пошлины. Большинство стран в целях экономической и социальной защиты внутреннего рынка, как правило, устанавливает повышенные импортные пошлины на готовую продукцию и низкие, а подчас и нулевые - на сырье и топливо.

Для иллюстрации приведем некоторые примеры. Так, в 1991 г. импортные пошлины Единого таможенного тарифа Европейского сообщества на ввозимые из нашей страны руду железную и хромовую были нулевыми, а на прокат черных металлов - 3,8 - 5,3% от цены, на ферросплавы - 4-8%; на круглый лес была нулевая пошлина, в то время как на плиты древесностружечные и древесноволокнистые, фанеру и картон - 10%; на хлопковолокно, лен-волокно, шерсть - нулевая пошлина, а на ткани хлопчатобумажные - 10%, ткани льняные - 14, ткани шерстяные - 13-17% и т.д.

Из приведенных примеров видно, что сырье, подвергнутое переработке, облагается, как правило, более высокой пошлиной. Если исходить из средней нормальной прибыли, получаемой фирмами-производителями в настоящее время, то следует сказать, что взимание импортных пошлин, допустим в размере 10% от цены, означает фактически полное изъятие прибыли при импорте, а вывоз таких готовых изделий подчас лишен какого-либо экономического смысла.

Приведем далее обобщенные данные по относительному уровню импортных пошлин на сырье, полуфабрикаты и готовую продукцию в основных промышленно развитых странах мира.

Соотношение импортных таможенных пошлин на сырье, полуфабрикаты и готовые изделия в основных промышленно развитых странах мира*

(Уровень пошлин на сырье, кроме нефти, = 1)

Страны	Полуфабрикаты	Готовые изделия
США	3,4	3,9
Страны Европейского Сообщества	3,9	4,4
Япония	4,5	4,6

Таким образом, отдельные примеры соотношения уровня пошлин на товары разной степени переработки сырья, приведенные выше, совпадают с обобщенными соотношениями, определенными на основании широкого, представительного массива данных: относительный уровень тарифов на полуфабрикаты выше, чем на сырье; а на готовые изделия выше, чем на полуфабрикаты, поэтому полуфабрикатам, а тем более готовым изделиям преодолевать таможенные барьеры, как правило, труднее, чем сырьевым товарам.

Следует также заметить, что импорт многих обработанных изделий наталкивается и на препятствия чисто административного характера: иначе говоря, в отношении такого рода импорта применяются всякого рода запреты, ограничения, лицензирование, квотирование. Это также воздействует на снижение эффективности экспорта таких товаров и порой ставит на пути их экспорта непреодолимые барьеры и не только экономические.

Экспорт и экономия ресурсов

Нередко в качестве аргумента в пользу сдерживания экспорта сырья и топлива и стимулирования экспорта машин и оборудования приводят соображения об ограниченности запасов полезных ископаемых. Надо сказать, что обеспокоенность такого рода вполне обоснованна, хотя человеческий разум открывает все новые источники энергии, изыскивает новые резервы разнообразных ресурсов. К тому же ряд ресурсов относятся к невозобновляемым или практически невозобновляемым.

Но когда сторонники всемерного расширения экспорта машин и оборудования полагают, что во всех случаях при этом достигают относительной экономии ресурсов, то они могут ошибаться. Иногда подобные решения могут приводить как раз к перерасходу ресурсов. Все зависит от того, каковы соотношения внутренних и внешних цен на альтернативные виды товаров. Например, наши часы и некоторые изделия электроники реализуются на внешнем рынке с такой низкой эффективностью, что гораздо большую валютную выручку можно иметь, экспортируя сырье и топливо, использованное для производства этих готовых изделий. Правда, в конкретной внешнеторговой практике можно найти немало примеров того, что продукция более высокой степени переработки реализуется на внешнем рынке и более эффективно, и является более ресурсосберегающим вариантом решения проблемы.

В данном случае хотелось бы сформулировать принципиальное положение: экспорт сырья и топлива далеко не всегда противоречит ресурсосбережению; экспорт готовой продукции, в том числе сложных видов машин и оборудования далеко не всегда обеспечивает ресурсосбережение. Правильное решение может быть найдено только в результате конкретного экономического расчета.

Емкость мировых товарных рынков

Исследования сравнительной динамики экспорта сырья и готовой продукции в мировой торговле за длительный период времени показывают опережающий рост вывоза готовой продукции. Возможно, что в подобные расчеты следовало бы внести некоторые уточнения (имеется в виду более корректная группировка товаров, иная периодизация), но несомненно одно: тенденция более быстрого роста производства и экспорта готовых изделий, товаров со все углубляющейся степенью переработки исходного сырья бесспорна.

На этом основании некоторые экономисты пытаются доказать факт более высокой степени эффективности вывоза готовой продукции. Нам же представляется, что рассматриваемая тенденция свидетельствует лишь о более

быстром увеличении емкости рынка готовых изделий. Учет этой особенности означает для производителей и экспортеров готовой продукции достижение более высокого абсолютного эффекта даже в случае равенства относительной эффективности сырья и готовой продукции.

Точка зрения некоторых экономистов, заключающаяся в том, что наиболее эффективными отраслями могут быть только отрасли добывающей промышленности и сельского хозяйства, высказывается не так часто, но отличается удивительной живучестью.

Эта точка зрения основывается на посылке, заключающейся в том, что высокая эффективность добывающих отраслей и сельского хозяйства зависит от широкого использования в этих отраслях даровых сил природы. Действительно, даровые силы природы распределены между странами и соответственно используются разными странами и отраслями по-разному. Однако при этом надо иметь в виду следующее. Дело в том, что даровые силы природы используются не только в добывающей промышленности и сельском хозяйстве. К. Маркс отмечал, что "нельзя назвать ни одной отрасли промышленности, в которой природа не оказывала бы помощи человеку, притом щедрой и даровой"³. Даровые силы природы опосредуются трудом человека. Экономический и технический прогресс общества зиждется на все более расширяющемся использовании окружающей среды и ее законов.

Конечно, влияние природных факторов на индивидуальную производительность труда в добывающей промышленности и сельском хозяйстве более существенно, чем в обрабатывающей промышленности. Но здесь же надо сделать следующие оговорки. Во-первых, мы еще очень мало знаем о масштабах и сферах влияния на производство так называемых даровых сил природы, а поэтому экономическая оценка этого влияния весьма затруднительна (как, например, оценить роль этих факторов в химическом производстве при получении принципиально новых товаров).

Во-вторых, приведенные в начале этого материала высказывания в пользу высокой эффективности горной промышленности и сельского хозяйства по существу исходят из предположения оценки эффективности франко место производства. Но, поскольку продукция горной промышленности и сельского хозяйства в основе своей относится к разряду недорогих, постольку имеет высокую долю транспортной составляющей, которая в значительной мере сводит на нет эффект действия даровых сил природы.

В-третьих, в горной промышленности и сельском хозяйстве процесс производства сопряжен с острыми экологическими проблемами, что неизбежно ведет к экономическим потерям и снижению итогового эффекта. По некоторым оценкам, ущерб, наносимый природе добывающими отраслями, первичной переработкой сырья, относительно выше, чем в перерабатывающих отраслях, машиностроении и металлообработке.

Существенный элемент затрат в добывающих отраслях промышленности - рента, которая в силу целого ряда причин пока еще недостаточно полно отражается в наших бухгалтерских счетах. А это приводит к искажению, а точнее, к завышению эффективности экспорта сырья и топлива. Это положение должно быть изменено и несомненно изменится, если в нашей стране будут проведены подлинные рыночные преобразования.

Выше мы попытались рассмотреть две полярно противоположные точки зрения, обычно высказываемые в связи с проблемой эффективности товарной структуры экспорта. Однако этот анализ, видимо, не следует считать исчерпывающим. Во-первых, нет уверенности в том, что были проанализированы все наиболее существенные аргументы сторон. Вполне возможно, что есть еще аргументы в пользу той или иной точки зрения, которые заслуживают серьезного внимания.

Во-вторых, некоторые наши утверждения не подкреплены количественными измерениями, недостаточно обоснованны.

Тем не менее, видимо, есть основание сделать некоторые предварительные выводы.

Аргументация сторон не всегда отличается строгостью, а в ряде случаев является просто результатом недоразумения, поверхностным использованием распространенного метода аналогии: будем делать как они (имеются в виду развитые западные страны).

Если исходить из принципов оптимального формирования отраслевой структуры экспорта, то в условиях свободной рыночной системы экспорт любого товара должен иметь примерно одинаковую относительную валютную эффективность. Однако в условиях несколько более быстрого роста емкости мирового рынка готовой продукции по сравнению с рынком сырьевых и топливных товаров экономически целесообразно развивать несколько опережающими темпами экспорт готовой продукции, в том числе машин и оборудования, так как тем самым будет обеспечено получения страной-экспортером большей массы прибыли.

Эффективность экспорта того или иного конкретного товара зависит не от абстрактного товароведческого подхода, а от конкретного учета соотношения спроса и предложения на мировом рынке. При этом наивысшая эффективность достигается при экспорте такого товара, при производстве и реализации которого была использована какая-либо новая, опережающая идея. Без этого никакая глубокая переработка исходного сырья и топлива не ведет к росту относительной эффективности. Но если в добыче сырья и топлива была применена идея, опережающая всех конкурентов на внешнем рынке, то экспорт такой продукции может оказаться и наиболее ресурсосберегающим, и наиболее эффективным вариантом развития экспорта.

Эффективные решения не лежат на поверхности, не столь очевидны, как иногда кажется. Поиск их по своей трудности подобен научному открытию или изобретению. Такого рода решения не только необходимы, но и возможны на многих направлениях нашей экспортной работы.

1. На эту тему одним из первых в нашей стране обратил внимание В.А.Шильдкрут в книге Проблемы цен мирового капиталистического рынка. СОЦЭКГИЗ, М., 1963.
2. Весьма показателен в этой связи индекс экспортных цен, а также индекс оптовых цен на машины и оборудование, нечисляемый Банком Японии. В отличие от ООН и других стран эти индексы учитывают изменения технических параметров продукции, поэтому там, где индексы других стран показывают повышательную тенденцию, индексы Банка Японии обнаруживают понижательную тенденцию.
3. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. - Т. 26. - Ч. 1. - С. 23.

Тайвань

К читателю

Большой интерес в различных кругах нашей страны, в том числе и читателей нашего журнала, к Тайваню - к его модели социально-экономического и политического развития, интерес, связанный с успехами в развитии экономики, науки и техники, культуры, многократно усиленный в последние годы развитием экономических и культурных связей России с Тайванем, побудил редакцию журнала опубликовать подборку статей российских ученых, посвященных разным сторонам его жизни. Благодаря заинтересованному участию в реализации этого замысла центров изучения Тайваня, созданных в последние годы в Институте Дальнего Востока и Институте Востоковедения РАН, их руководителей А.Г.Ларина и П.М.Иванова, нам удалось привлечь к сотрудничеству ученых и специалистов разных интересов и поколений, всегда уделявших или уделяющих ныне особое внимание тем или иным аспектам ситуации на Тайване. Редакция надеется, что нынешняя публикация вызовет живой отклик наших читателей, побудит взяться за перо и других авторов, изучающих экономику, политику, историю и культуру Тайваня.

Мы готовы предоставить страницы нашего журнала и зарубежным авторам, в том числе, естественно, и тайваньским, чтобы с их помощью сделать освещение жизни Тайваня в прошлом и настоящем более всесторонним и разнообразным.

Мы рассчитываем также на то, что возможности публикации в нашем журнале, располагающем английским изданием, широко используют для публикации соответствующей информации и рекламы представители коммерческих кругов, фирмы и предприниматели России и Тайваня, заинтересованные в дальнейшем развитии деловых связей.

История изучения Тайваня в России

© 1993

Ф.Тодер

С тех пор, как остров Тайвань стал субъектом мировой истории, его сопровождала таинственная загадочность, от которой он не избавился и поныне. С XVI века, когда корабли Испании и Португалии стали пересекать в Южных морях трассы контрабандной торговли полупиратов-полукупцов феодальных Китая и Японии, остров стал известен в мире как "Прекрасный остров" - "Ilha Formosa". В наши дни он фигурирует как экономическое "чудо" или один из "драконов" XX века, и известен как страна, стоящая на первом месте в мире по размерам валютных накоплений.

То что Тайвань фигурирует с неопределенным государственным статусом (для одних - как провинция КНР, для других как - Китайская Республика) создает для исследователей определенные трудности.

Однако факты показывают, что начало серьезного изучения Тайваня в России основано не на восприятии его как геополитического объекта в балансе сил при переделе мира, а как субъекта в общей картине человеческих связей в мировом сообществе.

Тем не менее ни в одной стране, в том числе и в России, не создано до сего времени обобщающего труда, отражающего развитие и достижения тайваньцев-китайцев, выросших в условиях разделенности и частичной этнодиффузии, испытавших влияние взаимодействия культур и создавших свой особый характер и традиции.

По мере развития светской печати в России, в элитарных журналах стали появляться заметки об острове Формоза. Их источником были разноплановые сведения, попадавшие в печать Запада и нередко принимавшие анекдотический характер. Это были рассказы тех европейцев, которые имели отношение к факториям, возникшим на острове на рубеже XVI-XVII веков - эпохи, когда начиналось трансформирующее влияние мировых экономических связей, принесенное наступлением колониальных держав.

В это время Тайвань переживал период стихийной экономической миграции китайцев с материка, период создания земледельческих и торговоремесленных поселений с растущей сельскохозяйственной периферией, без общего административного управления. Как разобщенно существовавшие поселения китайцев на Тайване, так и коренное население острова - племена аборигенов, испытывали натиск со стороны японских и европейских купцов, использовавших до середины XVII века гавани Тайваня как перевалочные базы и создававших на острове фактории.

От тех, кто бывал на этих факториях, или от моряков, сопровождавших караваны купеческих судов, бороздивших морские просторы у берегов Китая и Японии, стали проникать в Европу различные сведения о загадочном острове Формоза, вокруг которого свирепствуют тайфуны и где живут жестокие туземцы. Эти отдельные сведения, используемые в российской печати, обрастали легендами и курьезными деталями, и составляли скудный багаж знаний российского читающего населения о таинственной Формозе-Тайване.

Среди подобных "шедевров" был известен к концу XVII века рассказ некоего авантюриста Псолмоназара, давшего историческое и географическое описание острова и обычаяв его населения. Автор назвал себя формозцем, изобрел формозский язык и не пожалел красок для изображения своих "приключений". Позднее, в XVIII веке, появился еще один "шедевр" с

малодостоверными описаниями острова и его жителей, принадлежавших другому любителю приключений - графу Бенъевскому, бежавшему из ссылки на Сахалине и высадившемуся в 1771 г. на Тайване². Поскольку подобные произведения, бывшие источником для развлекательных заметок в модных журналах, не давали реальной картины и вызвали только любопытство, публикация первых научных работ о Тайване была встречена в России с интересом.

Появлению их способствовало с одной стороны, то, что со второй половины 50-х годов XIX века в России заметно изменился социальный и интеллектуальный состав общества, а после реформ 60-х годов усилился приток в образованные слои общества так называемых "разночинцев". Интеллигенция стала демократизироваться и численно расти. Повысилась активность более широких слоев образованного населения. С увеличением количества непериферических изданий и прессы, расширилась информированность общества о событиях, происходящих в мире.

С другой стороны, стала меняться и сама картина мира. Шел передел его между сильнейшими державами, и этот процесс не мог оставаться незамеченным для передовых слоев русского общества. Проблемы внешней политики России, ее дипломатии, сохранение безопасности ее границ широко обсуждались в обществе.

В 1976 году в "Морском сборнике" № 1-2 вышла обширная и серьезная статья молодого офицера русского флота - эстонца Пауля Ибиса (1852-1877)³. Другой эстонец немецкого происхождения, выпускник Ревельского университета, врач А.К.Мольтрехт (1873-1932) также, пробыв в течение нескольких месяцев на Формозе, оставил серьезный труд, названный "Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей Центральной и Южной Формозы"⁴.

Так, интерес к Формозе ширился, а нарастающая угроза русским дальневосточным владениям со стороны других держав, не могла не питать его. Уже не только в специальных журналах, связанных с военным и морским ведомством, но и в более широкой печати стали появляться заметки о Формозе⁵. В архивах военного и морского ведомств до сих пор хранятся малоизвестные донесения военных агентов и дипломатов, свидетельствующие о возросшем спросе в правительстве на информацию о Тайване.

Озабоченность безопасностью русских владений на Дальнем Востоке усилилась после англо-русского конфликта из-за Афганистана (1885) и в связи с угрозой нападения английского флота на российскую дальневосточную границу России, беззащитную из-за невозможности быстрой переброски войск через необозримые пространства Сибири. С 1891 года в России стали строить великую Сибирскую железную дорогу. Через год новый министр финансов Российской империи С.Ю.Витте представил 18 ноября 1892 года Александру III докладную записку о Дальнем Востоке, что явилось по существу первым проектом дальневосточной программы России, в которой наибольшее значение придавалось железнодорожному строительству и финансовому проникновению в Китай. Программа не предусматривала территориальных приобретений, и прекрасный остров Формоза никаких вожделений не вызывал.

Программа отражала интересы русской казны и предпринимательства, согласованные с международной биржей. Когда 25 июля 1894 года началась японо-китайская война, позиция России, отраженная в документах т.н. "особых совещаний" (за отсутствием в России единого кабинета министров, созывавшихся для принятия наиболее ответственных политических решений), свелась к поддержке мнения Витте не допускать укрепления Японии на материке и формирования финансовой программы в Китае.

Симоносекский договор от 17 апреля 1895 года, завершивший японо-китайскую войну, подтвердил захват Японией Формозы. Однако в ноябре 1895

года он был пересмотрен: Япония отказалась под давлением России, Германии и Франции от Ляодунского полуострова.

Россия, выступив в пользу Китая, столкнулась с попытками получить ее протекцию в защите Тайваня. 15(2) мая 1895 года русский министр иностранных дел Лобанов-Ростовский докладывал Николаю II, что "жители Формозы выражают через китайское правительство желание быть принятыми под покровительство России"⁶. Однако официальная декларация Японии для передачи царскому правительству, гласила, что Япония "признает за Формозским проливом значение большого международного морского пути и что посему этот пролив находится вне сферы ее исключительного контроля или пользования. Правительство его величества императора Японии обязуется не уступать никакой державе островов Формозы и Пескадорских". 18(6) октября 1895 года последовала нота русского посланника в Японии японскому министру иностранных дел с выражением полного удовлетворения Николая II по этому поводу⁷.

Но в ходе антияпонской борьбы, развернувшейся на Тайване и выразившейся в провозглашении республики, делались новые попытки обращений к России. В письме директору Русско-Китайского Банка князю Ухтомскому, находившемуся в Китае, поступило обращение от населения острова к России с просьбой "двинуть войска и навсегда принять их в подданство России". Подпись Линь Ли-чена, как одного из руководителей антияпонской борьбы после провозглашения республики, подтверждается в источниках. Донесение военного агента Вогака с приложением копии обращения не возымело действия⁸.

Ни в программе Русско-Китайского Банка - детища ведомства Витте, ни во внешней политике России никаких притязаний на Тайвань не существовало. В сентябре 1896 года уже был подписан концессионный договор между китайским правительством и Русско-Китайским Банком, предусматривавший создание Общества Китайской Восточной железной дороги⁹.

Однако укрепление позиций России в Маньчжурии не устраивало Японию. Планы Витте срывались. Включавшаяся в раздел Китая новая колониальная держава - Япония - рвалась на материк, стремясь проникнуть в Южную Маньчжурию. Материалы наших архивов показывают, что во время войны между Японией и Россией, открывшейся нападением на русский флот на рейдах Порт-Артура и Чемульпо без объявления войны 8 февраля 1904 года, возобновились попытки сделать Тайвань объектом внешних политических устремлений России.

Известно, что по инициативе русского военного атташе Дессино в конце 1904 - начале 1905 года опять делалась попытка вовлечь Россию в поддержку антияпонского движения на Тайване, которое продолжалось методами партизанской войны. В донесении фигурировал некий китайский адмирал Кан, якобы прослуживший на Тайване 27 лет и предложивший оказать помощь Формозе русским флотом. Поступившая через разведку информация о некоей связи между Дессино и Юань Шикаем вызвала еще большую подозрительность. После доклада Николаю II о донесениях Дессино, министру иностранных дел В.Н.Ламсдорфу было дано указание: "...не полагать на генерал-майора Дессино руководства сим делом, а ограничиться получением от него необходимых сведений и указаний"¹⁰. Так отдельные попытки российских военных, которые становились известны иностранным разведкам, а, может, и прямо проводились ими, не встречали поддержки русской дипломатии.

Но именно в этот момент Формоза - порабощенная Японией колония, вызвала интерес в других слоях общества. Разгром России был зафиксирован в Портсмутском договоре 5 сентября 1905 года. Россия была вынуждена признать Корею и Южную Маньчжурию сферой японского влияния, уступала Японии южную часть Сахалина и соглашалась на заключение невыгодной рыболовной концессии.

Разгром России в русско-японской войне и революция 1905-1906 годов повергли в смятение все русское общество. Усиливавшиеся репрессии царизма против народных масс и поражения на фронте с болью воспринимались в самых широких слоях общества России: "Революция бросилась в атаку на политический строй и социальный уклад самодержавно-дворянской России" - писали "Вехи" - знаменитый сборник статей о русской интеллигенции".

С самого начала военных действий в России еженедельно издавалась "Летопись войны с Японией". Широкоформатное и роскошно иллюстрированное издание отражало не только события с театра военных действий, но и публиковало фотографии и бытовые материалы о Японии. Русская молодежь приобретала все больший интерес к странам Дальнего Востока. На восточное отделение Петербургского университета усилился приток студентов, в числе выпускников его и были первые русские ученые, начавшие серьезно изучать и Тайвань.

В начале XX века основной базой подготовки специалистов по Дальнему Востоку в Российском государстве стало Восточное отделение Университета в Петербурге и научная база рядом с ним - Азиатский музей, богатейшее хранилище рукописей и книг, возникшее еще в 1818 году после выделения из Кунсткамеры Петра I и к концу XIX века окончательно превратившееся в библиотеку. Музейные экспонаты были переданы ныне существующему Музею Антропологии и Этнографии в составе Академии Наук.

Эти учреждения и стали главной российской базой научного востоковедения, получившей мировую известность.

При этом нельзя упускать из виду, что эпоха того времени создала в России особую атмосферу в демократических образованных слоях общества. Просветительские тенденции русской интеллигенции и ее критический настрой, отраженный в "Вехах", помогают и ныне понять истоки той историко-философской и культурологической школы российского востоковедения, которое расцвело в начале XX века. Несмотря на все тяготы судьбы она продолжает держаться и поныне. Основателями этой школы большей частью оказались не элитарные слои, а увлеченные судьбой своей страны и судьбами всего человечества люди - те же "разночинцы", давшие миру блестящую плеяду ученых.

Тема настоящей статьи заставляет автора ограничиться упоминанием только тех, кого непосредственно можно считать первопроходцами изучения Тайваня в России.

Это были Н.В.Кюнер (1877-1955), С.Г.Елисеев (1899-1975) и Н.А.Невский (1892-1945). Их исследования начались в первые десятилетия XX века, когда, еще будучи молодыми, они вступали в науку, то есть тогда, когда были заложены основы востоковедческой школы.

На их становление, однако, необходимо указать, оказали большое влияние два разных по характеру, но похожих по своей увлеченности и преданности науке профессора - Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865-1942) и Василий Михайлович Алексеев (1881-1951).

Профессор Позднеев, став преподавателем Восточного отделения, в 1896-1898 гг., после совершенствования в Лондоне, Париже и Берлине, одновременно был привлечен как специалист в Министерство финансов к С.Ю.Витте, где последний обратил внимание на редкие деловые качества и работоспособность молодого специалиста и использовал его в качестве консультанта для форсирования торгово-экономических связей России с Китаем (15 марта 1903 г. после большой подготовительной работы Д.М.Позднеевым от имени России был подписан один из договоров с Китаем - "соглашение о новом дополнительном тарифе для русского морского ввоза"). За четыре года службы в Министерстве финансов Д.М.Позднеев много ездил по Китаю, Маньчжурии, Монголии. Изучая природные условия, экономику, обычаи народов и суммируя впечатления и знания, полученные при этом, проф. Позднеев стал активным поборником

реорганизации всей подготовки российских востоковедов. Не только язык, но и образ жизни и мышления, культура и искусство должны стать объектом изучения будущих востоковедов - считал он.

После ухода С.Ю.Витте, Позднеев перешел на службу в Министерство просвещения, где, получив должность директора Восточного института во Владивостоке, начал проводить в жизнь свои замыслы.

Тяжело, как и все, переживая поражение России в русско-японской войне, Позднеев проявил инициативу создания системы изучения японского языка, доступной более широкому кругу учащихся. Передав руководство институтом брату, Д.М.Позднеев уехал в Японию, языка которой он не знал. Поступив учеником в школу Мацуда, Дмитрий Матвеевич, зная китайские иероглифы, в феноменально короткий срок выучил японский язык и за четыре года, используя методы японского образования, заложил основание новой системы изучения японского языка, по которой учились все японисты (как и автор этих строк). Позднеев открыл возможность изучать японский язык без посредства других языков. Так это стало доступным для более широких слоев и дало возможность использовать язык в практических целях.

Находясь в Японии в сложнейших условиях (наборщики не знали русского языка) Позднеев сумел издать 12 работ по Японии более чем на 4-х тысячах страниц, подготовить и впоследствии издать первый японско-русский иероглифический словарь и ряд пособий для обучения.

Вернувшись из Японии в 1910 г., Д.М.Позднеев преподавал в Практической восточной академии, а после 1917 г. в Военной академии РККА и Университете. Лекции профессора Позднеева были насыщены обширным материалом и отличались широкой эрудицией (но отнюдь не исключали строгость к слушателям).

Именно из уст Дмитрия Матвеевича автор данной статьи услышала в годы своей учебы в Ленинградском университете в 1928-1932 гг. много интересного об острове Формоза - первой колонии Японии. Не оставляя научной работы до своего ареста, Д.М.Позднеев закончил и капитальный труд в трех книгах "Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России". К сожалению, этот труд, оставшийся неизданным, не используется и поныне. Трагическая гибель ученого на восьмом десятке в застенках после допросов лежит тяжелым камнем на душе всех, кто знал профессора Позднеева и учился у него¹².

К 1910 году относится начало преподавания на Восточном отделении университета еще одного энтузиаста востоковедения, будущего академика Василия Михайловича Алексеева (1881-1951). Он также был новатором в востоковедении и блестящим знатоком китайского языка. Как и Позднееву, ему была присуща широта интересов, еще более способствовавшая гуманитаризации востоковедения. Филология и искусство, культура, изучение фонетики языка, художественной литературы, обычаев, обрядности и народного лубка - все это стало объектом внимания и изучения в лекциях тогда еще молодого В.М.Алексеева¹³.

Первые подходы к изучению Тайваня в России

В атмосфере научного поиска, гуманизма и практической деятельности в странах региона Дальнего Востока, в формировании которой значительную роль сыграли как Д.М.Позднеев, так и В.М.Алексеев, и были сделаны первые наброски исследований по Тайваню их учеников, т.е. упомянутых ранее Н.В.Кюнера, С.Г.Елисеева и Н.А.Невского.

Диапазон работ Н.В.Кюнера включал широкую тематику и междисциплинарные подходы, включающие этнографию, историю, материальную и духовную культуру Китая, Тибета, Японии, Кореи. Сделаны были подходы к специальному изучению Тайваня, о чем свидетельствуют ряд

сохранившихся рукописей в архивах Института Востоковедения и Этнографии в Санкт-Петербурге¹⁴. В своих лекциях о Корее, помнится, Н.В.Кюннер делал сопоставления с политикой японцев на Формозе, но из опубликованных работ известна только напечатанная в 1937 г. в журнале "Советская этнография" - "Коллективные охоты у формозских племен (у племени атая)"¹⁵. Остается предположить, что какие-то заготовки 20-х годов, сделанные Н.В.Кюннером, касающиеся Формозы, утрачены.

Несомненно, что не увидели света и многие материалы С.Г.Елисеева (1899-1975), путешествовавшего по Формозе. Впрочем его рукописи в Архиве Института Востоковедения в Санкт-Петербурге еще не доработаны.

Между тем известно, что интерес к Тайваню проявляли ученые и других специальностей. Достижения японских врачей в борьбе с тропическими заболеваниями, успехи аграрных реформ и тропического земледелия и растениеводства доходили до России через европейскую печать¹⁶.

Однако, интерес к Тайваню не удалось реализовать ни востоковедам, ни более широкому кругу специалистов-ученых.

Война, начавшаяся в 1914 г., революция 1917 г. в России, гражданская война, разруха и голод - ввергли российское общество в пучину тяжелых испытаний. Это было время великих надежд и великих разочарований, но теми, кто достойно прожил это время, можно гордиться.

Если рукописи Н.В.Кюннера и С.Г.Елисеева остались незавершенными, то их коллеге - крупнейшему российскому востоковеду (увы, также трагической судьбы) - Николаю Александровичу Невскому удалось сделать вклад не только в изучение Тайваня и российское востоковедение, но и в мировую науку.

Это требует пояснений. Атмосфера Восточного отделения Университета в предвоенные годы (до первой мировой войны), приобрела новые черты, так же отразившиеся на формировании школы российского востоковедения. Этому не только способствовала обстановка в стране и обществе того времени. Новации, привнесенные в востоковедение старшим поколением - Д.М.Позднеевым и В.М.Алексеевым, что предполагало внимание не только к источникам и классическим языкам, но и к разговорным языкам изучаемых стран, к жизни и обычаям их народов, их литературе и искусству, пополнились более широким культурологическим подходом.

Выпускники Восточного отделения 1914-1915 гг. Н.А.Невский, Н.И.Конрад, О.В.Плетнер и др. были участниками факультативного семинара при Музее антропологии и этнографии, которые вел старший этнограф музея, крупный ученый Л.Я.Штернберг, в прошлом ссыльный народоволец.

Ценностной ориентацией поколения энтузиастов того времени, посвятивших себя изучению стран Востока, был прогресс культуры, прогресс мировой цивилизации. Революционные идеи, витавшие в предреволюционной России и будоражившие умы интеллигентной молодежи, перекликались с концепциями Л.Я.Штернберга. Метод Штернберга получил в литературе название "этнографо-лингвистического". Именно это и дополнило школу дореволюционных востоковедов, и оказало влияние на их подходы, в частности, на Н.И.Конрада и Н.А.Невского.

Завершать исследования, основанные на концепциях, обогативших российское востоковедение накануне первой мировой войны, удалось немногим ученым. Так случилось и с изучением Тайваня. Одним из тех, кто прославил российское востоковедение был Николай Александрович Невский.

Закончив университет в 1914, Н.А.Невский в 1915 г. поехал на стажировку в Японию. Война и последующие события не дали ему возможность вернуться в Россию. Оставшись без средств к существованию в Японии (содержание от Университета, естественно, прекратилось), он осуществил ряд крупнейших исследований, в том числе одно, непосредственно касающееся Тайваня. Только в 1929 г. усилием академиков Н.А.Конрада и В.М.Алексеева Н.А.Невский вернулся на родину¹⁷.

Диапазон работ Н.А.Невского превзошел планы его молодости. В мировой ориенталистике считается, что путь к изучению первобытной культуры Японии, Кореи, Китая, Тибета и всей Центральной Азии лежит через изучение наследия Н.А.Невского. Когда наша наука получит, наконец, возможность поднять великую ношу создания Всемирной истории культуры, о которой мечтали корифеи российского востоковедения, труды Н.А.Невского будут с ними. А среди них и его известная работа по говорам тайваньских аборигенов цоу¹⁸.

Но доступно ли нам - современникам взять на вооружение те методы, которые обеспечили достижение этих результатов? Хватит ли у нас трудолюбия, эрудиции и энтузиазма?

Эти методы основывались на широкий палитре междисциплинарности, которая обеспечивала изучение социальной истории всего человечества, а не только европейской цивилизации. Эти методы открывали дорогу новому этапу востоковедения, основанному на культурологии, ориентации на анализ взаимопроникновения культур, как перспективы развития человечества.

Автору этих строк довелось в молодые годы в 1929 г. слушать лекции, приехавшего из Японии Н.А.Невского. Запомнился акцент на национальные особенности в курсе, читавшемся Невским по грамматике литературного японского языка и живые интерпретации тех или иных выражений. Теперь понятно, что для Н.А.Невского было необходимо проникнуть в суть национальных особенностей всего общества, которое он изучал. И тангуты, соседи Китая, и племя цоу - тайваньских аборигенов изучались одним методом - методом проникновения в душу народа.

Изучение Тайваня, как колониального объекта и фактора национально-освободительной борьбы

Между тем, именно в годы, когда вернулся Н.А.Невский, в России приступили к более регулярному и систематическому изучению Тайваня (тогда он назывался Формоза) как колонии Японии.

Когда в России после 1917 г. встала задача привести науку в соответствие с господствующей идеологией построения социализма и грядущей мировой революции, академическое востоковедение приспособлялось к этому нелегко. Если 20-е годы оставались несмотря на все тяготы жизни, временем творческого взрыва в востоковедении, то с 1928 по 1931 годы в Академии наук происходил слом - крен в сторону прикладных работ в ущерб фундаментальным исследованиям. Востоковедение переживало трудное время.

В 1925 г. при Коммунистической академии в Москве был создан Институт мирового хозяйства и мировой политики и в июне того же года - Международный аграрный институт. В их стенах и были подготовлены первые работы по Тайваню, выполненные в свете новых идеологических концепций.

Эти концепции были сформулированы В.И.Лениным на II конгрессе Коминтерна и развиты на Первом съезде народов Востока в Баку (1920) и съезде народов Дальнего Востока в Москве (1922). Новое поколение востоковедов в основном эти идеи приняло на вооружение. Мы искренне сочувствовали борьбе народов колониальных и зависимых стран Востока за национальную независимость и социальное освобождение. В этом плане стали появляться в научной печати и отдельные статьи о Тайване и соответствующая информация в прессе.

Одним из первых занялся аграрными проблемами Тайваня японовец петроградской школы - научный сотрудник Международного аграрного института О.В.Плетнер. В 1927 г. вышла его статья "К аграрному вопросу на Формозе"¹⁹. О.В.Плетнер - видный японовец, закончил Петербургский университет в 1915 г., совершенствовал свои знания в Японии. В 20-е годы был активным деятелем Ассоциации Востоковедения, организатором ее

Дальневосточного филиала. До своей смерти в 1929 г. преподавал в Московском Институте Востоковедения и был научным сотрудником Международного аграрного института. После стажировки в Японии в 1929 г. опубликовала статью дочь профессора Позднеева В.Д. Позднеева, одна из первых аспиранток проф. Н.И. Конрада, которую также не пощадила судьба²⁰.

В 1929 году в органе Института мирового хозяйства и мировой политики систематически стали появляться заметки и обзоры о Формозе²¹. Но основными поставщиками материалов о японских колониях - Корсе и Формозе были референты Коминтерна и Профинтерна, получавшие прессу соответствующих стран. Это были скорее пропагандистские, нежели научные материалы. "Сахарные плантации, обогранные кровью крестьян (Формоза)" - в таком духе писались статьи в журнале "Международное рабочее движение". Регулярные обзоры для Профинтерна перерабатывались в статьи сотрудником Профинтерна, впоследствии доктором наук М.И. Лукьяновой²².

Все это не могло обеспечить получение более или менее адекватной картины того, что действительно происходит на Тайване. Имеются основания считать, что выход предложил О.В. Плетнер: был предпринят перевод книги японского автора Янайбара Тадао, который был издан в 1934 году. Книга, вышедшая под названием "Формоза под властью японского империализма" была снабжена предисловием Д.Склярова, в котором говорилось об "эклектичной твердолобости автора, социал-фашистские выводы которого никакая действительность прошибить не может". Автор предисловия резко критиковал мнение автора книги, что "идеи коммунизма являются чужеродным телом для Формозы" и что средняя буржуазия и интеллигенция на Формозе занимают видное место и возглавляют борьбу за свободу²³.

В том же 1934 г. молодые сотрудники Колониального сектора Института мирового хозяйства и мировой политики под руководством своего руководителя М.М.Абрамсона были приглашены на встречу с представителями японской компартии. Руководитель японской секции Коминтерна - Окано (известный деятель КПЯ Токуда) обратился к сотрудникам сектора с просьбой помочь КПЯ получать информацию о положении в японских колониях.

После встречи М.Абрамсон, распределяя задания, сказал: "Ну а Формозу - этот твердый орешек - мы поручим Фанни". К стыду своему, я - тогда референт колониального сектора 23-х лет от роду - легкомысленно отнеслась к этому как рядовому поручению и не могла представить себе, насколько это поручение определит всю мою дальнейшую жизнь.

Поручение оказалось серьезным. Я выписывала литературу с Тайваня и о нем, читала западные книги и вела тематическую картотеку. Моя картотека и обзоры стали пользоваться вниманием. Среди обращавшихся ко мне были работники Коминтерна - помню не всех, среди тех, кто остался в памяти - Сафаров, Горшенин, Горелян. Сотрудники, работавшие со мной, были вынуждены не только отбиваться от моих вопросов, но и читать мне лекции по более широкой тематике (напомню, что в 1932 г. история в средней школе не преподавалась. Знания выпускников по общественным дисциплинам были социологизированы и трафаретны). Сотрудникам Института - А.Я.Канторовичу, М.И.Казанину, Г.С.Кара-Мурзе и другим - светлая память за учебу и помощь в "разгрызании орешка". А М.М.Абрамсону и А.Я.Канторовичу - еще и вечная память за муки, принятые в застенках, и смерть от истощения в лагерях.

События после убийства С.М.Кирова - начавшийся террор и разгром старых партийных кадров - повлияли и на установившийся порядок в секторе. Вскоре М.М.Абрамсон был отстранен от работы. Мои функции были изменены. Из-за отсутствия контакта с новым руководством (после собрания, на котором нам было многозначительно заявлено, что с "классовыми врагами" типа Сафарова, мы никогда не имели дела) я перешла в другое научное учреждение. А вскоре в библиотеке им.Сен-Катаямы, принадлежавшей институту, где

хранились и рукописи моих обзоров, произошел пожар. Мне было сказано, что ничего из моих материалов и папок с вырезками не сохранилось.

Тяжелые годы репрессий не способствовали появлению новых работ по Тайваню. Статьи и материалы, разоблачавшие захватническую политику Японии и отражавшие борьбу на Тихом океане, не вошли в серьезную историографию о Тайване на русском языке. Появившаяся в журнале "Тихий океан" работа А. Розена (псевдоним А. Бремена - сотрудника ЦК партии) под названием "Кровавое сорокалетие (Формоза, 1895-1935)" была последней серьезной довоенной работой по Тайваню²⁴.

Трудно было пережить эти годы - годы страшного ухода из жизни стольких людей, нужных Родине, науке, ставших родными. Трудно пишутся эти строки, когда прошедшее проходит перед глазами и заставляет заново переживать то, что, казалось, было забыто.

В 1938-1941 годах я стала аспирантом Исторического факультета Московского государственного Университета, где готовился первый выпуск историков после восстановления курса "История" в школах и вузах. Специализация по японской колониальной политике позволила мне взять тему диссертации: "История захвата Формозы Японией". Диссертацию удалось защитить только после войны.

Изучение Тайваня в России после второй мировой войны

После капитуляции Японии 2 сентября 1945 года Тайвань был возвращен Китаю, колониальное владычество Японии над островом закончилось. Между тем прошло немало времени, прежде чем отечественное востоковедение вновь смогло включить Тайвань в объект своих исследований. Для этого было много препятствий. Не говоря о послевоенных трудностях восстановления науки в России и гибели многих ученых, сама проблема Тайваня осложнилась в послевоенном мире настолько, что заниматься ею в социокультурном аспекте, следуя традициям востоковедения, было не только невозможно, но и небезопасно.

Международные противоречия по вопросам послевоенного устройства, начало "холодной войны" нагромодили вокруг "тайваньского вопроса" такую кучу сложностей, что долгое время в советской историографии о Тайване преобладали только термины "тайваньский вопрос", "тайваньская проблема" и т.п. После решения великих держав о восстановлении китайской юрисдикции на Тайване первые шаги гоминьдановской администрации возмутили население. В феврале 1947 года на острове вспыхнуло восстание, которое было жестоко подавлено. Правительство Чан Кайши получило широкую поддержку от США. Когда же к концу 1949 г. Народно-освободительная армия Китая окончательно вытеснила гоминьдановские войска с континента, 1 октября 1949 года в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика. На Тайване же тем временем глава Гоминьдана Чан Кайши объявил себя президентом и главнокомандующим вооруженными силами Китая и стал фактическим диктатором на Тайване. Город Тайбэй получил статус "временной" столицы "Китайской республики". Так возникла ситуация "двух Китаев", хотя и Пекин, и Тайбэй считали, что есть только один Китай. Но для геополитических комбинаций при переделе послевоенного мира и для простых людей, в нем живущих, "проблема Тайваня" была насыщена разным содержанием.

В частности, для советских людей, еще не пришедших в себя после изнурительных лет войны и с колоссальным напряжением восстанавливающих разрушенное хозяйство, "тайваньская проблема" подавалась достаточно примитивно. Де "тайваньский вопрос - порождение империалистической агрессии против Китая", "Тайвань - прибежище гоминьдановской клики", противник великого партнера по "социалистическому содружеству". Эти штампы заслоняли судьбу тайваньского населения - части китайского народа,

пережившего, однако, невзгоды отторжения и создавшего свой социум. О таком Тайване в России вообще не знали.

Для широкого круга читателей литература о Тайване была представлена переводами с китайского, например, книг У Чжуан-да и Цин Жуцзи²⁵.

Для узкого же круга специалистов и пропагандистского аппарата выпускались материалы под грифом "для служебного пользования". Именно в таком режиме и вышла весьма добротная работа ученого-китаиста В.Н.Барышникова - "Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях (1949-1958)". Книга эта, несмотря на лексику, соответствующую цензуре и времени, до сих пор является единственным связным изложением истории Тайваня указанного периода.

Ряд последующих работ данного автора о международных проблемах, связанных с Тайванем, выполненных на высоком уровне, свидетельствуют, что существующий и поныне политический императив, который предписывает рассматривать Тайвань только как провинцию Китая, ограничивал возможности автора. Его статьи в Советской исторической энциклопедии, в Большой советской энциклопедии, свидетельствуют о неиспользованных возможностях²⁶.

Зато работа В.Барышникова оказалась неплохим подспорьем для довольно большого потока политологических брошюр, обыгрывавших "тайваньскую проблему". Однако обзорные этой литературы не входят в задачи автора данной статьи.

Несмотря на политологический уклон дальневосточного востоковедения Москвы, в Ленинграде на базе Восточного отделения ЛГУ и Институте Востоковедения АН сохранялась традиция социо-культурологического подхода. Так перу Р.Ф.Итса принадлежит интересная работа об архаических формах социально-производственных объединений тайваньских горцев²⁷. Неумолимо продолжал свои штудии по исторической географии и этнографии Тайваня М.Ф.Чигринский.

В начале 70-х годов обстановка способствовала расширению возможностей публикации работ по Тайваню. Автору настоящей статьи, которая после переезда Института Востоковедения из Ленинграда в Москву стала в этом институте заниматься информационно-библиографической работой, дирекция предложила перейти в отдел Китая с задачей реализовать диссертационные и иные материалы.

В 1978 году после нелегких обсуждений вышла под редакцией академика С.Л.Тихвинского моя книга "Тайвань и его история (XIX век)"²⁸. Книга должна была показать жизнь Тайваня не только как объекта воздействия других сил, а как самостоятельного субъекта в ареале китайской культуры. Она была встречена рядом положительных рецензий. В работе мне активно помогали ученые из отдела Китая ИВ АН, которые дали мне возможность быть не только японоведом, но углубить свои знания по Китаю. Увы, специальное изучение Тайваня не поощрялось. Под жесткой установкой - "Тайвань - неотделимая часть Китая и в специальных исследованиях не нуждается" - мы жили долгое время, как и все академические учреждения России. Ряд обстоятельств побудили и меня отказаться от продолжения работы, замышлявшейся как диалогия. Однако в Институте Востоковедения нашелся выход из нелепого положения - фактического запрета тайвановедения.

С 1969-1970 гг. в стенах института проводится ежегодный симпозиум "Государство и Общество в Китае". Здесь в ходе обмена мнениями затрагивались многие острые темы, в том числе и касающиеся Тайваня. Хотя, как правило, на симпозиуме рассматривались темы, касающиеся общества Китая до 1949 г., дискуссии часто, естественно, выходили за эти рамки. Так, нередко вступая в спор с выступлениями А.В.Меликсетова, автор этих строк не могла не согласиться с его тезисом о том, что Тайвань, будучи неотъемлемой частью социо-культурного комплекса Китая, стал общекитайской лабораторией по проведению масштабного социально-экономического эксперимента. Этот вывод

прослеживается и в ряде других работ А.В.Меликсетова о социально-экономической истории Китая, но особенно отчетливо выражен в его статье в сборнике, изданном тайваньской секцией Всесоюзной Ассоциации Китаеведов (ныне Ассоциация китаеведов РАН). Неприменным участником симпозиумов был и ленинградец М.Ф.Чигринский. Недавно защищенная им диссертация завершила его изыскания об аборигенах Тайваня²⁹. Ряд интересных научных сообщений, в частности, о неолитической культуре Тайваня, о ранней истории Тайваня в свете новых археологических открытий были сделаны С.Кучерой.

Вообще конец 80-х и особенно начало 90-х годов прошли под знаком значительного оживления изучения Тайваня. Еще во второй половине 80-х годов в рамках ВАКИТ была создана секция изучения Тайваня. В начале 90-х годов в Институтах Востоковедения и Дальнего Востока РАН были созданы межотдельские центры изучения Тайваня. На всех последних симпозиумах "Государство и общество в Китае" и на ежегодных международных конференциях ИДВ "Китай и мир" заметное место стали занимать доклады и научные сообщения по различным аспектам истории, экономики, эволюции политического режима, культуре Тайваня. Это позволяет считать, что настало время для проведения специального симпозиума по Тайваню.

Растущий интерес к Тайваню в нашей стране (что заметно и по прессе) определил появление в последние годы ряда публикаций справочно-информационного³⁰ и научного характера. В конце 80-х - начале 90-х годов вышли две работы, посвященные изучению социальных сдвигов в новых индустриальных странах Восточной Азии, содержавшие анализ социальных процессов и на Тайване³¹.

В 1991 г. специалист по экономике развивающихся стран ИВ РАН А.А.Максимов издал содержательную книгу "Экономика Тайваня. Итоги и перспективы"³², в которой впервые на русском языке нашему читателю был представлен анализ основных процессов в экономике Тайваня в период 50-80-х годов, содержания осуществленных там преобразований. Автор высказал мысль о том, что элементы экономической модели Тайваня могут быть использованы в ходе реформ в других странах, и, в частности, в бывших республиках СССР. Это пожелание остается серьезным вызовом для исследователей, знающих и китайскую, и тайваньскую специфику. Позитивно оценивая упомянутые выше публикации, следует отметить, что им в той или иной мере недостает учета контекста китайской цивилизации, специфики Тайваня. Но время для устранения этого дефекта наступило.

Теперь время изменилось, появилась новая возможность - объединить для исследования тайваньской проблемы усилия ученых России, Китая и Тайваня.

1. Psolmonazar, G. An Historical and Geographical Description of Formosa, an Island subject to the Emperor of Japan... London, 1704.
2. Benyowsky, Maurice-August. Voyages et memoires de Maurice Auguste, comte de Benyowsky, Magnat des Royaumes d'Hongrie et de Pologne. Paris, 1791.
3. Ибис, П. Экскурсия на Формозу: Морской сборник, СПб., 1876. - N 1-2. Комментарии к этому труду см.: М.Ф.Чигринский. Русский офицер Пауль Ибис и его записки о путешествии по Тайваню в 1875 г. // "Страны и народы Востока". - М., 1984. - Вып. XXIV. - С. 56-64; Его же. Путешествие Пауля Ибиса на Тайвань // "Советская этнография". - 1982. - N 2. - С. 107-113.
4. Мольтрехт А.К. Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей Центральной и Южной Формозии // "Известия Императорского Русского географического общества". - СПб, 1916. - Т. II. - Вып. 1.
5. Наиболее значительные: Остров Формоза // "Морской сборник", СПб, 1876. - Т. 152, N 1; Железная дорога на острове Формоза // - "Сборник геогр., топогр. и статистических материалов по Азии". - СПб, 1894. - IV.
6. Докладная Лобанова-Ростовского Николаю II 2 мая 1895 г. Архив внешней политики. (Далее АВП). Китайский стол.
7. АВП. Кит. ст. Подборка "Формоза".
8. Донесение военного агента Вогака за N 136 от 27 октября (8 ноября 1897 г.). Центральный Военно-исторический архив. Фонд ВУА.
9. Романов. Россия в Маньчжурин. Л., 1928. - С. 60.
10. АВПР: Фонд - Японский стол. Опись 493, д. 575.

11. "Вехи". Репринтное издание. - М., 1900. - С. 140.
12. Подробное см. воспоминания внучки Д.М.Позднеева: Кабанова Н. Судьба одной семьи // "Азия и Африка сегодня". - М., 1990. - N 2. - С. 50-54; N 12. - С. 40-42.
13. Традиционная культура Китая: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В.М.Алексеева // АН СССР Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1983.
14. Напр., Кюнер Н.В. Народы острова Тайвань. Архив Ленингр. отделения института этнографии (ЛОНЭ). Ф. 8, оп. 1, ед.хр. 90 и ряд других рукописей.
15. Кюнер Н.В. Коллективные формы охоты у формозских племен (у племени атайял) // "Советская Этнография". - 1937. - N 2-3.
16. Известно, что один из крупнейших советских ученых-ботаников, изучая мировые растительные ресурсы, изучал и флору Тайваня и посетил Тайвань. См. Н.И.Вавилов. Пять континентов. - М., 1962. - С. 112-115.
17. См.: Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Певский. - М., 1978.
18. Певский Н.А. Материалы по говорам языка цоу. - М.-Л., 1935; Его же. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М., 1981.
19. Плетнер О.В. К аграрному вопросу на Формозе // "На аграрном фронте". - М., 1927. - N 5. - С. 75-84.
20. Позднеева В.Д. Остров Формоза // "Известия географического общества", Л., 1929. - Т. 61. Как ученый подавала большие надежды. Погибла фактически тоже в результате репрессий, не перенесла ареста мужа - М.Плотникова - зав.кафедрой Академии им. М.В.Фрунзе.
21. Никкель. Современная Формоза // "Мировое хозяйство и мировая политика". М., 1929. - N 2. - С. 82-89; Сахарные плантации, обогранные кровью крестьян (Формоза). - "Международное рабочее движение". - М., 1928. - N 4. - С. 13-14.
22. Лукьянова М.И. Японское владычество и борьба с ним на острове Формоза // "Красный интернационал профсоюз" - М., 1929. - N 6; Асагири (псевдоним М.И.Лукьяновой) Рабочее и национально-освободительное движение на Формозе // "Международное рабочее движение". - М., 1929. - N 34; Лукьянова М. Восстание на Формозе // "Межд.раб. движение". - М., 1931. - N 1.
23. Яугихара Тадао. Формоза под властью японского империализма. - М., 1934. - С. XIX-XX.
24. Розен А. Кровавое сорокалетие (Формоза 1895-1935) // "Тихий океан". - М., 1935. - N 3. - С. 105-122; N 4. - С. 86-97.
25. У Чжуан-да. Тайвань. / Пер. с кит. - М., 1953; Цин Жуцзи. История американской агрессии на Тайване. Пер. с кит. М., 1956.
26. Барышников В.И. "Тайваньский вопрос" в китайско-американских отношениях. (1949-1958). - М. 1969 // (Информ. бюлл. Ин-та Дальнего Востока; Его же. Тайвань под американско-гоминьдановским господством // "Народы Азии и Африки". - М., 1963. - N 1. - С. 60-71; Его же. Принципиальная политика СССР в тайваньском вопросе // "Проблемы Дальнего Востока". - М., 1982. - N 3. - С. 40-49 и др. статьи в ж-ле "Проблемы Дальнего Востока" и в справочных изданиях.
27. Итс Р.Ф. Архаические формы социально-производственных объединений тайваньских горцев. - В сб.: Охотники, собиратели, рыболовы. - Л., 1973.
28. Тодер Ф.А. Тайвань и его история (XIX в.). - М., 1978.
29. Чибрицкий М.С. Аборигены Тайваня: очерк этнической истории и традиционной культуры: Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист.н. СПб., 1993.
30. Тайвань: Краткие справочные сведения. - М.: ИДВ РАН, 1992. - Вып. 1-2.; Тайвань. Справочник для деловых людей. - М., 1993.
31. Шин И.А. "Новые индустриальные страны" Азии. Социально-политические сдвиги и рабочий класс. (60-80-е годы). - М., 1989; Сычева В.А. Трудженники четырех "маленьких драконов". - М., 1991.
32. Максимов А.А. Экономика Тайваня: итоги и перспективы развития. - М., 1991.

Экономика

Рыночная модернизация в Восточной Азии: опыт Тайваня

© 1993

С.Шиловцев

Бурный экономический рост на Тайване происходил на фоне хозяйственного подъема в Восточной Азии. В послевоенном развитии экономики Японии, Южной Кореи и Тайваня есть так много общего, что можно говорить о восточноазиатской модели рыночной модернизации. В ней Япония была лидером, Тайвань и Южная Корея - последователями-конкурентами. Подобное распределение функций, отражающее разные уровни экономического развития трех стран и территорий, только умножило силу общих тенденций развития.

Главный результат "штурма и натиска" в экономическом развитии стран Восточной Азии состоит в том, что при жизни одного поколения они переместились с периферии в центр мирового хозяйства. Комплексная индустриализация и создание открытых экономик, обладающих конкурентными преимуществами при сколь угодно стремительных изменениях международного разделения труда, находится в русле индустриальной цивилизации. Однако интересно рассмотреть особенности восточноазиатской модели с точки зрения взаимодействия императивов индустриальной цивилизации и национальных культур.

Во-первых, без массового осознания общественной ценности экономического роста и открытости в традиционных для культуры стран Восточной Азии понятиях экономическое чудо вряд ли бы состоялось. Это ярко проявилось в неоконфуцианстве. После развала японской империи в результате второй мировой войны мировое сообщество предстало для стран Восточной Азии тем "космосом", от следования по пути - Дао которого невозможно было отклониться. И лучшие свойства конфуцианской личности - сконцентрированная воля и воспитанный образованием талант - должны были проявиться при следовании постимперскому Дао. В этом контексте уместно привести высказывание тайваньского исследователя Вэй Во: "Вторжение западной культуры очистило конфуцианство"¹.

Не менее важно было восходящее к Конфуцию представление о том, что не каждый может овладеть своим Дао, не всем дано стать "благородным мужем" (цзюнь-цзы). Оно узаконивало конкуренцию и, главное, ее результаты для каждого гражданина. Восточноазиатский взгляд на конкуренцию формировался как работа на результат, а не исключительно или преимущественно состязание, освященное или разрешенное Богом, что ближе к протестантской этике. "Известно, что люди могут расширять управление, а не управление - людей"². В этом суждении из древнекитайского трактата содержится ключ к пониманию высокой конкурентоспособности и гибкости предпринимателей из восточноазиатских стран. Создание эффективных стратегий менеджмента и маркетинга может и должно опираться на культурные традиции, уходящие

далеко в прошлое. По крайней мере нельзя объяснить успех экспортной ориентации экономики восточноазиатских стран исключительно сравнительными преимуществами по дешевой рабочей силе. В 50-х годах ими обладали не только Япония, Тайвань, Южная Корея. Однако максимум от этих преимуществ смогли получить именно эти страны.

Во-вторых, независимая и координирующая роль государства в экономике (в демократическом для Японии и авторитарных для Южной Кореи и Тайваня контекстах) также может рассматриваться как особенность именно восточноазиатской модели. Государство не может не быть активным на решающих стадиях промышленного переворота. Это общая черта развития индустриальной цивилизации. Принципиальное значение имеет адекватность государственной стратегии участия в экономическом развитии.

Как представляется, для восточноазиатской модели важную роль сыграло то, что экономическая реформа в Японии, начатая американской оккупационной администрацией во второй половине 40- годов, была радикальным вариантом "Нового курса". Тем самым передавался социальный опыт преодоления структурного кризиса 1929-1933 гг., закладывались основы для быстрого освоения Японией и ее последователями технологий массового производства, игравших ключевую роль на стадии подъема четвертой длинной волны в мировом хозяйстве (40-60-е годы).

Кроме того, активные функции государства в экономике соответствовали и освящались конфуцианской традицией. Речь идет о разделении труда: государство посвящает себя социальной справедливости, граждане - получению дохода. Различные роли и цели дополняют друг друга, потому что экономическая рациональность рассматривается как результат не только индивидуальных усилий, но и известной гармонии отношений на коммунальном и общественном уровнях. Такое понимание конфуцианской традиции легло в основу принципов народного благосостояния Сун Ятсена, ставших официальной экономической доктриной Тайваня³.

Государство поощряло и поддерживало конкурентные начала промышленного предпринимательства. Следствием этого стало жесткое регулирование финансового рынка стран Восточной Азии вплоть до середины 80-х годов.

В-третьих, своевременные и до конца доведенные аграрные реформы позволили установить макроэкономическое равновесие, а также нормальную систему цен, которые стимулировали развитие конкурентных начал в производстве. Последнее еще более стабилизировало систему цен, дало национальным предпринимателям ясные ориентиры для маркетинговых и инвестиционных решений.

В-четвертых, дешевая рабочая сила была единственным изобильным ресурсом в экономике стран Восточной Азии. На основе аграрной реформы он был эффективно использован для мощного "разблокирования" внутреннего рынка и первоначального ускорения экономического роста. Речь идет об импортозамещающей, эндогенной индустриализации. Надо подчеркнуть ее избирательный характер, прежде всего в Японии и на Тайване. При избирательном варианте внутренний рынок не отгораживается от внешнего, в то же время стимулируется самовозрастание национального капитала, укрепляется конкурентоспособность местных компаний. Это философия созидания и укрепления рыночного ядра, которое впоследствии может вытянуть остальную экономику. На наш взгляд, она имеет преимущества перед сценариями "шоковой терапии", при которых первоначальный размах преобразований подрезается ограничениями старой экономической структуры даже без гиперинфляций.

В-пятых, национальные предприниматели и государство рано осознали ограниченность импортозамещающего варианта индустриализации. Переход к экспортоориентированной индустриализации позволил сохранить

первоначальный динамизм экономики. Форсирование экспортной ориентации поддерживалось углублением импортозамещения при комплементарности частных и государственных инвестиций. Особенностью восточноазиатской модели является гибкое сочетание экспортной ориентации с импортозамещением.

В-шестых, конкурентная стратегия компаний Японии, Тайваня, Южной Кореи существенно отличается от американской и западноевропейской. Для них характерно устанавливать цены на перспективный товар в зависимости от планируемой доли рынка и вслед за этим сокращать производственные издержки, ориентируясь на целевую цену⁴. Обычный подход американских и западноевропейских компаний - сегментирование рынков, создающее монополистическую структуру конкуренции, в которой даже сравнительно небольшие компании могут определять и контролировать цены на собственную продукцию. В обоих случаях компании являются price givers, но восточноазиатские имеют преимущество по жесткой привязке цены к издержкам.

В-седьмых, стабильно низкая безработица сочеталась с ростом квалификации рабочей силы и производительности труда. Это в равной мере справедливо для крупных корпораций Японии и малого бизнеса Тайваня. В Восточной Азии среди занятых преобладают мужчины. Это главная причина низкого уровня безработицы (4-6%). Вместе с тем в современных отраслях активно используется труд молодых женщин, зарабатывающих себе на приданое.

Все эти особенности рыночной модернизации в полной мере относятся к опыту Тайваня. Отличия состоят не только в масштабах и глубине их проявления, хотя Тайвань по демографическому, природно-ресурсному потенциалу уступает даже Японии и Южной Корее. На наш взгляд, рыночная модернизация на Тайване была наиболее сбалансированной при столь же высоком ее динамизме. Тайваньское общество, прежде всего предпринимательство, проявило несомненное "чувство равновесия", стремительно входя в мир международной конкуренции и завоевывая прочные позиции в мировой экономике.

Тайваньское общество смогло аккумулировать внешние и внутренние импульсы развития при минимальной ресурсной базе. Это цивилизационный феномен. Неоконфуцианство помогло становлению синтеза разных культурных и хозяйственных влияний как норме социального поведения.

Экономическое чудо Японии, Тайваня, Южной Кореи состоит в том, что с конца 40-х - начала 50-х годов эти страны совершили такой рывок в экономическом развитии, для которого другим развитым странам понадобилось 50-100 лет. Другими словами, при жизни фактически одного поколения развитие экономики Японии вместило "работу" более чем одной длинной волны (цикла Кондратьева) и не менее двух для Тайваня и Южной Кореи.

Длинные волны - механизм обновления экономических структур в мировом хозяйстве. В основе длинноволновой динамики лежит повторение технологических переворотов в экономике, происходящее с регулярностью в 40-60 лет. На новой технологической основе появляется группа лидирующих отраслей производства, происходит переснащение основным капиталом соответствующим требованиям ключевых технологий, остальных отраслей промышленности и инфраструктуры.

Экономическое чудо в Восточной Азии бросает вызов парадигме длинных волн. Во-первых, экономика одного региона развивалась настолько быстро, что "работа" длинного цикла была сделана за гораздо более короткий срок и по результатам регион переместился с периферии в ядро мирового хозяйства. Во-вторых, длинноволновая динамика связана с освоением качественно более совершенных технологий. К этому способны только государства, лидирующие в научно-технической области. Между тем страны Восточной Азии только в 80-е годы вошли или приблизились к этой группе стран.

Рассмотрим особенности длинноволновой динамики Тайваня. Для анализа использовались скользящие средние (за 7 лет) данные о темпах роста промышленного производства, оптовых цен, банковских депозитов - ключевых показателей динамики физического объема производства, стоимостных и денежных агрегатов за 1908/1912 - 1988 гг.⁵ Динамические ряды имеют разрыв во второй половине 40-х годов, когда при высокой инфляции круто изменилась вся система внутренних цен. Цель применения скользящих средних данных - избавиться от влияния краткосрочных циклов.

По Тайваню имеются данные менее чем за 100 лет, поэтому в их анализе приходилось опираться на результаты исследования длинноволновой динамики Японии за 1880-1980-е годы. В циклической динамике обеих экономик есть много соответствий. До 1945 г. тайваньский след в размашенной (по банковским депозитам) и еще более нестабильной (по промышленному производству) формах повторяет основные тенденции в Японии. Это прежде всего относится к динамике оптовых цен. По Японии и Тайваню совпадают нижние точки их циклов в 1924 и 1928 гг., а также верхняя точка 1935 г., относящиеся к 20-летнему циклу промышленного развития Японии, начавшемуся в 1921 г. В метрополии 20-летний промышленный цикл вызвал аналогичный инвестиционный цикл с лагом (запаздыванием) в 4 года. Промышленный и инвестиционный циклы прошли верхнюю точку в 1935 г. На Тайване динамика скользящих средних данных промышленного производства "отозвалась" всплесками ускорений и спадом в разгар мирового кризиса 1929-1933 гг. Колониальный ее статус в то время привел к сокращению объема банковских депозитов в течение 1920-х годов более высокими темпами, чем снижение оптовых цен.

Хозяйственное развитие Японии и Тайваня синхронизировалось с мировым ритмом длинных волн в послевоенное время, когда экономика региона освоила технологии массового промышленного производства.

След 20-летних циклов существует в экономике этих стран после 1945 г. В послевоенной Японии длинная волна имеет уникальную форму: колебания вокруг "высокого" (вторая половина 50-х - начало 70-х годов) и "низкого" (вторая половина 70-х годов - настоящее время) уровней равновесия, объединенные сверхбыстрым переходом от первого ко второму в середине 70-х годов. Динамика экономических переменных в ходе энергетического кризиса напоминает их поведение во второй половине 40-х. Экономическая катастрофа - уменьшение производства и рост цен - повторилась вновь в мягкой форме.

На Тайване четко различается промышленный цикл 1956-1985 гг., инициированный переходом от импортзамещения к экспортной ориентации. Фактически преобразовательная работа двух длинных волн - от аграрной экономики с ядром индустриальных производств к зрелой промышленной структуре с ядром наукоемких производств - была совершена именно в этом цикле. Вместе с тем особенности циклов на Тайване указывают на влияние японской модели "равновесие - катастрофа - равновесие".

Экспортная ориентация в 1958-1968 гг. сопровождалась снижением среднегодовых темпов увеличения оптовых цен с 8% до нулевой отметки и колебаниями среднегодовых темпов прироста банковских депозитов в интервале 15-19%. Этот период можно интерпретировать как "высокое равновесие" в тайваньской экономике. Специфика Тайваня состоит в том, что взлет оптовых цен в период энергетического кризиса не сопровождался, как в Японии, "мгновенным" падением темпов роста промышленного производства - переходом к "низкому равновесию". Промышленный цикл был завершен.

В 80-х годах в хозяйствах Японии и Тайваня происходило снижение оптовых цен, что является главным итогом "низкого равновесия". Быстрый (на примере Японии) и плавный (на примере Тайваня) переход к умеренным темпам экономического роста при накоплении научно-технического потенциала и активизации структурной перестройки экономики позволил восточноазиатским

странам все более самостоятельно влиять на зарождение новой длинной волны в мировом хозяйстве. Это прежде всего относится к развитию информатики.

С другой стороны, экономические и инновационные возможности Восточной Азии пока недостаточны для того, чтобы доминировать в новой длинной волне. Экономическая интеграция в Тихоокеанском регионе усилит конкуренцию и взаимопроникновение традиционной (в форме синусоиды) и "модернистской" (равновесие - катастрофа - равновесие) моделей длинных волн.

Экономические достижения Тайваня в 50-80-х годах могут рассматриваться как почти идеальные результаты развития рыночного хозяйства. В тайваньской модели рыночной модернизации причудливо переплелись "классические" условия развертывания рыночных сил в слаборазвитой экономике и специфические факторы и формы их действия. На Тайване, как и в Японии и Южной Корее, финансовый рынок был "зарегулирован" государством с целью ввода спекулятивной активности в определенное русло, поэтому рассмотрим сдвиги на рынках труда, товаров и услуг, где происходило накопление конкурентных преимуществ, которым определяется успех рыночной модернизации.

Рынок труда. Рынок труда на Тайване формировался в условиях типичной для развивающихся стран высокой демографической нагрузки на экономику. В 50-х годах темпы прироста населения равнялись 3.67-3.40%. Однако в течение 1960-1970-х годов произошел переход к демографическому режиму стабильно растущего населения (1.8% и ниже), характерному для развитых стран. С. Кузнец рассматривал этот сдвиг как наиболее глубокую причину экономического чуда на Тайване⁶.

Вместе с тем для аграрной страны, какой Тайвань был до конца 1950-х годов, существенно важно не только замедление рождаемости, но и решение проблемы аграрного перенаселения, которая могла обостриться и при умеренных темпах роста населения, учитывая небольшие размеры острова. Благодаря аграрной реформе Тайвань избежал сельского перенаселения. В 1949-1966 гг. доля крестьянских семей, владеющих землей увеличилась с 36 до 67%. Параллельно происходил рост общего числа крестьянских хозяйств с 620 до 854 тыс. за те же годы.

Касаясь аграрной реформы, подчеркнем значение обязательной продажи излишков помещичьих земель (более 7.16 акров) с 1953 г. Это заложило основы равномерного распределения доходов, чем отличается экономическое развитие Тайваня. Цена земли определялась 2.5 урожаями с нее при рыночной цене 4-6. Помещики получали 70% суммы облигациями с гарантированной оплатой их рисом и 30% акциями государственных промышленных компаний. Так в руках государства сконцентрировался источник для первоначального инвестирования в промышленность.

Финансирование за счет сельского хозяйства импортозамещающей индустриализации сняло угрозу люмпенизации в городах, расширив число рабочих мест. Государственные закупки риса по фиксированным ценам позволили сохранить цену рабочей силы на низком уровне, что облегчило переход к экспортной ориентации трудоемких производств легкой промышленности. Государственный бартер рис - минеральные удобрения был первым успехом микроэкономического регулирования на Тайване. Рыночная модернизация и создание открытой экономики были началом аграрной реформы.

Высокие темпы экономического роста привели к устойчивому увеличению спроса на труд. В 1952-1960 гг. среднегодовые темпы прироста занятости равнялись 2,1%, в 1960-1970 гг. - 2,8%, в 1970-1980 гг. - 3,6%, в 1980-90 гг. - 2,4%. Переход к экспортной ориентации стал существенным и долговременным фактором роста спроса на рабочую силу. Даже в период между первым и вторым нефтяными шоками (1973-1981 гг.) темпы ее роста равнялись 2,8%.

Вместе с тем периоды 1960-1975 и 1976-1990 гг. качественно различаются. В первом преобладал спрос на неквалифицированную, во втором - на квалифицированную рабочую силу. В 70-80-х годах, когда стал расширяться спрос на работников высокой квалификации, перестройка отраслевой структуры занятости продолжалась с прежней интенсивностью. Со стороны предложения система образования Тайваня успешно справилась с задачей подготовки квалифицированной рабочей силы. В 1952 г. из 160 тыс. выпускников учебных заведений только 0,8% приходилось на высшую и 11% - на среднюю школы, в 1980 г. - соответственно 771 тыс., 6 и 13%, в 1990 г. - 841 тыс., 9 и 15%.

В начале 90-х годов по параметрам отраслевой структуры занятости Тайвань приблизился к развитым странам. Она характеризуется высоким удельным весом занятых в обрабатывающей промышленности. Во многих индустриально развитых государствах доля занятых в обрабатывающей промышленности никогда не достигала 32%, как на Тайване, потому что рано осуществлялся поворот к преимущественному росту сферы услуг. Отраслевая структура занятости на Тайване типична именно для новой индустриальной экономики (табл. 1).

Таблица 1

Отраслевая структура занятости на Тайване в процентах

Годы	Сельское хозяйство	Промышленность	в том числе обрабатывающая	Сфера услуг
1952	56,1	16,9	12,4	27,0
1960	50,2	20,5	14,8	29,3
1970	36,7	28,0	20,9	35,3
1980	19,5	42,4	32,6	38,1
1990	12,9	40,9	32,0	46,7

Источник: Taiwan Statistical Data Book 1991. - Taipei, 1991. - С. 16.

В 50-60-х годах в промышленно развитых странах происходил существенный рост доходов работников наемного труда. В теории Кейнса, ставшей основой разработки экономической политики в тот период, такому росту соответствует предположение о жесткой заработной плате - компании не могут реагировать на изменение цен и сужение рынков сбыта понижением номинальной заработной платы. Именно при жесткой, по Кейнсу, заработной плате в развитых странах новые промышленные экспортеры могли реализовать преимущества в международном разделении труда по дешевому труду.

При избытке дешевой рабочей силы рынкам труда в новых индустриальных странах более соответствовало уравнение классической теории: $D = f(w/p)$, где D - спрос на рабочую силу; w - уровень оплаты труда; p - уровень цен. Опыт Тайваня в 1950-70-х годах доказал, что даже в этом случае тип экономического роста (трудоинтенсивная индустриализация) может воздействовать на существенное выравнивание доходов, поэтому политика доходов должна ориентироваться на стимулирование роста современных производств⁷. Вместе с тем на Тайване был свой минимальный (жесткий, по Кейнсу) уровень оплаты труда, сформированный аграрной реформой. Он был существенно ниже аналогичных показателей в развитых странах, что облегчало стимулирование экономического роста в неоклассическом стиле.

С середины 70-х годов на Тайване происходит повышение оплаты труда. В обрабатывающей промышленности это привело к выравниванию уровней

оплаты труда в трудоемких и наукоемких отраслях. Например, в 80-е годы в производстве одежды темпы роста производительности труда равнялись 3,7%, а оплаты труда - 8,5% ежегодно, в электронной промышленности - 10,3 и 2,7%.

В настоящее время динамичному и в целом равновесному рынку труда Тайваня более присущ дефицит квалифицированных кадров, чем аналогичных рабочих мест. Безработица ниже, чем в Японии и Южной Корее (1-2%).

Для товарного и денежного рынков основное значение имели не только непосредственное влияние высокой трудопоглощающей способности экономического роста на Тайване и относительное равенство в распределении доходов. Динамичное равновесие на рынке труда в сочетании со стабильностью семейных связей (в конфуцианских традициях) создало стабильные рациональные ожидания в тайваньской экономике, без которых невозможны нормальный процесс инвестирования и предсказуемая реакция труда и капитала на изменения государственной (монетаристской) политики. Без "спокойных" рациональных ожиданий длительный экономический подъем в открытых экономиках несуществим.

Рынок товаров и услуг. Динамичное равновесие на рынке труда определялось ростом предпринимательства и развитием его конкурентных и инновационных возможностей.

При экспортной ориентации производства тайваньские фирмы должны принимать правила игры международных рынков - добиваться успеха в обстановке монополистической структуры конкуренции. В отличие от свободной она означает рыночную ситуацию, когда и небольшая компания может контролировать цены на свой товар благодаря сегментации массового рынка, хотя серьезных барьеров для проникновения на рынок новых фирм не существует. На таких рынках действуют:

- компании-лидеры, на которых приходится основная доля продаж, их преимущественно являются масштабы производства и высокие расходы на научные исследования;
- вице-лидеры, способные обогнать лидера на вновь формирующихся рынках (сегментах);
- компании-пациенты, устойчивость которых определяется знанием конкретной ниши рынка. Лидеры могут овладеть этой нишей, но обычно спрос в ней не настолько велик, а если он достаточен, то издержки, как правило, выше при большом риске оказаться неконкурентоспособными;
- компании-коммутанты, мелкие фирмы, занимающие все небольшие ниши рынка. Преимущество отдельной компании состоит в быстрой настройке на появляющийся спрос, а всего массива коммутантов - в универсальности ("всеядности") бизнеса. Компании-коммутанты идут в те сферы, которые не привлекательны для лидеров и пациентов⁸.

На Тайване основу экономики составляют компании в отличие от Японии и Южной Кореи, где малый бизнес дополняет и кооперируется с крупными корпорациями, составляющими основу делового сообщества. Развитие предпринимательства стимулировалось государственной политикой импортозамещения, затем экспортной ориентации. Обе стратегии были инициированы именно правительственными, а не деловыми кругами. Государственная поддержка и регулирование экономики могут быть успешными, если хозяйственная среда формирует здоровую конкуренцию. Особенности тайваньского бизнеса наложили огромный отпечаток на рыночную модернизацию.

Экономика Тайваня - составная часть хозяйства обширной китайской диаспоры. Деловые контакты в ней строятся на основе семейных связей с целью сократить коммерческие риски. Китайские представления и состав семьи гораздо шире, чем западные. Семья здесь - микросоциум, требующий от своих членов выполнения четких правил поведения, а не исключительно чувства кровной близости. Фактически, семья - сеть деловых контактов и отношений. Она помогает ее членам, стремящимся заняться предпринимательской деятельностью.

В свою очередь семья заинтересована в том, чтобы таких людей было больше. Так происходит создание и развитие предпринимательских сетей, в которых воплощаются конфуцианские представления о согласовании индивидуальных усилий и социальной гармонии.

Принадлежность к сети позволяет начать собственное дело при сравнительно скромных и даже минимальных средствах. Развитие семей стимулировало малый бизнес. Непривычные по западным стандартам принципы деловой практики Тайваня объясняются существованием предпринимательских сетей.

Малые фирмы эффективны на внутреннем и внешнем рынках, несмотря на свои размеры, потому что их капитал - часть капитала сети, и они получают разнообразную деловую помощь. Нередко отсутствие специальной подготовки в области менеджмента управляющих частных компаний компенсируется знанием сетей и концентрацией усилий каждого предпринимателя на наиболее ответственных вопросах собственного дела. В тайваньском бизнесе делегирование полномочий не принято. Вместе с тем все больше тайваньских предпринимателей молодого поколения получают западное образование по менеджменту. Особенность тайваньского бизнеса - также скрытое и явное соперничество персонала фирм. Как правило, оно связано со стремлением сотрудников взять старт в собственном деле⁹.

Тайваньский деловой стиль контрастирует с японской философией корпоративной лояльности. Однако разные модели имеют сходные результаты - гибкое перераспределение профессиональных обязанностей внутри компаний, развитие субконтрактных связей. Они по-разному создают подвижную микроэкономическую среду, облегчающую адаптацию к инновациям и шокам на внешних рынках - среду экспортной ориентации.

На внешних рынках предпринимательские сети получают возможность не только контролировать цены, предлагая свой товар по более низким по сравнению с конкурентами, но и настраиваться на динамику спроса самых небольших сегментов рынков. В них соединяются преимущества малых компаний-коммутантов и вице-лидеров.

В течение 50-80-х годов для Тайваня характерно увеличение числа частных компаний при медленном росте их среднего капитала (табл. 2). Статистика скрывает постоянный рост капитала сетей и диверсификацию их деятельности. При самостоятельности малых предприятий, разорении одних и появлении других, предпринимательские сети обновляют свою структуру, овладевают новыми сегментами рынков.

Таблица 2

Частные фирмы Тайваня: численность и средний размер капитала (тыс. н.т.д.)

Годы	Число фирм	в том числе:		Средний капитал
		Тов-ва с ограничен. ответствен.	Акционерные компании	
1950	749	94	593	145,6
1960	4540	1234	3240	242,9
1970	23968	12456	11485	147,4
1980	98921	70338	28556	253,0
1990	184108	138028	46058	381,5

Развитие предпринимательских сетей не означает, что на Тайване не действует тенденция концентрации капитала на уровне отдельных компаний. Если в 1968 г. в Тайбэе наиболее распространённым был стартовый капитал менее 50 тыс. н.т.д., на который приходилось 27% общего числа вновь создаваемых компаний, то в 1990 г. "популярным" стал интервал от 1 до 5 млн н.т.д., давший 52% новых фирм.

Преобладание малых компаний не означает отсутствия крупных лидеров в конкурентной "игре". В 1989 г. среди 100 крупнейших по полученной прибыли неазиатских корпораций Юго-Восточной и Восточной Азии были частные тайваньские компании "Фар Истерн Текстайл" (252 млн. долл.), "Формоза Кэмикалс & Фэйбр" (138 млн. долл.), "Нан Я Пластикс" (137 млн. долл.), "Валсин Лива Электрик Вэйр & Кэбл" (113 млн. долл.), "Хуалон" (95 млн. долл.), "Эвергрин" (65 млн. долл.), а также государственные компании: "Чайна Стил" (580 млн. долл.), "Тайван Семент" (127 млн. долл.)¹⁰. В электронной промышленности международное признание получили компании и торговые марки "Эйсер", "Мэйтек", "Сампо", "Татунг".

Равновесие товарного рынка любой экономики определяется равенством сбережений и инвестиций. Достижения Тайваня в этой области исключительны. Только в 1980-1990 гг. национальные сбережения превысили инвестиции в экономику на 32,7 млрд н.т.д., экспорт был больше импорта на 29,7 млрд н.т.д., положительное сальдо факторных доходов с заграницей составило 4,7 млрд н.т.д. Индустриализация и развитие предпринимательских сетей превратили Тайвань в производственную базу зарубежной китайской общины, обладающую вторыми в мире золотовалютными резервами.

Долговременное превышение инвестиций над сбережениями может и должно стимулировать спекуляции на рынке капиталов. На Тайване можно было ожидать развертывания финансовых спекуляций, способных разрушить микроэкономические основы промышленно-деловой активности. В этом случае произошло бы новое усиление зависимости от промышленно развитых стран: по крайней мере тайваньская экономика оказалась бы в длительной депрессии. Этого не произошло. Более того, если в экономике промышленно развитых стран стимулирование экономического спроса всегда чревато инфляцией, то на Тайване при гораздо более высоких темпах экономического роста выбор между поощрением и ограничением спроса не является столь же головоломной задачей.

Устойчивость валютно-финансовой сферы частично объясняется "архаичностью" банковской структуры Тайваня по сравнению с западными странами, или узкой специализацией финансовых учреждений при государственном регулировании денежного и фондового рынков. Кроме того, если производственная активность зарубежной китайской общины тяготела к Тайваню, то финансовые операции концентрировались в Гонконге и Сингапуре.

Вместе с тем наиболее "умиротворяющим" фактором явилась сверхстабильность рациональных ожиданий в экономике, начало которой положил успех аграрной реформы. Их проявление в тайваньской экономике отличается от обычных представлений монетаристской теории. Речь идет о том, что на Тайване рациональные ожидания включают в себя нечто большее, чем прогнозы инфляции и доходов, сделанные участниками рынка. Они распространяются и на реальную (производственную) сторону благодаря предпринимательским сетям и селективному вмешательству государства в экономику. Точнее, монетарная и реальная стороны сближаются. Так конфуцианская традиция влияет на рыночные отношения.

Применительно к экономике Тайваня уместно задать основной вопрос дискуссии монетаристов и кейнсианцев. Что было более значимым для рыночной модернизации острова, поддержка стабильных правил "игры" на рынке или своевременный выбор адекватной политики (rules or discretion)?

Монетаристы - сторонники первого подхода. В соответствии с их концепцией изменения налоговой политики и денежной эмиссии приводят к

нежелательным временным лагам, дестабилизирующим экономику. Главное - доверять силе рынка, следовательно, создать стабильную монетаристскую среду, в которой проявятся долговременные преимущества рыночного механизма.

Кейнсианцы оспаривают главный аргумент монетаристов: стабильные условия игры - лучшая предпосылка для динамичного и стабильного развития экономики. Спрос подвержен внешним воздействиям, поэтому колебания в экономическом развитии неизбежны. Если варьируется спрос на деньги, то должны изменяться процентные ставки. Их чрезмерные колебания не позволяют принимать и осуществлять надежные инвестиционные решения. Кроме того, выбор конкретного монетарного агрегата - скажем, M1, M2 - как показателя соответствия правилам "игры" дезориентирует процесс принятия решений, искажает оценки общественного богатства. Необходима самостоятельная "игра" государства в экономике".

В тайваньской модели сочетаются оба подхода. Рынок труда формирует предсказуемые рациональные ожидания в экономике, играющие ключевую роль в монетаристской концепции. Товарный рынок можно охарактеризовать как кейнсианский вариант модели предложения. В пользу этого говорит высокая конкурентоспособность тайваньских компаний в сочетании с отраслевой избирательностью роста. Она формирует постоянно стабильный уровень предложения - основную черту одноименной модели. Иначе бы энергетический кризис "подрезал" мощную и плавную траекторию промышленного цикла 1956-1985 гг.

В тайваньской модели синтезированы наиболее сильные стороны двух основных подходов к рыночной экономике на основе живой конфуцианской традиции. В свою очередь без такого синтеза экономика Тайваня не осуществила бы преобразовательную работу длинных волн за один промышленный цикл.

1. Wei Wou. Capitalist: A Chinese Version. Guiding a Market Economy in Taiwan. - Taipei, 1992. - P. 23.
2. Цит. по: Мартынов А.С. проблема личности в императорском Китае // Личность в традиционном Китае / Под ред. Л.П.Делюсина. - М., 1992. - С. 74.
3. Wei Wou. Capitalism: A Chinese Version. Guiding a Market Economy in Taiwan. - Taipei, 1992. - P. 27, 28; Gregor.A.G. Ideology and Development. Sun Yat-sen and the Economic History of Taiwan. - Berkeley, 1981. - P. 1-23.
4. Morita.A. A Critical Moment for Japanese Management // Japan Echo. - 1992. - V. 19. - N 27 - P. 11, 12.
5. Рассчитано по: Mitchell.B.R. International Historical Statistics Asia and Africa. - N.Y., 1982. - P. 276-280, 622-632, 674-679, 716-738; Taiwan Statistical Data Book 1991. - Taipei, 1991. - P. 84, 151, 181.
6. Цит. по: Kuo.Sn.W.Y. The Taiwan Economy in Transition. Boulder (Col.). - 1983. - P. 132.
7. Kuo.Sn.W.Y. Ranis.G. Fei.J. The Taiwan Success Story: Rapid Growth with Improved Distribution in the Republic of China 1952-1979. Boulder (Col.). - 1981. - P. 143.
8. Юданов.А. Типы конкурентной стратегии: "биологический" подход к классификации компаний. - М.: МЭМО, 1990. - N 10. - С. 51-65.
9. Montagu-Pollock.M. All the Right Connections // Asian Business. - 1991. - V. 27. - N 1. - С. 20-24.
10. Tokyo Business Today. June 1990. - P. 41-45.
11. Slowman.J. Economics. - N.Y., L., 1991. - P. 766, 767; Tales of the Expected // The Economist. - 1990. - 10 November. - P. 96, 97.

Тайваньский феномен в сфере высоких технологий

© 1993

А.Н.Бубенников, А.А.Бубенников, Г.И.Мамрыкин

Тайвань - один из первых регионов Юго-Восточной Азии, который, не располагая значительными природными ресурсами, начал специализироваться в области микроэлектроники еще в 60-е годы, сразу же после изобретения и широкого использования интегральных схем (ИС) в средствах обработки информации и телекоммуникации. До начала 60-х годов его экономическая стратегия сводилась к импорту сырья и необходимых для его переработки оборудования и материалов и экспорту производимых изделий. В 1959-1962 гг. правительство Тайваня провело ряд реформ, которые переориентировали национальную промышленность на экспорт и изменили саму структуру экспорта - была уменьшена доля трудоемких и материалоемких отраслей (металлообработка, судостроение, машиностроение, текстиль и др.) и повышена доля наукоемких отраслей, в первую очередь, микроэлектронной и компьютерной промышленности.

Если в течение длительного времени основными статьями экспорта служили известные на мировом рынке, несущие фирменную марку "сделано в Тайване", обувь, текстильные изделия, игрушки, то уже в 1987 г. по количеству продаваемых на мировом рынке персональных компьютеров Тайвань вместе с Южной Кореей делил третье место после США и Японии, а по экспорту микроэлектронных компьютеров входил в лидирующую группу из 6-8 мировых держав. Благодаря впечатляющему прогрессу микроэлектронной и компьютерной промышленности и созданию конкурентоспособных наукоемких продуктов (КНП) маленький остров занимал 13 место в мире по объему торговли КНП и пятое-шестое место - по значению среди торговых партнеров США (в 1990 г. объем товарооборота между Тайванем и США превышал 34 млрд. долл.).

С конца 80-х гг. Тайвань становится основным конкурентом Японии по размерам валютных резервов. Сегодня богатый и перспективный национальный рынок разительно отличается от большинства других региональных рынков вследствие огромного количества свободно конвертируемой валюты (СКВ), находящейся в распоряжении Тайваня. Причем к началу 1993 г. по максимальным запасам СКВ Тайвань занимает первое место (75-83 млрд.долл.), обходя занимающую второе место Японию (70 млрд.долл.). Этот факт, как будет рассмотрено ниже, является одним из решающих и тонизирующих в развитии наукоемкой производственной сферы высоких технологий. Удивительный рывок и успешное развитие микроэлектронной и компьютерной промышленности Тайваня, дающей свыше половины национального ВНП, являются серьезными основаниями для досконального изучения и анализа тайваньского феномена в сфере высоких технологий.

Цель данной работы - проанализировать актуальные для современной России проблемы становления и развития наукоемких отраслей промышленности Тайваня, выявить и систематизировать факторы столь успешного освоения и продвижения КНП на мировой рынок, а именно:

- целенаправленную политику тайваньского правительства, благодаря которой сложились благоприятные условия для ускоренного развития микроэлектроники и компьютерной промышленности в свободных

экономических зонах;

- перемещение ряда передовых предприятий американских и японских фирм на Тайвань и совместное создание и освоение КНП на базе развития высоких технологий;

- формирование на Тайване множества небольших национальных конкурентоспособных фирм в области наукоемких отраслей, способных быстро переходить от выпуска одних КНП к другим с учетом тенденций развития и конъюнктуры мирового рынка;

- роль Тайваня в мировом разделении труда и формировании единого мирового технологического пространства и рынка технологических знаний;

- формирование национальных интеллектуальных, руководящих, инженерно-технических кадров, а также квалифицированной рабочей силы в наукоемких отраслях высоких технологий.

В число главных, приоритетных отраслей микроэлектронная и компьютерная отрасли промышленности были включены в 1979 г., когда Комитет экономического планирования и развития правительства Тайваня принял 10-летний план ускоренного развития наукоемких отраслей, дав зеленый свет национальным высоким технологиям. По плану предлагалось максимально быстро преодолеть технологической отсталости отраслей, интенсивное развитие высоких технологий для реализации КНП с неременным условием высокой экологической чистоты и защиты окружающей среды. На развитие наукоемких отраслей и освоение конкурентоспособных высоких технологий, согласно плану, было отведено более половины всех материальных и кадровых ресурсов Тайваня.

Если в 1984 г. на приоритетное развитие наукоемких отраслей правительством Тайваня (через Комитет по зарубежным капиталовложениям министерства экономики) было выделено 30, в 1985 г. - 35, в 1987 г. - 80, 1989 - 150 млн.долл.², то уже в 1992, 1993 гг. капиталовложения Тайваня в данные отрасли превышали 5 млрд.долл.

По новому плану правительства Тайваня, принятому в конце 1988 г., ежегодно дополнительно ассигновалось около 150 млн.долл. на развитие технологии и производства полупроводниковой элементной базы и 400 млн.долл. на развитие оптоэлектронного производства.

Цель правительства - выйти в середине 90-х гг. на одно из ведущих мест в мире по производству конкурентоспособной элементной базы, резко поднять качественный уровень КНП с уникальными технико-эксплуатационными параметрами на основе прогресса высоких технологий. Для этого правительство не только привлекает иностранные капиталы (прежде всего из США и Японии), но и делает большие капиталовложения в Калифорнийской "Кремниевой долине". Тайвань вкладывает свыше 100 млн.долл. ежегодно в научно-индустриальных центрах иностранных государств для развития собственных высоких технологий.

Наиболее важными мерами развития наукоемких отраслей промышленности стало стимулирование экспорта КНП, создание ряда свободных экономических зон и защита внутреннего рынка посредством высоких таможенных пошлин. В 1986-1989 гг. тариф таможенной пошлины составлял 15-25% от цен на полуфабрикаты и 45-55% на бытовые товары, причем таможенными пошлинами не облагался только импорт, лицензии и продукция отдельных стран, являющихся монополистами по ее выпуску.

Важнейшим фактором, обеспечивающим ускоренное развитие высоких технологий и освоение КНП, является формирование на Тайване научно-технических парков и экспортно-ориентированных свободных экономических зон. Весьма примечательно, что уже в 1986-1989 гг. средняя производительность труда на предприятиях научно-технологических парков в 2,3-3,3 раза превышала аналогичные показатели для промышленности Тайваня в целом³.

Крупнейший научно-технологический парк (Hsinchu Science Park - Синьчжу), основанный в декабре 1980 г., уже в 1982 г. на развитие от правительства Тайваня получил 100 млн.долларов. В начале 1980 г. в парке размещалось 150 фирм, в 1988 г. - 165. К 1995 г. в парке будет насчитываться 250-300 фирм, а его площадь увеличится в два раза. В 1987 г. все фирмы парка произвели продукции на 700 млн.долларов, в 1988 - на 1,7 млрд.долларов (а в 1996 г. должны по прогнозам произвести на 6 млрд. долларов), причем более 70% КНП парка идет на экспорт, прежде всего в США³.

Руководство парка стремится привлечь капиталы и установить взаимовыгодное сотрудничество с иностранными фирмами, владеющими высокими технологиями, в первую очередь из калифорнийской "Кремниевой долины". Во главе их стоят китайские эмигранты, представители крупнейшей в мире китайской колонии. Иностранные фирмы, основавшие в парке свои филиалы или дочернии предприятия, имеют от тайваньского правительства значительные льготы, в частности они на пять лет освобождаются от налогов.

Таким образом, научно-технологический парк Синьчжу, организованный и действующий наподобие американской "Кремниевой долины", являющийся национальной кузницей и полигоном высоких технологий новых поколений, послужит прообразом в будущем для всего острова в качестве свободной экономической зоны высоких технологий, КНП, капиталов и рабочей силы.

Среди тайваньских фирм, занимающихся производством конкурентоспособной элементной базы, лидерами являются United Microelectronics Corp.; Taiwan Semiconductor Manufacturing Co.Ltd; Hualon Microelectronics Corp.; Winbond Corp.; Advanced Microelectronics Product Inc. В 1988 г. объем продаж этих фирм составил 250 млн.долларов, большая часть которого приходилась на специализированные БИС. Успехи Тайваня в производстве специализированных сверхбольших интегральных схем (СБИС) связаны с высокой технологической культурой, при которой затраты на разработку схем, изготовление кристаллов и сборку приборов составляют всего половину затрат на соответствующих предприятиях США и Японии⁴.

В 1989 г. объем сбыта специализированных СБИС на Тайване составил 125 млн. долларов, увеличившись по сравнению с 1988 г. почти на 100%, в 1991 г. он достиг 220 млн. долларов. В 1989-1992 гг. тайваньские компьютерные фирмы контролировали 12-15% мирового рынка специализированных СБИС, который составляет от 50 до 60 млрд. долларов.

В 1989 г. тайваньские фирмы Hialon и Windbond ассигновали 365 млн. долларов на строительство двух современных заводов для производства специализированных СБИС и микросхем динамической памяти. Фирма United Microelectronics в 1989 г. открыла два завода по выпуску 6-дюймовых полупроводниковых пластин и начала строительство третьего, более современного, завода по выпуску 8-дюймовых пластин⁵.

Компания Taiwan Semiconductor является совместным предприятием, в которой на долю правительства Тайваня приходится 48,3, на долю фирмы Philips - 27,5, а остальные 14,2% приходится на тайваньские фирмы Formosa Plastics (50%), China American Petrochemical Co. Ltd. (5%) и Centrel Investment Holding Co. Ltd. (4,2%). В начале 1992 г. этой фирмой построено первое автоматизированное производственное предприятие на базе 100% высокой технологии SMTS со сверхчистыми помещениями для субмикронных процессов изготовления СБИС⁶.

Фирма Texas Instruments (TI) (США) создала совместное предприятие с тайваньской фирмой Ader для строительства завода в Тайбэе по производству полупроводниковых пластин конкурентоспособных СБИС памяти емкостью 1-16 Мбит⁷. Мощным стимулом партнерства тайваньских и ведущих мировых фирм служат астрономические цифры затрат на строительство современных производственных предприятий - от 300 до 600 млч. долларов.

Новые способы финансирования строительства производственных предприятий связаны с тем, что фирма TI осознает настоятельную необходимость иметь микроэлектронные заводы в стратегически важных районах мирового рынка наукоемких технологий. Это нужно для эффективного обслуживания мирового рынка элементной базы, объем которого в 1995-2000 гг. оценивается от 160 до 200 млрд. долларов⁷.

Совместное предприятие в Тайбэе, созданное данной американской фирмой и тайваньской фирмой-изготовителем ПК Aderg, в 1992 г. начало выпуск первых конкурентоспособных СБИС емкостью 4 Мбит (к 1994-95 гг. - емкостью 16-64 Мбит). Фирма Aderg к началу 90-х гг. стала второй фрмой в мире после IBM, которая освоила выпуск конкурентоспособных ПК серий 386, 486. В 1992 г. фирма Aderg стала многонациональной компанией, объем продажи которой превысил 2 млрд. долларов. Уже сегодня эта фирма имеет 10 дочерних предприятий и представительств за рубежом, причем в США - 4, ФРГ - 1, Великобритании - 1, Голландии - 1, Японии - 2 и Гонконге - 1.

В начале 90-х гг. главным вопросом, затрагивающим стратегические интересы большинства американских компаний, занятых в наукоемких отраслях, и глобально всей страны был и остается вопрос: удастся ли микроэлектронным компаниям США удержаться на мировом рынке, не имея или не развивая собственных производственных предприятий?⁸

В связи с тем, что все большее количество американских компаний изготавливает свои СБИС на зарубежных предприятиях, в первую очередь, в Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Таиланд), возникает еще один вопрос - не теряют ли США свои позиции в этой наукоемкой сфере производства? Экономические обозреватели США с сожалением отмечают нежелание правительства США, в отличие от правительств Тайваня, Южной Кореи, создавать более благоприятные условия для накопления необходимого капитала в сфере высоких технологий.

Функционирование ряда ведущих американских компаний без производственной базы вызвало к жизни целый ряд различных стратегий, цель которых - приобретение производственных возможностей в сфере высоких технологий для разработки КНП. Многие из них, по мнению ведущих американских экономических обозревателей, только обостряют данную проблему, отмечая все более масштабное перемещение производственных мощностей, главным образом в страны Тихоокеанского побережья, особенно на Тайвань, с соответствующими потерями рабочих мест и производственной квалификации в сфере высоких технологий внутри США.

В итоге драматических изменений на мировом рынке микроэлектронной и компьютерной промышленности этот рынок за последние 10-15 лет переместился из США в направлении Дальнего Востока, а поэтому одно из связанных с этим явлений - это сопровождающее его перемещение производственных мощностей к этому рынку.

Приоритетному интенсивному развитию наукоемкой производственной сферы высоких технологий в странах Дальнего Востока способствовало то реальное положение вещей, что за последние примерно 15 лет наиболее крупные инвестиционные капиталы накапливались в этих странах, в первую очередь на Тайване, соответственно в начале 90-х гг. количество тайваньских инвесторов заметно увеличилось.

Весьма знаменателен обратный закономерный мировой процесс в связи с нарастающим беспокойством Америки по поводу сокращения производственных мощностей в США и даже свертывания крупносерийного производства ИС и СБИС. Дело в том, что, накопив, огромные инвестиционные капиталы, компании стран Дальнего Востока, и в первую очередь из Японии и Тайваня, в начале 90-х гг. уже осуществляют крупные инвестиции в США и даже в развитых странах Западной Европы⁸.

Конец XX века для Америки знаменателен появлением огромного количества "беспроизводственных" (fabless) компаний в сфере высоких технологий, которые только разрабатывают и продают проекты КНП, привлекая к их изготовлению кремниевые мастерские Дальнего Востока или микроэлектронные фирмы Тайваня со свободными производственными мощностями. Американские экономические обозреватели высказывают сомнения в долгосрочной конкурентоспособности таких компаний, не имеющих собственного производства. Как нам представляется, "беспроизводственная" деятельность годится только для вновь организованных фирм, поскольку они, не имея возможности контролировать рыночную цену своего изделия, не в состоянии выдерживать себестоимость своей продукции на приемлемом уровне на не принадлежащих им производственных мощностях, обречены на финансовую нестабильность вследствие снижения рентабельности ее КНП.

Парадокс сложившейся ситуации такого взаимодействия американских "беспроизводственных" фирм и дальневосточных компаний-инвесторов состоит в том, что при неблагоприятном развитии конъюнктуры мирового рынка такая форма кооперации может завести в тупик. Например, достаточно легко договориться с дальневосточными компаниями-инвесторами, чтобы они изготавливали для "беспроизводственных" фирм пластины СБИС на сумму, скажем, 50 млн. долларов, однако выпуск аналогичной продукции мирового рынка на 1 млрд долларов уже нереален и невозможен. Таким образом, начиная с определенного критического момента, дальневосточная компания-инвестор просто откажется тратить свой капитал для изготовления пластин для "беспроизводственных" фирм. Поэтому очевидно, что в случае успешного продвижения КНП на мировой рынок любая процветающая "беспроизводственная" фирма должна будет в конечном счете построить собственное производственное конкурентоспособное предприятие с ориентацией на высокие технологии новых поколений.

Поэтому неудивительно, что основные инвестиции в новые производственные предприятия США в настоящее время делают практически - за редким исключением - японские и тайваньские компании-инвесторы, обладающие максимальными резервами СКВ. Но и последние в качестве страховки привлекают производственные мощности американских партнеров, что было ранее рассмотрено на примере взаимодействия тайваньской фирмы Ader и американской TI. В качестве другого аналогичного примера можно привести установку ведущей американской фирмы Motorola на вложение больших средств в производственные мощности на территории США, хотя она одновременно в партнерстве с компанией Toshiba организовала совместное предприятие в Японии и сделала крупные капиталовложения на Тайване и в Гонконге. Таким образом, к началу 90-х гг. в мировой микроэлектронной промышленности произошли кардинальные изменения. В сфере разработки КНП по высоким технологиям недостаток западный капитал для поддержания данной сферы на должном уровне, что однозначно требует выхода на производственные предприятия Юго-Восточной Азии и обращения к услугам дальневосточных компаний.

Стимулирующим фактором для реализации таких возможностей является то, что японские и тайваньские изготовители КНП полностью окупают свои затраты за 2,5-4 года по сравнению со стандартными для США 5-6-летними циклами.

В отчете Национального консультативного комитета по полупроводниковым технологиям (США) прогнозируется значительное расширение мирового сотрудничества и взаимодействия. Срок разработки и освоения 0,15-мкм производственной технологии оценен в 10 лет, что потребует кардинального совершенствования и рывка в сфере высоких технологий. Затраты на строительство производственных предприятий, разработку и адаптацию новых технологий, создание и приобретение оборудования для производства

суперкристаллов СБИС новых поколений составят многие миллиарды долларов. В связи с этим в глобальной микроэлектронной промышленности назрела необходимость создания новой эффективной мировой культуры сотрудничества и разделения труда. Удастся ли осуществить такое сотрудничество в сфере высоких технологий и бизнесе КНП, давно прославившейся жестокой конкурентной борьбой, весьма проблематично с позиции начала 90-х гг., но одновременно весьма заманчиво в свете проблем XXI века.

С нашей точки зрения именно сейчас должна возрасти роль таких регионов, как Тайвань, овладевших высокими технологиями, в международном разделении труда, в приоритетных направлениях развития технологической инфраструктуры. При этом главную роль в развитии мировой сферы высоких технологий будет играть активизация интеллектуального потенциала мирового сообщества и интеграция достижений стран-лидеров в единое мировое технологическое пространство. Причем это единое мировое технологическое пространство Запада и Востока из рынка КНП перерастет в рынок знаний новых высоких технологий.

Освоение перспективных КНП новых поколений требует слияния интеллектуальной собственности стран, фирм и направлений, перехода к цивилизованным формам обмена технологическими знаниями на уже сформировавшемся обширном рынке научной продукции, заделов НИОКР и фундаментальных знаний.

Примером интеллектуального партнерства является стратегия американской фирмы Quality Semiconductor (QS), в инвестиционных операциях которой участвуют фирмы-вкладчики венчурного капитала из стран Тихоокеанского побережья, включая Тайвань. Данная фирма, располагая важнейшим компонентом для успешной деятельности в разработке КНП без собственных производственных предприятий, а именно пригодных для продажи интеллектуальной собственности в области высоких технологий СБИС памяти и логики для микропроцессорных систем, сумела выгодно заинтересовать дальневосточные компании, имеющие современные предприятия и нуждающихся в конкурентоспособных технологиях.

На первом этапе, не привлекая большие венчурные капиталы, фирма продала лицензию на свою технологию и разработку ряда КНП японским партнерам, получив от них значительные операционные фонды. После получения средств на начальное финансирование своей деятельности фирма QS успешно реализовала второй этап формирования капитала с помощью японских и тайваньских фирм-вкладчиков венчурного капитала. Взаимовыгодность партнерства фирмы QS с ведущими американскими венчурными компаниями из "Кремневой долины". Из-за высоких внутренних процентных ставок стоимость капиталовложений американских венчурных фирм оказалась неконкурентоспособной.

Изготовители СБИС создают свои производственные предприятия на Тихоокеанском побережье, чтобы действовать активно на местном рынке, используя рабочую силу, капиталы и инвестиционные стимулы, предлагаемые тайваньским правительством. Непрерывный прогресс высоких технологий изготовления современной элементной базы сегодня требует более высокого уровня профессионального мастерства даже от рабочих с почасовой оплатой труда. С другой стороны, сегодня уже невозможно повторение ситуации 60-70-х гг., когда работники кочевали из страны в страну в погоне за более высокими ставками. Именно источники дешевой рабочей силы привлекают американские фирмы к размещению своих предприятий на Тайване, а также, например, в Мексике. Для сравнения - почасовая зарплата одного рабочего в 1989 г. на микроэлектронных предприятиях США, Тайваня, Мексики составляла, по данным американского бюро статистики труда, 14,32; 3,71 и 1,63 доллара⁹.

Однако, если главной притягательной силой в Мексике остается огромный запас дешевой рабочей силы (по оценке одного источника, экономия

зарплаты в расчете на одного рабочего составляет 16 тыс. долларов в год при использовании мексиканских рабочих вместо американских)⁹, то уже для Тайваня наличие рабочей силы становится серьезной проблемой. Местные компании на Тайване, а также совместные американо-тайваньские предприятия рассматривают возможности "импорта" рабочей силы из Филиппин, более того, производители озабочены нехваткой квалифицированных техников и инженеров в связи с огромным ростом микроэлектронного производства на Тайване.

Профессиональная подготовка на местных и американо-тайваньских предприятиях ведется в широких масштабах и поддерживается на очень высоком уровне согласно все возрастающим требованиям высоких технологий изготовления конкурентоспособных СБИС новых поколений. Требования к полной или доминирующей автоматизации и компьютеризации современного полупроводникового производства выдвигают на первый план проблемы гибкости, многопрофильности, выполнения многих сложных операций, соблюдения жесточайшей технологической дисциплины кадрами новой формации. Уровень квалификации на рабочих местах тайваньских микроэлектронных предприятий значительно вырос за последнее десятилетие. Еще более он возрастет в течение следующих пяти лет. При ретроспективной оценке микроэлектронного производства Тайваня по изготовлению СБИС от первых поколений к более высоким можно выделить тенденцию возрастающего уровня квалификации на каждом рабочем месте. Тайваньцы, которые были раньше рабочими на технологических линиях, теперь выполняют производственные задачи, входившие в компетенцию техников. Ту работу, которую теперь делают техники, ранее, как правило, выполняли инженеры. Соответственно это позволило одновременно несколько увеличить выход годных схем и понизить себестоимость КНП.

На профессиональную подготовку идет все большая доля затрат на рабочую силу, хотя методы подготовки и тем более величина средств, отпускаемых на нее, являются секретом фирмы. Даже квалифицированные тайваньские работники проходят каждый год профессиональную подготовку не менее трех-четырех недель. На обучение инженеров и техников уходит уже не менее 50% их полного рабочего времени.

В Тайване очень легко и динамично складываются отношения промышленных и предпринимательских кругов с профсоюзами. Решения по вопросам длительности рабочего дня, организации сменной работы, дополнительных вознаграждений за работу по сменному графику и тарифных ставок оплаты динамично принимаются компанией, профсоюзом и, в необходимых случаях, правительством. Все действия служащих компаний инженерно-технических кадров и рабочих, подчинены одной цели - скорейшему и эффективному выпуску конкурентоспособных СБИС.

В Тайване не возникает проблем, характерных для стран, таких например, как Мексика, с огромной текучестью дешевой рабочей силы или для Западной Европы с традиционным акцентом на максимальную защиту прав трудящихся, что частично входит в некоторые противоречия с требованиями технологической дисциплины.

Обычно любая компания, создающая свои производственные предприятия в странах третьего мира, подвергается резкой критике за эксплуатацию дешевой рабочей силы. Однако компании, обладающие высоким уровнем технологии, как американские, так и тайваньские, с возмущением отвергают такие традиционные "обвинения". Ведущие предприниматели данных компаний утверждают, что не существует значительных различий в оплате между американскими, европейскими, тайваньскими или филиппинскими рабочими высокой квалификации. В то же время комплекс выплат по социальным программам и набор прочих льгот зависит конкретно от страны и ее традиций.

На начальном этапе американским фирмам, которые только начинали глобальную деятельность в АТР (на Тайване, в Гонконге), предстояло испытать

настоящий шок от столкновения с незнакомой культурой, хотя основные выплаты по социальным программам - выходные пособия и пенсии примерно были одинаковы повсюду. Для удовлетворения высоких требований технологической дисциплины современного производства, а также учета местных национальных особенностей многие местные тайваньские предприятия используют дополнительные льготы. Они строят общежития для своих сотрудников, предлагают бесплатные завтраки и обеды или талоны на питание и льготную покупку продуктов. В нескольких компаниях дают специальные доплаты на транспорт, а также выплачивают своим рабочим в конце недели или месяца дополнительные премии за соблюдение высокой технологической дисциплины, распорядка рабочего времени.

Для подготовки интеллектуальных кадров высокой квалификации на Тайване развита не только эффективная система университетского образования, но также широко используются каналы международного сотрудничества - с каждым годом растет поток талантливой студенческой и аспирантской молодежи в престижные университеты США и Японии. Традиционной для тайваньских микроразработочных и компьютерных компаний стала практика их сотрудников в ведущих мировых центрах.

В середине 80-х - начале 90-х гг. бурное развитие получило использование - совместных американо-тайваньских и японо-тайваньских научных центров для получения и развития высоких технологий. Организация совместных центров высоких технологий, в первую очередь в Калифорнийской "Кремниевой долине", в середине 80-х гг. стала важнейшим фактором ускорения тайваньской микроразработочной промышленности при создании первых образцов СБИС высоких мировых стандартов.

Если раньше крупные ТНК рассматривали свои предприятия за рубежом в качестве средства для использования дешевой рабочей силы, то ход микроразработочной техноэволюции кардинально изменил обстоятельства. Ни одна из стран в мире, включая США и Японию, не занимает доминирующую позицию "лидерства навсегда" в мировых наукоемких отраслях и не имеет постоянной монополии на внедрение опережающих технологических новшеств. Учитывая появление талантливых разработчиков и подающих надежды инженерно-технических кадров новой формации на Тихоокеанском побережье, ведущие американские и японские фирмы приступили к организации на Тайване научных центров высоких технологий, позволяющих им увеличить эффективность и конкурентоспособность микроразработочных и компьютерных изделий, а также существенно снизить затраты на разработку с помощью местных кадров.

Наличие международных исследовательских центров на своей территории позволяет таким регионам, как Тайвань, наиболее эффективным путем получить доступ к передовым высоким технологиям, что особенно важно в условиях, когда получение и освоение таких технологий открывает двери на мировой рынок с новыми КНП. Широкомасштабная программа "Partnership for Development" (партнерство для развития) направлена на создание благоприятных условий для привлечения прямых дополнительных иностранных инвестиций в расширение наукоемких отраслей промышленности и организацию совместных центров высоких технологий. Мировые стратегические альянсы в виде центров исследования уникальных технологий стимулируются готовностью таких ведущих фирм США, как IBM, Inter, Motorola, Hewlett-Packard, Apple поделиться своими технологическими секретами, с одной стороны, и готовностью правительства и фирм Тайваня разделить бремя все возрастающих расходов на НИОКР ради повышения конкурентоспособности изделий новых поколений, - с другой.

Одним из первых известных центров высоких информационных технологий является Центр в Тайбее, организованный в 1985 г. фирмой Hewlett-Packard в целях разработки программного обеспечения ПК и крупных

универсальных компьютеров. Позднее в этом центре стали разрабатывать периферийное оборудование высокопроизводительных компьютеров, ориентированное на использование ряда иностранных языков, включая китайский. В начале 90-х гг. эта фирма создала на базе данного центра совместное предприятие с фирмой Plastic Corporation Nan Ya по выпуску конкурентоспособных миникомпьютеров. Первые капиталовложения американской фирмы составили 10 млн. долларов, помимо этого она обязалась представлять тайваньским партнерам технологии производства СБИС, печатных плат, а также организовать переподготовку персонала тайваньской фирмы.

Известный мировой производитель ПК - американская фирма Apple - также создала центр высоких технологий и филиал фирмы (Apple Taiwan) на Тайване, стремясь захватить весьма перспективный Тихоокеанский компьютерный рынок. Такие планы развития экономики весьма выгодны для Тайваня, где, в отличие от США и Западной Европы с увеличением сбыта ПК в единицы процентов, рынок ПК продолжает увеличиваться на 15-20% в год. К 1995 г. на Тайване будет 30 тысяч высокопроизводительных компьютеров и более 2,3 млн. дешевых ПК.

Компьютеры фирмы Apple Taiwan, способные работать с текстами на китайском и английском языках, по-видимому, получают значительные рынки в АТР и будут пользоваться большим спросом в результате партнерства американских и местных разработчиков, создавших более эффективные и привлекательные пакеты прикладных программ для пользователей нового ПК Macintosh.

За счет филиала фирмы Apple Taiwan, созданного фирмой Apple в ноябре 1990 г., значительно увеличена доля рынка этой фирмы, в 1990 г. составляющего менее 2%. В 1991 г. калифорнийская фирма Apple получила чистый доход 1,676 млрд. долларов, причем объем продаж ПК на международных рынках составил 45% общей суммы, т.е. увеличился на 9% по сравнению с тем же периодом 1990 г. Открыв филиал фирмы, Apple за два года приблизилась к тайваньским заказчикам и сумела повысить качество обслуживания пользователей более чем втрое увеличила число проданных ПК и повысила свою долю рынка свыше 2%.

Благоприятным для тайваньской экономики является и тот факт, что фирма Apple, предприняв энергичные шаги по внедрению на тайваньский рынок, резко активизировала свою деятельность по закупке микрoeлектронных изделий местных фирм на общую сумму 250 млн. долларов. Предполагается, что такая взаимовыгодная стратегия фирмы по продаже ПК и закупке компонентов и элементной базы будет продолжаться и впредь.

Одной из сложнейших проблем развития наукоемких областей является нехватка высококвалифицированных молодых специалистов, темпы подготовки которых уже отстают от темпов развития высоких технологий на Тайване. Причем положение дел усугубляется "утечкой умов" в микрoeлектронные и компьютерные фирмы США. Одним из способов решения данной узловой проблемы тайваньские предприниматели видят в развитии научно-технических связей с континентальным Китаем.

К началу 90-х гг. многие тайваньские фирмы-производители компьютеров, пользуясь всевозможными способами, включая традиционные связи (в том числе и через "триады") установили деловые и консультационные контакты с компьютерными фирмами континентального Китая. В конце 1989 г. в свободной экономической зоне Шэньчжэнь введены производственные мощности совместного предприятия "Шэньчжэнь пайонир электроник", созданной континентальной фирмой "Сайгэ" и одной тайваньской фирмой из научно-технологического парка Синьчжоу. В том же 1989 г. континентальная корпорация "Чанцзян" и 12 тайваньских компьютерных фирм приняли решение о создании в Шанхае технологического парка по примеру парка Синьчжоу с

целью организации массового выпуска компьютеров различных типов и периферийного оборудования.

Большое взаимовыгодное развитие получили в начале 90-х гг. контакты и контракты тайваньских компьютерных фирм с фирмами экспериментальной зоны развития наукоемких высоких технологий в Пекине, поскольку китайские континентальные фирмы по уровню технологии и, самое главное, по количеству и квалификации специалистов, особенно молодых, не уступают тайваньским. Взаимовыгодность совместного сотрудничества хорошо понимают как на континенте, так и на Тайване: корпорация "Кэли" АН КНР в 1991 г. создала в провинции Фуцзянь новый научно-технологический парк с целью крупномасштабного сотрудничества с Тайванем в разработке и производстве компьютеров новых поколений; корпорация "Кэхай" АН КНР совместно с тайваньскими фирмами разрабатывает перспективные микро- и персональные компьютеры; ряд фирм Института электроники АН КНР совместно с тайваньскими фирмами создали в Пекине совместное предприятие по сборке современных микро- и миникомпьютеров.

Тайваньский феномен в наукоемкой производственной сфере высоких технологий с ускоренным и эффективным участием в международном разделении труда по созданию КНП на мировом рынке привел не только к огромным достижениям экспортной политики с накоплением огромных запасов СКВ, выходу Тайваня в мировые лидеры, но и резкому улучшению благосостояния населения. Если в конце 80-х гг. доход Тайваня на душу населения составлял 8000 долларов (третий-четвертый показатель в Азии), то уже в 1992 г. этот показатель достиг 14 тысяч долларов и продолжает увеличиваться, по темпам роста опережая США и Западную Европу¹⁰. Благодаря высоким темпам роста экономики в 90-х годах, согласно шестилетнему плану комплексного развития Тайваня, его правительством будут вложены громадные средства - 313 млрд. долларов в создание развитой инфраструктуры - автомобильных и железных дорог, аэропортов, гаваней и в развитие наукоемких отраслей промышленности, включая сектор борьбы с загрязнением окружающей среды, в соответствии с высокими мировыми стандартами технологически развитых держав.

Таким образом, рассмотренные пути развития микроэлектронной и компьютерной промышленности Тайваня, активная роль государственного планирования и регулирования, динамический характер взаимоотношений государственных организаций и частных фирм с иностранными партнерами, владеющими самыми современными технологиями, экспортно-ориентированная национальная техническая и образовательная политика приоритетного создания КНП для мирового рынка - все это открывает новые возможности для адаптации и развития тайваньского опыта в кардинально модернизируемой на стыке веков индустрии российских высоких технологий.

1. Electronics. - 1991. - N 7. - Pp. 12, 15.
2. NEC News. - 1991. - N 125. - Pp. 2,3.
3. East Asia High Technology Review. - 1991. - V. 1. - N 1.
4. East Asia High Technology Review. 1991. - V. 1 - N 3.
5. Electronics. - 1990. - N 12. - Pp. 12, 60.
6. East Asia High Technology Review. - 1991. - V. 1. - N 4.
7. Electronics. - 1991. - N 7. - Pp. 41-43.
8. Electronics. - 1990. - N 7. - Pp. 36-38.
9. Electronics. - 1990. - N 12. - Pp. 13, 15.
10. Taiwan statistical data book. - 1990.

Политика

Эволюция политического режима на Тайване

© 1993

Л.Гудошников

Появление на Тайване политического режима, отличного от существующего в континентальном Китае, ведет свое начало от эвакуации на Тайвань в 1949 г. государственных учреждений потерпевшего поражение в гражданской войне гоминьдановского правительства. Вместе с правительственными учреждениями на остров эвакуировались центральные органы Гоминьдана (ГМД-национальная партия), значительная часть связанной с правящей партией политической, экономической и интеллектуальной элиты Китая. На Тайвань переселились и руководящие органы и часть членов союзнических с ГМД мелких антикоммунистических партий - младокитайской и демократическо-социалистической¹. Установившийся на острове политический режим был режимом чрезвычайного положения. Главными документами, обеспечивавшими его функционирование, были принятые гоминьдановскими властями еще на континенте Конституция Китайской Республики (вступила в действие в декабре 1947 г.) и Временные правила на период национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа (апрель 1948 г.). На основании последних уже на Тайване в 1950 г. был введен в действие Декрет о чрезвычайном положении. Конституция 1947 г. строилась по суньятсеновской схеме, предусматривавшей четыре вида политической власти народа (выборы, отзыв, инициатива и референдум) и разделение пяти властей на правительственном уровне (законодательной, исполнительной, судебной, контрольной и экзаменационной), каждая из которых осуществляется отраслевой палатой (Юанем). По идее Сунь Ятсена народ осуществляет свою власть через избираемое им Национальное собрание. Предусматривались также выборные процедуры при формировании законодательной и контрольной палат. Главой государства и представителем страны в отношениях с иностранными государствами был провозглашен избираемый Национальным собранием Президент страны, одновременно являющийся главнокомандующим сухопутными, морскими и воздушными силами. Отраженная в Конституции схема Сунь Ятсена предусматривала также разделение функций центрального и местного правительств, участие народа в формировании представительных и исполнительных органов на местах. Сама по себе Конституция 1947 г. не относилась к актам чрезвычайного характера, хотя и была принята в период гражданской войны. Практически она никогда не действовала на территории всей страны и сколько-нибудь реальное значение в то время имела лишь для организации аппарата власти в верхних ее эшелонах. Так или иначе, но костяк режима формировался на основе ее положений. Временные правила 1948 г.

Гудошников Леонид Моисеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

В основу статьи положен доклад автора на Международной конференции "Китай: история, современность, перспектива" в ИДВ РАН в 1992 г.

предоставили Президенту чрезвычайные полномочия на период, который он сам определял, при этом предоставление таких полномочий уже не связывалось определенными процедурами, предусмотренными конституцией. По этим правилам, Президент и вице-президент не ограничивались предусмотренными конституцией сроками занятия своих постов. Конкретно тогдашнему руководителю режима Чан Кайши такое положение давало пост президента пожизненно, как и диктаторские полномочия. По декрету о чрезвычайном положении 1950 г. запрещалась организация и деятельность каких-либо политических партий кроме, ГМД и двух названных выше союзнических партий. Полномочия членов высших выборных органов как бы замораживались на неопределенное время (лишь в 1969 г. состоялись первые дополнительные выборы в Национальное собрание - депутатский корпус старел и начал постепенно уходить из жизни). В то же время документы чрезвычайного положения предусматривали возможность создания помимо конституционных процедур различных президентских структур, обеспечивающих проведение политики режима и противостояние КНР.

Вместе с тем почти сразу после эвакуации на Тайвань гоминьдановского правительства - с 1950 г. - стали относительно регулярно проводиться выборы местных органов самоуправления и глав местных администраций. В 1950 г. гоминьдановским правительством была принята Схема внедрения местного самоуправления уездами и городами провинции Тайвань. Согласно Схеме, уезды Тайваня делятся на волости и поселки, а города - на районы. Волости делятся на деревни (цунь), а поселки - на кварталы (ли). Деревни, кварталы и районы делятся на соседские общины (линь). Во главе провинции - избираемое населением на 4 года собрание и правительство. Губернатор, который в то время назначался Президентом вместе с членами правительственного совета, являлся по должности председателем последнего. Уезды и города возглавляются Советами и правительствами. Члены советов избираются населением на четырехлетний срок, им же избираются на аналогичный срок уездные начальники и мэры городов. В каждой волости и поселке - канцелярия в качестве органа управления и конференция представителей, избираемая на 4 года. В районах городов представительные органы не создаются, но функционируют канцелярии. В волостях и поселках населением избираются главы соответствующих единиц. В районах городов - назначаемые мэром главы администраций. В деревнях и кварталах населением избираются старосты тоже на четырехлетний срок. Главы соседских общин назначаются по рекомендации старост деревень или кварталов волостными или поселковыми канцеляриями.

В 1950 г. были избраны уездные и городские советы, а также начальники 16 уездов и мэры пяти городов. В том же году были избраны депутаты провинциального собрания. Эти выборы не считались даже друзьями тайваньского режима достаточно открытыми и свободными по западным стандартам, однако они положили начало сравнительно регулярной системе местных выборов на острове. Выборы 1977 г. были первыми, на которых осуществлялась реальная конкуренция беспартийных кандидатов с кандидатами правящей партии, сохранившей, однако, прочное большинство в местных органах. На этих выборах кандидаты ГМД были избраны на 16 и 20 постов глав администрации уездного уровня, завоевали 43 из 45 мест в городском совете Тайбэя, 56 из 69 мест в провинциальном Собрании Тайваня, 293 из 363 мест глав волостной и поселковой администрации и 711 мест из 928 в волостных и поселковых представительных органах.

После первых дополнительных выборов в Национальное собрание (1969) многие беспартийные кандидаты стали объединяться в периоды избирательных кампаний в группировку "данвай" ("вне партий"), которая на последующих выборах начала теснить гоминьдановских кандидатов. "Данвай" не была формальным объединением и часто собирала довольно разношерстных политиков, однако их объединял ряд общих требований, например о введении

прямых выборов губернатора Тайваня и мэров Тайбэя и Гаосюня, о более широком выдвижении тайваньцев на правительственные посты, о разрешении формирования новых партий, об отмене временных правил на период национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа и т.д. В 1986 г., еще в условиях чрезвычайного положения, на основе "данвай" явочным порядком сформировалась Демократическая прогрессивная партия, получившая легальный статус лишь в следующем 1987 г., когда было отменено чрезвычайное положение. Это произошло при Президенте Цзян Цзинго, занявшем этот пост после смерти своего отца Чан Кайши.

Между тем завезенная с континента структура государственных органов продолжала функционировать. Раз в 6 лет собиралось Национальное собрание. Следующая после единственной его сессии, состоявшейся на континенте в 1948 г., вторая сессия была созвана в 1954 г. и на ней были продлены президентские полномочия Чан Кайши. Далее то же повторялось на последующих трех сессиях: третьей (1960), четвертой (1966) и пятой (1972). На шестой сессии (1978) Президентом был избран Цзян Цзинго, а седьмая сессия (1984) продлила его полномочия. Лишь в 1990 г. был избран первый президент не из семьи Чан Кайши и даже не выходец с континента. Им стал бывший вице-президент, а до этого губернатор провинции Тайвань Ли Дэньхуэй. Как уже упоминалось выше, в 1969 г. состоялись первые дополнительные выборы в Национальное собрание. Тогда были избраны 15 делегатов от провинции Тайвань и Тайбэя, получившего к тому времени статус специального муниципалитета, т.е. единицы провинциального уровня. Тогда же были доизбраны 11 членов в Законодательную палату и два в Контрольную. В дальнейшем дополнительные выборы проводились еще несколько раз вплоть до 1989 г. В частности, на дополнительных выборах 1972 г. были избраны 53 делегата Национального собрания, 51 член Законодательной палаты и 15 членов Контрольной, затем в 1975 г. доизбиралась только Законодательная палата, когда в нее вошли 52 новых члена, и т.д. Среди вновь избранных членов упоминавшихся органов преобладали тайваньцы: 87%.

Все высшие органы региона, кроме редко собиравшегося Национального собрания, после обустройства на острове стали продолжать свою деятельность на территории, ограниченной Тайванем и прилежащими островами. Разумеется, в тех условиях главную роль играли не конституционные органы, а различные структуры чрезвычайного порядка. Тем не менее заседала Законодательная палата, принимавшая законы и утверждавшая бюджет. В качестве органа, исполнявшего функции кабинета министров, действовал Совет Исполнительной палаты. Работали и другие палаты правительства.

Постепенные изменения в политическом режиме Тайваня начались в 80-е годы. после ослабления конфронтации с КНР и общего улучшения международного климата. Большим событием в жизни региона было уже упоминавшееся выше появление на политической арене реальной оппозиции ГМД в лице ДПП. Ее организация была нарушением еще действовавшего в 1986 г. Декрета о чрезвычайном положении. Однако в новых условиях власти просто закрыли на это глаза. Уже готовилась отмена Декрета о чрезвычайном положении, произошедшая на следующий год (1987). Этот акт означал уже формализованное начало отмены режима чрезвычайного положения. Однако до 1991 г. не отменялись Временные правила 1948 г., поэтому ряд законодательных актов, в том числе и таких, которые содержали нормы, значительно смягчавшие политический режим (например, Закон об общественных организациях 1989 г., регулировавший и порядок создания и деятельности политических партий и групп) тем не менее содержали иногда даже в заголовке указание на то, что они действуют "в период национальной мобилизации". Подобная же оговорка содержалась и в ст. 1 другого законодательного акта 1989 г. - Законе о выборах и отзыве. Но так или иначе принятие первого и второго указанных законов значительно оживило политическую жизнь региона и в конечном счете привело

к постепенной отмене фактически однопартийного режима и в последующие годы вывело на политическую арену Тайваня свыше 70 политических партий, число которых продолжает расти. Не следует, однако, считать, что таким образом оказались подорванными позиции ГМД в государственном аппарате. Несколько теснимый ДПП, он все же остается и в условиях существования многих партий и достаточно организованной оппозиции в лице ДПП партией, неизменно получающей большинство голосов на выборах (особенно значителен в последние годы успех ГМД на выборах в Национальное собрание в декабре 1991 г., когда он завоевал свыше 70% голосов, принявших участие в выборах избирателей и 79% мест в собрании, превратив тем самым конституционную реформу во внутривнутрипартийный вопрос, так как.. для изменения конституции необходимы 3/4 голосов членов собрания). В ГМД формально состоит 2,5 млн. членов, т.е. приблизительно 1/5 часть взрослого населения острова (лиц старше 19 лет), из них политически активны 950 тыс. человек.. Около 80% состава партии - тайваньцы по происхождению, включая Председателя партии Ли Дэньхуэя, который одновременно и Президент "Китайской Республики" на Тайване. ГМД уже не рассматривается большинством тайваньских избирателей как партия выходцев с континента, что является прямым результатом курса ее руководства на "тайванизацию" партии, развившуюся, в частности, в продвижении местных уроженцев на руководящие партийные посты. В партию входит по крайней мере одна треть правящего слоя технократов и специалистов и более половины высших чиновников административного аппарата.

ГМД относится к числу партий внепарламентского происхождения. Часть тайваньских политологов относит ГМД к партиям ленинского типа, о чем, в частности, свидетельствуют материалы состоявшегося в Тайбэе в 1992 г. семинара по политическому развитию Тайваня с 1980 г. К таким партиям, говорилось на семинаре, относятся партии с высокой степенью централизации и политической организованности, проникнутые единым революционным духом. При этом их идеологией не обязательно должен быть марксизм-ленинизм. Как известно, ГМД в свое время был организован с помощью советников-представителей ВКП(б) и с тех пор его организационная структура изменилась мало. Низовыми организациями партии являются партийчейки (от 3 до 29 членов), выше идут районные и уездные (городские) комитеты и съезды (конференции), комитеты и съезды провинциального уровня, национальный (практически региональный) съезд и Центральный комитет. ГМД сформирован параллельно правительственной административной организации. На пики иерархии - Председатель партии, традиционно занимающий и пост Президента "Китайской Республики" на Тайване. Решением XIV съезда ГМД (16-22 августа 1993 г.) введены посты четырех вице-председателей партии. По предложению председателя ими стали вице-президент Ли Юаньцзу, премьер-министр Лянь Чжань, бывший премьер-министр Хао Байцунь и председатель Юридической Палаты (судебного Юаня) Линь Яньчан.

Ниже Председателя - Центральный постоянный комитет, орган типа политбюро. В нем 31 член - ведущие деятели Кабинета министров, председатели отраслевых палат (юаней) правительства, старшие советники президента, другие политические деятели. Этот орган заседает еженедельно. На его заседаниях обсуждаются важнейшие направления политики правительства и выдвигаются кандидаты на важнейшие правительственные и партийные посты. Далее в иерархии органов ГМД - Центральный комитет, состоящий из 210 членов, среди которых руководители правительственных органов и другие высшие администраторы, президенты университетов, военачальники и т.п. Повседневной работой партии ведает Центральный секретариат, возглавляемый генеральным секретарем. Ему подчинен аппарат Центрального комитета ГМД, состоящий из карьерных партийных функционеров. В аппарате семь рабочих комиссий и четыре комитета². Рабочие комиссии следующие: по организационным делам, по делам континента, по зарубежным делам, по культуре, по работе среди

молодежи, по социальным делам, по работе среди женщин. Комитеты: финансовый, по истории партии, дисциплинарный, по координации политики. Каких-либо структурных единиц по экономическим вопросам в аппарате ЦК ГМД нет. Секретариаты и аппарат имеют и большинство местных организаций ГМД. Они финансируются в основном за счет принадлежащих партии предприятий.

В качестве правящей партии ГМД рекомендует своих членов не только для занятия руководящих должностей в правительстве региона, но выносит аналогичные рекомендации в отношении постов губернатора провинции Тайвань и мэров специальных муниципалитетов Тайбэй и Гаосюн. Партия, кроме того, назначает кандидатов на должности глав уездной и городской администрации, а также кандидатов в члены провинциального и муниципального собраний.

До недавнего времени ГМД рассматривался исследователями политической жизни Тайваня как монолитная партия, в которой существует лишь разница во взглядах старшего и современного поколений партийного актива. В частности, политологами указывалось, что старшее поколение ГМД отрицательно относится к конкуренции партий на выборах. Представителями этого поколения ставится во главу угла историческая миссия спасения нации и осуществления принципов суньятсенизма во всей стране. По их понятиям, партия должна состоять из преданных ее делу самоотверженных людей, охотно принимающих партийную дисциплину и готовых на самопожертвование. С другой стороны, большая часть членов ГМД из молодого или более молодого поколения считают, что партия должна адаптироваться к современным реалиям и сосредоточить внимание на сборе голосов на выборах и, раз так, должна быть очень чуткой к общественному мнению.

Существует точка зрения, что ГМД разделен на две фракции: сторонников главного течения и его противников. При этом главное течение возглавляется председателем ГМД, а ему противостоят старейшие члены партии. Это, возможно, так и есть, но такое деление организационно не оформлено.

Отсутствие общепартийных фракций³, однако, не означает отсутствия в ГМД группировок. В частности, среди гоминьдановцев - членов Законодательного юаня было шесть группировок, из которых наиболее значительны две: Коалиция мудрости и Союз нового ГМД. Первая из них выступает за прямые выборы Президента региона, тогда как вторая более склонна к косвенным. Есть разногласия между ними и относительно принципа "родного Китая" и терпимости Председателя партии к призывам "независимости Тайваня". Наличие группировок среди законодателей ГМД не считалось показателем фракционности до тех пор, пока Союз нового ГМД в марте 1993 г. не декларировал себя в качестве политической группы, о чем им было представлено заявление в Министерство внутренних дел. Эта акция вызвала резкую реакцию со стороны руководства ГМД, обвинившего фракцию в попытке создания "партии внутри партии". Тем не менее накануне XIV съезда ГМД произошел уже формальный раскол партии. Шесть законодателей (т.е. членов Законодательной палаты) из Союза и один бывший законодатель объявили об оформлении фракции в отдельную партию под названием Синьдан (Новая партия). В числе заявленных главных пунктов ее программы, в частности, значатся: введение прямых выборов Президента, отказ от обязательной воинской повинности и формирование вооруженных сил на контрактной основе, учреждение при Исполнительной палате специального органа по борьбе с коррупцией, установление прямых транспортных связей с континентальным Китаем и содействие экономическому сообществу "Большого Китая" (т.е. идеи, предполагающей создание чего-то вроде единого экономического пространства в составе КНР, Тайваня, Сянган, Аомыня и, возможно, Сингапура) и т.д. Однако вернемся к старейшей партии - "99-летнему ГМД", как иногда его именуют в тайваньской печати. Характерно, что от него на выборах для достижения большего личного результата стремятся дистанцироваться и некоторые

политики, не теряющие с ним организационной связи. Так или иначе, ГМД не выглядит уже монолитной партией. И хотя он продолжает удерживать в руках государственные рычаги, внимание исследователей политической жизни Тайваня все более привлекает основная оппозиционная сила региона - ДПП, сделавшая недавно заявку на приход к власти через 3 года.

Основанием для такой заявки послужили результаты последних выборов в Законодательную палату в декабре 1992 г., когда ей удалось собрать свыше 30% голосов участвовавших в голосовании и получить 50 из 161 мандата в палате. При этом, конечно, большинство мандатов осталось у ГМД. Ближайшие годы покажут, насколько оправданы нынешние амбиции ДПП. Влияние этой партии несомненно будет неуклонно расти. Свидетельство тому - постоянный рост ее рядов. Надо иметь в виду, что ДПП вступила на политическую арену острова не только как организация местных политиков, но и как объединение, выступающее против однопартийной диктатуры ГМД. И в том, что правящая партия в конце концов пошла на постепенную ликвидацию своей диктатуры, ДПП усматривает и свою заслугу. Партия претендует на представительство всех социальных слоев острова, и, хотя иногда высказывается мнение, что эта партия средних слоев, часть которых действительно ее поддерживает, тайваньские политологи обычно усматривают в качестве главной социальной опоры ДПП следующие группы населения: 1) жители городов с низкими доходами; 2) молодые интеллигенты, желающие реализации широкой демократии и в то же время не удовлетворенные в экономическом отношении; 3) тайваньцы из различных социальных слоев, выступающие за независимый Тайвань.

В числе слабых сторон ДПП обычно отмечались две: фракционность⁴ и отсутствие полномасштабных программ, которые могли бы составить альтернативу соответствующим документам ГМД. Это, однако, не мешает ДПП чувствительно бить по слабым местам ГМД, в частности по коррупции аппарата управления, находящегося в руках у правящей партии. Нужно сказать, что ДПП умело использовала и лозунг самоопределения Тайваня, изменив прежнюю установку на независимый Тайвань, гораздо менее популярную у избирателей. При всем этом вряд ли ДПП способна в декларируемые ею считанные годы заменить ГМД у кормила власти. Более реальна перспектива сохранения власти ГМД, нынешнее руководство которого очень чутко улавливает общественные настроения, в том числе берет на вооружение и некоторые предложения оппозиции, воплощая их в реальные дела. Важно отметить и некоторые демократические процессы внутри ГМД. В частности, они выразились в разрешении выдвижения альтернативных кандидатур (кроме выдвинутых парткомами) при выборах в руководящие партийные органы и при рекомендации кандидатов от ГМД на выборные посты в государственном аппарате. На выборах тринадцатого состава ЦК ГМД впервые был выдвинут альтернативный президентскому (в качестве председателя партии) список кандидатов, при голосовании не прошли 33 кандидата из этого списка. Известны и случаи конкуренции членов ГМД между собой при выборах на правительственные посты. В частности, при выборах 20 февраля 1992 г. вице-председателя Контрольной палаты на это место претендовали два члена ГМД и один член ДПП. Последний получил лишь один голос "за". Голоса за членов ГМД разделились. Выборы выиграл 52-летний мультимиллиардер Лин Юньсань. В этом случае кандидат ГМД не назначался. Не исключено, однако, что ГМД придет к системе типа американских "праймэриз" и при выборах представительных органов и подлежащих избранию администраторов, т.е. кандидаты партии будут конкурировать между собой на внутрипартийных выборах, но не на общих.

Некоторые моменты демократизирующего характера проявились в ГМД накануне и во время последнего его XIV съезда. Так, в связи с запрещением партийной деятельности в вооруженных силах, выборы делегатов на съезд от военных не проводились. Но при этом командованием были отобраны делегаты

на съезд в основном из числа младших офицеров, не составлявших военной фракции или делегации, а участвовавших в партийном форуме в качестве индивидуальных членов ГМД. В руководящие органы партии военные на съезде не вошли. Периодичность съездов ГМД была изменена с 4 до 2 лет (при этом состав съезда по-прежнему избирается на 4 года). Увеличено число избираемых делегатов съезда с 1059 до 1400. В то же время увеличено и число лиц, являющихся делегатами съезда по должности со 150 до 700. Теперь делегатами съезда по должности являются члены Центрального Комитета партии, депутаты от ГМД в Национальном собрании и Законодательной палате, провинциальном и городских советах, а также члены партии, избранные главами местных администраций. Изменен и порядок выборов Центрального постоянного Комитета, ранее целиком назначавшегося Председателем партии. Теперь назначаются от 10 до 15 членов из 31, тогда как все остальные избираются пленумом ЦК ГМД. Впервые на XIV съезде председатель партии был избран тайным голосованием.

Один из примеров гибкой тактики ГМД во внепартийных делах - недавняя конституционная реформа. Начало этой реформе было положено уже упоминавшейся отменой Декрета о чрезвычайном положении 1950 г. с одновременным принятием Закона о национальной безопасности, в котором, в частности, содержались положения, отменяющие юрисдикцию военных трибуналов в отношении гражданских лиц, изымающие из ведения военных властей осмотр прибывающих на остров багажа и грузов, устанавливающих регулярную иммиграционную систему для въезда и выезда с территории Тайваня. Вместе с тем Закон устанавливал, что осуществление конституционной свободы собраний и ассоциаций не должно ни нарушать конституцию, ни пропагандировать коммунизм или сепаратизм. Это положение сокращало спектр разрешенных организаций. Правда, в дальнейшем сепаратистам все же удалось легализоваться в июле 1992 г. Законодательная палата пересмотрела Закон об общественных организациях таким образом, что независимость Тайваня в качестве уставной цели организации перестала быть препятствием для ее регистрации или основанием для ее роспуска.

В январе 1988 г. вошел в силу Закон о собраниях и демонстрациях, согласно которому собрания и демонстрации разрешались повсеместно, за исключением территорий и зданий канцелярии Президента, Исполнительной и Экзаменационной палат, судебных учреждений, международных авиационных и морских портов, важнейших военных объектов. Выдача разрешений для демонстраций была предоставлена местным полицейским властям, которые обязаны выдавать такие разрешения, если ранее принятым законом не устанавливалось иное. Кроме того, местные полицейские власти были уполномочены определять места и способы проведения собраний или шествий.

В январе 1989 г. Президентом был промульгирован принятый Законодательной палатой уже упоминавшийся выше Закон об общественных организациях, регулировавший деятельность профессиональных, социальных и политических организаций. Всем организациям запрещалось нарушать конституцию и защищать коммунизм или деление национальной территории. Регистрация организаций возлагалась на МВД и бюро по социальным вопросам на местах. В качестве политической партии признавалась политическая организация, чьей целью является назначение кандидатов на выборах и подходящая для регистрации по другим критериям. При этом признавались в качестве партий лишь организации национального (практически тайваньского) масштаба, но не региональные. В регионах острова могут создаваться лишь отделения партий. Политическим организациям специальной статьей закона запрещалось получение пожертвований от иностранных организаций или организаций, основными членами которых состоят иностранные организации или корпорации. Закон предусматривал создание при Исполнительной палате специального органа по надзору за политическими партиями, рассмотрению

различных аспектов их деятельности. Этому органу (Совету по рассмотрению политических партий) было предоставлено право применять различные санкции против политических партий, вплоть до их роспуска.

Важной вехой на пути политических реформ была состоявшаяся в Тайбэе 28 июня-6 июля 1990 г. Конференция по национальным проблемам, одной из ведущих тем которой была конституционная реформа. Эта конференция носила чисто совещательный характер, ее задачей было выявление всего спектра мнений относительно проводимых ГМД политических реформ. Из 142 делегатов, представших различные политические течения, 93 высказались за внесение поправок в Конституцию 1947 г., а 32 - за принятие нового Основного закона. Дискутировались и способы изменения конституции. Большинство делегатов высказались за то, чтобы Законодательная палата представила предложения по изменению конституции Национальному собранию. Всего 15 делегатов высказались за то, чтобы Президентом в порядке осуществления чрезвычайных полномочий был создан Конституционный конвент. Участниками конференции был достигнут полный консенсус по следующим вопросам реформы: во-первых, об отмене Временных правил 1948 г.; во-вторых, об отставке старейших парламентариев в Национальном собрании, Законодательной и Контрольной палатах до 31 декабря 1991 г.; в-третьих, о прямых выборах губернатора Тайваня и мэров Тайбэя и Гаосюня. Кроме того, большинство участников конференции высказались за сохранение существующей политической системы, основанной на принципе разделения пяти властей, а также за введение общенационального представительства пропорционально полученным политическими партиями числу голосов. Эти рекомендации конференции стали постепенно претворяться в жизнь.

В апреле 1991 г. Национальное собрание отменило принятые им же в апреле 1948 г. Временные правила. Тогда же были приняты Дополнительные статьи Конституции. Эти статьи прежде всего регулировали новый порядок выборов, которые теперь были ориентированы только на Тайваньский регион ("свободную территорию") и часть китайцев за границей. Депутаты Национального собрания стали избираться от специальных муниципалитетов, уездов и городов, тайваньских аборигенов (три депутата), китайских граждан за границей (20 депутатов). Кроме того, 80 мест в Национальном собрании предназначаются для депутатов от общенационального округа, мандаты которых распределяются между партиями в зависимости от их успеха на выборах. Выборы в Национальное собрание по новым квотам состоялись в декабре 1991 г., когда были избраны 326 депутатов. Дополнительные статьи 1991 г. установили также и новые нормы избрания Законодательной палаты. Теперь по два члена палаты избираются от провинции и специальных муниципалитетов (с увеличением представительства в зависимости от числа населения), два члена палаты - от аборигенов, шесть - от китайских граждан за границей и тридцать - от общенационального округа.

При выборах как Национального собрания, так и Законодательной палаты предусмотрено представительство от женщин. Вместе с тем в отличие от первоначального текста конституции не предусматривается представительство от монгольских аймаков и Тибета (однако продолжает существовать комиссия по монгольским и тибетским делам на уровне ведомства министерского ранга). Избрание представителей от зарубежных китайцев как в Национальное собрание, так и в Законодательную палату происходит по образцу избрания делегатов от общенационального округа, т.е. путем пропорционального представительства в зависимости от успеха партий на выборах. Первые выборы в Законодательную палату по новым нормам прошли в декабре 1992 г. Был избран 161 член палаты, однако выборы по одному округу были признаны недействительными, и присягу 1 февраля 1993 г. приняли 160 законодателей.

Дополнительными статьями 1991 г. предусматривались и новые нормы избрания Контрольной палаты, однако в 1992 г. новой ссрией Дополнительных

статей избрание члснов Контрольной палаты было заменено их назначением Президентом с согласия Национального собрания.

Дополнительные статьи 1992 г. существенным образом углубили конституционную реформу. Они оформлены как продолжение Дополнительных статей 1991 г. и имеют общую нумерацию статей, хотя в отдельных случаях вторые отменяли некоторые положения первых (как в случае с формированием Контрольной палаты). Дополнительными статьями 1991 г., во-первых, изменялось положение Национального собрания, функции которого в прошлом ограничивались внесением изменений в Конституцию и избранием Президента и вице-президента; теперь же оно получило право утверждения представляемого Президентом персонала высших учреждений региона. Сессии Национального собрания стали как минимум ежегодными с заслушиванием докладов, их обсуждением и принятием рекомендаций. Начиная с третьего созыва Национального собрания, его депутаты будут избираться на четыре года. Во-вторых, Дополнительные статьи 1992 г. предрешили избрание Президента и вице-президента не Национальным собранием, а всем избирательным корпусом региона начиная с 1996 г. Конкретные способы их избрания будут определены Национальным собранием до 20 мая 1995 г. (Способы избрания Президента и вице-президента - прямыми выборами или через выборщиков - не были определены в дополнительных статьях, поскольку не было выработано единой точки зрения на этот вопрос в центральных органах ГМД). Срок полномочий этих высших должностных лиц сокращен с 6 до 4 лет при сохранении права на переизбрание еще на один срок.

Седьмой из Дополнительных статей были изменены положения ст.43 Конституции относительно введения Президентом чрезвычайного положения. Прежняя формулировка о стихийных бедствиях и эпидемиях как основание для введения чрезвычайного положения расширена до предотвращения "надвигающейся угрозы безопасности государства или народа", и вместе с тем оставлен упомянутый в основном тексте Конституции "серьезный финансовый или экономический кризис". Такое положение вводится Президентом по резолюции Совета Исполнительной палаты и в течение 10 дней (ранее в течение месяца) соответствующий приказ Президента должен быть представлен на утверждение Законодательной палате. Если последняя отказывает в утверждении приказа, он немедленно теряет законную силу. В Дополнительных статьях нет упоминания о праве Президента на введение военного положения. Это означает, что ст.39 Конституции остается в силе. Согласно этой статье, Президент объявляет военное положение с согласия или утверждения Законодательной палаты.

Дополнительные статьи 1992 г. предусмотрели возможность отзыва Президента и вице-президента, который может быть осуществлен предложением, выдвинутым не менее чем четвертью всех депутатов Национального собрания и принятым двумя третями состава собрания. Вместе с тем были внесены некоторые изменения в порядок замещения поста вице-президента, если он оказывается вакантным, или же если оказываются вакантными посты сразу двух высших должностных лиц региона. В последнем случае Председатель Законодательной палаты должен в течение 3 месяцев созвать чрезвычайную сессию Национального собрания для выборов новых Президента и вице-президента.

Был изменен и порядок формирования Юридической и Экзаменационной палат, для назначения которых Президенту теперь не требуется согласия Контрольной палаты, но зато требуется согласие Национального собрания.

Дополнительные статьи касались также ряда изменений в процедуре отстранения от власти должностных лиц, включая Президента и вице-президента, и некоторых других моментов в организации и деятельности центральных и местных органов власти и управления. А последняя 18 статья декларировала ряд взятых на себя государством обязательств, включая

поощрение и финансирование науки и экономики, модернизации и подъема промышленности и сельского хозяйства, охрану окружающей среды, развитие здравоохранения, охрану достоинства и равноправия женщин, защиту прав инвалидов и аборигенов, а также проживающих за границей китайских граждан.

Очень важной конституционной новеллой, имеющей прямое отношение к становлению в регионе многопартийности, является положение ст.13 Дополнительных статей о том, что "великие судьи" ("да фагуань") Юридической палаты в дополнение к обязанностям, ранее возложенным на них Конституцией (толкование Конституции и законов), отныне будут составлять конституционный трибунал для рассмотрения дел о роспуске неконституционных политических партий. К последним относятся, согласно ст.13, партии, цели или деятельность которых угрожают существованию "Китайской Республики" на Тайване или "свободному, демократическому конституционному порядку". Таким образом, отменяется существовавший ранее административный порядок запрещения партий. Сейчас это будет возможно только через суд в лице упомянутого конституционного трибунала.

Как уже указывалось выше, на Тайване сейчас свыше 70 политических партий. Мы можем, конечно, определить существующий там режим как многопартийный. Но если подойти с точки зрения реального влияния на правящую партию и политическую обстановку региона в целом, то таким влиянием пользуется только ДПП. Возьмем выборы в Национальное собрание. Ни одна из политических партий, кроме ГМД и ДПП, не набрала нужного количества голосов для представительства в Национальном собрании. Вместе с тем были избраны три депутата от созданного за 2 месяца с небольшим до выборов Национального демократического независимого политического альянса, который характеризовался в тайваньской прессе скорее как группировка независимых кандидатов, чем партия с определенной программой. Ее избирательная платформа включила такие положения, как установление нового Основного закона, выборы Президента прямым голосованием избирателей, прямая торговля и воздушные и морские связи с континентальным Китаем, контакты между китайскими гражданами по обе стороны Тайваньского залива, двустороннее разоружение и подписание пакта о ненападении с Пекином. Думается, что голоса избирателей альянсу принесла именно программа форсирования связей с континентом. Что касается положений избирательной платформы альянса, относящейся к конституции, то реформа последней была включена в избирательные программы многих партий. В частности, и ДПП выступила с предложением о выборах Президента прямым голосованием, а также за сосредоточение законодательных функций в одном органе (практически это замена Законодательной палаты Национальным собранием), переход к системе разделения трех властей, что означало бы ликвидацию Контрольного и Экзаменационного юаней, т.е. отказ от суньятсеновского учения о разделении пяти властей.

В нынешнем составе Национального собрания одним депутатом из числа избранных на дополнительных выборах 1989 г. представлена младокитайская партия. После 1989 г. в партии произошел раскол, и вряд ли она сможет выйти на политическую арену региона в качестве сколько-нибудь значимой организации. На муниципальном уровне на выборах 1989 г. ограниченного успеха добилась рабочая партия (гун-дан), претендующая на представительство интересов 6-миллионного рабочего класса Тайваня, но одновременно заявившая о себе как о представительнице общенациональных интересов. Ее эклектическая программа принесла партии лишь место в муниципальном совете второго по величине города страны - Гаосюна. Однако ее кандидаты очень успешно конкурируют с гоминьдановскими на выборах руководящих органов некоторых отраслевых профсоюзов.

Незадолго до выборов в Национальное собрание сформировалась социал-демократическая партия (СДП). Ее основатель - выходец из ДПП Чжу

Гаочжэн, член Законодательной палаты. Созданием СДП была сделана заявка на "партию среднего класса", "третью партию", с платформой, отличной от ГМД и ДПП. В частности, в вопросе объединения страны эта партия призвала работать в направлении создания федеральной республики, она выступила против президентской республики и за парламентскую, внесла предложения об изменении избирательной системы и т.д. СДП заявила претензии на 45 мандатов в Национальном собрании, но не получила ни одного. Тем не менее ей удалось собрать число голосов избирателей немногим меньше, чем у Национального демократического независимого альянса (и та и другая организации не набрали 3% голосов избирателей, участвовавших в голосовании). На выборах в Законодательную палату в 1992 г. партии удалось провести одного своего кандидата (лидера партии). Этот ограниченный успех вряд ли можно рассматривать как показатель того, что СДП в ближайшие годы сможет составить сколько-нибудь серьезную конкуренцию ГМД и даже ДПП. Что касается отколовшейся от ГМД Новой партии, то ее политические шансы пока оценить трудно.

Таким образом, на Тайване практически установилось некоторое подобие двухпартийной системы. Подобие потому, что ДПП еще не равный партнер ГМД. Сменить его у власти она пока еще не может. Что же касается ближайшего будущего многопартийного режима на Тайване, то наиболее вероятным представляется установление системы, похожей на недавнюю японскую, т.е. ГМД, оставаясь самой влиятельной партией, будет продолжать формирование правительства. При этом ДПП будет играть возрастающую роль в критике правящей партии, давлении на нее, особенно в период избирательных кампаний. Сейчас политическое влияние ГМД поддерживается не только его популярностью среди многих избирателей, но и использованием в политической деятельности административных рычагов и влияния в общественных институтах острова. Его политические конкуренты не находятся в равном с ним положении. Считается, что для того, чтобы многопартийность на Тайване была реальной японской, другие партии должны быть поставлены в равное положение с ГМД. Возможно, в этом направлении развитие и пойдет. Пока же мы можем констатировать в качестве выводов лишь очевидные вещи: во-первых, опыт ГМД на Тайване свидетельствует о возможности достижения прогресса в различных демократических институтах в условиях даже однопартийного режима; во-вторых, этот прогресс может быть достигнут в условиях политической стабильности региона или страны без разрушения существующих там политических систем; в-третьих, постепенная демократизация вполне сочетаема с экономическим прогрессом, особенно если он идет впереди политических реформ.

1. Младокитайская партия была основана в 1923 г. в Париже группой китайских студентов, занимавших антикоммунистические позиции. Китайская демократическо-социалистическая партия основана в Шанхае в 1946 г. путем слияния группировок национал-социалистов и демократических конституционалистов. Обе партии участвовали в первых выборах в Национальное собрание (1947) и получили небольшое количество парламентских мандатов. После эвакуации гоминьдановского правительства на Тайвань они сохранили парламентские мандаты и начали участвовать в местных, а затем и дополнительных выборах, не составляя, однако, конкуренции ГМД и не являясь даже формально оппозицией ему.
2. В источниках на европейских языках (в том числе и в изданных на Тайване) рабочие комиссии обычно именуются отделами, а комитеты - комиссиями.
3. Существует точка зрения, что ГМД разделен на две фракции: сторонников главного течения и его противников. Возможно, это так и есть, но организационно они не оформлены.
4. В последнее время лидеры ДПП, отрицая фракционность своей партии, заявляют, что их единая партия противостоит расколотому ГМД.
5. Закон о добровольной отставке старейших парламентариев был обнародован 3 февраля 1989 г. Он регламентировал процедуру отставок и компенсации за них.

Демократическая прогрессивная партия и формирование многопартийности на Тайване

© 1993

П.Иванов

Несмотря на то, что после эвакуации правительства Китайской Республики на Тайвань в 1948-1949 гг. там был установлен довольно жесткий однопартийный авторитарный режим, деятельность оппозиционных сил никогда не прекращалась. Безусловно, гоминьдановское правительство никак не приветствовало возникновение самостоятельных и критически настроенных политических групп и движений. Тем не менее они непрерывно образовывались, даже вопреки репрессиям.

Если исключить восстание 28 февраля 1947 г., когда население острова выступило против произвола коррумпированной администрации, грабившей только что деколонизированный и перешедший под суверенитет Китая остров, то первым крупным антиправительственным движением следует считать деятельность редколлегии журнала "Свободный Китай" (Цзю Чжунго) во главе с ветераном Гоминьдана Лэй Чжэнем. Это издание первоначально не выделялось среди других пропагандистских изданий, занятых критикой Советского Союза и коммунистического Китая. Однако с течением времени на его страницах стало появляться все больше полемических публикаций на внутривнутриполитические темы. В октябре 1956 г. "Свободный Китай" подверг открытой критике Гоминьдан и его руководство во главе с Чан Кайши и выступил с требованиями демократизации и установления многопартийности, что встретило широкую поддержку среди не связанных с правящей элитой местных политических деятелей. Началось движение за создание новой политической партии, первоначально скрывавшееся под вывеской семинара по обследованию выборов (1957) и семинара по совершенствованию выборов (1960). Но работу по организации "Китайской демократической партии" завершить не удалось. Выполнявший функции политической полиции тайваньский гарнизон арестовал генерального секретаря новой партии Лэй Чжэня и главного редактора "Свободного Китая" Фу Чжэна.

В течение следующих десяти лет оппозиционные силы были вынуждены уйти в подполье либо действовать в эмиграции, где также была велика опасность стать жертвой гоминьдановских спецслужб, пристально следивших за наиболее активным среди эмигрантов движением - за независимость Тайваня. Однако к концу 1960-х - началу 1970-х гг. интенсивные процессы экономического, социального и культурного развития не могли не оказать воздействия на оппозиционные силы. Образовался многочисленный средний класс, в большинстве своем происходивший из среды оттесненных из сферы управления коренных жителей Тайваня (постоянно находившихся в общеизвестном антагонизме с беженцами из материкового Китая). В условиях ухудшения международного положения Тайваня, а также начала перехода власти от Чан Кайши к его сыну Цзян Цзинго в обществе все чаще стали говорить о необходимости политических реформ. Наиболее деятельными в этот период показали себя молодые интеллигенты вроде Чжан Цзюньхуна и Сюй Синьяна и новое поколение местных политиков (Хуан Синьцзе, Кан Ниньсян). Все они группировались вокруг журнала "Университет" ("Дасюэ", 1968-1971 гг.). Как отмечает тайваньский политолог Хуан Дэфу, в эти годы оппозиционное движение характеризовалось тремя особенностями: оппозиция могла выступать

лишь по отдельным, конкретным вопросам местного самоуправления и не смела подвергать критике политику Гоминьдана; активность оппозиции носила "сезонный" характер, нарастая во время выборов и сессий органов представительной власти; новые политические деятели в основном представляли местную элиту и пользовались известностью более на региональном, чем на общетайваньском уровне¹. Еще не шла речь о новой политической организации, разрозненные группы диссидентов в основном объединялись вокруг того или иного "беспартийного" политика.

Лишь на выборах осенью 1977 г. новая оппозиция выступила как более или менее единая "беспартийная" группировка и получила 4 (из 21) места - мэра или начальника уезда - и 29 (из 124) мандатов в провинциальном собрании. В уезде Таюань сторонники оппозиционного кандидата Сюй Синьляна, заподозрив власти в подтасовке результатов выборов, устроили беспорядки, что привело к временному ужесточению отношения властей к "беспартийным".

Поскольку запрет на создание партий сохранялся, перед выборами дополнительных депутатов в Национальное собрание в середине 1978 г. антигоминьдановские силы образовали "Группу содействия избрания тайваньских беспартийных деятелей". Из-за установления дипломатических отношений между США и КНР выборы были отложены до 1979 г., когда вышеуказанный союз заменила "Ассоциация беспартийных кандидатов в народные представители центрального уровня".

Ассоциация распространяла разнообразную печатную продукцию, пропагандировавшую политические требования "беспартийных", которые в целом сводились к следующему:

- следует уважать положения конституции в полном объеме, а значит полностью переизбрать Национальное собрание; провести прямые выборы губернатора Тайваня и мэра Тайваня; прекратить подчинение армии правящей партии; обеспечить независимость суда и подчинить все суды Судебному юаню (имеются в виду прежде всего военные трибуналы), отменить закон о преследовании нарушителей полицейского режима; извратить от партийного контроля культуру и науку, учебные заведения, ввести свободу слова и печати, пересмотреть закон об издательствах и разрешить свободный выпуск газет и журналов; снять запрет на создание политических партий и отменить все ограничения на участие в политической жизни; не препятствовать всем желающим выехать за границу в туристические поездки;
- отменить чрезвычайное положение;
- уважать человеческое достоинство, запретить допросы с пристрастием, незаконные аресты и задержания, обыски;
- вести страхование здоровья и от безработицы;
- прекратить протекционизм в отношении капиталистов;
- начать строительство жилья, продаваемого населению под долгосрочные низкопроцентные займы;
- отменить поземельный налог, регулирование цен на зерно, ввести страхование сельского хозяйства;
- принять закон о труде, признать право трудящихся на коллективные переговоры с предпринимателем;
- содействовать рыбакам в реконструкции деревень, создать справедливую систему сбыта;
- принять законы об охране окружающей среды и о государственных компенсациях;
- прекратить дискриминацию выходцев из разных провинций и носителей различных языковых диалектов, не ограничивать передачу по телевидению программ на диалекте;

- помогать политическим заключенным, бороться против всех видов дискриминации в отношении освобожденных из заключения лиц и членов их семей².

Дополнительный толчок интенсивному развитию оппозиционного движения дал журнал "Формоза" (Мэйлидао), начавший выходить в августе 1979 г. и вскоре открывший свои отделения по всему острову. 10 декабря 1979 г. в день защиты прав человека поклонники журнала провели в Гаосюне демонстрацию, закончившуюся массовыми беспорядками, столкновениями с полицией, а в конечном итоге - закрытием журнала и арестом таких ведущих оппозиционеров, как Хуан Синьцзе, Чжан Цзюньхун, Яо Цзявэнь, Линь Исюн, Люй Сюлянь, Ши Миндэ (пробыл в заключении в общей сложности 26 лет) и др. Однако репрессии оказались контрпродуктивными. Многие родственники и адвокаты пострадавших активно включились в политическую деятельность и получили поддержку избирателей на дополнительных выборах в Законодательный юань и Национальное собрание в конце 1980 г. К местным выборам 1981 г. оппозиция пришла еще более организованной, чем раньше, и опиралась на "Союз за выдвижение беспартийных".

По мере роста популярности движения "беспартийных" оно становилось все более многочисленным и сложным по составу, а вслед за тем начало делиться на многочисленные фракции. Различные же ассоциации, создававшиеся перед выборами, все более и более напоминали по своим функциям и формам деятельности политические партии. Именно эти структуры послужили фундаментом для Демократической прогрессивной партии (Миньцзиньдан-ДПП), объявившей о своем образовании 28 сентября 1986 г.³

Прежде чем рассматривать последующую деятельность ДПП, представляется исключительно важным рассмотреть вопрос о том, как в условиях "диктатуры" смогла возникнуть оппозиционная партия. Установленный Гоминьданом на Тайване режим, хотя и весьма жестко регулировал жизнь общества, однако в отличие от своего противника на материке, во-первых, не находился в плену утопическо-мессинских иллюзий, и, во-вторых, способствовал развитию свободного предпринимательства, национальной культуры и образования. В результате на острове сформировались и слой современных бизнесменов, и интеллигенция, ориентированная на ценности западной демократии, а также группа высокообразованных технократов, осознавших необходимость своевременного и конструктивного реформирования режима не только ради выживания, но и для успешного поступательного развития общества.

Как отмечает австралийский исследователь Тайваня Дж.Б.Джэкобс, для системы, существовавшей на острове в послевоенные годы, были характерны два противоречия: а) сочетание антикоммунизма с прогрессивной социальной политикой, достижения которой обеспечили Гоминьдану широкую поддержку населения; б) сочетание "либеральной демократии" и "ленинского авторитаризма" (несмотря на то, что Гоминьдан структурно является партией "ленинского типа", его руководство допускало проведение "относительно свободных выборов", на которых гоминьдановские кандидаты часто терпели поражение)⁴. Профессор Калифорнийского университета в Беркли Т.Голд объясняет это высокой степенью независимости политической элиты Тайваня от интересов конкретных социальных групп⁵.

При всех ограничениях, свойственных "периоду опеки", осуществлявшемуся на Тайване в соответствии с идейным наследием Сунь Ятсена, политическая активность общества постоянно развивалась благодаря сохранявшейся возможности участия в местном самоуправлении и выборах в поселковые, районные, городские и уездные органы власти⁶. "Беспартийная" оппозиция сформировалась именно на местах, из среды городских и уездных политиков.

Может возникнуть искушение утверждать, что оппозиция создана с ведома и по воле правящей партии, что было бы неверно. Ряд обстоятельств вынуждал руководство Гоминьдана проявлять гибкость и идти на ограниченные уступки. Если в 1950-е гг. запрет на политическую деятельность оправдывался жестким противостоянием с КНР, то в последующие годы западные союзники стали все настойчивее требовать демократизации режима. Однако тайваньское руководство воздерживалось от чрезмерно точного следования иностранным образцам, предпочитая постепенно соединять элементы демократии с национальной традицией⁷. И в этой работе ведущая роль принадлежала выдающемуся политическому деятелю - президенту Цзян Цзинго. Он прошел многолетнюю школу жизни в сталинском Советском Союзе, испытал все тяготы антияпонской и гражданской войны на материке. Цзян Цзинго проявил себя как исключительно мудрый политик, способный умело примирять противоречивые интересы различных группировок в правящей партии, последовательно добиваться экономического прогресса и повышения уровня жизни общества в целом, чутко реагировать на назревающую напряженность в обществе с целью ее преодоления. Ускорить реформы пришлось и вследствие усугубляющейся международной изоляции. Именно Цзян Цзинго начал интенсифицировать "тайванизацию" государственного аппарата и руководства Гоминьдана, чтобы снизить остроту противоречий между выходцами с материка (бывшими монополистами власти) и тайваньцами, к 1970-м гг. представлявшими собою мощную политическую и экономическую силу. Думается, что эти меры позволили несколько сдержать рост популярности оппозиции за счет привлечения симпатий умеренно-консервативной части местного населения к правящей партии.

Хотя сторонники ДПП настаивают на том, что партия образовалась в условиях официального запрета лишь благодаря смелости и настойчивости радикалов во главе с Чжу Гаочжэном, однако на самом деле новая организация могла продолжать свою деятельность лишь благодаря прагматическому подходу Цзян Цзинго, под влиянием которого руководство Гоминьдана 15 октября 1986 г. разрешило деятельность оппозиции и, вторая важнейшая мера, - отменило чрезвычайное положение⁸. И наконец, еще одним шагом стала либерализация контактов между Тайванем и КНР, что не только позволило восстановить контакты между родственниками после нескольких десятилетий разлуки, но и полностью разрушить иллюзии тайваньцев в отношении материкового Китая, подорвав тем самым перспективы воссоединения страны по пекинской модели "одно государство, две системы". А это в свою очередь усилило замкнутость политической жизни на острове на внутренние проблемы, увеличило популярность лозунга если не независимости, то, по крайней мере, сохранения статуса кво на Тайване. Таким образом, правящая партия избрала путь конструктивного компромисса в отношениях с оппозицией, и, как показало будущее, этот подход оказался весьма продуктивным.

Первый съезд ДПП состоялся 10 ноября 1986 г., на нем были приняты устав и программа партии. В общих чертах политическая платформа ДПП сводилась к следующему:

- На Тайване необходимо создать либерально-демократическую систему американского типа, исключить возможность применения силы и диктатуру, обеспечить юридическую основу, гарантирующую свободное волеизъявление граждан; гарантировать права человека, национальный суверенитет, разделение и взаимный контроль властей, ответственность правительства перед законом, независимость суда, равенство политических партий, отмену чрезвычайного положения и запрета на политическую деятельность; полностью переизбрать депутатов парламента.
- Все население Тайваня должно принять участие в свободном, самостоятельном, всеобщем, равном обсуждении перспектив развития

острова; нельзя допустить тайных переговоров между Гоминьданом и коммунистами.

- Тайвань должен вернуться в ООН, на правах равного члена международного сообщества; взаимоотношения с материковым Китаем должны быть отнесены к сфере международной дипломатии, и в целом должны носить характер мирного соревнования (в связи с этим следует немедленно снять все ограничения на контакты с КНР).
- В экономической области следует бороться с монополизмом, предоставляя всем предпринимателям равные возможности; стремиться к формированию налоговой системы, отвечающей требованиям социальной справедливости; добиваться снижения разницы в доходах граждан за счет более справедливого перераспределения общественного продукта.
- Прекратить вмешательство политиков в сферу культуры и образования, не отгораживаться от передовых достижений мировой цивилизации и одновременно всеми силами развивать национальную культуру (здесь прежде всего имелась в виду местная [бэньту] тайваньская культура)⁹.

Важно учитывать, что часть членов ДПП открыто требовала объявления независимости Тайваня. Рамки данной статьи не позволяют подробно рассматривать их аргументацию, отметим лишь некоторые доводы: Тайвань всегда был слабо связан с материковым Китаем, в связи с чем и культурно, и лингвистически самобытен; период японской колонизации усугубил различия между жителями острова и китайцами материка; в современных условиях Тайвань являет собою государство с совершенно самостоятельной политической и экономической системами; население острова ни при каких условиях не согласится перейти под управление коррумпированной коммунистической диктатуры даже на правах самой широкой автономии и т.п. Однако отсутствие единства в вопросе о независимости вынудили ДПП ограничиться призывом к самоопределению¹⁰.

Став легальной оппозиционной партией, ДПП столкнулась с целым рядом трудностей, несвойственных для организации, действующей вне закона и опирающейся на узкий круг преданных соратников.

Центральный партийный аппарат оказался не в состоянии координировать деятельность депутатов от ДПП в различных представительных органах, направлять работу местных партийных организаций. Нередко местные ячейки ДПП не только не могли возглавлять массовые движения, но и попадали под влияние общественных организаций, которым первоначально была предназначена подчиненная функция. Участились противоречия между представителями партийной бюрократии, усилилась борьба за лидерство.

Возникла необходимость привлечения новых членов, и эту проблему до сих пор решить не удалось. По данным на конец 1991 г., когда проходил 5 съезд ДПП, в партии состояло около 25 тыс. членов, причем лишь около 15 тыс. из них платили членские взносы (одна тысяча новых тайваньских юаней в год, что безусловно не позволяет за счет взносов финансировать все мероприятия ДПП). К настоящему времени общая численность членов ДПП не превышает 30 тыс. Поиски спонсоров также не всегда увенчиваются успехом. В связи с этим председатель ДПП Сюй Синьян демонстративно сдал в залог канцелярию партии, чтобы оплатить расходы по избирательной кампании в конце 1991 г.¹¹ ДПП крайне трудно противостоять Гоминьдану, который не только является массовой и правящей партией, но и имеет огромные доходы от своих предприятий.

В условиях чрезвычайного положения движение "беспартийных" объединяло почти всех противников Гоминьдана, однако после легализации оппозиции ускорился процесс размежевания группировок. Это выразилось и в образовании новых партий: Ван Исун основал в ноябре 1987 г. Трудовую партию; в июле 1990 г. Чжу Гаочжэн возглавил Китайскую социал-

демократическую партию (в которой к настоящему моменту уже не состоит), - а также в обострении соперничества между фракциями.

Наиболее влиятельными группировками в движении "беспартийных" были франкция, руководимая издателями журнала "Мэйлидао" и получившая одноименное название, и умеренная группа, возглавляемая Кан Нинсяном. После гаосюнских событий последняя играла ведущую роль в оппозиционной среде. Молодые радикальные политики, критиковавшие Кан Нинсяна за соглашательство и попытки вести борьбу с правительством парламентскими средствами, стали выступать с 1982 г. на страницах журнала "Глубокая вспашка" (Шэньгэн). На выборах 1983 г. они объединились с группировкой "Мэйлидао", чем значительно ее усилили. Однако вскоре группу молодежи покинул известный политик Линь Чжэньцзе, основавший свою фракцию на основе редакции журнала "Вперед" (Цяньцзинь). А молодежь из ДПП в 1984 г. начала выпускать журнал "Новая волна" (Синьчаолю). "Синьчаолю" и "Мэйлидао" являются в настоящее время ведущими фракциями в ДПП, представляя, первая - более радикальное, вторая - умеренное крыло. В руководстве партии силы их примерно сопоставимы, поэтому в тактических целях создаются временные союзы либо с "центристами", либо с представителями "Союза за независимость Тайваня" (Тайду ляньюмэн), входящими в состав ДПП. На местах же преобладает влияние "Мэйлидао", контролировавшей в начале 1990-х гг. 12 уездных и городских организаций ДПП¹². Об отношении избирателей к различным фракциям можно судить по тому, что из членов ДПП - мэров городов, начальников уездов, депутатов провинциального, а также тайбэйского и гаосюнского городских собраний - большинство принадлежит к "центристам" и "Мэйлидао"¹³.

Поскольку основы ДПП закладывались в период достаточно жесткого авторитарного правления Гоминьдана, оппозиция привычно использовала такие экстремистские приемы политической борьбы, как массовые демонстрации и уличные беспорядки. Например, вскоре после образования партии семь эмигрантов-сторонников независимости попытались вернуться на остров, но были задержаны на границе. Вокруг аэропорта имени Чан Кайши моментально произошли столкновения толпы с полицией. В декабре 1987 г. в Тайбэе состоялась массовая демонстрация под лозунгом полного переизбрания депутатов Национального собрания, организованная ДПП. 12 марта 1988 г. прошли демонстрации с требованием прямых выборов мэра Тайбэя и институциональной реформы местного самоуправления. 10 декабря того же года в Гаосюне был созван митинг в память разгона демонстрации сторонников журнала "Мэйлидао" и т.п.¹⁴. Депутаты от ДПП неоднократно устраивали потасовки на заседаниях Национального собрания и Законодательного юаня. Однако с течением времени интерес публики к скандалам и массовым шествиям начал спадать. В значительной степени это было связано с конструктивной позицией Гоминьдана, охотно шедшего на демократические реформы. Как отмечает профессор Висконсинского университета Тянь Хуанмао, "переход к демократии стал возможен благодаря созревшим социально-экономическим предпосылкам, решению правящей элиты провести важнейшие реформы, а также успешному взаимодействию между правящей партией и оппозицией, что помогло предотвратить массовые вспышки насилия"¹⁵. Положение программы ДПП о независимости Тайваня вызвало настолько сильное беспокойство избирателей, в подавляющем большинстве заинтересованных в сохранении статуса кво и не желающих обострения конфликта с КНР, что привело ко временному снижению поддержки оппозиционной партии. А ДПП была вынуждена на 2 съезде в апреле 1988 г. внести коррективы в свои программные документы, удалив формулировку о "праве народа требовать независимости Тайваня"¹⁶. Впоследствии изменение политической ситуации на Тайване позволило вновь включить в программу ДПП призыв к признанию независимости Тайваня де-юре как независимого государства в октябре 1991 г. Все указанные

обстоятельства способствовали постепенной эволюции ДПП. К началу 1990-х гг. возникла настоятельная необходимость не только огульно критиковать правящую партию, но и противопоставлять действиям Гоминьдана собственную программу, причем не набор лозунгов, а пакет предлагаемых мер. Если раньше многие избиратели голосовали за ДПП просто, чтобы "досадить" Гоминьдану, то теперь положение изменилось¹⁷. Причем не только вследствие эволюции Гоминьдана, но и в результате возникновения множества мелких политических партий, борющихся за голоса тех, чьи интересы не представлены "большими" партиями¹⁸. Как отмечает Дж.Коппер, ДПП еще предстоит создать мощную общенациональную партийную структуру (в ДПП состоят лишь около 20 тыс. членов, тогда как в Гоминьдане - 2,5 миллиона), укрепить свои позиции на уровне поселков и деревень, что весьма существенно для завоевания голосов наиболее консервативных избирателей¹⁹.

Каковы бы ни были испытываемые ДПП проблемы, она пользуется серьезной поддержкой тайваньского общества: на выборах в Национальное собрание 2-го созыва в декабре 1991 г. она получила 23,25% голосов, а на выборах в Законодательный юань в декабре 1992 г. - уже 31%²⁰. Произшедшее дало наблюдателям основания говорить о формировании на Тайване двухпартийной системы, причем в форме, до недавнего времени свойственной Японии, когда одна партия постоянно является правящей, а другая - оппозиционной. Действительно, соотношение голосов избирателей 53%: 31% в пользу Гоминьдана хотя и не свидетельствует о чрезвычайно крепких позициях последнего, но и не дает в настоящее время оснований говорить о скором приходе к власти оппозиции.

За исключением Гоминьдана и ДПП на Тайване существуют еще более 60 политических партий²¹. Лишь две из них имеют длительную историю, начавшуюся еще в материковом Китае - Младокитайская партия и Партия демократического социализма. В течение нескольких десятилетий они являлись союзниками Гоминьдана и самостоятельной роли в жизни Тайваня играть не могли. Остальные политические объединения возникли в последние годы, и процесс их формирования не прекращается. Другое дело, что эти партии не могут добиться успехов на выборах общенационального уровня. Их удел - местные органы власти. Кроме того, они не имеют устойчивой популярности и нестабильны сами по себе. Образованная Ван Исюном Трудовая партия раскололась в 1989 г. и вместе с новой Рабочей партией потерпела поражение на выборах того же года. В 1991 г. бывший член ДПП Чжу Гаочжэн основал Китайскую социал-демократическую партию, престиж которой в основном базировался на его личной известности. Чжу Гаочжэн стал единственным депутатом своей и вообще "третьей" партии (если не считать 14 беспартийных представителей) в Законодательном юане, избранном в декабре 1992 г., и вскоре объявил о своем выходе из рядов новой партии.

Итак, каково же место ДПП на политической сцене современного Тайваня? Она, безусловно, представляет собой ведущую оппозиционную силу, способную оказывать очень большое влияние на ситуацию в стране. Правительство испытывает огромные трудности во взаимоотношениях с парламентом, поскольку фракция ДПП в Законодательном юане в состоянии блокировать принятие важных решений или корректировать их (нередко блокируясь при этом с инакомыслящими депутатами-гоминьдановцами)²². Так, ДПП настояла на принятии закона об опубликовании отчетов о финансовом состоянии государственных служащих.

Основной сферой соперничества Гоминьдана и ДПП в настоящее время является социальная политика. Оппозиция постоянно обвиняет Гоминьдан в том, что это коррумпированная партия денежных мешков, покупающая голоса избирателей и на деле мало заботящаяся об интересах простых трудящихся и рядовых предпринимателей. Одним из главных объектов нападок стал премьер-

министр Лянь Чжань, состояние которого оценивается в 1 млрд 679,8 млн новых тайваньских юаней (нью)²³.

Готовясь к выборам мэров и начальников уездов осенью 1993 г. ДПП предложила выплачивать всем престарелым в возрасте от 65 лет вне зависимости от их финансового состояния по 5 тыс. нью ежемесячно. Таким образом правительству придется ежегодно выплачивать полутора миллионам пенсионеров примерно 3,2 млрд ам.долл. в год. Правящая партия квалифицировала проект ДПП как социальную демагогию, направленную на подкуп избирателей, и предложила план постепенного введения медицинского страхования, пенсий для фермеров и пособий по безработице²⁴.

Однако уже есть и такие вопросы, по которым правящая партия и оппозиция интенсивно сотрудничают друг с другом, несмотря на существенные различия в конкретных подходах. Наиболее яркий пример - единодушие в отношении участия Тайваня в работе Организации Объединенных Наций.

Непримиримость позиций Гоминьдана и ДПП в отношении независимости Тайваня известна, и она не исчезла. Однако за последние годы произошли существенные тактические изменения. 16 августа 1991 г. президент Ли Дэнхуй заявил, что в своей внешней политике Китайская Республика на Тайване переходит от неопределенности к практическим мерам, направленным на ликвидацию создавшегося вокруг нее вакуума. Речь шла о всемерном расширении международных контактов с целью добиться признания международным сообществом легитимности тайваньского правительства как администрации территории, находящейся под ее контролем. При этом Гоминьдан подчеркивал свою верность идее единства Китая и признавал "историческую неизбежность" воссоединения страны в отдаленном будущем. К 1993 г. позиция правительства эволюционировала настолько, что Ли Дэнхуй заявил 9 апреля на заседании Национального собрания о поставленной цели: в течение трех лет добиться вступления в ООН²⁵. Эта-то задача и объединила правительство с оппозицией, хотя ДПП исходит из необходимости объявления независимости и полного и окончательного отделения острова от Китая. Депутаты от ДПП активно участвовали во многих делегациях, отправившихся в разные страны мира с целью добиться поддержки предложения семи латиноамериканских стран о создании специального комитета по изучению вопроса о подключении Тайваня к работе ООН. Известная деятельница ДПП Люй Сюлянь открыла в Нью - Йорке специальную канцелярию для координации усилий всех тайваньцев, добивающихся этой цели²⁶.

Между тем к соперничеству между Гоминьданом и ДПП недавно подключилась еще одна партия - Китайская новая партия (Чжунго синьдан-КНП). О ее образовании было объявлено 10 августа 1993 г. Организаторы - оппозиционно настроенные молодые политики, в прошлом состоявшие в Гоминьдане - Чжао Шаокан, Ван Цяньсянь, Ли Циньхуа, Чжоу Цюань, Ли Шэнфэн и др. Еще на выборах в декабре 1992 г. Чжао и Ван выступали с собственными независимыми программами и баллотировались вопреки воле руководства Гоминьдана (и получили большинство голосов в своих округах).

Образование партии стало закономерным в условиях обострения фракционной борьбы в самом Гоминьдане накануне 14 конгресса, состоявшегося в середине августа 1993 г. Руководители КНП решили полностью отделиться от Гоминьдана, политику которого они считают слишком консервативной и не отвечающей интересам широких слоев общества. Главная задача КНП - выступать в роли балансира между Гоминьданом и ДПП. Неизвестно, будет ли достигнута эта задача: уже упоминавшийся выше Чжу Глочжэн не смог создать пользующуюся широкой популярностью "третью партию".

Программа КНП включает следующие фундаментальные положения: всемерное усиление обороны и безопасности; расширение контактов с КНР, формирование экономической зоны "Большого Китая", но одновременно придание Тайваню статуса равноправного члена международного сообщества;

проведение конституционной реформы и прямых выборов президента страны; гарантирование прав человека, осуществление социального равенства, развитие социального обеспечения; борьба с коррупцией, с влиянием денег на политику и т.п. Удастся ли КНП занять собственное и достаточно влиятельное место на политической арене Тайваня покажет будущее. По мнению экспертов, КНП может увеличить свою популярность за счет налаживания самостоятельных контактов с правительством КНР и ведения переговоров по различным вопросам двусторонних отношений²⁷.

Как бы то ни было, а сегодня на Тайване единственной мощной оппозиционной партией остается ДПП. По мнению председателя партии Сюй Синьляна, к концу века ДПП станет править островом. Радикалы вроде профессора Пэрриса Чана считают, что цель достижима в трехлетний срок. Насколько эти оценки верны - покажет будущее. Сейчас важно другое: в условиях многопартийности ДПП выполняет роль конструктивной оппозиции (экстремистские лозунги не имеют значения). Под давлением оппозиции Гоминьдан стал более внимательно относиться к формулированию различных политических, экономических и социальных программ. Сама правящая партия заметно эволюционировала: Гоминьдан отныне больше не "революционная", а "демократическая" партия; председатель и большинство членов руководства партии избираются на конгрессе тайным голосованием, а не по-советски - единодушным вставанием и т.п.

В свою очередь и Гоминьдан оказывает воздействие на изменения в практике ДПП. Ведь правящая партия, несмотря на обвинения в коррупции и финансовых злоупотреблениях и др., остается для большинства жителей Тайваня символом достигнутых на острове успехов и гарантом стабильности ситуации. Оппозиционерам приходится учиться тонкостям политической борьбы, четче формулировать положения программы, доказывать обществу, что ДПП способна, сохранив процветание Тайваня, привести его к еще большим достижениям и независимости.

1. Хуан Дэфу. Демократическая прогрессивная партия и политическая демократизация в районе Тайваня. - Тайбэй. - 1992. - С. 42-43.
2. Недовысказанные политические взгляды. - Тайбэй. - 1979. - С. 25-26.
3. Хронология истории Тайваня. 1979-1988. - Тайбэй. - 1991. - Т. 3. - С. 248.
4. J.V.Jacobs. Chinese Nationalist Politics in Taiwan Under the Two Chiangs. - Modern Taiwan in the 1990s. / Ed. by G.Klinworth. - Canberra. - 1991. - P. 17-19.
5. T.B.Gold. State and Society in the Taiwan Miracle. - Armonk. - 1986. - P. 122.
6. A.P.L.Liu. The Political Basis of the Economic and Social Development in the Republic of China, 1949-1980. - Baltimore. - 1984. - P. 22.
7. J.F.Copper. Taiwan's Elections: Political Development and Democratization in the Republic of China. - Baltimore. - 1984. - P. 112.
8. Хронология истории Тайваня. - С. 250.
9. Современный Тайвань. / Под ред. Шэнь Цзюня. - Хэфэй. - 1990. - С. 278-279.
10. J.F.Copper. Op.cit. - P. 10.
11. Хуан Дэфу. - Указ. соч. - С. 57.
12. Там же. - С. 87.
13. Там же. - С. 89.
14. Хронология истории Тайваня. - Т. 3. - С. 252, 308, 318, 366.
15. Tien Hung-mao. Taiwan's Evolution Toward Democracy: A Historical Perspective. - Taiwan Beyond the Economic Miracle. / Ed. by D.F.Symon, M.Y.M.Kau. - Armonk. - 1992. - P. 21.
16. Хронология истории Тайваня. - Т. 3. - С. 324.
17. J.F.Copper. Op.cit. - P. 94-95.
18. Ibid. - P. 283.
19. Ibid. - P. 97.
20. Хуан Дэфу. - Указ. соч. - С. 169; The Free China Journal. - 1992. - December 25.
21. The Republic of China Yearbook 1993. - Taipei. - 1993. - P. 137.
22. The Free China Journal. - 1993. - August 13.
23. Чжунъян жибао хайвайбань. - Тайбэй. - 1993ю - 21 октября.
24. The Free China Journal. - 1993. - October 87
25. Чжунъян жибао хайвайбань. - 1993ю - 20 мая.
26. Ян Личжоу. Борьба между двумя берегами Тайваньского пролива в ООН и за ее пределами. - Чжэньминь, Гонконг. - 1993. - N 10. - С. 70.
27. Цзюши иньдай. - Гонконг. - 1993. - N 9. - С. 42-43; The Free China Journal. - 1993. - August 13.

Проблема "Большого Китая"

"Большой Китай" - замыслы и реальность

© 1993

А.Ларин

Идея создания в Азии по этническому признаку грандиозного экономического блока, который включал бы в себя материковую часть Китая, Тайвань, Гонконг и Макао, последнее время обрела известность. На эту тему все чаще размышляют ученые, высказываются политики. В чем причина этого интереса? Каким складывается эскиз "Большого Китая" и каковы возможности его воплощения в жизнь?

Мысль о формировании общности подобного рода не столь уж нова: она звучала еще на рубеже 70-80-х годов, в период перехода КНР к новой стратегии модернизации и выдвижения руководством страны оригинальной концепции объединения всех ее частей без изменения их социального и политического строя. В то время идея экономического союза не вызвала сколь-нибудь значительного отклика даже среди специалистов, однако ее основные черты воспроизводятся и в самых свежих проработках.

Одним из первых, если не первым, выступил с идеей "Большого Китая" в 1980 г. сянганский политолог Хуан Чжилян¹. Он описал структуру, состоящую из двух слоев: социалистическая и капиталистические части Китая образуют "Китайское сообщество"; к нему в последующем подключаются китайские деловые общины азиатских стран, что в сумме дает более рыхлое, но и более широкое единство - "Общекитайский дом".

В конце 80-х годов возник новый всплеск внимания к этой теме, сохраняющийся и сегодня. Объединительные проекты стали обсуждать в академических кругах материкового Китая, Тайваня, а особенно Сянган и США, зачастую ориентируясь при этом на пример европейского "Общего рынка". (Появился и термин "Китайский общий рынок", употребляющийся наряду с вышеприведенными названиями, а также наименованиями "Большой Китай", "Китайское экономическое кольцо", "Китайская экономическая зона" и др.).

Не прошли мимо идеи экономического суперблока и политические деятели. "В далеком будущем в мире появится Китайское экономическое кольцо, включающее в себя континентальную часть, Тайвань и Сянган с Аомынем, в котором каждый сможет выявить свои достоинства", - отмечал на встрече с представителями этих территорий заместитель председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного Совета Ян Минфу². Тайваньский президент Ли Дэнхуэй в 1992 г., развивая эту идею, предложил такое "разделение труда": гонконгский менеджмент; сырье, ресурсы и рабочая сила материкового Китая; маркетинг транспортировка, экспортные каналы - при участии Сингапура и других стран Юго-Восточной Азии, в которых имеются крупные китайские деловые общины³.

Ларин Александр Георгиевич, кандидат филологических наук, руководитель Центра Тайваньских исследований ИДВ РАН

Главную цель строительства "Большого Китая" его сторонники видят в том, чтобы соединенными усилиями обеспечить ускоренный экономический прогресс всех его участников, которые в противном случае рискуют оказаться на периферии мировой экономики с ее новейшими интеграционными тенденциями. Бесспорно, "Большой Китай" имеет все шансы превратиться в один из влиятельнейших факторов в жизни Азиатско-Тихоокеанского региона. Американские исследователи справедливо замечают: "Возникновение "Большого Китая" (КНР, Гонконг и Тайвань) является в экономическом плане одной из важнейших долгосрочных тенденций, формирующихся в современном мире". Они полагают, что эта ассоциация сможет составить конкуренцию Японии и воспрепятствовать полному подчинению азиатского рынка японским интересам⁴.

Нелишне, может быть, отметить, что у некоторых авторов картины взлета будущего сообщества отличаются неподдельным пафосом и смелым полетом мечты. Так, проф. Чжэн Чжунюань (США) писал: "Если капиталы и творческий потенциал Тайваня соединить с природными богатствами и рынком материка, то 21-й век обязательно станет веком китайцев!"⁵. Что ж, мечты о мировом величии, появляющиеся у представителей действительно великого народа, отчасти как реакция на длительное отставание от передовых стран - феномен вполне понятный. И естественно, что у китайцев такие мечты связываются с преодолением раскола нации. В 1951 г. тайваньский политический деятель Цзян Цзинго, впоследствии ставший президентом на острове и сделавший первые шаги в налаживании связей с материком, писал: "Мы должны нести свое бремя. Судьбы мира определяет Азия, судьбы Азии определяет Китай. Сейчас, в двадцатом веке, европейцы господствуют над азиатами. Мы должны верить, что с окончанием двадцатого века азиаты наберутся сил, чтобы влиять на Европу и поддерживать мир. Только тогда на земле воцарятся стабильность и мир"⁶.

К настоящему времени идея сообщества обрела под собой достаточно серьезную экономическую и политическую основу, что, собственно, и объясняет прилив интереса к ней.

Во-первых, КНР далеко продвинулась к рынку, накопила убедительный опыт развития специальных экономических зон; на основе концепции "одно государство, два строя" были в принципе решены проблемы Гонконга и Макао, превращающихся в особые административные районы КНР.

Во-вторых, гоминьдановские власти Тайваня произвели пересмотр всей своей политики тотального антикоммунизма и самоизоляции от материка, символом чего стала отмена ими в 1991 г. периода "мобилизации для подавления коммунистического мятежа", введенного еще в 1949 г.

В-третьих, благодаря этим обстоятельствам связи между материковым Китаем и Тайванем достигли внушительного объема и продолжают интенсивно развиваться несмотря на то, что осуществляются они круглым путем, главным образом через Гонконг. Идет размывание системы барьеров "трех нет" (нет контактам, переговорам и компромиссам с коммунистами), введенной гоминьдановскими властями Тайваня еще в годы острой вражды между ними и лидерами КНР. Сенсацией стала встреча в апреле 1993 г. в Сингапуре руководителей двух лишь формально неправительственных организаций: Ассоциации связей через пролив (КНР) и Фонда обменов через Тайваньский пролив (Тайвань). Достигнутые на встрече договоренности о последующих контактах и о круге подлежащих обсуждению вопросов оказались настолько значительными, что обе стороны расценили ее как шаг исторической важности. Любопытно, что в числе намеченных направлений сотрудничества значатся содействие молодежным и научным обменам, передача компьютерной технологии, обсуждение вопросов о стандартизации продукции и унификации научных терминов⁷.

В-четвертых, возникло многообразное экономическое сотрудничество Сянгана и Аомыня с прилегающими районами провинции Гуандун

(специальными экономзонами Шэньчжэнь и Чжухай, дельтой р.Чжуцзян, г.Гуанчжоу и др.). Сянган предоставляет капиталы, технологию и управленческий опыт, а материк - сырье, более дешевую рабочую силу и производственные площади. Нередко это сотрудничество приобретает характер интеграции, что пробуждает специалистов прогнозировать сращивание Сянгана, Аомыня и прилегающих к ним зон в единый конгломерат "Большой Сянган". Последнее время Сянган во все большей мере выполняет роль прекрасной оборудованной базы для движения тайваньских инвестиций на материк.

Сотрудничество между тремя частями Китая приняло настолько масштабный характер, что в некоторых случаях их уже сегодня рассматривают как единое целое. В исследовании Всемирного банка "Перспективы глобального развития для развивающихся стран" даются оценки развития китайской экономической зоны к началу следующего тысячелетия⁸.

По мере сближения сторон расширяются и представления о том, каким может быть разделение труда в будущем сообществе, какие области материка реально могут в нем участвовать и т.п. Тайваньские эксперты, например, указывают, что материковый Китай способен быть поставщиком не только сырья и трудовых ресурсов, но и научных разработок⁹, что тайваньский потенциал в торговле, промышленности и сфере обслуживания может сыграть роль моста между иностранными инвесторами и материком¹⁰.

Сянганские специалисты отмечают, что в зону действия "Большого Треугольника" могут быть включены и о-в Хайнань и ряд других районов приморской зоны.

Ряд ученых КНР выражает опасение, что интеграция южных прибрежных районов страны с Сянганом, сопровождающаяся местным повышением жизненных стандартов, способна привести к возникновению там нежелательных сепаратистских настроений. По-видимому, не без учета этих соображений группа экономистов из Шэньчжэня выступила с проектом создания экономической зоны "Тайваньский пролив". Зона площадью в 300 тыс. кв. км с населением 70 млн чел. должна включать в себя помимо Тайваня пров. Фуцзянь, устье р.Вэньчжоу и южную часть пров. Цзянси, в то время как Сянган и Аомынь вместе с провинциями Гуандун и Гуанси образуют отдельную зону¹¹.

Проф. Чжан Гуй (КНР) не исключает даже возможности военного сотрудничества Пекина и Тайбэя: "Тайвань может, опираясь на материк, произвести перенос силы в Азиатско-Тихоокеанский регион... Материк же может превратить Тайвань в стража от любой угрозы, исходящей из западной части Тихого океана, а также позволить Тайваню помогать материку контролировать острова Сиша и Наньша"¹².

В некоторых высказываниях тайбэйских лидеров просматривается намерение Тайваня закрепить за собой наиболее активную роль в намечаемом строительстве "Большого Китая": "Тайвань должен взять на себя инициативу в объединении экономических усилий китайцев по всему миру... В качестве первого шага нужно соединить экономику острова со странами Юго-Восточной Азии, затем - использовать труд и ресурсы материкового Китая, сочетая их с опытом компаний в США и Европе, контролируемых китайцами, в сфере высоких технологий"¹³.

Тем временем, однако, дело созидания "Большого Китая" буксует в колеях глубоких и мелких проблем. Оно фактически еще и не начато, если только понимать под этим термином действительно экономический союз в полном смысле этого понятия: с механизмом консультаций, коллективными органами и т.д., а не просто большие по объему потоки товаров или капиталов. Да и сказано пока об этом сообществе не так уж много. Фактически стороны занимают осторожные, выжидательные позиции. В публичных выступлениях их представители нередко предпочитают говорить не столько о собственных выгодах, сколько о том, какие преимущества даст объединение другой стороне. Специалисты из КНР настойчиво напоминают о протекционистских барьерах,

острой конкуренции и других неприятностях, с которыми Тайвань сталкивается на мировом рынке и с которыми ему легче будет сладить, "открывшись" в сторону материка. Тайваньские эксперты, в свою очередь, рисуют такую картину: материковый Китай отстал от мирового прогресса вследствие политики самонезависимости, проводившейся во времена Цинской империи и - в других формах - до конца 70-х годов, и теперь Тайвань вместе с Сянганом будут помогать "вытаскивать его из экономического тупика".

Такая беспешность будущих партнеров по блоку объясняется наличием серьезных противоречий между ними.

Прежде всего, для руководителей КНР Тайвань - это провинция КНР, управляемая местными властями, ввиду чего Пекин не считает для себя возможным вести с Тайбэем межправительственные переговоры. Тайбэй же вообще наложил табу на любые контакты и переговоры с коммунистами, но в последнее время сузил интерпретацию своего запрета до рамок официальных встреч, требуя при этом, чтобы Пекин относился к нему как к равному партнеру (вообще, требование равенства - это одно из ключевых положений в позиции Тайбэя). Приемлемый для обеих сторон выход был найден только недавно, показателем чего и стала упомянутая выше встреча Ассоциации связей и Фонда обменов через пролив в Сингапуре в апреле 1993 г. И в этом, собственно, и состояло ее значение: лед тронулся, и стороны могут плыть дальше по пути создания неофициальных органов с правительственными полномочиями и даже совместных органов с самой широкой компетенцией.

Второе противоречие - это отказ Тайбэя, вопреки настойчивым предложениям Пекина, пойти на скорейшее установление прямых торговых, транспортных и почтово-телеграфных связей через пролив ("три вида связей"). Гоминьдановские власти Тайваня ссылаются при этом на соображения безопасности, а также на вероятность возникновения не поддающегося контролю потока иммигрантов с материка (тайваньская администрация сообщает о сотнях агентов и тысячах беженцев, каждый год нелегально прибывающих на остров). Осуществляя обмены с материком через Сянган, руководители Тайваня намереваются и после превращения его в 1997 г. в особый административный район КНР сохранить этот порядок, регулируя отношения с ним посредством специального законодательства.

Пекин, судя по сообщениям прессы, оказывает в этом вопросе давление на власти острова, обуславливая их уступками то свое "добро" на вступление Тайваня в ГАТТ, то согласие обеспечить необходимые гарантии тайваньским инвесторам на материке. При этом руководители КНР делают ставку на растущую заинтересованность тайваньского бизнеса в налаживании "трех видов связей". По мнению ряда авторитетных лиц, открытие первых линий коммуникации через пролив - дело скорого будущего. Однако, на наш взгляд, до создания полноценных каналов связи, которые соответствовали бы интенсивности обменов между его берегами, еще далеко.

Другие противоречия отражены в требованиях тайваньских лидеров к властям КНР прекратить деятельность, направленную на политическую изоляцию Тайваня на международной арене, и провозгласить отказ от угрозы использовать силу в отношении острова. Тайбэй включает выполнение этих требований в понятие равноправных взаимоотношений с материком и лишь при условии их удовлетворения считает возможным дать зеленый свет "трем видам связей". Между тем и то и другое составляет принципиальную линию Пекина, которую он мотивирует необходимостью пресечь в зародыше процесс трансформации Тайваня в отдельное государство, идущий вразрез с интересами китайской нации.

"Мы категорически против политики "двух Китаев", "одного Китая, одного Тайваня" или "одного государства, двух правительств" в какой бы то ни было форме и будем принимать все необходимые меры, чтобы пресечь любые действия, направленные на провозглашение независимости Тайваня и раскол

родины", - подтвердил в одном из последних выступлений премьер Госсовета Ли Пэн¹⁴.

Анализ показывает, что при наличии доброй воли и готовности к компромиссам с обеих сторон эти противоречия можно постепенно устранить или по крайней мере существенно смягчить. С определенными издержками можно развивать сотрудничество и в обход этих препятствий, решая ворох более мелких, но тоже достаточно важных проблем экономического плана, таких как предотвращение взаимоистощающей конкуренции между материком, Тайванем и Сянганом, имеющими сходную структуру экспорта и выходящими на одни и те же внешние рынки, прежде всего американский; принятие мер, чтобы Гуандун не превратился в своего рода "колонию" Сянгана и т.п. Наряду с урегулированием трений между тремя партнерами, считают китайские экономисты, уже сегодня в повестке дня стоит объединение их усилий для достижения общего успеха на экспортных рынках. Здесь на первый план выдвигаются такие вопросы, как повышение качества китайских товаров, скорейшее вступление в ГАТТ и другие международные организации КНР и Тайваня (Сянган уже является членом ГАТТ), диверсификация рынков сбыта и т.д.¹⁵.

Однако пока политические препятствия противоречия заметно тормозят продвижение сторон по пути формирования экономического блока. "Мы поддержим создание "Общего рынка Большого Китая", поскольку это будет на пользу китайцам во всем мире. Но пусть эта идея подождет, пока мы преодолеем препятствия, созданные китайскими коммунистами", - заявляют тайваньские лидеры¹⁶. В Пекине, по-видимому, придерживаются симметричного подхода и не стремятся форсировать события.

Еще одна причина обоюдной сдержанности, особенно в отношении "программы-максимум", включающей в себя китайскую эмиграцию Сингапура и других стран Юго-Восточной Азии, состоит, как полагают эксперты, в опасении вызвать негативную реакцию в этих странах со стороны остальной части населения. Вот одно из выразительных высказываний на этот счет: "Многие ли из нас не поживаются при упоминании о японской мечте - Сфере Великого Спроцветания? А что будут думать некитайские этнические группы во всей Юго-Восточной Азии, если в этом районе китайцев уже сегодня любят меньше всех и притесняют больше всех?"¹⁷. Впрочем, эта причина - не из решающих. Она означает лишь, что при расширении будущего сообщества за счет китайских деловых общин его наиболее сильным участникам придется настойчиво демонстрировать свое миролюбие и доказывать полезность блока для всего населения региона.

Строительство "Большого Китая" тесно переплетается с проблемой объединения страны. В конечном счете противоречия между позициями Пекина и Тайбэя проистекают из разного видения ими своего места и места партнера в будущем едином государстве, а равно и социальной природы этого государства. Каждая сторона имеет собственную программу объединения и активно пропагандирует ее.

Программа Пекина, в основном сформулированная еще в 1981 г. ("Программа из 9 пунктов" Е Цзяньина и беседа Дэн Сяопина с проф. Ян Люем¹⁸) хорошо известна. Она переводит провинцию Тайвань на положение особого административного района с сохранением на его территории капиталистических порядков и предоставлением ему широчайшей автономии. Теоретическая основа программы - концепция Дэн Сяопина "одно государство, два строя". "Основная часть страны огромна, социализм осуществляется на территории с миллиардным населением, и при этой предпосылке около нее допустимо существование капитализма в небольшом районе и небольшом масштабе. Без этой предпосылки капитализм поглотит социализм"¹⁹. На XIV съезде КПК Цзян Цзэминь объявил концепцию "одно государство, два строя"

одной из составных частей теории строительства социализма с китайской спецификой²⁰.

Тайваньские лидеры, однако, категорически отвергают программу Пекина, которая, как они считают, ставит их в подчиненное положение и по существу отдает в полную власть руководителей КНР: признав над собой суверенитет КНР, Тайвань окажется отсеченным от США, поддерживающих с тыла власти острова в их взаимоотношениях с лидерами материкового Китая. Между тем сосуществование районов с разными социальными системами под общей крышей - феномен, не прошедший испытания историей и многим кажущийся достаточно хрупким. Специалисты усматривают, например, угрозу благосостоянию будущего Сянганского особого района КНР в связи с плохо поддающимися контролю процессами в экономике материкового Китая, возможным возникновением там политической нестабильности, волюнтаризма и т.д.²¹. Того же, а то и более серьезных осложнений опасаются и на Тайване.

С конца 60-х годов тайваньские политические руководители стали выдвигать в неофициальном порядке собственные идеи относительно воссоединения, облекая их в формулы: "один Китай, два правительства", "один Китай, два правительства, стремящиеся к объединению", "один Китай, два района", подразумевающие равноправие сторон.

В 1991 г. президент Тайваня Ли Дэнхуэй выступил с программой объединения страны в три этапа. На первом этапе предполагается углубление взаимопонимания и расширение неофициальных обменов между обеими частями Китая. Стороны должны покончить с прежней враждой, решать споры исключительно мирными средствами, не создавать угрозы безопасности и стабильности друг друга и не отрицать более существование друг друга в качестве политических образований. В материковом Китае следует не только продолжать экономические реформы, но и постепенно допускать разнообразие политических взглядов, тогда как Тайвань ускорит проведение конституционных реформ. На втором этапе стороны устанавливают между собой прямые почтовые, транспортные и коммерческие связи и начинают совместно работать над развитием приморской зоны Южного Китая и переносом ее достижений во внутренние районы страны; начинаются обмены визитами высокого уровня. Наконец, на третьем этапе формируются специальные органы, которые приступят к обсуждению проблем, связанных с созданием единого Китая в соответствии с принципами "демократии, экономической свободы, социальной справедливости". Иными словами, имеется в виду, что объединенный Китай будет некоммунистическим.

Пекин, естественно, считает программу Тайбэя неприемлемой для себя - ни заложенное в ней условие равноправия сторон, ни ее конечные цели. Очевидно, Тайбэй ни на какую другую реакцию и не рассчитывает, как не надеется и Пекин, что его концепция "одно государство, два строя" придется по вкусу Тайбэю. Идет заочное состязание двух программ, каждая из которых рассчитана на то, чтобы в предвидении расширения двусторонних контактов обеспечить "своей" стороне пропагандистский и политический выигрыш. При этом Тайбэй, стремясь воздействовать на идеологическую ситуацию на материке, подкрепляет свой план объединения пропагандой опыта превращения островного сообщества в процветающую "экономическую мини-сверхдержаву" в качестве образца для всего Китая.

Пекин, со своей стороны, стремится уже сегодня выйти на широкие контакты с разными слоями тайваньского общества, рассчитывая, что это поможет реализовать его план возвращения Тайваня под суверенитет КНР. Важную роль в продвижении в жизнь этой установки лидеры КНР отводят тайваньскому бизнесу: его деловые интересы на материке приобрели столь значительный объем, что тайваньское правительство уже выражает опасения по поводу возникновения чрезмерной зависимости экономики острова от материка.

По мнению некоторых аналитиков, эти опасения "имеют под собой реальную основу"²².

Что же касается идеологического воздействия со стороны Тайваня, то Пекин надется нейтрализовать его посредством контрпропаганды, используя такую систему аргументов: сравнение темпов экономического роста Тайваня и материка неправомерно хотя бы уже потому, что в 50-60-е годы Тайвань получил миллиардные американские инвестиции. Тайваньский путь не подходит для такой крупной страны, как Китай, остров корректнее сравнивать не с материком в целом, а с каким-либо из его приморских промышленных районов. При этом нужно еще учитывать, что эти районы сами оказывают содействие внутренним регионам стран. А чтобы оценить преимущества социализма, следует сравнивать КНР не с Тайванем, а с "некоторыми другими крупными странами", развивающимися по капиталистическому пути и все еще не покончившими с голодом и острейшими социальными проблемами. Нелишне вспомнить и о мрачных временах господства Гоминьдана на материке, на фоне которых достижения народной власти особенно заметны. Заимствовать стоит лишь отдельные стороны тайваньского опыта.

Главный же козырь Пекина в противодействии тайваньской пропаганде - это постоянный рост жизненного уровня населения КНР в период реформ. Имея на руках этот козырь, Пекин может сам выбирать темпы и приоритеты в осуществлении экономических и политических реформ, не пасуя перед достижениями Тайваня, но учитывая его опыт и рекомендации в той мере, в какой он считает это нужным в данный момент. Дэн Сяопин во время поездки по южным районам Китая в 1992 г. порекомендовал провинции Гуандун "за двадцатилетний срок догнать "четыре малых драконов Азии".

Не дремлет, однако, и тайваньское правительство. Оно разработало крупномасштабный шестилетний план национального развития (1991-1996), рассчитанный на то, чтобы вывести Тайвань в число развитых стран мира. Одна из основных задач плана - превратить Тайвань в "наилучшую модель развития для всего Китая"²³. Нельзя не отметить: планы развития двух частей Китая, окрашенные в тона политического соперничества, одновременно подразумевают сближение сторон, существенное расширение масштабов их экономического сотрудничества. А это означает, что потребность в организации в том или ином виде "Большого Китая" будет возрастать.

1. Хуан Чжилян. США - 203 года. - Сянган, 1980 (на кит. яз.).
2. Хуан Чжилян. - Сянган идет в 21-й век. - Сянган, 1989. - С. 161 (на кит. яз.).
3. Цит. по: "Известия". - 1992. - 13 января.
4. Dumbaugh, K., Ipson, M. The U.S. and Hong Kong Future: Promoting Stability and Growth. - N.Y., 1991. - P. 1.
5. Чжэн Чжунюань. Концепция Великого китайского общего рынка. Сянган шидай. Цзю тань. - 1988. - 13 июня. - Вып. 6. - Сянган (на кит. яз.).
6. Г-н Президент Цзян Цзинго. Собрание сочинений и речей. - Тайбэй, 1982. - Т. 2. - С. 36 (на кит. яз.).
7. "Жэньминь жибао". - 1993. - 30 апреля.
8. "Известия". - 1993. - 21 мая; "Финансовые известия". - 1993. - 15-21 мая. - N 29.
9. Free China Journal. - 1992. - Jan. 24.
10. Free China Journal - 1992. - Jan. 17.
11. China Reform. - Hong Kong. - 1991. - N 2.
12. "Синь Ячжоу". - Шанхай, 1989. - N 2. - С. 148 (на кит. яз.).
13. Free China Journal. - 1991. - Oct. 10.
14. "Жэньминь жибао". - 1993. - 16 марта.
15. Чжан И. Экономическое сотрудничество материкового Китая с Сянганом и Тайванем и проблемы их рынка. -(Шицзе Цзинцзи). - 1992. - N 5. - С. 62 (на кит. яз.).
16. Free China Journal. - 1992. - Jan 24.
17. Free China Journal. - 1992. - Jan 17.
18. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. - М., 1988. - С. 241-243, 25.
19. Ук. соч. - С. 122.
20. "Жэньминь жибао". - 1992. - 21 октября.
21. Libenthal, K. The Future of Hong Kong. - "Asian Survey". - 1992. - July. - V. XXXII. - N 7.
22. "Financial Times". - 1991. - Oct. 10.
23. "Free China Journal". - 1992. - Jan. 24.

Материковый Китай и Тайвань на пути экономического сотрудничества

© 1993

С.Дементьев*

В 1991-1992 гг. экспорт капитала из Тайваня вырос с 550 млн до 1,2 млрд долл. США, причем значительные средства направлялись в континентальный Китай. К началу 1992 г. Тайвань стал инвестором номер три в экономику КНР после Гонконга, Макао и США, оттеснив Японию со 2-го места на 4-е. Инвестиции Тайваня на материке в 1987-1992 гг. составили 3 млрд долл., а по данным Института экономических исследований Чун Хуа (Тайвань), - около 5 млрд долл.² В 1991 г. Тайвань финансировал 3815 объектов на территории КНР на общую сумму 3,43 млрд. долл., а в первые девять месяцев 1992 г. - 3750 объектов (2,97 млрд долл.), что вдвое превышает объемы того же периода прошлого года³. Инвестиции проводились главным образом в трудоемкие, экспортоориентированные отрасли (%):

Всего:	100,0
В том числе:	
резина, пластмассы, химические продукты	30,5
электроника и машиностроение	20,8
текстиль	13,9
металлургия и добывающая промышленность	11,4
древесина, бумага, кожевенное производство	6,8
прочие отрасли	16,6

Среди регионов по инвестициям традиционно лидируют провинции Гуандун и Фуцзянь. Крупные тайваньские фирмы планируют в ближайшее время инвестировать капиталы в электронику, нефтехимию и недвижимость⁵.

Динамично развивается непрямая двусторонняя торговля. Она по-прежнему идет через Гонконг. Так, товары Тайваня для материка Китая составляют более 8% общего объема экспорта острова.

Объем товарооборота между материковым Китаем и Тайванем

Годы	Объем товарооборота, млрд долл.	Прирост, %
1990	4.04	-
1991	5.79	43.3
1992	7.00	20.9

Рассчитано по: The Daily Yomiuri. - 1992. - April 24; China Daily. - 1992. - December 7. - P. 1.

И в Пекине, и в Тайбэе, похоже, начинают понимать бессмысленность обоюдных санкций и дискриминационных мер во внешней торговле, хотя такое понимание приходит не просто и не сразу.

* Дементьев Сергей Геннадьевич, кандидат экономических наук, зам. директора научно-исследовательского центра Внешэкономбанка

В июле 1992 г. правительство Тайваня призвало местных бизнесменов в течение трех месяцев зарегистрировать инвестиционные проекты на территории материка Китая. В противном случае им грозил бы штраф от 3 до 15 млн новых тайваньских долларов (НТД)⁶, о чем объявил заместитель министра экономики Тайваня П.К.Цзян. Это требование нашло отражение в Законе Республики Китай об экономической границе, принятом парламентом Тайваня 16 июля 1992 г. К продаже "красному" Китаю официально разрешались 3737 низкотехнологичных видов продукции. Категорически запрещалась деятельность в сфере финансов и розничной торговли⁷.

Что же толкнуло тайваньские власти на эти меры?

Тайбэй всерьез обеспокоен оттоком капитала на материк, в основном после того, как Пекин разрешил иностранцам действовать на рынке ценных бумаг КНР, в частности приобрести акции местных предприятий серии "Б", а также производить инвестиции в недвижимость. Не следует сбрасывать со счетов и нарастающий людской поток: в 1992 г. свыше 1 млн островитян посетили свою историческую родину. Шестилетний план национального развития Тайваня оказался под угрозой срыва. Этот высокоразвитый район предпочитает плановое начало в организации экономики. Министерство финансов Тайваня даже образовало специальную группу по созданию системы финансового контроля (мониторинга) за движением капитала⁸.

Вместе с тем и Пекин не особенно рад усиливающейся активности тайваньских деловых кругов. До середины 1992 г. действовали ограничения относительно реализации на материке продукции тайваньских фирм. Тайваньские предприниматели нередко сетуют на отсутствие льготных кредитов. К тому же, как заявил глава Тайваньского фонда обменов через пролив Ван Таохань, многих инвесторов отталкивает то, что КНР настаивает на "ведущей роли социализма в экономической реформе"⁹.

В августе 1992 г., по информации Бюро валютных операций, Тайвань принял ряд законодательных актов, разрешающих зарубежным отделениям тайваньских банков совершать аккредитивные и переводные операции с банками КНР. Ранее расчеты осуществлялись только через посредничество иностранных банков. Открытие отделений на материке тогда было запрещено, однако поощрялось их создание в третьих странах, к примеру в Гонконге, Вьетнаме и т.п. Заместитель министра финансов Тайваня Ли Чуньин заявил, что более тесные двусторонние банковские связи позволят сбалансировать перелив капитала и гарантируют тайваньским бизнесменам ввоз прибыли, получаемой в результате экспортных операций¹⁰.

В июне 1992 г. "Бизнес-банк" Тайваня впервые получил лицензию на открытие представительства в Шанхае. Это крупный банк с общей суммой активов 150 млрд. НТД и долей уставного фонда по отношению к резервному фонду 16,5% (соответствующий норматив, установленный Банком международных расчетов Тайваня, - 8%). Президент Банка Чэнь Цзайлай лично посетил КНР для изучения перспектив расширения кредитно-расчетных операций на материке. В ближайшее время ожидается открытие еще двух представительств тайваньских банков в г.Сямэнь.¹¹

После состоявшихся в мае 1993 г. в Сингапуре тайваньско-китайских переговоров Тайбэй снял все ограничения на операции с материком. Отныне тайваньским банкам разрешено устанавливать корреспондентские отношения с китайскими банковскими учреждениями, осуществлять международные расчеты. Кроме того, Тайвань создает постоянную группу экспертов для проведения диалога с Китаем по экономическим и другим проблемам двусторонних отношений¹².

Важным аспектом этого диалога являются научно-технические контакты. 25 августа 1992 г. тайваньская делегация, возглавляемая президентом частного Института экономических исследований Лю Тайином, и Управление связей с

Тайванем Госсовета КНР заключили в Пекине соглашение о научном сотрудничестве¹³.

Соглашение уже наполняется реальным содержанием. Представляется весьма перспективным подключение тайваньских фирм к финансированию программ развития наукоемких технологий, в частности в технополисах. Так, недалеко от Чэнду, в городе-спутнике Вэньцзян при содействии Тайваня разворачивается строительство новой промышленной зоны на площади 6 кв.км. Ее первая очередь (0,6 кв.км) введена в действие в октябре 1992 г.¹⁴.

Как отмечалось выше, одной из приоритетных отраслей тайваньских инвестиций является электроника. На материке уже обосновались сотни тайваньских фирм. С конца 1991 г. Первая международная компьютерная компания (Тайвань) производит в Гуанчжоу ключевые компоненты для ЭВМ. Другая тайваньская фирма "Копам электроникс корп." наладила производство клавиатуры для ПЭВМ в Сямэне. Ежемесячный выпуск готовой продукции составляет 30-40 тыс. единиц¹⁵. Только в Шэньчжэне действует свыше 1 тыс. тайваньских электронных фирм. Неудивительно: чрезвычайно емкий рынок КНР требует ежегодно от 500 до 600 тыс. ПЭВМ.

Однако в двусторонних отношениях не решен целый ряд важнейших проблем. Серьезным тормозом на пути сближения КНР и Тайваня остается отсутствие прямого транспортного сообщения. Доходит до абсурда: туристы с острова, расположенного в 210 км от г.Сямэнь, добираются туда через Гонконг, тратя на дорогу и ожидание получения въездной визы около суток.

Нерешенность транспортной проблемы было бы неверно относить только на счет упорства материкового Китая. Определенные круги на Тайване пытаются поставить этот вопрос в увязке с политическими требованиями. Заместитель главы Совета по связям с материком правительства Тайваня Ма Инцзю заявил, что прямое транспортное сообщение не будет установлено до тех пор, пока Пекин не откажется от угрозы применения силы и не признает Тайвань как законную политическую реальность¹⁶.

Тем не менее условия для решения транспортной проблемы создаются. Так, в порту г.Сямэнь сооружаются четыре 10000-тонных причала. Два других 10000-тонных причала и один 5000-тонный для пассажирских судов были недавно реконструированы. За весь 1991 г. в Сямэнь прибыло 140 торговых судов из Тайваня через Гонконг. К 1995 г. объем перевозок грузов достигнет 1 млн.т.¹⁷

Недавняя договоренность российской и тайваньской сторон о возможности открытия к концу 1993 г. прямой авиалинии (правда, не пролегающей над территорией материкового Китая, что усложняет маршрут полетов), может быть, подтолкнет и Пекин и Тайбэй к более активному поиску решений транспортной головоломки, несмотря на политические проблемы.

В последнее время обострилось соперничество Тайваня и материкового Китая на рынках третьих стран, в частности в отношении экспорта в США. Если в 1983 г. соотношение объемов экспорта Тайваня и материка составляло 5:1, то в 1991 г. - 1,2:2. В 1991 г. тайваньский экспорт в США оценивался в 22,9 млрд долл., или на 4,7% больше по сравнению с 1990 г., а китайский - 18,8 млрд долл., или на 23% больше. По расчетам Управления внешней торговли Тайваня, при сохранении таких же темпов в течение нескольких ближайших лет материковый Китай перегонит Тайвань¹⁸. Отчасти это объясняется тем, что начали приносить отдачу тайваньские инвестиции, направляемые на техническое перевооружение и реконструкцию действующих предприятий материкового Китая.

Наблюдаются качественные изменения структуры тайваньского экспорта в Соединенные Штаты: снижение удельного веса трудоемкой продукции (одежда, обувь, игрушки) при одновременном росте науко- и капиталоемкой продукции (электроника, информационные технологии, мебель, спорттовары и спортоборудование). В экспорте товаров с клеймом "сделано в КНР", как раз,

напротив, преобладает трудоемкая продукция, как у Тайваня лет десять тому назад. Определенную роль в продвижении китайских товаров на американский рынок сыграли предоставление КНР конгрессом США статуса наибольшего благоприятствования и традиционно дешевый труд в Китае.

Одним словом, экономические связи между двумя частями Китая весьма разнообразны и активно углубляются. Перспективы его развития весьма привлекательны для обеих частей страны. Это, конечно, ведет к предметному взаимному ознакомлению с состоянием экономики, образом и уровнем жизни и труда, к взаимной увязке планов развития как материка, так и Тайваня. Все определеннее выявляется значимость взаимодополнения экономик материка и Тайваня. И тем не менее, как бы ни расширялись и ни углублялись экономические и научно-технические связи между двумя социальными и политически разнородными частями страны, сами по себе они только задают все больше вопросов относительно проблемы объединения нации. Отвечать же на них должна политика. Причем очень мало вероятно, чтобы посредником была идеология: здесь точек соприкосновения мало. Скорее - через углубление экономической реформы на материке.

1. The Daily Yomiuri. - Tokyo. - 1992. - August 15; April 24; China Daily. - 1992. - December 7. - P. 1.
2. The Japan Times. - Tokyo. - 1992. - May 12.
3. China Daily. - Beijing. - 1992. - December 7. - P.1.
4. The China Post. - Taipei. - 1992. - June 29. - P. 9.
5. The Japan Times. - 1992. - October 29.
6. 1 новый тайваньски й доллар равен приблизительно 0,04 долларов США.
7. The China News. - Taipei. - 1992. - July 18. - P. 3.
8. The China Post. - 1992. - May 4. - P. 9.
9. Ibid. - 1992. - June 30. - P. 9.
10. The Daily Yomiuri. - 1992. - August 15. - P. 17.
11. The China Post. - 1992. - June 30. - P. 9.
12. Деловой мир. - 1993. - 15 мая. - С. 4.
13. The Daily Yomiuri. - 1992. - August 27.
14. The China News. - 1992. - July 18. - P. 8.
15. The China Post. - 1992. - June 29. - P. 9.
16. The Japan Times. - 1992. - August 15.
17. The Japan Times. - 1992. - August 8. - P. 13.
18. The China News. - 1992. - July 18. - P. 8.

Малые народности Тайваня

Д. Жоголев

Проблемы неханьских этносов не относятся к первостепенным по важности темам во внутренней политике Тайваня. Контент-анализ выходящей на английском языке тайваньской газеты "The Free China Journal" за 1992 год показал, что только в трех номерах из ста можно было найти информацию о жизни коренных обитателей острова. При этом две статьи из трех рассказывали о культуре и обычаях аборигенов и написаны в рекламном тоне. Такой подход к национальному вопросу прежде всего объясняется политической традицией партии Гоминьдан, сформировавшей свое отношение к неханьцам еще во времена Сунь Ятсена. В 20-е годы главной задачей во внутренней политике Китая была консолидация нации, чему отвечал важнейший компонент учения Сунь Ятсена - принцип национализма. Выдающийся китайский демократ считал, что в недалеком будущем все население Китая станет единой нацией - "чжунхуа миньцзу". Реальность такого развития он объяснял малой долей неханьских национальностей, более высокими, по мнению Сунь Ятсена, моральными качествами ханьцев и задачей сохранения единства страны. Образцом подобной консолидации для Сунь Ятсена было формирование американской нации США.

Под воздействием меняющихся реалий Сунь Ятсен неоднократно изменял и дополнял содержание своего учения. Классический вариант национальной доктрины Сунь Ятсена наиболее полно отразил текст Манифеста I съезда Гоминьдана (1924): "Национализм Гоминьдана имеет двоякий смысл: во-первых, достижение освобождения китайской нации (имеется в виду "чжунхуа миньцзу". - Д.Ж.) и, во-вторых, равноправие всех национальностей в пределах Китая". Ранее Сунь Ятсен считал, что установление республиканского правления автоматически означает равенство прав личности, и, следовательно, достижение национального равенства, но реальное положение в национальных районах страны побудило его включить тезис о равноправии наций в документы, регламентирующие государственное строительство. Манифест I съезда содержал также пункт о самоопределении всех национальностей на территории Китая, но этот принцип не стал органичной частью идеи национализма, а его присутствие в Манифесте являлось компромиссным решением, вызванным давлением национальных движений на периферии страны, анализом опыта национального строительства в Советской России и задачами выработки более широкой политической платформы Гоминьдана для создания единого национального фронта. Другой документ того периода - написанная Сунь Ятсеном Общая программа строительства государства предполагает обязательную помощь малым национальностям со стороны правительства².

В 30-40-е годы учение Сунь Ятсена о трех народных принципах было

положено в основу официальной политики правящей партии Гоминьдан. Фундаменталистское переосмысление учения Сунь Ятсена после прихода Чан Кайши к руководству Гоминьданом для национального вопроса означало возврат к доктрине однонационального Китая в ее чистом виде, т. е. к ранним взглядам Сунь Ятсена. Теория "единой китайской нации" в трактовке Чан Кайши изложена в вышедшей в 1943 г. его книге "Судьбы Китая"¹. "Чжунхуа миньцзу" - китайская нация - представлена как единый организм, сформировавшийся под воздействием культурных контактов на протяжении нескольких тысячелетий. Различия внутри этой нации обусловлены религиозными и географическими различиями между отдельными расовыми группами ("цзунцзу") - ханьцами, маньчжурами, монголами, тибетцами и мусульманами. Пяти основным расовым группам китайской нации издавна внутренне присуще желание жить в одном государстве с общей культурой. Чан Кайши объяснял существование межнациональных проблем и сепаратистских течений в Китае раскольнической деятельностью иностранных держав и негуманной политикой маньчжурской цинской династии, направленной на столкновение расовых групп друг с другом⁴. Представление населения Китая в виде единой нации, внутри которой не существует национальных различий, логически устраняло необходимость свободного или насильственного объединения национальностей и делало абсурдным самоопределение наций. Основная задача национальной политики - укрепление единства пяти расовых групп внутри одной нации. Естественно, что территория, на которой возникла и развивалась эта нация, должна быть единой. Хозяйственное развитие страны, районы которой отличаются разнообразием природных ресурсов и экономической деятельности, важное оборонное значение национальных окраин - все это также требовало политического единства.

Национальная доктрина Чан Кайши, наиболее радикальная среди всех известных теорий решения национального вопроса в Китае, исходила из того, что образование единой китайской нации - уже свершившийся факт. Это не соответствовало действительности, но идеально подходило для обоснования проводимой Гоминьданом внутренней политики, направленной на создание единого и сильного государства. В условиях отсутствия демократических традиций представление об авторитарности как наиболее быстром и легком пути к объединению и укреплению страны - заблуждение, характерное для политической истории.

Исключение национального признака из теории государственного строительства привело к тому, что у Гоминьдана фактически отсутствовала программа решения национального вопроса. Практическая деятельность была направлена на укрепление власти центра в районах проживания неханьских национальностей. В эпоху Чан Кайши эти районы получили наименование "пограничные". Внедрение провинциально-уездной системы управления и административно-территориальное дробление национальных районов, ориентация на ханьцев в кадровой политике на местах, китаизация окраин (скупка земель, внедрение обучения на китайском языке и т.д.) очень скоро показали низкую эффективность неразвитой национальной политики Гоминьдана и вызвали недовольство среди неханьских национальностей. Так, весной 1933 г. в северо-восточной части провинции Гуанси прокатилась волна выступлений народности яо, а в 1935-1937 гг. в соседних с Гуанси западных районах провинции Хунань прошли крестьянские бунты народности мяо против системы "военных поселений", оставшихся здесь в наследство от Цинской империи. В обоих случаях выступления носили антиханьский характер.

Все это говорило о продолжении кризиса в национальном вопросе и побудило Гоминьдан в 40-е годы смягчить свой подход к проблемам неханьцев. Тем не менее состоявшийся в мае 1945 г. VI съезд Гоминьдана, который по воле истории подвел итоги деятельности этой правящей партии в материковом Китае, констатировал: "Правительство не приложило всех усилий для достижения

сотрудничества и сплоченности всех расовых групп в стране, оказалось не в состоянии помочь этим расовым группам в развитии их политической, экономической и культурной активности и способности к самоуправлению. Мы не смогли достичь равенства всех расовых групп внутри китайской нации, как это предусматривается принципом национализма"⁵.

Провал Гоминьдана в национальном вопросе объясняется тем, что выбранная им жесткая политика в отношении неханьцев не была в те годы подкреплена необходимыми силами и средствами для ее практической реализации. Однако это не означает, что подобная политика невозможна в условиях китайской цивилизации (современная национальная политика КПК, также базирующаяся на весьма жестких принципах, пока достаточно эффективна в КНР). В условиях компактного Тайваня Гоминьдан вполне логично не стал что-либо коренным образом менять в своей национальной доктрине, и сегодня, спустя полвека после выхода в свет книги Чан Кайши "Судьбы Китая", в партийных документах проблемы неханьцев как этнически самостоятельных групп населения практически не затрагиваются. Так, в опубликованной перед выборами 19 декабря 1992 г. в Законодательную палату платформе Гоминьдана отсутствуют какие-либо упоминания о коренных неханьских жителях острова⁶. Кстати, эта тема не затрагивается и в предвыборной платформе основного политического оппонента Гоминьдана - Демократической прогрессивной партии⁷. С точки зрения статистики, подобное отношение вполне понятно: неханьское население Тайваня, или аборигены, как их принято именовать в местной официальной прессе, насчитывают 335 600 человек, что составляет 1,7% от 20 млн 536 тыс. жителей острова (данные на ноябрь 1991 г.⁸). Доля неханьцев в населении на Тайване ниже, чем в континентальном Китае (8,03% в ноябре 1990 г.⁹), а абсолютные количественные характеристики вообще несопоставимы с масштабами КНР.

Прежде чем перейти к анализу современного положения неханьских национальностей Тайваня, следует остановиться на некоторых вопросах терминологии. В материалах, изданных в КНР, коренные обитатели Тайваня обычно именуется как национальность "гаошань", т. е. "горцы". Официальная печать Тайваня использует название "шаньбао" ("шаньди тунбао", дословный перевод - "горные соотечественники"). Оба варианта неверны, так как, во-первых, только 180 тыс. аборигенов живут в 30 деревнях Центрального горного района, занимающего половину острова и протянувшегося на 270 км с юга на север и на 80 км с запада на восток. Остальные 150 тысяч проживают в 25 деревнях, а также в городах и поселках равнинной части Тайваня. Во-вторых, неханьские национальности Тайваня относятся к разным этносам: среди неверно называемых горцев можно выделить девять племен, говорящих на разных языках австронезийской языковой семьи, имеющих свое собственное самоназвание и отвергающих термины "гаошань" или "шаньбао": ами (122800 чел.), таял (атаял) (78300 чел.), паван (59700 чел.), бунун (37900 чел.), пуюма (8000 чел.), рукаи (7800 чел.), цоу (5700 чел.), шайшият (4200 чел.) и ями (4200 чел.)¹⁰. Наиболее высока концентрация неханьского населения в уездах Хуалянь, Дайдун и Биндун, так, в Дайдуне аборигены составляют около 1/3 населения, а представители национальности ями однородной этнической группой живут на острове Ланьюй, административно входящем в этот уезд.

В последние годы представители аборигенов, в том числе парламентарии-неханьцы, неоднократно предлагали внести поправки в действующую Конституцию Китайской Республики 1947 года, которая использует выражение "различные расовые группы пограничных районов"¹¹, а также заменить официальный термин "шаньбао" с тем, чтобы получить более высокий общественный статус для коренных жителей острова. Центральный комитет Гоминьдана негативно отнесся к этим требованиям, ссылаясь на археологические исследования, показавшие, что до современных аборигенов Тайваня в древности остров населяли другие племена¹². 27 мая 1992 г. на 27-м Пленуме

Национального собрания второго созыва при одобрении восьми поправок к Конституции некоторые пожелания коренного населения острова были учтены. Дополнительная Статья 18 Конституции Китайской Республики в своем шестом абзаце юридически закрепляет государственные гарантии для жизни коренного населения и его участия в политической деятельности, поддержку образования, сохранение культуры, мероприятия в сфере здравоохранения, а также развитие деловой активности в экономике¹³. Конституция по-прежнему употребляет термин "шаньбао", причем английским эквивалентом этого названия является слово "aborigines".

Современная политика правительства Тайваня в отношении аборигенов сформировалась в рамках национальной доктрины Гоминьдана при заметном влиянии политической культуры Соединенных Штатов Америки. Компактные коренные этносы острова живут в резервациях общей площадью 240 тыс. га¹⁴, которые были созданы правительством Китайской Республики вскоре после переезда на Тайвань в 1949 г. Резервации были образованы для защиты аборигенов от культурной экспансии и экономической эксплуатации со стороны более развитых ханьцев. Большая часть резерваций изолирована от городской жизни, а в проводимой в отношении аборигенов политике была сделана ставка на максимальное предохранение коренного населения острова от разрушительного воздействия превосходящей их по своему уровню ханьской цивилизации. Эта задача была частично решена, и сегодня малые национальности Тайваня, несмотря на стремительное экономическое развитие острова, сохранили в общих чертах свою культуру и язык, не растворились в численно превосходящих их на два порядка ханьцах. Об этом свидетельствуют, например, красочные публикации о национальных праздниках аборигенов в тайваньской прессе¹⁵. Однако оборотной стороной изоляционной политики правительства острова в отношении коренных жителей явилось то, что сегодня, в конце XX века, большинство племенных общин в резервациях по-прежнему, как и десятилетия тому назад, поддерживают свое существование за счет охоты и примитивного земледелия. Подобный способ жизни предьявляет определенные требования к среде обитания, и зависимость аборигенов от ее качества высока. К 1994 г. к территориям резерваций планируется добавить 16700 га лесов. Улучшение среды обитания коренных жителей острова осуществляется в соответствии с регламентированной Конституцией государственной помощью аборигенам, в рамках которой разработаны семь крупных проектов шестилетнего плана национального развития Тайваня (1991-1996гг.). Анализ распределения финансовых средств для этих проектов позволяет судить приоритетах в государственной политике помощи. Наиболее масштабные проекты предполагают строительство дорожной сети: планируется вложить 750 млн амер. долл. для создания 1500 км шоссе, соединяющих основные национальные деревни в горах, а также 600 млн амер.долл. для строительства дорог внутри деревень. Остальные пять проектов, расположенные в порядке убывания затребованных для реализации денежных средств, следующие:

- * развитие аграрной сферы - 200 млн. амер.долл.;
- * озеленение - 140 млн. амер.долл.;
- * защита от стихийных бедствий (тайфуны и оползни) - 88 млн. амер.долл.;
- * улучшение среды обитания горных общин - 36 млн. амер.долл.;
- * строительство национальных культурных центров - 30 млн. амер.долл.

Итоговая сумма денежных средств, которую государство планирует потратить на выполнение этих проектов, составляет 1 млрд. 844 млн. амер. долл.¹⁶. Нетрудно заметить, что общее направление финансирования выдержано строго в русле максимального невмешательства в традиционный уклад жизни аборигенов. Но в последние годы границы резерваций все слабее сдерживают мощное индустриальное давление остальной части Тайваня. Так, 30 мая 1993 г. аборигены присоединились к 4 тыс. демонстрантов и прошли по улицам Тайбэя, требуя "убрать злой дух ядерных отходов с острова Ланьюй". Демонстранты

протестовали против строительства АЭС в Гуиляо, уезд Тайбэй. Правительство отказалось пойти им навстречу и урезать бюджет для Taiwan Power Co., занимающейся строительством электростанции¹⁷.

Бедность национальных районов заставляет аборигенов, в основном молодежь, уезжать из резерваций. Сегодня примерно 80 тыс. представителей коренного населения живут в городских районах острова, в одном только Тайбэе их насчитывается 50 тыс. Мигранты сталкиваются с традиционными болезнями урбанизма. Дефицит образования и профессиональной подготовки позволяет им найти только низкооплачиваемую работу на шахтах и в строительстве, связанную обычно с тяжелым ручным трудом. Например, коренные жители острова составляют 1/3 (17 тыс. чел.) всех занятых в глубоководном рыболовстве Тайваня¹⁸. Переселившиеся в города аборигены в конце концов сталкиваются с жестокой эксплуатацией своего труда со стороны работодателей и с дискриминацией со стороны ханцев, т. е. с тем, от чего их предохраняет государство в резервациях.

Миграции, растущие контакты с ханцами, а также туристическая эксплуатация ослабили социально-культурную структуру национальных районов острова. Столкновение ханской цивилизации и традиционного уклада жизни аборигенов оборачивается для последних сильным шоком, в результате которого у коренного населения появляется комплекс неполноценности. Эта причина, а также открытый характер аборигенов и отсутствие досуговой деятельности в горных национальных районах толкают их на поиски выхода из дискомфортной ситуации в спиртных напитках. Сегодня алкоголь превратился в часть традиционного образа жизни многих племенных общин острова. Пьянство пускает свои корни как в деревнях, где старшее поколение оказывается лишенным материальной, моральной помощи молодых и поддержки со стороны социальных структур, так и в городах, где молодежь также страдает от разрыва традиционных социально-этнических связей. Даже дети аборигенов часто пьют, подражая старшим.

В феврале 1993 г. Отдел изучения проблем здоровья аборигенов медицинского колледжа при Буддистском фонде помощи и милосердия Цзу Цзи организовал в Хуаляне, восточном уезде Тайваня, семинар по проблемам алкоголизма. Участники семинара приводили данные, показывающие, что около 10% коренного населения острова страдают хроническим алкоголизмом. В докладе профессора медицинского училища Тайваньского национального университета Чжэн Дайаня и профессора Института этнологии Академии Синика Сюй Мучжу прозвучали такие цифры: более 51% представителей национальности бунун злоупотребляют алкогольными напитками, для других национальностей показатели составляют 45,8% (таял), 42,8% (паиван) и 38% (ами). Увлечение выпивкой оборачивается для аборигенов не только многочисленными несчастными случаями и заболеваниями, характерными для алкоголиков (цирроз печени, туберкулез легких, сексуальные расстройства и т.д.), но и сказывается на здоровье той или иной национальности в целом. Так, 82% представителей национальности таял, "благодаря" наследственному алкоголизму, имеют физические и психические отклонения¹⁹. Помимо всего прочего пьянство нарушает материальное благополучие в семье. Нередки случаи, когда родители продают своих дочерей в проститутки, чтобы добыть деньги для покупки алкогольных напитков. Сегодня цена на девочек на Тайване колеблется в пределах от 10000 до 20000 амер. долл.²⁰.

Положение женщин-аборигенок, с точки зрения представителя современной цивилизации, весьма плачевно. Тем не менее не следует забывать, что традиционный быт неразвитых изолированных этносов складывался на протяжении многих веков, место женщины в жизни племени определяется своеобразными представлениями об этике и не воспринимается как дискриминация прежде всего самими аборигенками. Гораздо хуже положение представительниц коренного населения, приехавших в города. Имея гораздо

более узкий спектр выбора по сравнению с мужчинами, они часто идут на панель, считая это наиболее доступным, с точки зрения заработка путем. Аборигенки составляют непропорционально высокую долю среди проституток, особенно малолетних. По данным исследований тайбэйской Ассоциации спасения женщин, 20% малолетних проституток столицы острова были представительницами коренного населения. Некоторые полагают, что аборигенки составляют около половины контингента района красных фонарей Баотоули в Тайбэе²¹.

Алкоголизм, а также самоубийства входят в пятерку основных причин смерти среди коренного населения Тайваня. Для всего населения острова суицид не значит даже в десяти основных причинах смерти. Наиболее серьезна эта проблема для представителей национальности таял, этническая психология которых рассматривает самоубийство как нечто прекрасное и меланхоличное. Печально известный в истории Тайваня инцидент в Вушэ в 1930 г. стал самым поразительным примером подобного мировоззрения: в результате трагического непонимания между представителями японских оккупационных властей и членами племени таял на свадебной церемонии возникла серия вооруженных конфликтов, сотни японцев были убиты и ранены, 900 аборигенов погибли, причем часть из них - прибегнув к суициду²².

Многие коренные жители острова нашли свой путь надежды в христианстве. Сегодня в племенных общинах Тайваня действуют 950 церквей, насчитывающих 160 тыс. прихожан, т. е. почти половину всех аборигенов острова²³. Религия предлагает материальную поддержку, а также духовный комфорт и жизненное руководство.

Немногие положительные примеры развития национальных меньшинств связаны, как правило, со сферой туризма. Эти примеры не определяют общую картину жизни аборигенов на Тайване, но предлагают возможные пути социально-экономического развития для коренного населения острова. Так, деревню Вулай национальности таял, расположенную в горах на окраине Тайбэя, ежегодно посещают около 600 тыс. туристов, что дает неплохой доход членам местной общины²⁴. Аналогично зарабатывают средства национальные деревни, прилегающие к центральной трансостровной магистрали. Другой способ повышения уровня жизни аборигенов - внедрение более современной техники и технологий в традиционные сферы хозяйствования. Например, племена района Лишань за счет использования современной агротехники добились заметных успехов в выращивании яблок и груш.

В последнее время правительство острова усилило свои попытки изменить дисбаланс в жизни между ханьцами и аборигенами. Как дополнение к мероприятиям в рамках шестилетнего плана национального развития Тайваня уже с июля 1988 г. начала осуществляться Программа провинциального правительства по социальному развитию аборигенов Тайваня. Программа рассчитана на 12 лет и включает шесть основных аспектов:

1. политика и общество;
2. экономическое строительство;
3. финансовая помощь;
4. здравоохранение и гигиена;
5. общественное обслуживание;
6. образование и культура.

Реализацию этой Программы возглавило созданное в июле 1990 г. Административное бюро по делам аборигенов. В целом Программа ориентирована на решение долговременных задач. В политической сфере правительство поощряет более активное участие представителей коренного населения острова, особенно молодежи, в избирательной деятельности на всех уровнях. Для аборигенов гарантируется фиксированное количество мест в различных выборных структурах, в том числе четыре места в Провинциальном собрании и четыре в Законодательной Палате. По данным на август 1991 г., два

представителя коренного населения острова были делегатами Национального собрания, два - Законодательной палаты и четыре - Провинциального собрания Тайваня. пять аборигенов были членами муниципальных советов уездов, тридцать занимали руководящие должности в деревнях и более 300 были делегированы в городские и сельские советы. Свыше 2000 аборигенов работали в государственных структурах различного уровня²⁵.

Основная идея экономической поддержки государства заключается в стимулировании развития местной промышленности национальных районов за счет более эффективного использования их собственных ресурсов. Поощряется внедрение коллективной собственности на хозяйственные объекты (например, туристические гостиницы, управляемые деревенской администрацией и т.п.). Экономическая помощь включает строительство сети магистралей, улучшение местной инфраструктуры и экологической среды, а также развитие сельского хозяйства и туризма.

Финансовая помощь государства в рамках Программы оказывалась на основе оперативных вливаний средств в развитие различных сфер жизни и деятельности аборигенов. В период с 1989 по 1991 г. провинциальное правительство потратило 18,8 млн. амер.долл. на осуществление "трехлетнего плана поддержки развития экономики аборигенов"²⁶. В рамках финансирования этого плана коренные жители острова получили материальные средства для развития животноводства, высокогорного разведения форели и других промысловых рыб, выращивания ценных сортов цветов. План стимулировал производство изделий народных промыслов из дерева и бамбука, изучение рынка для этих изделий, а также благоустройство и вовлечение отдаленных деревень в сферу туризма. Реализация плана включала профессиональную переподготовку местных рабочих с уклоном на выращивание овощей и фруктов. Трехлетний план поддержки развития экономики аборигенов сделал кредиты и займы под низкий процент доступными для предпринимателей из коренного населения острова.

В 1989-1991 гг. осуществлялось также финансирование в рамках "трехлетнего плана поддержки улучшения жизни аборигенов". Аналогичная сумма в 18,8 млн. амер.долл. была израсходована на восстановление родственных связей среди коренного населения, развитие традиционных видов деятельности и образование. Сотни добровольцев 450-и "ассоциаций улучшения жизни" помогали старикам, обучали ведению домашнего хозяйства, содействовали более спокойной адаптации аборигенов к городской жизни. Дополнительные 3,3 млн. амер.долл. пошли на улучшение среды обитания племенных общин: ремонт деревенских дорог, строительство дренажных систем и оборудование освещения на улицах²⁷.

Правительство предпринимает попытки повысить уровень медицинского обслуживания в национальных районах, создать компьютерную систему информации в деревенских больницах и клиниках. Сегодня уровень смертности среди аборигенов в 2-3 раза превышает средний по острову. Основные причины сложившегося положения - дефицит современных медицинских средств, отсутствие элементарной гигиены и алкоголизм.

В образовательной сфере планируются специальные целевые доплаты к бюджету племенных общин, организация системы обучения для взрослых, финансовая поддержка для аборигенов, поступающих на учебу в технические и коммерческие училища, а также в военные и полицейские академии. В настоящее время, несмотря на специальные стипендии и более низкие требования для студентов вузов и колледжей, представляющих коренное население Тайваня, многие молодые аборигены бросают учебу ради заработка. Сегодня только 55% коренного населения обучаются в начальных школах, 20% - в средних школах, 10% - в вузах и профессиональных училищах и 2% - в колледжах. Отдаленные школы в горах испытывают острый недостаток средств и квалифицированных специалистов. Линь Дяньшэн, представитель

национальности паиван, бывший в свое время делегатом Законодательной палаты, считает, что центральное правительство должно взять на себя ответственность за образование в племенных общинах и повысить таким образом уровень местных учебных заведений. В настоящее время начальные и средние школы в национальных районах управляются местными муниципалитетами. Линь также предлагает ввести бесплатное обучение в колледжах для аборигенов острова, рассматривая образовательную сферу как наиболее важное и пока слабое звено в жизни племенных общин Тайваня²⁸.

В общих чертах реализация положений Конституции Китайской Республики о государственной помощи коренному населению острова на сегодняшнем этапе определена, в частности, в заявлении губернатора провинции Тайвань Лянь Чжэня, который назвал целью политики правительства в отношении аборигенов создание целостной системы социального благосостояния для коренного населения с тем, чтобы оно смогло пользоваться такими же благами, как и остальное население острова. В настоящее время средний доход жителей гор составляет 38%, а жителей равнинной части острова - 40% от общего душевого дохода на Тайване²⁹. В 1992 г. доход на душу населения на Тайване равнялся 10215 амер. долл.³⁰.

Возможность нормального сосуществования китайской цивилизации и малых национальностей представляет определенный интерес в теоретическом плане. Демократическая форма правления в странах Востока в соответствии с общественной традицией коллективизма, как правило, предполагает первостепенное соблюдение прав большинства населения. Защита интересов меньшинств и создание ниши для их развития обычно отходит на второй план. Классическая национальная доктрина Гоминьдана решает эти проблемы через декларирование "равенства различных расовых групп" и оказание государственной помощи аборигенам, причем оба положения зафиксированы в Конституции³¹. Естественно, выразить эффективность ханьской опеки малых этносов и уважение прав меньшинства какими-либо универсальными количественными показателями сложно, так как эти показатели или связаны с субъективными параметрами (например, процент представительства в выборных органах не учитывает степень независимости того или иного делегата и специфику электоральной культуры данного региона), или характеризуют какую-то узкую сферу жизни неханьцев (образовательный уровень, уровень медицинского обслуживания и т.п.). Капиталовложения в национальные районы, даже будучи проанализированы по отдельным направлениям, не связаны напрямую с конкретными реальными выгодами для местного населения и разорваны во времени со своими результатами. Более или менее полную картину дает только показатель чистого дохода на душу населения. Как уже говорилось выше, на Тайване аборигены в среднем имеют 38-40% от общего дохода на каждого жителя острова. Официальная статистика КНР не публикует сводные данные по этому показателю для неханьского населения. Отрывочные цифры по отдельным регионам, крайне редко появляющиеся в печати, показывают, что, например, в Тибете в 1990 г. средний доход на одного крестьянина составил 430 юаней³² или 63% от общего китайского уровня³³. Уровень жизни неханьского населения континентального Китая географически сильно дифференцирован, многие уезды в национальных районах относятся к бедным. По расчетам автора, реальный чистый доход на душу неханьского населения в различных национальных районах КНР составляет 35-60% от общего китайского показателя³⁴. Конечно, сравнивая относительные цифры Тайваня и КНР, всегда следует помнить о более высокой стоимости жизни на Тайване, а также о том, что эти цифры в абсолютном выражении различаются в несколько десятков раз. Тем не менее две-три пятых от доходов ханьцев - это тот уровень, который на сегодняшний день смогла обеспечить китайская цивилизация для своих подопечных малых национальностей. Увеличение этой доли в ближайшем будущем мало вероятно, так как темпы роста доходов

ханьского населения как Тайваня, так и материкового Китая опережают темпы роста в национальных районах.

До недавнего времени вопросы жизни аборигенов Тайваня освещались почти исключительно в этнографической литературе и туристских проспектах. В связи с демократическими переменами на острове в последние годы и некоторым послаблением идеологических требований гоминьдана в официальной печати стали появляться материалы о социально-экономических проблемах коренного населения острова. Беспрецедентным в истории тайваньской периодики можно считать издание номера "The Free China Review", целиком посвященного аборигенам. Большинство цифр, использованных в данной работе при анализе современного положения неханьских этносов, взяты из статьи главного редактора экономического еженедельника "Business Taiwan" Филипа Лю, опубликованной в этом журнале³⁵.

Если национальный вопрос в узком смысле, ограниченном рамками Тайваня, занимает периферийное место во внутренней политике острова, то внешняя сторона этой проблемы активно проявляется в полемике между КНР и Тайванем. Тайваньская критика национальной политики КПК акцентирует внимание на практическом нарушении в КНР основных прав неханьских национальностей. Выступая на пресс-конференции 20 мая 1993 г., Президент Тайваня Ли Дэнхуэй в преддверии планируемого на конец 1993 г. визита Далай Ламы на остров поддержал тибетского лидера в его борьбе за большую автономию и достижение абсолютной свободы в культурных и религиозных вопросах для Тибета³⁶. Однако по многим вопросам решения национальных проблем в Китае у Гоминьдана и КПК нет принципиальных расхождений. Современная национальная доктрина китайских коммунистов содержит основные положения, сформулированные Сунь Ятсеном еще в процессе демократизации национального строительства, начавшейся после Синьхайской революции 1911 г. Декларирование равенства всех национальностей, социально-экономическая помощь менее развитым национальным районам со стороны государства, унитаризм государства как веущий принцип национальной политики и контроль центра над районами неханьцев в различных формах - все эти положения присутствовали в конституциях Китайской Республики периода правления Гоминьдана на материке. Теоретическая база проведения современной национальной политики - система районной национальной автономии - очень близка к предложениям Сунь Ятсена о местном самоуправлении силами самих местных жителей. Очевидно, что сегодня в КНР решение национального вопроса определяют не принципы "научного социализма", а реалии национальной ситуации в стране, которая неизменна на протяжении по крайней мере последних 100 лет. Близость имеющих общие корни современных национальных доктрин Гоминьдана и КПК, отсутствие внутри китайской нации крайних радикальных взглядов на решение национального вопроса, а также тот факт, что у власти по обе стороны Тайваньского пролива находятся прагматично настроенные политики, позволяет надеяться на то, что неизбежные будущие политические реформы не приведут к распаду Китая по национальному признаку, что мы наблюдаем в Восточной Европе и на территории бывшего СССР.

1. Полное собрание сочинений Отца Отечества. - Тайбэй, 1970. - С. 314 (на кит.яз.).
2. Там же. - С. 435.
3. Чан Кайши. Судьбы Китая. - Тайбэй, 1976 (на кит.яз.).
4. Там же. - С. 2-17, 50.
5. China Handbook, 1937-1945. - N.Y., 1946. - P. 54.
6. The Free China Journal. - 1992. - December 15. - V. IX, No 93. - P. 7.
7. Ibid.
8. Тайвань: Справочник для деловых людей. - М., 1993. - С. 5.
9. Жэньминь жибао. - 1990. - 14 ноября.

10. А.А.Москалев. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). - М., 1992. - С. 8, 19-20; The Free China Journal. - 1992. - May 22. - V. IX, No 36. - P. 4.
11. Constitution. Republic of China. - Taipei, 1992. - P. 50.
12. The Free China Journal. - 1992. - May 22. - V. IX, No 36. - P. 4.
13. The Free China Journal. - 1992. - June 23. - V. IX, No 44. - P. 7.
14. The Free China Review. - 1992. - June. - V. 42. - No 6. - P. 17.
15. The Free China Journal. - 1992. - May 26 - V. IX, No 37. - P. 4-5; The Free China Journal. - 1992. - July 14. - V. IX, No 50. - P. 5.
16. The Free China Review. - 1992. June. - V. 42, No 6. - P. 19.
17. The Free China Journal. - 1993. - June 1. - V. X, No 40. - P. 1.
18. The Free China Review. - 1992. - June. - V. 42, No 6. - P. 17-18.
19. The Free China Journal. - 1993. - March 2. - V. X, No 16. - P. 4.
20. The Free China Review. - 1992. - June. - V. 42, No 6. - P. 18.
21. Ibid.
22. Ibid. - P. 35.
23. Ibid. - P. 18.
24. Ibid. - P. 17.
25. Questions and Answers about the Republic of China on Taiwan. - Taipei, 1991. - P. 10.
26. The Free China Review. - 1992. - June. - V. 42, No 6. - P. 19.
27. Ibid.
28. Ibid.
29. Ibid.
30. The Free China Journal. - 1993. - April 30. - V. X, No 31. - P. 8.
31. Constitution. Republic of China. - Taipei, 1992. - P. 1-2, 50-51.
32. Tibet - Four Decades of Tremendous Change. About Tibet (9). - Beijing, 1991. - P. 5.
33. Рассчитано по: Цзинцзи жибао. - 1992. - 29 февраля.
34. Questions and Answers about China's National Minorities. - Beijing, 1985. - P. 117; Исследование экономического освоения национальных районов Запада. - Пекин, 1986. - С. 142 (на кит.яз.); Исследование реформы экономической системы в национальных районах. - Пекин, 1988. - С. 43, 188 (на кит.яз.); Китайский статистический ежегодник 1990. - Пекин, 1990. - С. 34, 39, 77-80, 89, 289, 314 (на кит. яз.); Миньцзу яньцзю. - 1990. - N 6. - С. 24; Цзинцзи жибао. - 1992. - 29 февраля.
35. The Free China Review. - 1992. - June. - V. 42, No 6. - P. 17-19.
36. The Free China Journal. - 1993. - May 25. - V. X, No 38. - P. 7.

Философия

Постконфуцианская философская мысль Тайваня и Гонконга: 50 - 70-е годы XX в.

© 1993

А. Ломанов

Под влиянием контактов с материальной и духовной культурой Запада с конца XIX столетия для Китая все более и более актуальным становилось обновление традиционных духовных ценностей. В 20-е годы XX века ясно обозначилось новое течение в китайской философии, которое наследовало попытку Кан Ювэя творчески интерпретировать конфуцианское учение об обществе "Великого единения" (да тун), теорию Чжан Чжидуна о сочетании "китайского учения как основы и западного учения как функции", призыв Лян Цицао не только не отказываться от национальных традиций, но и пытаться передать их ценности представителям западной цивилизации, переживавшей, по его мнению, крах материалистических идеалов.

По существу это третья ступень в развитии конфуцианства. В древности Дун Чжуншу осуществил синтез идей доциньского конфуцианства со взглядами даосов и натурфилософов, положив начало в эпоху династии Хань классической форме конфуцианства, адаптированной к новым политическим условиям, а в эпоху династии Сун и Мин контакт буддизма с "западным" учением буддизма и заимствование его гносеологической и онтологической проблематики стимулировали появление неоконфуцианства, представленного течениями братьев Чэн-Чжу Си и Лу Цзююаня-Ван Янмина. "Третий синтез" дал жизнь постконфуцианству, ориентированному на формирование обновленной системы духовных и культурных ценностей, способной заимствовать и использовать западные достижения, не теряя при этом связи с фундаментальными основами китайской традиции.

Тайваньское постконфуцианство продолжило три десятилетия становления неотрадиционалистской мысли в период Китайской республики (1912-1949 гг.). Красугольным камнем стали работы постконфуцианских и близких к ним мыслителей 20-40-х годов. Сюда можно отнести книгу "Культуры Востока и Запада и их философии" Лян Шумина (1893-1988), выступление Чжан Цзюньмая (1887-1969) и его сторонников на дискуссии 1923 г. по науке и метафизике, создание философских систем Сюн Шили (1885-1968) и Фэн Юланем (1895-1990), творческое исследование традиционной культуры Хэ Линем (1903-1991). Если использовать историческую параллель и сравнить философов, высланных из СССР в 1922 г. и образовавших в Европе "русское философское зарубежье", с теми, кто дал жизнь "философскому зарубежью" Тайваня и Гонконга, то бросится в глаза тот факт, что крупнейшие представители постконфуцианской мысли первого поколения остались в КНР. Никаких высылки ученых КПК не проводила, и отъезд в эмиграцию был

добровольным выбором уехавших, начавших работу еще до 1949 г., но не создавших себе крупного научного имени и уступавших ученым светилам "первой величины". Ведущими деятелями тайваньского "постконфуцианского философского зарубежья" стали Моу Цзунсань (1909), Тан Цзюньи (1909-1978), Фан Дунмэй (1899-1976), Сюй Фугуань (1903-1982), Цянь Му (1895). Известность в дореволюционный период имел лишь присоединившийся к ним Чжан Цзюньмай. Уехавшие были примерно одного возраста с оставшимися и потому мы можем называть их "вторым поколением" прежде всего в духовно-теоретическом плане. Но история КНР сложилась так, что политика "мягкой ассимиляции" буржуазной творческой интеллигенции переросла в ее силовое подавление и оставшееся на континенте первое поколение постконфуцианцев, объективно превосходившее уехавших по своему теоретическому потенциалу, утратило возможность научного творчества. Многие из них формально участвовали в структурах ВСНП и НПКСК, солидаризовавшись с КПК. Фэн Юлань и Хэ Линь целиком отреклись от своих прежних взглядов. Пытавшийся спорить с КПК по проблемам крестьянской политики Лян Шумин был раскритикован за свои "реакционные идеи" в 1953 г. лично Мао Цзэдуном. Если не принимать в расчет издававшиеся в конце 50-х годов разного рода "материалы по критике буржуазной мысли", содержавшие переиздания отдельных дореволюционных публикаций раскаявшихся постконфуцианцев, то лишь один Сюн Шили сумел продолжить работу в прежнем направлении. Его труды даже издавались при поддержке "сверху", но тираж был минимален и общая ситуация не давала им стать предметом широкого творческого обсуждения².

Тайваньское постконфуцианство несло на себе гораздо больший отпечаток консерватизма и эмоциональности, чем это было свойственно предшественникам. Формирование постконфуцианства шло в начале века вокруг проблемы диалога Китая и Запада, национализм и консерватизм усилились в годы Войны сопротивления Японии. Но противостояние Китая внешнему врагу и связанная с этим необходимость сохранения национальной культурной идентичности перед лицом внешней агрессии сменились гражданской войной и бегством Гоминьдана на Тайвань. Усилились опасения за судьбы традиционной культуры в руках китайцев на материке: растерянность, пессимизм и стремление осознать сущность происходящего с точки зрения развития традиционной культуры характеризовали период начала 50-х годов.

Смена места, необходимость формирования научных центров китайской культуры на Тайване, находившемся до этого в течение 50 лет под пятой Японии, и в британской колонии Гонконге, выход на научную сцену новых действующих лиц, создание новых периодических изданий определили содержание первых шагов постконфуцианского "философского зарубежья". В конце 1949 г. под руководством Цянь Му и Тан Цзюньи в Гонконге была создана Академия Новой Азии, с 1963 по 1975 г. она существовала в рамках Китайского университета Гонконга. В дальнейшем в ее работе приняли участие Моу Цзунсань и Сюй Фугуань, что превратило ее в один из крупнейших центров постконфуцианского "философского зарубежья". Поиск путей обновления конфуцианской традиции шел на страницах основанных в Гонконге журналов "Миньчжу пиньлунь" (1949-1966) и "Жэнь шэн" (1951-1968). По инициативе преподававшего на Тайване Моу Цзунсаня в середине 50-х годов было создано Общество друзей гуманитарного знания (Жэньвэнь юхуэй). В 1962 г. вместе с Тан Цзюньи и другими единомышленниками он в Гонконге организовал Общество изучения восточной гуманитарной культуры (Дунфан жэньвэнь сюэхуэй), сплотившее ряд зарубежных исследователей китайской мысли.

Четкой границы между тайваньским и гонконгским постконфуцианством провести невозможно, в китайских источниках оно обычно именуется "гонконгско-тайваньским" (гане тай). Между этими двумя территориями

сложилось взаимодействие, способствовавшее развитию постконфуцианства и допускавшее некоторую свободу маневра. Научная атмосфера в Гонконге была посвободнее: там сильнее ощущалось влияние британской образовательной традиции, было меньше проблем с изданием и цензурой. Жесткость же внутривластной линии Гоминьдана на Тайване, стремление превратить конфуцианство в инструмент государственной политики: борьбы с идеологией КПК делали исследования более скованными, предопределяя государственный заказ на усиление консервативной волны. Однако это означало и государственную поддержку постконфуцианским исследованиям. Вслед за потеплением гоминьдановской политики серьезные журналы стали появляться у постконфуцианцев и на Тайване - "Эху южкань" (1975), "Чжунго вэньхуа южкань" (1979). Эвакуировавшиеся с материка мыслители формировали между Тайванем и Гонконгом единое культурное пространство. Моу Цзунсань, преподававший в 50-е годы в Тайваньском педагогическом институте и университете Дунхай, в 1960 г. перебрался в Гонконг на работу в Китайский университет, где в 1966 г. возглавил философский факультет Академии Новой Азии. Основавший в Гонконге журнал "Миньчжу пиньлунь" Сюй Фугуань с середины 50-х годов стал преподавать историю китайской мысли в университете Дунхай на Тайване, а в 1970 г. вернулся в Гонконг, став профессором Академии Новой Азии. Цянь Му и Тан Цзюньи работали в основном в Гонконге, а Фан Дунмэй с 1948 по 1973 г. проработал на философском факультете Тайваньского университета, продолжив преподавательскую деятельность в частном университете Фужэнь.

В предшествовавшей постконфуцианству неоконфуцианской мысли условно выделяются течения "учения о принципе-законе" (ли сюэ) братьев Чэн - Чжу Си и "учения о сердце-разуме" (синь сюэ) Лу Цзююаня-Ван Янмина. Первому была присуща тенденция к рационализму и объективизму, в основе философской картины мироздания лежали понятия о формообразующем идеальном объективном "принципе-законе" (ли) и формопринимающем "субстрате-пневме" (ци). Второе течение выводило на первый план проблематику индивидуального сознания, духовности субъекта и его личностного мировосприятия, опираясь в объяснении мира на понятия о всеобъемлющем "духе-сознании" (синь) и его воплощении в человеке в виде "рода-характера" (син).

В постконфуцианской мысли 20-40-х годов ориентация на течение "лисюэ" была нетипичной, хотя разработанная Фэн Юланем метафизическая система "нового учения о принципе-законе" (синь лисюэ) была наиболее систематичной философской конструкцией того периода, получившей в 40-е годы широкую известность³. У Фэн Юляня не было учеников, а Сюн Шили, практически не имевший научного имени, пользовался большим влиянием. Постконфуцианец третьего поколения Лю Шусянь связывает это с тем, что теория Фэн Юляня строилась на "постулатах" и "гипотезах", тогда как живая и развивающаяся мысль Сюн Шили не имела изначально задуманного направления поиска, он достигал духовного взаимопроникновения во время общения со слушателем⁴. Сюда необходимо добавить и политическое неприятие постконфуцианским "философским зарубежьем" перехода Фэн Юляня после 1949 г. на позиции марксизма и рост антипозитивистских и антисциентистских настроений, затруднявший взвешенное восприятие объективно-рационалистической направленности учения Фэн Юляня на логицизацию и формализацию китайской философской традиции.

Моу Цзунсань, Тан Цзюньи и Сюй Фугуань - ведущие фигуры постконфуцианства второго поколения - были последователями Сюн Шили. Их учитель развивал китайскую мысль в русле буддистского учения "вэйши", испытывая влияние идей "Книги перемен", сунского неоконфуцианства, а из зарубежной философии - Бергсона, Канта и Гегеля. Внешний мир - "среду" (цзин) и человеческое познание (ши) он считал неразрывными, как неразрывны

и дух-сознание (синь) и чувственно воспринимаемые объекты-"вещи" (у). В основу мироздания Сюн Шили поместил абсолютную, единственную, неделимую, пребывающую вне пространства и времени "изначальную субстанцию" (бэнь ти), служащую основанием всех происходящих во вселенной изменений, при этом ее выражает в себе каждая существующая вещь. "Изначальная субстанция" пребывает в постоянной трансформации - в ходе "закрытия" (си) она реализует стремление к интеграции и образованию основы, в результате чего образуется затвердевшее статичное производное "вещество-материя" (у), а в процессе "раскрытия" (пи) обретает возможность творческой индивидуализации и образует духовное. Эти два процесса не существуют в отрыве от "изначальной субстанции", будучи заложенными в ней внутренними потенциями, в результате чего в мире идет постоянное взаимопревращение духа и материи.

В учении Сюн Шили духовное присуще не только человеку, но и всем вещам, человека выделяет из окружающего мира лишь более высокая степень воплощенного в нем "раскрытия" "изначальной субстанции". Задача человека состоит в том, чтобы познать ее путем выделения в себе "изначального сердца" (бэнь синь), носящего в основе интуитивный иррациональный характер и дающего сознание единства с мирозданием. "Изначальное сердце" отлично от "приобретенного" (си синь), которое основывается на опыте и ощущениях и помогает человеку в эмпирико-научном овладении конкретными вещами. Достигается "бэнь синь" благодаря самосовершенствованию личности, развитию навыков сознания, очищению его от ложных взглядов. Сюн Шили придал "изначальному сердцу" проконфуцианское этико-антропологическое значение, отождествив его с "гуманностью-милосердием" (жэнь).

В своем философском учении Сюн Шили отразил характерную для неоконфуцианского течения Лу Цзююаня - Ван Янмина тенденцию к поиску "принципов-законов" (ли) внутри субъективного "сердца" (синь), его понятие об "изначальном сердце" близко к понятию неоконфуцианцев о "благом знании" (лян чжи) как априорной ценностно-этической структуре сознания человека. Приверженцы рационалистической тенденции в китайской философии первой половины XX в. Ху Ши, Фэн Юлань, Цзинь Юэлинь, Янь Фу, частично Фан Дунмэй, продолжая споры Лу Цзююаня и Чжу Си, призывали искать "принцип-закон" через познавательную процедуру "классификации вещей" (гэ у) в объективном вещном мире, лежащем вне человека.

Постконфуцианское "философское зарубежье" восприняло линию субъективистской антропологии, унаследовав также и выраженное Сюн Шили осуждение традиционной китайской мысли за одностороннее внимание к "внутренней мудрости" (нэй шэн) в ущерб "внешней царственности" (вай ван). Они продолжили его мысль о том, что реальное выявление внутренних нравственных ценностей возможно лишь во внешнем действии, что, в свою очередь, осуществимо в полном объеме лишь при заимствовании западных способов организации политической жизни. Подобно Сюн Шили, политические идеалы Моу Цзунсяня, Тан Цзюньи, Сюй Фугуаня носили либеральный и демократический характер, но подобно учителю все они были встревожены разрушением традиционных ценностей, умиранием человеческого "изначального сердца", что влекло за собой утрату творческих духовных способностей.

По мнению видного исследователя китайской философии Чэнь Юнцзе, среди этой троицы "за исключением специализировавшегося на истории китайской мысли Сюй Фугуаня, Моу и Тан создали в философии собственные системы, принадлежащие современному идеалистическому конфуцианству. Конечно, их философские подходы были неодинаковыми. Г-н Сюн вошел в конфуцианство, основываясь на буддизме, он переработал в идеалистическую теорию "философию порождения порождения" (шэн шэн) конфуцианской "Книги перемен" и учение Ван Янмина о "благом знании" (лян чжи), создав систему конфуцианской "идеалистической онто-космологической метафизики".

Подход г-на Моу состоял в переработке китайской философии при помощи критики чистого разума кантовского типа с одновременным дополнением китайской философией недостаточности Канта в теории "интеллектуальной интуиции", он создал систему конфуцианской "идеалистической ноуменфеноменальной метафизики". Подход г-на Тан Цзюньи состоял в использовании гегелевского метода и системы типа Хуаянь для разветвления системы философий культуры вокруг положения о том, что <<"жизненное существование и духовно-умственная сфера" есть "один дух-сердце" (и синь), ее можно назвать "философской системой онтокультурного идеализма">>.⁵

Путь Моу Цзунсяня к постконфуцианскому философствованию начался в 30-е годы с углубленного изучения проблем теории познания и логики, в том числе математической. Ориентация на субъект и субъективное познание определили переход Моу Цзунсяня от работы Рассела и Уайтхеда "Principia mathematica" к наследию Канта, которое было избрано им для синтеза с китайской философской традицией и создания законченной "моральной метафизики" как основы конфуцианских культурных и мировоззренческих ценностей.

Если в 40-е годы Фэн Юлань обратился к Канту как к западному теоретику агностического "негативного метода", сущностно сходного с гносеологией даосов и чань-буддистов, то Моу Цзунсянь отождествляет моральное учение Канта с конфуцианской "моральной метафизикой", построение которой началось уже в доцинскую эпоху. После текстов "Лунь юй", "Мэн-цзы", "Чжун юн" и "И чжуань" дальнейшая достройка "моральной метафизики" произошла в эпоху династий Сун - Мин трудами неоконфуцианских мыслителей Чжоу Дуньи, Чжан Цзяя, Чэн Хао, Лу Цзююаня, Ван Янмина и Лю Цзунчжоу. Системообразующими признаками принадлежности философа течению "моральной метафизики" выступают отождествление "сердца-духа" (синь), "природы-характера" (син) и "принципа-закона" (ли), ориентация на моральную практику как ключевую связь субъективного и объективного, акцент на личном опыте и интуиции. Моу Цзунсянь полагал, что мораль как субстанция (даоэ бэньти) лежит в основе не только моральной практики человека, но и является источником всех происходящих в мире процессов. Соединены этическое сознание и актуальное существование вещей в мире через "благое знание" (лян чжи).

Хотя Моу Цзунсянь отождествлял понятие о "благом знания" с положением Канта о наличии у человека свободной и автономной "доброй воли", тождественной всеобщему моральному закону, он считал "моральную метафизику" китайской философии превосходящей кантовское учение. Причина тому в толковании Кантом "доброй воли" как гипотезы или постулата, тогда как будучи столь же априорным и всеобщим, "лян чжи" выявляется в интуиции как заложенная в человеческой природе реальность, проявляющаяся внешне в моральных поступках человека. Опираясь на фундаментальную для китайской философии идею единства человека и Неба-природы, Моу Цзунсянь считал кантовский дуализм следствием непонимания того, что моральное сознание соединяет субъективное, объективное и абсолютное. Принцип морально должествующего и принцип реально существующего раскрываются в одном "синь" "благосердного" (лян синь) бытия. Таким образом то, чему учил Конфуций о практиковании гуманности для познания неба и Мэн-цзы: об исчерпании сердца, познании характера и неба-природы (тянь), - все это указывает на то, что в моральной практике возможно не только постичь принципы морали, но и одновременно понять принципы существования⁶. Моу Цзунсянь особо подчеркивал важность для китайской философии тенденции к онтологизации субъективного, проявляющейся в космологизации этических принципов, за счет чего осуществляется переход от понятий о "гуманности" (жэнь), "изначальном сердце" (бэнь синь), "искренности" (чэнь) к "природе-Небу" (тянь), "вещам" (у), "принципам" (ли).

Постконфуцианская мысль должна была решать проблемы синтеза культур шире, чем в узкофилософском плане. В книге "Моральный идеализм"⁷ Моу Цзунсань поставил вопрос о "трех преемственностях" (сань тун). Помимо утверждения ценностей конфуцианского учения о человеке и мироздании как "преемственности учения" (дао тун), необходимо осуществление "научной преемственности" (сюэ тун) через обращение к идущей из Древней Греции идее познающего субъекта, выделенного и противопоставленного объекту познания с сопутствующей независимостью научного знания. Помимо этого нужна еще и "политическая преемственность" (чжэн тун), дающая возможность познания развития политической системы и установления как необходимости демократической политики. Постановка вопроса о науке и демократии очевидным образом не является заслугой послевоенных постконфуцианцев, но им принадлежит заслуга более объективного и взаимосвязанного его рассмотрения. Моу Цзунсань утверждал неразрывную связь "трех преемственностей" как идеального ориентира для развития китайской культуры, признавая неразвитость научного и демократического сознания в истории Китая.

Моу Цзунсаню принадлежит формулировка целей постконфуцианства как "возвращения к корню и открытия нового" (фань бэнь кай синь) и "раскрытия новой внешней царственности (синь вай ван) из внутренней мудрости (нэй шэн)". "Корень", "внутренняя мудрость", и "преемственность учения" указывают на содержащееся в традиционной культуре учение о человеке как о субъекте моральной практики, тогда как "новое", "новая внешняя царственность", "научная преемственность" и "политическая преемственность" суть задачи воспитания отсутствовавших ранее сторон субъективного сознания и действия. Освобожденное от морализаторства политическое сознание перестанет быть оправданием власти одного человека как носителя всех высших небесных добродетелей. В обществе каждый сформирует свое отношение к власти как субъект политического действия; в свою очередь, наука даст возможность овладеть новыми знаниями, для чего также необходимо ее разделение с этико-политизированной картиной мироздания. Однако структура сознания не только не рассыпается на три части, но составляет целое вокруг содержащихся в "преемственности учения" ценностей "моральной метафизики". По мысли Моу Цзунсаня, "научное знание есть материальное условие новой внешней царственности, но лишь при обязательном сочетании с демократической политикой - это условие сможет полностью реализоваться. В противном случае недостаточность формального условия демократической политики и обособленные разговоры о нейтральной науке недостаточны для подлинной модернизации"⁸ Свое отличие от сторонников науки и демократии 20-х годов Моу Цзунсань находит в понимании духа модернизации как "координации", что включает в себя признание традиционного китайского общества бесклассовым и отсутствие знака равенства между "феодализмом" и строем этого общества, что выводит на ведущее место роль сознательного творчества интеллигенции в культуре и образовании в процессе модернизации.

В 40-е годы Моу Цзунсань познакомился в Чунцине с Тан Цзюньи - вторым по величине мыслителем постконфуцианского "философского зарубежья". На начальном этапе изучения философии Тан Цзюньи увлекся идеями Джэмса и неореалистов, но под влиянием своих учителей Лян Шумина и Сюн Шили перешел на сторону тех, кто был объектом неореалистской критики. Работа Брэдли "Явление и реальность", гегелевская "Феноменология духа", труды Канта и Уайтхеда ввели его в мир идей классического философского идеализма.

В центре внимания Тан Цзюньи также были проблемы морального сознания, но рассматривались они прежде всего в культурологическом аспекте. Он считал, что человеческая культурная деятельность воплощает в себе моральное "я" или же духовное "я", содержащее в себе моральные ценности как основу культурного идеала. Творчество его акцентировалось на развитии

культуры и культурного сознания, и навеяно было гегелевским "абсолютным духом". Считая ограниченными западные пути построения философии, абсолютизирующие конкретные науки, Тан Цзюньи ориентировался на понимание философии как рефлексии, направленной на поиск истинного знания в повседневной практической деятельности индивидуума и во всем социально-историческом наследии человечества. Следуя общей для постконфуцианских духовных наследников Сюн Шили ориентации на учение Лу Цзююаня - Ван Янмина, он интерпретировал "благое знание" как "источник всей моральной мудрости и моральной практики", расширяя сферу "лян чжи" до гносеологического, эстетического, религиозного сознания индивида. В своих поздних работах он обозначал эту сферу тождественной "жизненному существованию", выражающемуся в различных видах духовной деятельности.

Сосредоточение внимания на личности и ее культурном сознании было обращено против утраты китайцами самоуважения, как на личном, так и на общественном уровне, самоуважения, сознания собственной силы и уверенности в ней. Болезненное ощущение упадка современной китайской культуры, отражаемое в метафорическом упоминании о "рассеивающихся по ветру цветах и плодах" (хуа го пяо линь), побуждало Тан Цзюньи поддерживать мессианские настроения, сформировавшиеся в дореволюционном постконфуцианстве. Сравнительная культура Китая и Запада, он пришел к выводу, что фундаментальным духом первой являются мораль и искусство, а второй - религия и наука, приводящая к утрате эмоционально-субъективного компонента человеческого бытия. Поскольку основной особенностью китайской культуры является интерес к субъекту как к единичному и уникальному явлению, китайская философия призвана освободить современного человека от "овещения" в мировом масштабе, реализуя его индивидуальную ценность.

Размышляя о социально-политических проблемах, Тан Цзюньи сделал вывод о неприемлемости для китайской цивилизации как западного либерализма с его индивидуализмом, так и социализма с его силовым насаждением коллективизма и уничтожением традиционной культуры, с повсеместным введением марксизма. Поиск национального пути он обозначил в направлении "этического гуманизма", способного установить почитаемые в традиционной культуре наставнические и дружественные гармоничные отношения между членами общества.

Значительное внимание к проблеме соотношения политического демократизма и духа конфуцианской традиции было отличием Сюй Фугуаня. Обучавшийся в Японии экономике и военному делу кадровый военный, дослужившийся в гоминьдановской армии до командующего округом, сильно увлекавшийся в юности марксистскими идеями, он был необычной фигурой по своей личной судьбе. Заслуга обращения его в науку принадлежит все тому же Сюн Шили. Он не создал своей философской системы, а сосредоточился на теоретическом осмыслении тысячелетней традиции авторитарной политической власти китайских императоров. Сюй Фугуань был смелым критиком Гоминьдана и Чан Кайши, не менее открыто выступая против вытеснения национальной культуры западной. Его взгляды демонстрировали сложное сочетание национально-культурного консерватизма и политического демократизма и либерализма, что отличает его позицию от антиконфуцианского либерализма "Движения 4 мая". Он не только не видел в конфуцианстве препятствия для демократии, но, считая его дух гуманистическим, полагал необходимым дополнить западные представления о "естественных" правах человека китайскими идеями об управлении при помощи добродетели и ритуала. Особое внимание обращал он на протодемократические идеалы раннего конфуцианства, существовавшие в рамках идей "народоосновия" (минь бэнь). Сюда относятся идеи о "принадлежности Поднебесной всем", ряд фрагментов из "Мэн-цзы", указывающих на возможность убийства недобродетельного правителя, на "этическое равенство" людей одинаково доброй природы.

Противоположной позиции придерживался историк Цянь Му, идеализировавший политическую систему Древнего Китая и выступавший против применения к ней таких характеристик, как "феодализм" или "абсолютизм". Он считал эту систему достаточно открытой для занятия способными людьми государственных должностей через систему императорских экзаменов, что делало ее более или менее связанной с нижними слоями общества, давая им "вертикальную" мобильность. Будучи рациональной, система на протяжении тысячелетий была перводвигателем китайской культуры. Подобная трактовка критиковалась Сюй Фугуанем, который видел в абсолютной личной власти величайшую трагедию для политики и всей культуры прошлого и признавал только узурпацию всех политических прав в руках одного лица и осуществление пути свободы и демократии.

Цянь Му также не создал своей философской системы, но в ходе изучения истории государства и традиционной мысли, он сформулировал свои взгляды на историю как форму человеческого знания, являющуюся "наукой о жизни" (шэньмин чжи сюэ). Исторический процесс он рассматривал как развитие духовной субстанции, определяющей национальный дух и культуру народа, исследование которых составляет главную заботу историка. Ключ к возрождению страны он видел в возрождении исторического знания, а вместе с ним и национального духа и традиционной культуры. Историческая наука должна овладевать знанием о зарождении и развитии абсолютных ценностей национальной культуры, а метод сравнения и анализа исторических ситуаций должен помочь преодолеть умножившиеся в новое время трудности и противоречия китайской культуры, что даст историческому знанию возможность опосредованно влиять на ее будущее.

Важным событием в становлении постконфуцианского "философского зарубежья" Тайваня и Гонконга стал опубликованный в 1958 г. "Манифест китайской культуры людям мира", подписанный Моу Цзунсанем, Чжан Цзюньмаем, Тан Цзюньи и Сюй Фугуанем. Этот совместный программный документ не только определил направление исследований, но и подвел общий знаменатель под взглядами различных мыслителей.

Считая проблему Китая важнейшей мировой проблемой, авторы "Манифеста" указали на неадекватность западных трактовок китайской культуры. Миссионеры руководствовались задачами распространения христианства и потому в их трактовке идеалистические и спиритуалистические идеи доциньской классики и неоконфуцианства рассматривались с пристрастием, что способствовало созданию впечатления о китайской мысли, как об атенстической, материалистической, натуралистической и рационалистической. В последнее столетие западные синологи увлеклись изучением и сбором предметов материальной культуры, осуществляя по существу археологический подход по отношению к развитию китайской цивилизации. Самые последние десятилетия привлекли внимание исследователей к политическим проблемам Китая, однако исследования ведутся, как правило, в прагматических целях. В "Манифесте" была отвергнута трактовка китайской культуры как "уже мертвой" - она тяжело больна, но еще жива, с ней связано будущее населения трети земного шара и она требует не объективистского историко-археологического подхода, а живого заинтересованного "сочувствия" и "уважения".

Если заявленный в "Манифесте" акцент на усилении субъективного восприятия традиционной культуры принадлежит идеям Моу Цзунсяня, то понимание философии как ключа ко всей духовной культуре Китая коренится во взглядах Тан Цзюньи. Гомогенный "однокоренной" характер (и бэнь син) китайской культуры контрастирует с плюралистичностью истоков западной культурной традиции, наука и философия которой восходят к Древней Греции, право - к Древнему Риму, а религия - к Иудее. Тан Цзюньи отмечал, что "однокоренной" характер китайской культуры проявляется в единстве

литературы, истории и философии, политики и морали. Если конфуцианство как основная ветвь традиции говорит о "рождении" (шэн), то дополняющие ее даосизм и буддизм говорят об "изменении" (хуа) как о существующих в пределах этого постоянства трансформации и переходе состояний. Впитав в себя понятия первобытной религии о Небе-"тянь" и духах-"шэнь", конфуцианство избежало вышедшего из Древней Греции разрыва духовной и секулярной ипостасей западной культуры, в китайской традиции вместо противостоящего Творцу творения выступает человек как моральный субъект, способный своим духовным усилием трансформировать небо и землю.

Идущие от миссионеров обвинения китайской культуры в нерелигиозности и сосредоточении лишь на внешних отношениях между людьми в целях поддержания существующего социально-политического устройства отвергнуты авторами "Манифеста", считающими лежащие в основе традиционной этики идеи единства и взаимосвязи человека и неба-природы глубинным истоком внутренней духовной жизни.

В качестве ядра китайской культуры в "Манифесте" выделено философское "учение о сердце-духе и природе-характере" (синь син чжи сюэ), причем особо указывается на недопустимость смещения этого учения с теориями западной философии и психологии, которые отличаются рационалистическим атеистическим и натуралистическим подходом к человеческой природе как к комплексу естественной психики, естественных инстинктов и желаний. Китайское "учение о духе и характере" принципиально не может быть соотнесено с тем, чем на Западе занимается эмпирическая наука - постижение возможно лишь в ходе осуществления индивидуумом практических моральных поступков, оно носит субъективный характер интуитивного озарения. Именно на этом пути идет реализация связи добродетелей (дэ) человека и Неба через абсолютное "благое знание" (лян чжи).

Долговременное непрерывное развитие китайской культуры "Манифест" трактует прежде всего как специфически сложившиеся в ней представления о человеческих ценностях, а не измерение естественно-исторических условий. Демократия и наука должны быть распространены в Китае, они совместимы с традиционными ценностями, необходимо лишь снять односторонний акцент на моральной практике. Нет никакой необходимости устранять в связи с этим всю традиционную культуру; надо лишь заполнить разрыв между моральным воспитанием и практической деятельностью отсутствующим звеном - научной теорией. Несмотря на авторитарные проявления в политической практике Республиканского Китая и КНР, авторы "Манифеста" считают неоспоримым движение китайской культуры к демократии, указывая на то, что успеху марксизма в КНР способствовали национально-освободительные мотивы коммунистической идеологии, вклад КПК в борьбу с Японией и тактика единого фронта с демократическими партиями, а не мифическая антидемократичность национального сознания.

Культуры Китая и Запада равноправны, и последнему авторы "Манифеста" рекомендуют оставить холодно-отстраненную позицию в изучении Китая, позаимствовать дух восприятия "существующего как истинного" и приостановить гонку по бессмысленному преобразованию мира, познать мудрость "полноты и духовности" в отображении целостной невербализуемой картины бытия, воспринять чувство мягкой доброты и печали, грустного сожаления, чтобы присущие людям Запада любовь и энтузиазм не перерастали в волю к власти и идею господства, взять опыт непрерывного тысячелетнего существования культуры и ощущение "поднебесной как одной семьи" как основы будущего единого социума в мире без границ.

Другим заметным событием стала проходившая на Тайване в 60-е годы дискуссия, обсуждавшая вопросы взаимодействия культур Китая и Запада¹⁰. Из упомянутых ранее мыслителей в ней участвовал один лишь Сюй Фугуань, но это было важное событие, по существу ставшее последним и слабым отблеском

тех дискуссий в области общественных наук, что проходили в Китае в 20-30-е годы, формируя облик теоретической мысли на десятилетия.

В 1958 г. знаменитый ученый и общественный деятель, ярый сторонник западного пути развития Китая Ху Ши вернулся на Тайвань, где возглавил Центральный институт и Государственный комитет долгосрочного развития науки. В ноябре 1961 г. он принял участие в конференции по проблемам науки и образования в Восточноазиатском регионе с докладом "Социальные изменения необходимы для развития науки". Он призвал отбросить пустившие глубокие корни представления о том, что, несмотря на превосходство Запада в материальной сфере, Восток занимает господствующую позицию в духовной цивилизации. Он призвал оставить это безосновательное бахвальство и признать, что восточная цивилизация на деле содержит очень мало духовных компонентов, тогда как наука и техника являются в высшей степени духовными.

Сюй Фугуань отреагировал на это выступление обвинением в клевете на культуру Китая и Востока, сочтя позорными такие заявления для директора Центрального института. Основная дискуссия проходила на страницах журнала "Вэнь син". ("Литературная звезда") при активном участии его главного редактора Ли Ао, родившегося в 1935 г. в Харбине, изучавшего на Тайване в послевоенные годы право, литературу и историю, и ставшего приверженцем западнеческих идей Ху Ши.

Вслед за Ху Ши в январе 1962 г. выступил известный историк и политический деятель Ху Цююань (р. 1901 г.) с идеей првосхождения трех направлений в развитии китайской культуры - "озападнивания", "русификации" и "возрождения древности", полагая невозможным изменение существующего положения по какому-то заданному образцу. Ли Ао опубликовал свою статью, где выделил ряд симптомов неверного понимания соотношения культур. Он имел в виду идею всеобщего культа предков и связанное с этим окаменение культуры, поверхностность и настороженность в знакомстве с западной культурой, отрыв и консервацию духовно-культурных явлений вне учета изменяющейся экономической основы общества. Будучи сторонником идеи Ху Ши об органическом построении культуры, Ли Ао упрекал тех, кто призывает брать лучшее из китайской и зарубежных культур, в том, что они не поняли невозможности подобной операции, ибо культура либо может быть пересажена на новую почву целиком, либо вообще не пересажена.

Ху Цююань продолжил полемику, заявив о признании единства духа и разума человечества и отрицании теории дуализма культур Китая и Запада, о необходимости сравнительного изучения культур различных стран и преодолении на этом пути развившегося у китайцев чувства собственной неполноценности. Приоритетами в учебе у Запада он назвал науку, демократию и индустрию, овладение которыми должно быть нацелено на создание в стране жизнеспособного народного капитализма, полагая, что речь идет о споре не между Китаем и Западом и родившимися из него течениями общественной мысли, а между тем, что способствует развитию страны, и тем, что этому не способствует.

На состоявшейся в 1923 г. дискуссии по науке и метафизике противники "всемогущества науки" обосновывали принципиальную невозможность распространения сциентистских подходов на проблематику моральной деятельности человека. Их позиция дала мощный толчок становлению постконфуцианства как альтернативы обанкротившимся западным ценностям. Дискуссия 1961-62 гг. не дала сопоставимых научных результатов и переросла в политическую баталию. Сгруппировавшиеся вокруг Ли Ао западники повернули культурные вопросы против политики Гоминьдана и в апреле 1965 г. журнал "Вэнь син" был закрыт.

Оценивая этот период развития постконфуцианской мысли, завершившийся в конце 70-х годов с кончиной Фан Дунмэя, Тан Цюньи и Сюй Фугуаня, можно отметить значительное углубление в понимании западной

философии и культурологии. Это способствовало более обоснованной и содержательной интерпретации взаимодействия культур, но вместе с тем из-за роста культурного консерватизма представители постконфуцианского "философского зарубежья" были закрыты от тех идей зарубежной культуры, которые выделялись им ответственными за сложные исторические коллизии в стране. В философском плане проводилась разработка проблем морального сознания, гносеологических аспектов постижения человеком мира и самого себя в ходе раскрытия своей изначальной моральной сущности. Шел процесс рефлексии политических аспектов китайской культуры, ее совместности с демократическим строем государства евро-американского типа, возможности соединения традиционных моральных устоев с новыми организационными формами.

Постконфуцианцы того периода в меру своих сил выполняли историческую задачу сохранения непрерывности линии развития традиционной китайской духовности в условиях борьбы на два фронта - в КНР борьба с традиционной культурой превзошла по своей масштабности и резкости все всплески "Движения 4 мая", а Тайвань и Гонконг стояли перед перспективой утраты национально-культурной самоидентичности в условиях значительного политического и экономического проникновения со стороны развитых капиталистических держав во главе с США. Ныне изменилось многое - со второй половины 80-х годов в КНР обозначилась тенденция к разрешению идеологических проблем на пути использования традиционной культуры как орудия противостояния "всеобщей вестернизации" и "буржуазной либерализации"¹¹, Тайвань и Гонконг вошли в число лидеров индустриального развития АТР. Новое поколение постконфуцианских теоретиков свободно от идеологической зашоренности и ощущения неполноценности нации, но задачи остались по существу старыми - творческое развитие конфуцианства, его обновление и органическое сплавление с идеями, приходящими в жизнь китайцев из многообразия форм современного мира науки, политики, экономики.

1. В китайской литературе используются понятия "современное новое конфуцианство" (дандай синьжуцзя, сяньдай синьжуцзя) и "современное конфуцианство" (дандай жуцзя, сяньдай жуцзя). Подробнее о терминологической обоснованности понятия "постконфуцианство" см.: Ломанов А.В. К вопросу о понятии "современного нового конфуцианства" // 3-я междунар. кон. "Китай и мир. История, современность, перспективы". М., 1992. - Ч. 2.
2. Краснов А.В. "Сюн Шили и судьба конфуцианства в КНР" // 24-я научн. конф. "Общество и государство в Китае: Тез. докл. - М., 1993. - Ч. 2.
3. Ломанов А.В. Путь высшей просветленности и следования середине. Фэн Юлань и его философское наследие // Проблемы Дальнего Востока. - 1992. - № 6.
4. Пинь синьжуцзя: О современном конфуцианстве / Под ред. Лю Ицзюня. - Шанхай, 1989. - С. 213.
5. Там же. - С. 450.
6. Там же. - С. 533.
7. Даодэ дэ лисянчжун. - Тайчжун, 1959.
8. Дандай синьжуцзя: Современное новое конфуцианство / Под ред. Фэн Цзюшэна. - Пекин, 1989. - С. 165.
9. "Вэй чжунго вэньхуа цзингао шицзе жэньши сюаньянь". Опубликован в первых номерах журналов "Миньчжу пиньлунь" и "Цайшэн" за 1958 г. с подзаголовком: "Наше общее понимание перспектив китайской и мировой культуры и исследований китайской мысли" // Дандай синьжуцзя. - Пекин, 1989. - С. 1-52.
10. Шуй Юндун. Люши няндай Тайвань дэ и чан чжун си вэньхуа луньчжань: Дискуссия по культурам Китая и Запада на Тайване в 60-е годы. - Чжэсюэ яньцзю. - 1989. - NN 6. - С. 76-80.
11. Переломов Л.С. называет 1977-1990 гг. периодом "возрождения Конфуция" в КНР, полагая, что "сегодня можно утверждать, что в КНР восстановлено былое уважение к Конфуцию, которое тысячелетиями жило в глубине национального сознания. Многие воззрения Совершенномудрого, особенно его критерии ценности личности, необходимы современному китайскому обществу в качестве ориентира" // "Конфуций: жизнь, учение, судьба". - М., 1993. - С. 403.

Культура

Существует ли "тайваньская литература"?

© 1993

В.Сорокин

Содержащийся в заголовке вопрос не следует рассматривать как выражение сомнения в том, создаются ли и издаются ли на острове Тайвань литературные произведения. Создаются, в большом количестве и самых разных жанров и стилей. Ими заставлены полки многочисленных магазинов концентрирующихся в Тайбэе на Чунцинской улице, близ президентского дворца, не имеющих и во всех других районах города и во всех населенных пунктах острова. Вопрос нужно понимать так: существует ли самостоятельная, отдельная от остальной китаезычной литературы "тайваньская литература"? Или она представляет собой специфическую, обладающую многими индивидуальными особенностями, но все-таки органичную часть великой китайской литературы?

В течение нескольких месяцев я задавал этот вопрос тайваньским писателям, поэтам, литературоведам, искал ответ в книгах и журналах. Одни убежденно заявляли, что литература, создаваемая китайцами на китайском языке, притом на территории, официально именуемой Китайской республикой, может быть лишь частью китайской литературы. Другие не менее убежденно говорили, что поскольку Тайвань вот уже почти целое столетие (с кратким перерывом) развивается в отрыве от материка, по-своему решая свои собственные проблемы, и поскольку тайваньское общество значительно отличается от материкового, тайваньская литература должна рассматриваться как самостоятельная часть литературы мировой. Сторонники этой точки зрения указывают также, что тайваньские писатели творили и творят не только на современном литературном общекитайском языке, который на Тайване называют "гоюй". В 20-30-х годах, в условиях японской оккупации многие использовали японский язык, а сейчас часть авторов предпочитает тайваньский (фактически южнофуцзяньский) диалект, резко отличающийся от "гоюй" (есть и пишущие на диалекте хакка).

Этот аргумент, скажу сразу, не представляется убедительным. В период японского владычества (1895-1945 гг.) во всех школах острова преподавание велось на японском языке, японоязычными были в основном и средства массовой информации. Следовательно, обращение части писателей к японскому языку было вынужденным и закончилось вместе с возвращением Тайваня Китаю в результате второй мировой войны. Тайваньцы, писавшие по-японски, в подавляющем большинстве перешли на китайский (правда, некоторым для этого пришлось пройти "языковую переподготовку"). Важно вместе с тем отметить, что и в колониальные годы были и писатели, творившие и печатавшиеся на китайском языке (мы о них еще поговорим).

Что же касается использования в художественной литературе диалектов,

то это отнюдь не специфически тайваньское явление. Произведения на кантонском диалекте издаются в Гонконге (где он является официальным), издавались и в Гуанчжоу. Использовались в литературе (как правило, в диалогах) и другие диалекты китайского языка. Не чуждо это явление и многим другим литературам, включая русскую - достаточно напомнить о широком использовании говора донских казаков в "Тихом Доне", особенно его ранней редакции. Что же касается нашего предмета, то, как отмечает автор исследования по стилистике современной китайской литературы американский синолог Э. Ганн, использование тайваньского диалекта носило долгое время весьма ограниченный и спорадический характер. Лишь в последние годы в связи с изменившейся политической ситуацией на острове стали предприниматься попытки более широкого внедрения диалекта в художественную литературу (об этом реч. пойдет позднее). Думается все же, что ввиду повсеместного, через школьное образование, распространения общекитайского литературного языка "гоюй", попытки эти вряд ли дадут большие результаты.

С чего началась история литературы на Тайване? С того, что в один ветренный день в 1652 г. к тайваньскому берегу прибило корабль, на котором плыл чиновник свергнутой маньчжурами Минской династии Шэнь Гуанвэнь. По-видимому, он направлялся в еще не занятый пришельцами Южный Китай, но остался на острове, куда к тому времени резко возрос приток переселенцев с материка. С годами Шэнь сплотил вокруг себя других образованных и нечуждых литературным интересам людей и в 1685 г. создал поэтическое общество "Восточные напевы", выпустившее коллективный сборник стихов. Один из его членов, Линь Цяньгуан, опубликовал "Краткие записки о Тайване". Это первые известные нам книги, созданные и изданные на Тайване.

В последующие два столетия книги стали выходить сначала с интервалами в несколько лет, затем почти ежегодно. То были сочинения исторического и географического характера, эссеистика, стихи - словом, примерно то же, что сочинялось (на вэньяне) и публиковалось во всех уголках великого государства, и они не выделялись ни по форме, ни по содержанию (если не считать специфически тайваньских реалий, например описаний быта и нравов аборигенов). Всплеск творческой активности пришелся на середину XXVIII в., когда один за другим появились поэтические сборники Чжан Мэя и Чжу Циньина, "Собрание сочинений" Лань Динъюаня и большая "Поэма о Тайване" Ван Кэцзяня, уроженца острова.

Как известно, по мирному договору 1895 г. остров отошел к Японии. Борьба населения против колонизации продолжалась еще несколько лет, но уже в 1896 г. в Тайбэе начинает выходить первая газета ("Тайвань синьбао"), в 1901 г. в Тайчжуне вторая ("Тайвань синьвэнь"). Как и последовавшие за ними периодические издания, они время от времени помещали литературные материалы.

Подлинное оживление литературной и вообще духовной жизни на острове произошло после того, как до него донеслось дыхание движения "4 мая 1919 года" на материке. Несколько позднее сыграло свою роль и набиравшее в те годы силу демократическое движение в Японии (следует иметь в виду, что практически все образование на Тайване было к этому времени японизировано и многие тайваньцы обучались в метрополии). Уже в 1920 г. Чэнь Синь под явным воздействием идей "4 мая" в статье "Обязанности литературы" призывал к распространению разговорного языка байхуа, говорил о задачах литературы по распространению "цивилизованных идей" и реформированию общества. Три года спустя начал выходить на байхуа журнал "Тайвань миньбао баньюокань". Несколько позднее стали выходить по-китайски и по-японски и чисто литературные журналы - "Формоза", "Нань инь", "Дии сянь", "Сяньфа будуй". Сами названия двух последних ("Передовая линия", "Авангард") говорят об их связи с левым литературным движением в Китае и Японии. Надо сказать и о том, что одновременно возникла и языковая проблема. В середине 20-х годов.

Чжан Воцзюнь (учившийся в Пекине) в серии статей выступил против культурно-языкового сепаратизма, за использование общекитайского "гоюй". С противоположных позиций выступил Лянь Вэньцин, но в те годы его призыв творить на тайваньском диалекте не нашел много последователей. Начавшаяся же дискуссия была "завершена" колонизаторами своеобразным, но весьма эффективным способом: в 1937 г. вышел запрет на все издания на китайском языке, с этого момента и до 1945 г. тайваньские литераторы могли печататься только по-японски.

Все же начало новой литературе на общекитайском разговорном языке было положено, и в этом заслуга прежде всего Лай Хэ (1894-1943). Врач по профессии, он долго практиковал в Фуцзяни, а вернувшись на остров, опубликовал в 1926 г. свой первый рассказ "Шумное празднество", за которым последовали "Весы", "Неудачный Новый год", "Хозяин змей", "Она умерла, бедняжка", "Неприятности", "Богатый урожай" и другие рассказы, множество стихов в старом и новом стиле, эссе, публицистических статей. Многостороннее, реалистическое по манере, пронизанное антифеодальными и антиколониаторскими тенденциями творчество Лай Хэ снискало ему славу отца современной тайваньской литературы, а его смелая, активная общественная позиция обеспечила уважение современников.

Из многочисленных новеллистов, выступавших вслед за Лай Хэ выделяются "три Яна" - Ян Куй (1905-1985), Ян Юньпин (1906-?), Ян Шоуюй (1905-1959). Двое последних прекратили литературную деятельность вскоре после второй мировой войны, уйдя в педагогику; первый продолжал творить до конца своих дней. "Почтальон" Ян Куя был первым произведением тайваньца, опубликованным в самой Японии и обратившим на себя внимание общественности (1934 г.). За ним последовали "Озорник против бесов", "Глиняная кукла", "Гусыня выходит замуж" и т.д.

Ян Юньпин, получивший высшее образование в Японии, свои рассказы ("Визит", "Братья", "Преступление и кара", "Сумерки на плантации") писал по-китайски, а стихи и публицистику по-японски. Ян Шоуюй творил только на китайском языке, однако порой злоупотреблял диалектизмами, что делало чтение некоторых его рассказов затруднительным даже для коренных тайваньцев. К числу его наиболее известных новелл относятся "В голодный год", "Безработные", "Опьянение", "Аренда вздорожала". Уже из этих названий ясна социальная направленность многих его произведений. Как и два других Яна (да и немалое число авторов, здесь не перечисленных), Ян Шоуюй писал о рядовых тружениках Тайваня, сельских и городских бедняках, притеснениях и обидах, которые им приходилось сносить. Разумеется, открыто антиколониаторские вещи публиковать было невозможно, но читатели легко улавливали подтекст и если в повествовании действовали жандарм и сборщик налогов, они знали, что речь идет о японцах. Конечно, на Тайвань из Японии приезжали не только держиморды, чинуши и пропагандисты "самурайского духа". Тайваньская интеллигенция хранит память и о демократически настроенных японских коллегах, которые внесли вклад в развитие просвещения и культуры на острове. Но подобной деятельности был положен конец в 1937 г., когда была введена военная цензура, началась разгул милитаристской пропаганды. Немалое число литераторов подвергалось арестам.

Так продолжалось до осени 1945 г., т. е. до возвращения острова Китаю. Только тогда смог быть опубликован созданный во время войны роман У Чжолю (1900-1976) "Осиротевший сын Азии". То было самое крупное по объему и масштабное по охвату событий произведение тайваньской литературы колониального периода. Его герой, Ху Таймин, молодой тайваньский интеллигент, становится свидетелем китайской революции 20-х годов., роста милитаризма и реакции в Японии, переживает идейный кризис, переходит от надежды к разочарованию, от отчаяния к новой надежде. Важно отметить, что у героя романа - как и у его автора - неразрывность судеб Тайваня и остальной

части Китая сомнений не вызывает. Основную идею романа известный писатель Чэнь Инэнь увидел в том, что тайваньцам необходимо "преодолеть психологию осиротелости, чтобы проникнуться мужеством и вместе со всем китайским народом пойти по пути возрождения и новой жизни"².

После восстановления китайской (гоминьдановской) администрации на острове туда переехало с материка известное число интеллигентов - писателей, журналистов, университетских профессоров. В их числе был соратник и биограф Лу Синя литературовед Сюй Шоушан, ставший деканом филологического факультета Тайваньского Государственного университета. Вновь начали выходить литературные издания, вынашивались планы объединения писательской общности. Одно нормальное развитие было прервано трагическими событиями февраля-марта 1947 г., когда имевшее поначалу экономическую подоплеку недовольство населения переросло в политические выступления, сурово подавленные войсками. Погибли тысячи людей, в их числе и Сюй Шоушан. Началась полоса в истории острова, которую сейчас многие на Тайване именуют "периодом белого террора".

В течение четырех десятилетий остров жил в условиях чрезвычайного положения, репрессии и цензурные ограничения, то усиливаясь, то несколько ослабевая, продолжали быть реальным фактором общественной жизни (нужно ли напоминать, что примерно то же - в иных масштабах и с иными мотивировками - происходило примерно в те же годы и на материке). Нет сомнения, что такой поворот событий в значительной мере определил собой тот факт, что подавляющая часть писателей, проживавших до 1949 г. в контролируемых гоминьданом районах, не последовала за армией Чан Кайши на Тайвань, невзирая на свои прежние политические симпатии и антипатии. Из действительно крупных фигур китайской интеллектуальной элиты того времени свою судьбу с гоминьдановским режимом решили связать лишь Ху Ши, Лян Шумин, У Чжихой, Лян Шицю и еще несколько деятелей.

В декабре 1949 г. чанкайшистское правительство объявило о "переносе столицы на Тайвань"; его потерпевшая поражение армия, чиновничество, в количестве около полутора миллионов человек, пополнили собой население острова. На несколько лет официальная идеология "подавления мятежа" или "антикоммунизма" (в последнее время часто говорят "боязни коммунизма") стала определять лицо тайваньской литературы. Ее создатели - многие из них были армейскими пропагандистами - поверив, как сейчас пишут некоторые тайваньские литературоведы, официальной пропаганде и живя в плену самообмана, "занились изображением агонии гражданской войны и обличением коммунистической тирании"³. Эта линия была провозглашена в мае 1950 г. на первом конгрессе так называемого. "Общегосударственного союза деятелей литературы и искусства".

Сравнительно удачными из произведений этого направления критика считает романы "Смерч" Цзян Куя и "Историю деревни" Чэнь Цзинна, но наибольшее воздействие на читателей оказали "Хоровод" и "Голая земля" покинувшей в 1952 г. КНР шанхайской писательницы Чжан Айлин (строго говоря, ее нельзя отнести к тайваньским литераторам - она бывала на острове лишь наездами, сначала жила в Гонконге, потом уехала в Штаты, но произведения ее широко издавались на острове). В "Хороводе" рассказывается о судьбе интеллигента, который сначала ожидает от революции добра, потом разочаровывается и погибает во время первой же массовой политической кампании - "борьбы против пяти зол". Политическая ангажированность автора несомненна, но все же надуманной или фальшивой повесть не назовешь. Наверное, она основана на реальных событиях и судьбах, как и другие произведения авторов "боевой антикоммунистической литературы". Но ведь и книги тех лет, издававшиеся на материке, тоже не являются продуктом вымысла, в них тоже несомненная жизненная основа. Только углы зрения различны: в одних случаях виновниками всех бед объявляются коммунисты,

Восьмая армия и распропагандированная голытьба, а в других - гоминьдановцы, помещики и нанятые ими бандиты. Дать сколько-нибудь полную и объективную картину гражданской войны по ее свежим следам, конечно, было невозможно, да такая задача и не ставилась.

Как следствие гражданской войны правомерно рассматривать политику официальной Тайбэя в отношении китайской культуры предыдущих десятилетий. Коротко говоря, она состоялась в том, что из ее истории вычеркивались или объявлялись нон грата все те писатели и художники, которые прямо или косвенно участвовали в войне на противоположной стороне, кто на тех или иных этапах поддерживал КПК и другие оппозиционные организации, пропагандировал советскую культуру. А таких было значительное большинство. И вот все они, начиная с великого Лу Синя, если вообще упоминались (о публикации их произведений не могло быть и речи), то в негативном контексте. Мол, морально разложили нацию, подавили волю к борьбе, поддали на удочку "коммунистических бандитов", продались русским...

Вот пример: в опубликованной Лю Синьхуаном в 1972 г. огромной книге под названием "Очерк истории новейшей китайской литературы" сравнительно подробно, с анализом литературных направлений и творчества отдельных авторов говорится лишь о начальном периоде, до 1927 г. Дальше, по мере развития левого движения в культуре, изложение принимает все более идеологизированный характер. Достается и коммунистам, и "попутчикам", и коллаборационистам, сотрудничавшим с японцами, и просто "аморальным писакам". В результате самостоятельные творческие характеристики в более или менее позитивном плане получили лишь Юй Дафу, Чжу Цзыцин, Линь Юйтан и несколько поэтов модернистского направления. И когда во время "культурной революции" маоистская пропаганда стала обвинять многих видных деятелей культуры 30-х годов в "предательстве", "пособничестве гоминьдановцам" и т.п., отношение к ним на Тайване не изменилось. Наоборот, был издан том документов, призванный свидетельствовать, что те были настоящими коммунистами, врагами Гоминьдана.

Тем не менее влияние традиций в литературе, пусть в ограниченном объеме, сохранялось. Оно видится, в частности, в том, что помимо "боевой литературы" (вскоре исчерпавшей себя в связи со стандартностью ситуаций и мотивов) в 50-е годы получила распространение и "литература воспоминаний". То были книги "перемещенных лиц" о местах, которые им пришлось покинуть, их природе, истории, обычаях, о людях, среди которых они когда-то жили, их радостях и горестях. Сквозь флер воспоминаний что-то представляло в идеализированном виде, приближалось к идиллии. Однако, облик страны и ее недавнего прошлого, в котором не все же было выкрашено в черный цвет, воссоздавался с грустью и любовью. Из произведений этого ряда выделяются опубликованные в начале 60-х годов повести трех писательниц: Линь Хайин ("Былые дни в южном предместье"), Юй Лихуа ("Мечты возвращают в Цинхэ") и Не Хуалин ("Затерявшийся колокольчик"). По первой из них позднее был снят в КНР фильм, получивший международное признание.

Влияние классической традиции особенно наглядно воплощено в ранних произведениях Бай Сяньюна (сын известного военачальника Бай Чунси, с 1963 г. работает в США). В его рассказах (сб. "Одиночество в 17 лет", "Тайбэйцы") воспоминания о детстве на материке сменяются наблюдениями над старшими соотечественниками, оказавшимися "тайбэйцами поневоле", одолеваемыми ностальгией и ощущающими приближение заката жизни. Мрачноватый колорит ряда рассказов смягчается глубоким пониманием автором своих персонажей и состраданием к ним (например, при описании переживаний юноши, которому приходится везти в дом для умалишенных любимую сестру), а четкая, реалистическая манера письма сочетается с использованием ряда изобразительных средств из арсенала традиционного китайского романа.

В 1960 г. Бай Сяньюн явился одним из основателей журнала "Сяньдай вэньсюэ" (слово "сяньдай" можно перевести как "современность" и как "модерн"). Черты модернистской поэтики становятся видны в его рассказах из жизни китайцев в Америке - "Смерть в Чикаго", "Опальный небожитель", "На Огненном острове". Мироощущение многих персонажей пессимистично, их поведение бывает непредсказуемым, автор использует "поток сознания", композиционные перебивы. Есть сходные черты и в самом крупном произведении Бай Сяньюна, романе "Грешники", в котором он возвращается к тайбэйской действительности, но изображает ее глазами "людей дна", "потерянной" (потерявшей себя) молодежи, включая гомосексуалистов, наркоманов, правопреступников. Роман был хорошо принят публикой, но скорее как "литература воспоминаний" - и Тайбэй был уже совсем не тот, и молодежь уже не от того страдала и не о том мечтала.

По пути модернизма значительно дальше пошел другой основатель журнала "Сяньдай вэньсюэ" - Ван Вэньсин. Преподаватель английского языка и литературы, пропагандист Джойса и Элиота, он решительно отбрасывает (в романе "Семейные перемены" и особенно в повести "Спиной к морю") традиционную поэтику, полагая, что с ее помощью нельзя передать сложность души современного человека, противоречивость его мыслей и чувств. И он изобретает противостоящие общепринятой грамматике конструкции фраз, трудно расшифровываемые неологизмы, вставляет в тексты знаки и символы, пытается посредством иероглифов передать особенности манеры речи... Надо сказать, что отдавая должное оригинальности и изобретательности писателя, значительная часть критики не приняла его манеру, считая ее чрезмерно усложненной и говоря, что автор "повернулся спиной" не только к морю, но и к читателю. Другие говорили, что в его оригинальности великоват элемент подражательности известным образцам. Более до таких крайностей модернизм в тайваньской прозе, кажется не доходил.

По иному сложилась ситуация в поэзии. Начало современных течений в поэтическом творчестве связано с образованием в середине 50-х годов сразу трех групп поэтов - "Современность", "Голубые звезды" и "Эпоха". К основателям, к ведущим участникам первой группы относятся Цзи Сянь, Чжэн Чоууй, Фан Сы; второй - Юй Гуанчжун, Сян Мин; третьей - Ло Фу, Чжан Мо, Я Сянь. В ту пору почти все они, за исключением Цзи Сяня, приобретшего известность еще на материке, были совсем молоды. И вот на протяжении десятилетий они по-прежнему определяют собой лицо тайваньской поэзии, что не так часто случается. И что случается еще реже, поддерживают между собой добрые отношения. В своих программных высказываниях они отстаивали принцип "чистоты поэзии" (тезис, явно направленный против подчинения поэзии официальной политике, против "боевой литературы"), говорили о необходимости разрыва с традиционной, по их мнению, безнадежно устаревшей поэзией, о смелом новаторстве с ориентацией на западную авангардную литературу. При этом "модернизм" они рассматривали широко - "начиная с Бодлера".

Практика на сей раз соответствовала теории. Стихи поэтов этого течения, а оно скоро стало господствующим, действительно оказались непохожими на все предыдущие (если не считать нескольких поэтов начала 30-х годов. - Ли Цзиньфа, Дай Ваншу, молодого Ай Цина). Свободные по форме, как правило, лишенные рифм и четкой строфики, они изобиливали смелыми метафорами, неожиданными ассоциациями. Предметом поэтического изображения в них стало все, разве что кроме политики. Свое мироощущение авторы выражали не прямо, не в форме логических суждений, а через лирические образы, побуждая читателя делать свои выводы. Нередко их стихи представлялись как бы зашифрованными и допускающими различные толкования. От читателя они требовали работы мысли в сочетании со свободной ориентацией в мировой культуре. Естественно, их читатель не мог быть

массовым, но у современной поэзии сложился более или менее постоянный круг преданных ценителей, в последнее время она вызывает интерес и за пределами страны.

Разумеется, при наличии общих черт в творчестве каждого поэта есть индивидуальный почерк. Скажем, у Цзи Сяня присутствуют элементы романтизма, у Юй Гуанчжуна - налет академизма (он университетский профессор), явственно влияние экзистенциализма на воззрения Ло Фу и т.д. Кроме того, поэты меляются со временем - в творчестве того же Ло Фу критика выделяет три периода. Кстати, Ло Фу (прозванного по названию одного его сборника "демоном поэзии") некоторые считают крупнейшим современным китаезычным поэтом.

В 80-е годы, среди поэтов, уроженцев Тайваня (вышеназванные в основном выходцы с материка), возникло течение "поэзии родных мест". Речь шла о поэзии, более тесно связанной с тайваньскими реалиями, более доступной и по форме и по содержанию. Пока что это течение не дало крупных имен, но оно внесло свежую струю. И неслучайно часть "модернистов" стала писать попроще и порой откликаться на злобу дня, в частности на тяньаньмэньские события.

Названное течение явилось по существу попыткой подключения поэзии к широкому движению за "литературу родных мест", возникшего в прозе еще в 60-е годы. Его участники говорили: "Хватит предаваться ностальгии по недостижимым Сычуани и Шаньдуну, хватит переживать за интеллигентов-эмигрантов, с трудом адаптирующихся к американским порядкам. Мы тайваньцы, мы должны писать о Тайване и его жителях, об их заботах и грудностях, об истории их страданий и борьбы". Таким образом, "литература родных мест" есть литература о Тайване и созданная, как это подразумевалось, коренными тайваньцами.

Конечно, и прежде писали об исторических судьбах Тайваня - достаточно назвать такое крупное полотно как трилогия "Тайваньцы" Чжун Чжаочжэна. Но там рассказ доводился - очевидно, по цензурным соображениям - только до возвращения острова Китаю, а в центре внимания стояли прежде всего политические аспекты - борьба с колонизаторами, стремление сохранить национальную самобытность, вынужденное участие тайваньцев в тихоокеанской войне.

Теперь же был взят курс на изображение сугубо современной тайваньской действительности, находящейся в процессе радикальных изменений, и в то же время на выявление особенностей национальной психологии и морального облика общества, влияющих на этот процесс. Хотелось знать, что сделало возможным столь быстрый экономический рост, что мешает социальному прогрессу, к появлению каких положительных и отрицательных черт в нравственном облике людей он приводит.

Многочисленны писатели, примыкавшие к этому течению, широк круг их тем, разнообразны стили, хотя в основном их можно отнести к реалистической манере. Так, Хуан Чуньмин и Ван Чжэньхэ сосредоточились на изображении "маленьких людей" из хорошо знакомой авторам глубинки. Как правило, те не в состоянии осознать, что наступило время больших перемен и потому часто попадают впросак. Писатели видят достоинства своих персонажей, их трудолюбие, честность, готовность к взаимопомощи, но не скрывают и их ограниченности и консерватизма. Впечатляет повесть Хуан Чуньмина "Гонг", герой которой - старый деревенский глашатай. Он лишился работы - есть современные средства оповещения, но он все еще верит, что его призовут обратно. Он в чем-то сродни лусиневскому А-Кью, но вместо сарказма у автора - грустная усмешка, вместо обличения - сочувствие.

У Ван То наряду с "маленькими людьми" мы встречаем (повесть "Молодой врач в деревне") и людей современной формации, умеющих работать по-новому, стремящихся помочь обездоленным. Чэнь Инчжэнь и особенно Ян

Цинчу впервые подняли тему рабочего класса, его взросления, его роли в преобразовании общества. Появились и портреты предпринимателей, попытки анализа их неоднозначной социальной сущности. А в книгах писательниц Цзэн Синьи, Ляо Хуйин и Чжу Сюэцзюань показано, как тайваньские женщины вырываются из приниженного состояния, проявляют свой характер, свои деловые и человеческие качества.

Другие писательницы - среди них особенно популярна Цюнь Яо - обратились к тому жанру, который в старом Китае именовался "повествованиями о чувствах". Рассказывая, причем весьма целомудренно, о любовных историях молодых людей, счастливых и несчастливых, о верности и изменах, они - избегая назойливого морализирования - явно стараются укрепить моральные устои молодежи, подвергающейся все новым искусам.

В истории острова 80-е годы отмечены началом демократизации политической жизни. В 1987 г. были (спустя 40 лет), наконец, отменены закон о "чрезвычайном положении" и однопартийная система. Оппозиционные литераторы поначалу встретили это с недоверием и устами Линь Шуанбу, заявили, что мол, "чем больше отменяют, тем положение становится все более необычным"⁴. Но вот арестованные оппозиционеры вышли из тюрем, изгнанникам было разрешено вернуться на родину, стала издаваться антиправительственная пресса. Литература откликнулась на эти события активизацией молодых сил разных направлений, диверсификацией тематики и способов выражения.

Перемены прежде всего отразились на публицистике - она стала куда острее, даже воинственнее, в ней начали открыто отстаивать идею провозглашения суверенной Тайваньской республики и выражать подозрение в том, будто гоминьдановские власти собираются вступить в тайный сговор с коммунистами. Возникла и стала набирать силу "политическая литература". Писатели (Ли Цяо, Ван То, Линь Шуанбу) и поэты (Сян Ян, Бай Лин) непосредственно откликались на актуальные политические события, критиковали существующие порядки и напоминали читателям о тех моментах политической истории последних десятилетий, о которых до тех пор нельзя было упоминать в печати. Немалый интерес в этом плане представляет сатирическая повесть Сун Цзюэля "Отпор насилию в городе Дамао" (буквально "Кошкодавск"), где в гиперболизированной форме обличается правившая городом камарилья.

С другой стороны, приобрела популярность научная фантастика, среди авторов которой молодые, но уже известные писатели Хуан Фань, Чжан Дачунь и писательница Ли Ан (все они работают и в других жанрах). Отличительную особенность тайваньской фантастики критика усматривает в том, что она, как правило, проникнута верой в светлые перспективы человеческого рода. Замечу попутно, что детективная литература развития не получила - здесь безраздельно господствуют переводы западных, особенно американских писателей. Как и на материке, заметное место занимает историческая романистика, среди создателей которых выделялся невероятно плодовитый Гао Ян (1922-1992). Его самое крупное произведение - "Полная биография Цыси" (в шести томах). Но особенно впечатляет то, что он сумел написать три больших книги о жизни автора "Сна в красном тереме" Цао Сюэциня, при том, что тот прожил менее 40 лет и сохранившиеся биографические данные о нем очень скудны...

Я не упоминал о драматургии, и неслучайно: она и количественно и качественно далеко уступает другим жанрам. Причина проста: на Тайване нет ни одной профессиональной драматической труппы.

В самые последние годы тайваньская критика пишет о снижении читательского интереса к литературе, несмотря на все попытки подогреть его организацией многочисленных конкурсов, читательских конференций и т.д. Объясняют это прежде всего конкуренцией телевидения и видеотехники. Но говорят и о том, что многие писатели, получив свободу и выговорив то, что

накипело, не очень представляют себе, о чем и как следует писать теперь. Впрочем, такое наблюдается и в других странах, включая КНР. И вообще, читатель, знакомый с современной литературой КНР, наверняка заметил, сколь много общего в развитии двух ветвей китайской литературы, разумеется, при значительных различиях.

Об этом же, очевидно, говорит и тот интерес, с которым читатели на двух берегах Тайваньского пролива встретили книги соотечественников, как только появилась возможность взаимобмена. Тиражи перепечаток исчисляются миллионами (перепечатывать приходится, в частности, потому, что на Тайване приняты полные начертания иероглифов, а на материке - сокращенные).

Какие можно сделать прогнозы? Думается, что пока сохраняется пусть отдаленная перспектива объединения двух частей Китая, тайваньская литература будет оставаться частью общекитайской, хотя и очень своеобразной. Возможен даже процесс некоторого сближения. Если же восторжествует идея независимости Тайваня... Но о последствиях этого пока не хочется думать.

1. Шитао Е. Тайвань вэньюэ шиган. - Гаосюн, 1991. - С. 43.
2. Шиг. по кит.: "Тайвань синь вэньсюэ гайгуань". Тайбэй, 1993. - С. 57.
3. Пэн Жуйцзинь, Тайвань синь вэньсюэюньдун 40 нянь. - Тайбэй, 1991. - С. 72.
4. 1987 Тайвань сяошэ сюань. Тайбэй, 1988. - С. 9.

Тайваньский постмодернизм (1981-1992 гг.)

© 1993

Е.Завадская

Искусство 1980-х - начала 1990-х годов тайваньские и зарубежные исследователи определяют как постмодернизм (хоусяндай фэнгэ). В это понятие вкладывается исторический и эстетический смысл. В первом случае термин "постмодернизм" означает лишь определенный этап в истории тайваньского искусства, который, как и во всем мире, сменил период модернизма. Эстетический аспект постмодернизма более сложен - в нем отражено отношение к предшествующему этапу ("пост" значит не только после, но и "анти") и выражена философско-эстетическая и творческая доминанта.

Характер современного тайваньского искусства во многом предопределен особенностями становления культуры Тайваня в XX в. Учеными разработана периодизация этого процесса. Согласно ей, с 1912 г. по настоящее время тайваньское искусство прошло в своем развитии семь основных этапов, каждый из которых отмечен особенностями, обусловленными исторической и собственно художественной ситуацией².

Неоманьеризм определял особенности искусства 1912-1920 гг., этот период называют также "Поздний культурный ренессанс". Опыт вестернизированного искусства Японии соединялся с элементами европейского барокко (при его обильной декоративности) и помпезным "византийским" стилем. Наиболее яркое выражение эстетические особенности каждого из семи этапов развития тайваньского искусства получили в архитектуре. Характерным образцом неоманьеризма 1910-х годов на Тайване считается здание Провинциального Музея в Тайбэе, Муниципальный дворец в Тайчжуне.

Период 1920-1937-х годов отмечен эkleктизмом. Стандартизация архитектурных форм в европейской и главным образом американской архитектуре использовалась на Тайване без оглядки на национальные традиции. 1920-1930-е годы были переходными от неоманьеризма к так называемой новой архитектуре. Дворец Сунь Ятсена, здание Банка, ансамбль Национального Университета несут на себе черты эkleктизма.

Время с 1945 по 1961 г. считается становлением национального стиля ("новой архитектуры"). Искусство постепенно освобождается от японского "имперского стиля", формируется собственный художественный язык. Этот период отмечен попытками соединения национальных традиций и современного европейского искусства. Тайваньский Дворец науки и здание Провинциальной Ассамблеи воплощают характерные особенности этого стиля.

Следующее десятилетие (1961-1971 гг.) определяется учеными как господство "брутального" стиля, выразившего начало экономического подъема и укрепление связей с европейским бизнесом. Развивается конструктивная индустрия, широко используются иностранные специалисты. Высоко ценятся скульптурно-архитектурные формы Корбюзье, многие тайваньские архитекторы стремятся подражать великому мастеру. Одновременно развивается и частное строительство, в котором актуализируются "тихие" формы, индивидуальные пристрастия заказчика к различным декоративным элементам - мозаике, инкрустации, росписи, лепнине.

1971-1981 гг. характеризуются коммерциализацией всего культурного процесса. Центральные магистрали Тайбэя и других крупных городов украшаются многоэтажными зданиями из стекла и стали. Слово огромные зеркала, сверкают стеклянные плоскости официальных учреждений.

Десятилетие постмодернизма (1981-1991 гг.), как и в Нью-Йорке, Лондоне и Токио, на Тайване отмечено обращением к прошлому, поисками национальных корней в сочетании с использованием новейших конструктивных достижений. Особый, характерный изгиб крыши, формы окон, узор оконных переплетов входят в набор архитектурного и декоративного решения постройки. Небоскреб Хунго в Тайбэе - яркий образец постмодернистского стиля. Образ города (главным образом Тайбэя и других крупных городов - Гаосюн, Тайчжун, Тайнань и Килун) - особая область тайваньского искусства. Она стала объектом специального исследования³, в результате которого выявлены урбанистические и антиурбанистические тенденции. Многие молодые художники заняты оформлением города, особую роль играют грандиозные перформансы национальных праздников - новый год, праздник фонарей, поминовения усопших и т.д. В традиционный текст декоративно-символического решения привносятся новые элементы: световые эффекты, смещение масштабов, свободное прочтение известных образов, например хранители ворот (мэньшэни) изображаются в стилистике западного искусства. Однако все чаще в последние годы вспоминаются строки известного минского мыслителя Гу Яньбу (1613-1682): "Добродетель возрастает в селении, зло - в городе". И на живописных полотнах и свитках появляются образы города-монстра, места, которое покинули боги. Художники устремляются в горы, тихие деревенские селения, которые начинают осознаваться как истинный образ Тайваня. При этом они не выискивают особые красоты и прелестные умильные виды, напротив - их влечет обыденность, метафизичность простой повседневности.

Художник Ян Маолин, начиная с 1970-х годов, очень активно работает в пространстве урбанистической и антиурбанистической оппозиций. В 1982 г., после организации "Сто первой группы Современного искусства" Ян Маолин обратился к древней китайской мифологии и собственной тайваньской культурной традиции. Его монументальное полотно "Гора Юнь. Меморандум" (263x350 см, масло, акрил, 1992 г.) стало событием в художественной жизни Тайваня. Облачный леопард, раковины, дикие лилии выступают как знаки-символы его родины, они осмыслены художником во всей значительности, красоте и поэтичности. Эти природные формы (особенно выразительна раковина, увиденная художником как некое подобие монументального архитектурного сооружения) превосходят своей конструктивностью и пластичностью рукотворные гиганты, что украшают улицы Тайваня.

В стилистике сатирического экспрессионизма работает художник Хуан Цзиньхэ, начавший выставлять свои картины лишь в 1990 г. Пафос его полотен, написанных ярко, динамично, с элементами фантазмагии, направлен на разрушение мифа о благах западной городской культуры.

Особое место занимает искусство молодого художника (сейчас ему 31 год) Лянь Цзиньпина. Он определяет свой стиль как "магический реализм". Художник работает в технике масляной живописи, его полотна, по точному определению критика, "меланхоличны, но не сентиментальны". Написанные с нежным вниманием к каждой детали, картины в целом видятся как некое сновидение. Художника привлекают обычные вещи - домашняя птица, куча необработанного мусора, недостроенное жилище, запущенный, голый, без единого кустика хозяйственный двор, но неожиданно среди этой сонной обыденности мы видим прекрасных оленей. Например, в картине "Весна надежды" (234x130 см, масло, холст, 1992).

Названные художники, а также небольшая творческая группа, состоящая из четырех человек, противостоят так называемому основному, официальному направлению в современном тайваньском искусстве. Эти молодые художники с начала 1990-х годов выставляются в нескольких маленьких галереях, где устраивают инсталляции "Мир молчания", "Комические уколы в нынешнюю жизнь" и т.п.

Пожалуй, с особой очевидностью суть постмодернизма в тайваньском искусстве проявилась в творчестве известного живописца Чэнь Цзинфана - создателя школы "Новая иконография" (Синь цзян пай)⁴. В начале 1960-х годов совсем юный Чэнь уехал учиться в Европу (в Париж) и вернулся на Тайвань спустя четверть века. Сам художник так определяет сущность своей школы: "Видение пяти первоначал Универсума культуры" (Уцзи юаньшицизе вэньхуа гуань). Мастер Чэнь перевел на китайский язык "Маленького принца" Экзюпери, боготворит Ван Гога и А.Милле, считает целью своего творчества воплощение грез маленького принца, т. е. привнесение в мир гармонического начала. Знаменательно, что тайваньский художник, как и Сальвадор Дали, опирается в этих своих устремлениях на искусство французского художника Милле. Как известно, "Благовест" Милле был воспроизведен в саду возле мастерской Дали - две кроткие фигуры осеняли дом самого, пожалуй, трагического художника нашего столетия. Чэнь Цзинфан обращается к картине Милле "Собирательницы колосьев", вводит известные образы в иной, сугубо современный контекст: собирательницы колосьев сегодня очищают городские улицы от банок из-под кока-колы и пива. Чэнь Цзинфан утверждает, что равновесие "Восток-Запад" определяется взаимодействием пяти первоэлементов. Земля и дерево - это начала Востока, вода, металл и огонь - основы Западной культуры. Сегодняшний Тайвань кажется мастеру неким подобием Флоренции эпохи Возрождения. Чэнь Цзинфан выстраивает естественные коллажные композиции, сочетая геометрию Мондриана, экзотические пейзажи Гогена в единое живописное целое в духе полотен Боннара. По мнению критика Чжан Чжифана, новая иконография мастера Чэня - это воплощение поэтики постмодернизма, суть которой в работе с "чужими" текстами, в перформансе, в слиянии "высокой" и "низкой" культуры⁵. Так, "Автопортрет с трубкой" Ван Гога преображен кистью Чэнь Цзинфана в рекламное панно "No Smoking".

Экспозиции выставок современного искусства в последние несколько лет строятся на основе постмодернистских принципов перформанса и инсталляций. В первом случае посетитель становится активным действующим лицом, участвует в сотворчестве, во втором (при инсталляции) погружается в созданную художником среду, медитирует в окружении эстетических объектов, провоцирующих определенным образом его сознание. Блистательный образец постмодернистского перформанса - работа каллиграфа Го Шаоцзуна "Живые знаки", или "Травянистое письмо (цао шу) цвета индиго". Посетителю предлагается составить свой текст из вырезанных из синей бумаги иероглифов, которые сделаны в виде марионеток⁶.

В Тайваньской искусствоведческой литературе настойчиво и обстоятельно обсуждаются методы описания современного искусства, определяется четкий смысл важнейших понятий. Так, например, серьезному анализу в ряде статей были подвергнуты, казалось бы, простейшие определения: "Чжунго сяндай ишу", "Сяндай чжунго ишу" и "Чжунго сяндай ишу". Последнее относится только к современным художникам-китайцам; первое определяет китайское искусство (прежде всего живопись гохуа, каллиграфию, народную гравюру - лубок и т.п.), создаваемое в наши дни; и лишь выражение "сяндай чжунго ишу" может быть отнесено к современному тайваньскому искусству в целом (включая и западные школы живописи)⁷.

В обстоятельной статье Люй Цинфу, посвященной характеристике постмодернистского десятилетия в тайваньском искусстве, определяющими названы две "лихорадки" - правдоподобие и протонародность, подменяющие правду и народность. Автора, кроме того, страшит тотальная вестернизация повседневной жизни. Перефразируя знаменитые поэтические строки, он пишет: "Поднимаю голову и вижу комнату, обставленную по западным нормам, опускаю голову - оказываюсь в европейском экспрессе"⁸. Люй Цинфу утверждает, что решение художественных проблем предопределено именно этой ситуацией - привыканием глаза к западным формам, предначертанность бытия

произведения искусства в вестернизированном интерьере. В художественном творчестве его страшит тяга многих молодых тайваньских художников к фотографической достоверности. Люй Цинфу обращается к извечному аргументу китайских художников: "почему в европейском живописном портрете часть лица темная?". Светотень, линейная перспектива, уходящие из современного западного искусства, могут стать основой органичного слияния восточной и западной традиций. Люй Цинфу считает плодотворным следование открытиям графики 1910-1920-х годов в России, впитавшей опыт искусства Востока и Запада, французской графики прошлого века, собравшей приемы японской гравюры школы укиё-э. Автору представляется, что китайская пейзажная живопись гораздо ближе к современному искусству Запада, чем к классическому европейскому пейзажу. Исключением, по его мнению, является живопись немецкого романтика Каспара Фридриха⁹. Ряд авторов видят традиционные истоки постмодернизма в искусстве "Восьми безумцев из Янчжоу", в живописи Чжу Да (XVII в.).

Проблема протонародности, фольклорности искусства в период постмодернизма осложняется, по мысли Люй Цинфу, тем, что традиционно прикладное народное искусство считалось вульгарным, низким искусством. Образцом желаемого синтеза "высокого" и "низкого" тайваньский теоретик искусства считает мексиканскую монументальную живопись. Он с горечью замечает, что народное искусство на Тайване в большей мере адресовано иностранному зрителю, оно острее воспринимается издалека. Изделия народных мастеров широко раскупаются иностранцами и даже возникает серьезная эстетическая проблема пребывания образцов тайваньского прикладного искусства в современном западном интерьере.

Рассмотрев вкратце то, как тайваньские ученые, критики и художники осмысливают свое искусство постмодернизма, решаюсь приступить к описанию этого феномена со своей позиции, т. е. в известном смысле с точки зрения европейской теории постмодернизма. Прежде всего, мне кажется, что положение Тайваня в мире (географическое, историческое, политическое) словно специально уготовило ему судьбу стать воплощением постмодернизма как эстетического феномена. То, что в других центрах постмодернизма (Америке, Европе и даже у нас в России) вырабатывается специально, на Тайване сложилось естественно. Думается, что именно постмодернизм наиболее адекватен культурному менталитету Тайваня.

Определим основные параметры постмодернизма, которые "работают" наиболее эффективно именно на Тайване, определяют характер современного искусства.

Установка на синтез - это именно та из магистральных тенденций постмодернизма, с которой связана скрытая преемственность авангарда и антиавангарда. Культурное пространство открыто всем ветрам, в нем пребывают широко известные новейшие достижения искусства и философии Востока и Запада. Открытость тайваньской культуры, ее "диалогизм" счастливо совпадают с фундаментальными основами культуры как особым образом организованной реальности (по М.М.Бахтину, В.С.Библеру) и с современным синкретизмом мышления. В тайваньском постмодернизме синкретизм выступает в двух основных формах - естественной и искусственной. Так, например естественно синкретичен фольклор, народное искусство. Однако, как справедливо отмечают тайваньские исследователи, меняющиеся условия его бытования делают эту традицию угасающей¹⁰. Сегодня синкретизм фольклора - это реликт, остаточное явление древней культуры. Искусственный синкретизм - это имитируемое творческое состояние, это ориентация на модель, например, на синкретизм мифа. Мифотворчество в искусстве является результатом сознательной имитации и осознанной реконструкции. Проблема "погружения в состояние" при инсталляции состоит в том, что синкретизм неизбежно оценивается современным человеком через призму его аналитически раздробленного

сознания. Создатели инсталляции стремятся вывести зрителя за пределы рационального, организовать пространство континуального, внепонятийного мышления. Так, например, в акциях-перформансах большое значение обретает не только зрительное, но и слуховое восприятие, его недискретный (синкретический) характер. Именно здесь художники ищут ключ к проблеме адекватности сочиненного и услышанного, созданного и воспринятого.

С синкретизмом естественно связана полистилистика тайваньского искусства наших дней, которая нередко отождествляется с эклектикой. Оба термина имеют парадигматическое значение. Техника полистилистики - это целая школа приемов, имеющих различные "радиус действия", семиотические функции: цитата, аллюзия, адаптация, коллаж. В тайваньском постмодернистском искусстве, пожалуй, можно выделить два вида полистилистики: в одном речь идет о некоем сплаве разнотильных элементов и тогда можно говорить о синтезе; в другом - взаимодействие различных стилистических элементов осуществляется более дистанционно, или даже могут подчеркиваться несовместимость, парадоксальность коллажных наложений, тогда, пожалуй, можно говорить об эклектике. И я решусь поставить вопрос более резко: а может быть эклектика и стала стилем в искусстве тайваньского постмодерна? Черты эклектизма отмечают и тайваньские, и западные авторы, но они не связывают это явление с проблемой стиля. Здесь важно напомнить, что само понятие "эклектика" осознается по-разному. Для одних оно имеет традиционно негативный смысл, т. е. выступает как аксологическая категория. Другие же, что мне представляется более верным, эклектике придают статус логико-философского понятия, она выступает как синоним синкретизма. "В философии синкретизмом называют одну из разновидностей эклектизма", - написано в Логическом словаре-справочнике Н.Кондакова.

Семиотическая грань проблемы эклектики в тайваньском постмодернизме связана с представлением художественного текста как "двойного кода", рассчитанного одновременно на разные уровни восприятия. Определяющим фактором для актуализации того или иного уровня является тезаурус реципиента. Распространение полистилистики одновременно и в элитарной, и в массовой культуре подтверждает этот тезис. Поп-арт, рок-музыка, видеоклипы концептуально представляют собой эклектику, как слепок с действительности, как модель мира разорванных связей.

Одно из ключевых понятий постмодернизма, как известно, - это авторитет текста. Он означает уровень насыщенности данного текста аллюзиями на другие произведения, репрезентирующие определенную культурную традицию. В этом смысле постмодернизм при всей кажущейся общедоступности языковых средств ориентирован прежде всего на хорошо подготовленную университетскую аудиторию. Именно студенчество на Тайване во многом создает среду восприятия перформансов и инсталляций. Именно они чаще всего участники акций и посетители натюрмортных экспозиций. Традиционное единство деяния и созерцания, детально разработанное в классической китайской эстетике, обретает в контексте постмодернизма иной, актуальный смысл.

Текст произведения уподоблен в некотором смысле адресной книге, листая которую человек невольно пробуждает в себе цепь ассоциаций, воспоминаний, эмоций. Разгадывание установленных художником принципов отбора материала и мотивировки его комбинирования в организации инсталляции - основа художественной оценки ее полистилистики.

Однако здесь обнаруживается еще одна проблема постмодернизма - исчезновение (отсутствие) самого текста произведения. Эта особенность западного постмодернизма теснейшим образом связана с восточной традицией и потому, естественно, получает в тайваньском искусстве интересную разработку. "Культура молчания", прямое подключение к континуальному мышлению претворены тайваньскими художниками во невербальные, невзвучные,

внеизобразительные "акции", в которых главным является обрамление паузы. Известная формула из стиха=коана японского дзэнского поэта и мыслителя Хокуина Осё (XXII в.) "звук хлопка одной ладони" постулирует этот принцип постмодернистской эстетики.

Современные тайваньские художники разрабатывают технику медитирования, создают строго выверенную систему стимулов, вызывающих у создателей произведений (или исполнителей "акций") определенное состояние - восприятие тишины и внезнакового пространства. Имеет смысл отметить, что постмодернистский принцип несколько отличается от дадаизма и сюрреализма, в нем подчеркивается синтез (а не противопоставление) фантазии и интеллекта. Известная заповедь Л.Вингенштейна - "о чем невозможно говорить, о том следует молчать" - уже не исчерпывает проблему. Постмодернизм отмечен поисками внеязыковых, внезнаковых средств выразительности, основой которых, несомненно, являются различные формы бессознательного (архитипы "коллективного бессознательного" К.Юнга, "космическое бессознательное" Судзуки, "космическое сознание" Э.Фромма, "Коллективное представление" Э.Дюргейма и т.д.). Этим во многом определено отличие постмодернизма от аналитизма авангарда, теперь в центре внимания оказываются коммуникативные ситуации, создаваемые (провоцируемые) художниками и вариантно реализуемые зрителями.

Казалось бы, естественно, что тайваньские художники стремятся преодолеть заданную ситуацией дихотомию Восток - Запад, "диалогичность" культуры, однако представление об одном идеальном языке как об оптимальном механизме для выражения реальности - иллюзия. "Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность каждого в отдельности охватить внешний мир" - утверждает Ю.М.Лотман¹¹.

Это не недостаток, а условия существования, в которых проявляется необходимость "другого (другой личности, другого языка, другой культуры)". Предначертанность исторической судьбой быть диалогичной делает тайваньскую культуру, и в частности изобразительное искусство, в этом смысле идеальной почвой для развития постмодернизма.

Как всякая культура, пребывающая на перекрестке, тайваньский постмодернизм тесно связан с рекламой и модой. Непрерывность восточной традиции, иллюзия некоторой предсказуемости и постоянства художественных норм вступает в динамичное взаимодействие с капризами, непредсказуемостью моды. Тайваньское искусство предстает как область неожиданного, удивляющего. Перформансы и инсталляции лишь провоцируют восприятие, но при этом стараются не программировать жестко его характер.

Парадоксальность образов, устойчивость традиции и изменчивость моды опираются на один эстетический принцип - имитацию. И здесь, думается, таится серьезная опасность, ибо нередко пошлость и стилизует себя под оригинальность. И художники, связанные с пошлостью вкусов среднего зрителя, имитируют новаторство. Тайваньские художники старшего поколения, остро чувствуя эту опасность, работают в стиле постмодернизма весьма сдержанно, видя главное свое назначение в сохранении высокого вкуса. Они стремятся выразить поэтичность обыденного и в высоком смысле неизменчивого.

В современном искусстве Тайваня занимает значительное место творчество старейших мастеров, чей жизненный путь - это собственно история тайваньского искусства. Одни художники, например, известный мастер Ли Шицзяо, продолжают творить в наши дни, опираясь на мировую культуру, но прочитанную собственно "тайваньским менталитетом". Еще в 1911 г. в Гуанчжоу впервые была запечатлена молодым художником обнаженная натура, и с той поры мастер создал несколько великолепных "ню", получивших высокую оценку не только у своего зрителя, но и за рубежом¹².

Другие старейшие мастера, например известный живописец Оу Хэньян, продолжают традиции школы линнаньпай, созданной там же и в то же время.

Они пишут живописные свитки на основе принципов гохуа, привнося дыхание своего времени. В этом смысле их творчество близко искусству Ци Байши, Линь Фэнмяня и Ли Кэжана.

Чрезвычайно плодотворной для поисков нового языка, новой образности оказалась китайская каллиграфия. Сегодня на Тайване очень интересно работает художница Чэнь Синьвань (рожд. 1950 г.), о которой известный тайваньский критик Эмма У высказала чрезвычайно важную формулу: "Восток встречает Запад и таким образом возвращается на Восток"¹³. Это точная формулировка Эммы У определяет, на мой взгляд, парадигматическое значение обязательного возврата к себе. Дело в том, что западное искусство XX века содержит очень много фундаментальных принципов, заимствованных из искусства Востока (или открытых автохтонно), что создает почву для естественной цельности искусства постмодерна. Монохромный горизонтальный свиток Чэнь Синьвань называется "Я" (70x173 см, тушь, бумага, 1990 г.). Он делится на три части: боковые заняты "черными квадратами", в центре силуэт - автопортрет художницы на белом фоне. Сплошной поверхности квадратов противостоит легкая каллиграфия автопортрета - короткий, дробный штрих в рисунке одежды, хаос прически, только лицо столь же непроницаемо, что и квадраты. Происходит прорыв из "богооставленности" (так определил "черный квадрат" Малевича известный теолог и теоретик искусства Е.Барабанов, в "белую бездну бесконечности", как определил "белый квадрат" Малевич, или, что совсем близко к нашей теме, в "белый ужас желтого китайского дракона", в котором "белый фон - это все воплощение единства, оно и небо, и вода"¹⁴. Словно следуя Малевичу (кстати, в современной тайваньской литературе упоминания его имени, как и имени В.Кандинского, достаточно часты) в работе Чэнь Синьвань "черное - это зона культуры, которую надо преодолеть, чтобы вступить в великую целостность природы" (там же). Тенденции постмодернистского искусства как на Западе, так и на Тайване очень ярко выражает скульптура. Новые материалы, новые пространственные решения, наконец, включение традиционных скульптурных образов в иной современный контекст в оригинальных действиях - перформансах отличают это искусство.

В начале 1990-х годов в Тайбэе открылся специальный выставочный зал Цзе шань тан (Зал год, взятых взаймы), в котором экспонируется только скульптура. Истоки своего творчества особенно молодые скульпторы видят в первобытной, неолитической культуре в буддийских ансамблях, в современном западном искусстве. Скульптура "Зерно II" Лянь Вэньдана (15x15x20, 1992) - это воплощение неодолимой силы жизни; композиция "Перекрещивания", для которой художник Лю Яньянь использовал гвозди (это заставляет вспомнить известные гвоздевые композиции немецкого мастера Г.Юккера), выражает болезненность, "остроту" бытийных ситуаций. В дереве работает скульптор Хуан Линчжун, родом из района Сань И, который традиционно славится искусством резьбы по дереву. В его скульптурных композициях жизненный удел человека - судьба. Она предстает как прорастание некоей странной грибницы, в которой каждая ножка гриба завершается человеческой головой - младенческой, средних лет и старческой¹⁵. Живой интерес вызывает творчество Чжань Люмяо: он покрывает скульптуры кожей (овечьей, коровьей, свиной). Но не только это вызывает удивление и восхищение - мастер по-своему видит традиционные образы. Особой выразительностью отличается портрет Конфуция - философ впервые за долгую иконографию, наконец-то (!), изображен с книгой своего времени, состоящей из бамбуковых дощечек¹⁶.

Казалось бы, "встреча" Востока и Запада на Тайване состоялась, во многих случаях достаточно глубоко и органично претворена в художественной практике; и все же традиции противостоят современному осмыслению. Достаточно, например, вспомнить, что символизирует летучая мышь в китайской и западной культурах. Этот столь частый и любимый образ, несущий

счастье (фу) в Китае, резко отделяется от вампирной природы и пугающего характера ее на Западе".

Произведение уже не рассматривается как замкнутая самодостаточная система, речь теперь больше идет не о структуре образа, а об его функции. И в этом смысле особое место в тайваньском искусстве постмодерна занимают художественные решения праздничных представлений, которые строятся по законам фольклора, т. е. исполнитель является одновременно и зрителем самого себя - "я" и "он" (или "ты") сливаются в одном лице. В этом сказывается особый характер постмодернистского действия, отличный от театрального, в котором "я" и "он" или "ты" отдают свои чувства третьему лицу, доверяют ему выразить наше "я". Постмодернистская инсталляция в этом отношении лишена театральности, в ней пребывает праздничная игра или играет сам праздник.

Многие инсталляции тайваньских постмодернистов отмечены экстравагантностью, что заставляет задуматься над тем, как связаны между собой идеал и обыденность, "норма" и аномалия (безумство). Думается, что некоторую опасность представляет, во-первых, принятие идеальной формы за бытовую, своего рода современное донкихотство в области художественного творчества и, во-вторых, смешение смысла "обыкновенный" и "пошлый". Пошлость, эпатируя, разрушает обыкновенное, общепринятое, т. е. по сути дела самое жизнь.

Ряд тайваньских художников чувствует эту опасность (вынести жизнь за скобки) и обращается к простому и очевидному. Например, их волнуют прорастание зерна, нерукотворные горные пейзажи и водовороты, запечатленные самой природой в прожилках камней и т.п.

Перформансы позволяют моделировать нереализованные возможности и воссоздавать поиски "потерянных" дорог, то, что не произошло, но могло бы произойти, тем самым в акции устраняется конечная цель, результат (предсказуемость). Перформанс предстает как абсолютно открытая система, границы между искусством и неискусством (жизнью как она есть) разрушаются.

И в самом "тексте" инсталляции или перформанса пребывают иные "чужие" тексты, составляющие его плоть и одновременно взрывающие его изнутри. Например, рама, пьедестал. Ситуация "текста в тексте" приводит к тому, что основное пространство текста воспринимается как "реальность". Удвоение предстает как зеркало или как тень. (Вспомним происхождение монохромной живописи как запечатление тени живого растения на стене.) И такое соединение "вещей" и "знаков вещей" (коллаж) в едином текстовом целом порождает двойной эффект, подчеркивая условность условного и его безусловную подлинность. Очень выразительна акция, включающая взаимодействие человеческой фигуры и тени, росписи на стене и соответственно орнаментированного обнаженного тела. Автор "текста" перформанса и исполнитель акции (может быть, это один и тот же человек, но необязательно, так как подобная акция предполагает повтор и имитацию) создают в результате последовательности действий очень выразительную композицию, в которой рисунки на стене и на спине человека образуют цветок, а темная сердцевинка цветка - словно всевидящее око, зрачок же этого глаза представляет выкрашенная в черное (с обязательным бликом) человеческая спина. Фигура совершенно сливается со стеной, но собственная тень словно отталкивает ее, составляя одновременно единое целое. Вся композиция - это система откликов, сплетение светотеневого "эха", но в ней нет ответов и определенности.

Тайваньские художники владеют информацией - они знакомы с новейшей литературой по искусству, современными западными художниками и ставшим уже классическим искусством XX столетия. Картины Миро и Поллака, Дали и Мондриана известны на Тайване в подлинниках, поэтому разыгрывание текстов прославленных мастеров имеет прочную основу. Пристрастие к игре - общее место в культуре постмодернизма. Достаточно напомнить Пьера Булеза в музыке Алена Роб-Грийе, Филиппа Соллерса, Джона Барта в литературе,

Ролана Барта и Хэролда Блума в критике, Р.Раушенберга и Э.Уорхолла в живописи.

Однако игра в постмодернизме отличается от поэтики игры у Г.Гессе, В.Набокова, Х.-Л.Борхеса и Х.Кортасара, ибо сейчас в нее играет Номо deconstructivus. Наиболее ярко игры постмодернизма описаны Жаном Дерридой и Жоржем Батай. (Работы этих выдающихся французских постмодернистов известны на Тайване). Вибрация (осцилляция) смысла, челночковое движение "туда-сюда", диалог, в итоге которого ничего не было сказано, - вот знаки деструктивной игры.

Тайваньские художники-постмодернисты опираются в большей мере на чаньские традиции, в которых есть догадки, близкие философско-эстетическим идеям наших дней. Так, они не стремятся к философской интерпретации художественного образа, им ближе право на свободную игру ума, отсюда стремление стирать, переписывать, убежденность в том, что "один и тот же текст допускает бесконечные истолкования: нет "правильного" истолкования. Игра как бесконечное комбинирование культурных ценностей идет от Хейзинги, но игры постмодернизма существенно отличаются, ибо уже Гадамером, а затем более полно Дерридой было показано, что игра обретает полный смысл только в процессуальности, а при утрате веры в метафизический центр весь мир становится гигантским и означает "как будто книги разговаривают между собой, а читатель лишь слушает их самопроизвольную беседу" (Ж.Деррида). Художники выступают против "тоталитаризма" философии, стремящейся все объяснить. Однако существуют, увы, приговоренность к традиции, насыщенность аллюзиями, которые как и мудрствование интерпретации, мешают свободной игре, ее "веселью и тайне", поэтому художники видят в идеале "свой подлинный дом как белую страницу". А натиск "всего-до-нас-сказанного", синхронизация культурной традиции порождают в постмодернизме "присвоение" (appropriation), выступающее в форме ироничного коллажа. Так, фрагменты известных полотен "вставляются" друг в друга, благодаря чему возникает эффект центаона, стиливой игры. Собственная новая идея появляется в избыточном оформлении из цитат, она как бы притворяется старой. Идеи Умберто Эко о "знаках" реальности, которые даны нам для понимания сущности бытия и как средство коммуникации (или игры), приобрели в тайваньской культуре наших дней значение программы. Тексты У.Эко часто цитируют не только художники и литераторы, но и политики. В тайваньском постмодернизме нет практически высказываний от первого лица, без "кавычек", художники выражают позицию как бы со стороны: они делают вид, что скользят по поверхности явлений, что им претит глубокомыслие и многозначительность. Художники знают, как делается настоящее искусство, но им не хочется играть по этим правилам - их произведения нарочито "неумелые", "топорные". Предметы подаются на изломе, в момент осквернения, фиксируется момент деконструкции.

Тайваньский постмодернизм отличает полистилистика, он не сводится к четко фиксированной доминанте. Кажется, что тайваньским художникам нравится переключать телепрограммы, у них есть вкус к комбинаторике, при дистанционном управлении создаются неожиданные монтажные эффекты. На Тайване сейчас развернуты экспозиции современного искусства в ста пятидесяти галереях, нередко перфорансы и инсталляции рассчитаны на знание всего "текста" постмодернизма и "переключение" программ с одной выставки на другую, с одного произведения на другое, с одного имени художника на другое имя - все это и образует пространство искусства тайваньского постмодернизма.

В заключение мне хотелось бы сказать еще об одной важной черте современного искусства Тайваня, об основной интонации этого искусства, которая предопределена его экологической направленностью. С экологическим пафосом тайваньской культуры связана удивительная область религиозно-эстетической деятельности: создание особых часовен и проведение ритуальных

перформансов вокруг и около старых (древних) деревьев, называемых Шу вангун - деревьями-царями. Им приносятся жертвы, как духам, к ним обращаются с молитвой-просьбой, прикрепляя к ветвям красную бумагу с молитвенными формулами, возле них, под их сенью, собираются для молитвенных собраний, их, наконец, охраняет закон.

Искусство осознается в этой стране как своего рода "охранная грамота" природы. Нерукотворная живопись горных ландшафтов охраняется как музей под открытым небом, в этих разводах, линиях и пятнах прочитывается, например, чаньская мудрость. Так, в начале 1990 г. была осуществлена грандиозная инсталляция прямо в горах - "Елю шань - это чаньская мудрость" (Елю шань чань сы)¹⁸. Вообще, тайваньские художники порой высказывают мысли, схожие с идеями Ива Клейна, который стремился каким-то образом всю Францию представить, как целостное художественное произведение. Для тайваньских художников главное в этой грандиозной панораме, конечно, природа их удивительного острова. В 1991 г. была организована выставка традиционной и современной живописи "цветов и птиц", "трав и насекомых". Национальный музей устраивал ее вместе с орнитологами и энтомологами, музыкантами и танцорами, живое участие в этой работе принимали и иностранцы, главным образом из Голландии, в частности лейденские знатоки китайского искусства и природы. Живописные изображения птиц соседствовали с живыми пернатыми, игралась музыка звукоподражаний, старинные стилизации под звуки природы (например, "Времена года" Вивальди), современная конкретная музыка ("Музыка воды" Джона Кейджа), исполнялся прямо в экспозиции танец бабочек из классической оперы "Лян Шаньбо и Чжу Иньтай", "Танец цветов" Чайковского и т.п. Пришедшие на выставку становились ее участниками, кормили птиц, составляли цветочные композиции, убирали увядшие цветы, копировали старинные образцы, писали свои картины, слушали музыку или играли сами, танцевали и, наконец, ели жареную куропатку, цветочный суп, известный тайваньский деликатес - мясо лапы медведя, тем самым, увы, как бы "стирая" (по определению Ж. Дерриды) предыдущий "текст" своих добрых деяний. Эта инсталляция представляется мне во многих отношениях поучительной, но сейчас, в заключение, я скажу лишь об одном уроке: тайваньские художники наших дней творят свободно, создают, как мы видели, полистилистическое пространство художественной реальности, но в этой свободе и таится известная опасность всеядности и вседозволенности, как бы снимается при такой внешней свободе вопрос о внутренней свободе, т. е. об ответственности выбора - выбора индивидуального стиля жизни и тем самым неповторимого стиля в искусстве.

1. О современном тайваньском искусстве существует достаточно обширная литература как на самом Тайване, так и на Западе. Основные сочинения: "Сборник статей о современной живописи Тайваня", ред. Го Ци-шэн, Тайбэй, 1991; Grolier R. Art and Society in Modern China: A Remen Iticle; "The Yournal of Asian Studies", 1990, vol. 49, N 3; Clarrn J., Prol lems of Modernity of Chinese Paiuting, - "Oriental under the Japanese Occupation" - "Fournal of Oriental Studies" T 1987, vol. XX, N 1, с. 63-104; China und Europe in 20th Century, Taipei, 1982; Zaing E.Y., Art in Peoples Republic of China, N.Y. 1988; Ван Вэй-сюн. Послевоенное тайваньское искусство, Тайбэй, 1990, работы известных западных синологов М. Салливена, Дж. Кахила о китайской живописи содержат разделы о тайваньском искусстве; многочисленные статьи в журналах "Sinorama" и "Free Chone Review".
2. Чэн Юань-ай, Лики времени /80 лет развития архитектуры Тайваня // Sinorama. - 1991. - V. 16. - N 12. - С. 6-19.
3. Juhd Trends of Urbanisation in Tauwan: A Study of Frue Citres, V.6 Taipei, 19927 Chan Y. The Intellectuals Image of the city in Taiwan, - E. - N.Center Honolulu, Hawaii, 1980.
4. Чжан Чжифан, Чань Цзинфан и его нео-иконография // Sinorama.
5. Там же, С. 43.
6. Сборник статей о современной живописи Тайваня (Дандай Тайвань хуйхуа вэньцзи). - Тайбэй, 1991. - С. 372, ил. 5.
7. "Сборник статей о современной живописи Тайваня". - С. 281.
8. Там же. С. 274.
9. Там же. С. 276-277.

10. Го Шао-цзун, Тайваньское искусство в 1980-е гг. // Сб. ст. о современной живописи Тайваня. - С. 305.
11. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1993. С. 18.
12. Zen China-ai, A Painter for All Seasons // Free China 1993. - V. 43. - N 2. - С. 67-77.
13. Wn Emma, East Meet Westand Returus East // Free China Review. - 1993, V. 43. - N 3. - С. 22-24.
14. Малевич Казимир. К новаторам всего мира, 1919 (рукопись), впервые напечатано в журн. "А-Я". - 1981. - N III. - С. 45-48.
15. Free China Review. - 1992. - V. 42. - N 7.
16. Free China Review. - 1993. - V. 43. - N 1.
17. Чжан Цинжу, От вампира к защитнику счастья // Sinorama. - 1992. - V. 17. - N 8. - С. 6-10.
18. Free China Review. - 1993. - V. 436. - V. 3. - С. 29.

Тайвань: Справочник для деловых людей. - М. - 1993 ТПО "Фабула". - 192 с.

Тайвань долгие десятилетия был для нашей страны регионом "нонграта" во внешней политике и редко когда упоминался в некигасведческой литературе. Сегодня времена изменились: Москва и Тайбэй - города-побратимы, а Тайвань, благодаря своим успехам в экономике, привлекает внимание значительного круга людей. Причем, среди них не только предприниматели, но и политики, ученые, которых интересует общий опыт развития острова, дающий более полное понимание пути, по которому движется китайская цивилизация. В последние годы наладились гуманитарные связи России и Тайваня. В университетах и институтах острова работают российские специалисты, учатся студенты из нашей страны. Расширяется культурный обмен между Тайванем и Россией.

После установления торговых отношений в 1988 г. товарооборот между Тайванем и СНГ вырос в 50 раз и составил в 1992 г. 391 млн. долл. США (тайваньская статистика). Эта цифра составляет всего четверть процента общего товарооборота Тайваня, но в условиях взаимной заинтересованности в сотрудничестве объем торговли неизбежно многократно возрастет. Динамика будущих связей обоих регионов во многом зависит от людей, вовлеченных в двусторонние контакты. Не секрет, что сегодня наши отношения с Тайванем, как и с некоторыми другими новыми партнерами, испытывают дефицит деловой информации и поэтому осуществляются бессистемно. Для того чтобы помочь исправить ситуацию и вооружить российских предпринимателей более или менее полными сведениями о контрагентах на Тайване, московское издательство "Фабула" в марте 1993 г. выпустило подготовленную авторским коллективом Института Дальнего Востока Российской Академии наук книгу "Тайвань: Справочник для деловых людей".

Это первое в России подобное издание. Книга состоит из 13 глав и содержит общие сведения о Тайване, анализ политики и экономики острова, обзор внешнеэкономической деятельности и ее регулирования, в том числе вопросы иностранного предпринимательства на Тайване. Экономические главы справочника рисуют читателю детальную картину современного хозяйственного развития острова. Несмотря на сжатость повествования и обилие цифр, информация изложена достаточно системно, благодаря чему создается вполне четкое представление о динамике экономической жизни Тайваня. Материалы о сельском хозяйстве, основных отраслях промышленности, энергетике и транспорте острова включают в себя краткий обзор работы, проделанной в этих сферах за предыдущие десятилетия. Отсюда становится понятным современное место Тайваня в мировой экономике, которое характеризуют 10-процентная доля на всемирном рынке компьютеров, 15-е место по объему внешней торговли, мировое лидерство по валютным резервам (82,4 млрд. долл. США в 1991 г.) и сравнительно высокий уровень доли национального продукта на каждого жителя - 10215 долл. США в 1992 г. Тайваньская модель развития предполагает активное участие

государства в экономическом управлении, в этом проявляется "китайская специфика", и во многом благодаря этому за почти пять десятилетий "автономного" существования Тайвань накопил богатый позитивный опыт борьбы с инфляцией, сдерживания роста цен, поощрения преимущественного развития перспективных отраслей и в конечном итоге завоевания зарубежных рынков для сбыта своей продукции.

Внешнеэкономический блок справочника помимо анализа развития внешней торговли Тайваня содержит главы об административных органах регулирования внешнеэкономических связей, об иностранном бизнесе, налоговой системе, а также персоналии. С середины века Тайвань проводит курс на максимальное привлечение в экономику иностранных капиталов. За эти годы на острове сформировалась оригинальная организационно-правовая база такой деятельности. В результате изучения нормативных документов и возможных форм сотрудничества с тайваньскими партнерами авторы справочника излагают подробный алгоритм создания совместных проектов в экономике. Рассказ о налоговой системе на острове позволяет объективно оценить возможную успешность подобных отношений. Глава "Кто есть кто в деловом мире Тайваня" включает краткие биографические данные пятидесяти наиболее значительных деятелей делового мира этого региона.

Почти 2/5 объема книги занимает перечень фирм и банков на Тайване. Эта информация сгруппирована по роду деятельности той или иной компании и содержит полный почтовый адрес на английском языке, номера телефонов и телефаксов, а также имена контактных лиц. Последний абзац информации о фирме указывает на конкретную специфику работы каждой организации. Помимо собственно тайваньских деловых структур в справочник включены данные о представительствах и филиалах иностранных фирм и банков на острове.

В некоторых главах книги авторы выходят за рамки традиционного для справочников информативно-повествовательного стиля, и от этого издание значительно выигрывает. Так, общие сведения о Тайване включают в себя не только географические данные и информацию о политической системе острова, но также краткий анализ непростых взаимоотношений Тайваня и Китайской Народной Республики. Несмотря на достаточно жесткий характер этих связей в политической и идеологической сферах, контакты представителей двух частей Китая за последнее десятилетие резко увеличились. Тайваньские инвестиции в экономике КНР составляют сумму порядка 2 млрд. долл. США. Потепление двусторонних отношений связано не только с проведением реформ в материковом Китае, но и с начавшейся в 90-х годах либерализацией политической системы на острове. В 1991 г. в Тайбэе было официально объявлено об окончании так называемого "периода национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа", что явилось

формальным прекращением состояния гражданской войны с КНР.

На сегодняшний день Тайвань имеет официальные дипломатические отношения с 29 государствами. В политической сфере идет активная борьба за признание "Китайской Республики на Тайване" на мировой арене. На острове разработаны различные формы установления двусторонних связей, минуя дипломатические. Таким образом, т. е. через координационные советы и культурные центры, через разнообразные ассоциации, институты и представительства, Тайвань строит свои отношения более чем с 50 странами. В Москве работает представительство Совета по развитию внешней торговли Китая (Тайвань) - SETRA. В сентябре 1992 г. распоряжением Президента РФ Б.Н.Ельцина была создана Московско-Тайбэйская координационная комиссия по экономическому и культурному сотрудничеству. Аналогичная структура начала работать на Тайване. Под эгидой комиссии 18-19 марта 1993 г. в Дипломатической Академии МИД РФ прошла научно-практическая конференция "Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем". Тайваньские участники конференции в своих докладах подчеркивали, что отсутствие официальных отношений между Россией и Тайванем не представляет государственных гарантий взаимным контактам и поэтому сильно тормозит их развитие. Однако большинство предлагаемых Тайванем недипломатических форм организации двусторонних отношений с юридической точки зрения не совсем подходит для России. Естественно, наша страна заинтересована в сохранении добрососедских отношений с КНР, тем более что техническую сторону российско-тайваньских связей сегодняшнего уровня пока вполне может обеспечить деятельность двух

упомянутых выше представительств. В дальнейшем для России вполне логичным будет использование существующих в мировом сообществе проверенных рецептов развития контактов с Тайванем без каких-либо дипломатических осложнений.

Руководство КНР в принципе не возражает против внешнеэкономической деятельности Тайваня, но внешнеполитические акции Тайбэя, способные, по мнению Пекина, привести к появлению ситуации "дву: Китаев", скрупулезно отслеживаются и не остаются без реагирования. В соответствии с этой позицией после решения Латвии и Тайваня об открытии в своих столицах генеральных консульств Пекин временно закрыл свое посольство в Риге.

Рассказ о книге "Тайвань: Справочник для деловых людей" был бы неполным без упоминания глав, содержащих некоторые полезные сведения для гостей острова. Тарифы на пассажирский транспорт, работа предприятий торговли, необходимые номера телефонов, организация медицинской помощи, визовая и таможенная информация, список тайваньских гостиниц и музеев, перечень официальных и народных праздников, а также таблицы используемых на острове мер и весов, - все это делает книгу действительно универсальным справочником, крайне полезным не только бизнесмену, но и любому человеку, собирающемуся в поездку на Тайвань.

Книга "Тайвань: Справочник для деловых людей" издана на бумаге хорошего качества в твердом переплете. Купить справочник можно по адресу: 117218, Москва, ул. Красикова, 27. Институт Дальнего Востока РАН. Офис 523. Книгоиздательство "Фабула". Контактные телефоны: 124-08-31, 124-10-15.

Запад-Восток

К типологии цивилизаций Запада и Востока

© 1993

В.Малявин

Сравнительный анализ цивилизаций Запада и Востока в наши дни не столь часто привлекает внимание специалистов, и на то есть веские причины. Слишком долго теоретики культуры под влиянием политической и идеологической конъюнктуры удовлетворялись поверхностными, с плакатной простотой выписанными оппозициями между "прогрессивным", "материалистическим", "деятельным" Западом и "отсталым", "квиедистским", "мистически ориентированным", даже "нигилистическим" Востоком. К предвзятым, откровенно европоцентристским описаниям восточных обществ добавлялись и столь же тенденциозные моральные оценки. Вспомним, как много даже авторитетных ученых Европы находили в восточных людях сплошной "аморализм", "коварство", "отсутствие личного достоинства" и т.п. А восточные националисты платили западным "просветителям" с манерами рабовладельцев той же монетой. Стараниями тех и других разговоры о "национальном характере" народов со временем потеряли всякую привлекательность.

Ошибка сравнительной культурологии прошлых поколений состояла в стремлении искать социальный, психологический или интеллектуальный "субстрат" той или иной культуры, зафиксировать предметное содержание того или иного "национального характера". Увы, любая метафизика "народной души" - такой же миф, как образ "доброе" или, если угодно, "злого" дикаря. Этот миф, возможно неизбежен и даже при известных обстоятельствах полезен как диалектический момент общественного самопознания. Но он становится дьявольски опасен, если превращается в орудие политической борьбы. Едва ли можно определить своеобразие культуры и в модных сегодня категориях структуры. Последняя - столь же универсальная реальность, как и сама человеческая природа.

На каких же посылах следует строить жизнеспособную теорию сравнительной культурологии? Такая теория, на мой взгляд, обязана удовлетворять двум условиям: она должна, во-первых, основываться на наиболее общих законах духовной практики человека, могущих служить общим фоном для сопоставления, и, во-вторых, учитывать историческое движение этой практики, определяющее своеобразие той или иной цивилизации.

Думаю, нельзя понять эти "общие законы человеческой практики", не отказавшись от методов слепой позитивистской науки, чье существование оправдывается в действительности не столько логическими процедурами, сколько политическими мотивами, порой самыми низменными. Ученый-гуманитарий должен иметь решимость смотреть дальше разрозненных фактов и читать "письмена сердца". Истинный исток человечности - не мифические "материальные потребности", творимые выдуманном, кем-то предписанным

"субъектом", а полнота жизни в духе - полнота, превосходящая всякую данность и потому доступная только символическому выражению.

Рассматриваемая сквозь призму культуры, эта внутренняя, символическая, но всегда конкретная реальность являет собой традицию как опыт вечнопреемственности творческого духа, как неопредмеченная и непредметная полнота бытийствования, совпадающая с предельной открытостью и, следовательно, с высшей просветленностью сознания. Такое понимание традиции предпослано даже философской рефлексии, которой, казалось бы, положено быть нетрадиционной уже в силу своего критического характера¹. Традиция, таким образом, есть универсальное условие очеловечивания человека, реализуемое, однако, через выявление внутренних разрывов опыта, через опознание нечеловеческого. Она указывает на "наш изначальный облик, существующий прежде нашего появления", на "Небесного человека" в нас, (если пользоваться выражениями даосского философа Чжуан-цзы). И этот прото- и сверх-человек, бесконечно превосходя внешний образ человека, как раз и делает возможным собственно человеческое измерение бытия. Традиция - реальность не столько антропоморфная, человекообразная, сколько, так сказать, человекопорождающая, антропогенная; это реальность духовной трансценденции, удостоверяемая лишь внутренним опытом Бытийствующего.

Если культура есть "принцип человеческой сопричастности, в котором объединяется тождество и различие"², то традиция в качестве внутреннего принципа культуры выступает именно как предел общительности, делающий возможным всякое сообщение. Непостижимый Бог создает верующего. Непроницаемый для постороннего зрителя учитель дает жизнь ученику. Безмолвие выявляет смысл всех слов. Сама же культура предстает пространством пересечения разнонаправленных тенденций: будучи в своем внутреннем самоопределении жизнью, наполненной сознанием и сознательно прожитой, она одновременно служит опознанию этой внутренней реальности через внешние образы, через остранение, осуществляемое языком и поведенческими нормами. Область культуры - это драма потери и обретения человеком самого себя, запечатленная в религии, искусстве, философии. Назначение культуры - хранить гармонию в хаосе душевных движений человека.

Наконец, формы объективации символизма культуры определяют лицо соответствующей цивилизации. Последняя живет и развивается по своим собственным законам, которые могут заслонить собою внутреннее содержание культуры. Цивилизация, как мы отлично знаем сегодня, вовсе не препятствует одичанию человека, т.е. утрате знания о связи внутреннего и внешнего в человеческой жизни. А говорит цивилизация языком политики и идеологии, языком технократического овладения миром.

Итак, традиция, культура и цивилизация составляют три уровня, три измерения человеческой практики, причем культура занимает здесь промежуточное положение между традицией и цивилизацией. Нижеследующие заметки имеют целью показать значение этой трехчленной схемы для типологии цивилизаций Запада и Востока.

Но что следует принять в качестве критерия различения типов цивилизации в человеческой истории? Таким критерием, очевидно, может быть характер опредмечивания символизма культуры, составляющего сущность цивилизаторского процесса. Вообще говоря, подобная объективация духовного содержания культуры может осуществляться двумя путями: как объективация той или иной данности человеческой практики и как объективация самих пределов данности. В первом случае реальность приобретает умпостижимый (идеальный) или эмпирический (материальный) характер. Во втором случае сохраняется память о символической природе человеческого опыта. В целом первый путь определил лицо западной цивилизации, тогда как цивилизация

Дальнего Востока представляет собой наиболее законченный в мировой истории продукт второй тенденции.

Еще с античности цивилизацию Запада отличали ориентация на объективирование духовной практики, стремление дать этой практике предметное и понятное выражение и в конечном счете - свести ее к технике, оперирующей идеями и понятиями (ведь полезна может быть лишь та вещь, о которой мы имеем понятие). Речь идет в конце концов о стремлении представить духовный опыт в виде системы объективных истин, доказуемых или догматически установленных. Разумеется, за этим демаршем мысли стоит определенное понимание человеческой личности: фундаментальная догма европейской мысли заключена в представлении о неизменном в потоке времени эго, о реальности замкнутого, внутренне однородного "я", имеющего свой центр, свое ядро, будь то познающий "трансцендентальный субъект", индивидуальная бессмертная душа или "неповторимая личность". Когда мы хотим устранить изначальную неопределенность нашего присутствия в мире (ибо преимущество личности открывается нам именно через разрывы в нашем опыте), когда мы пытаемся произвольно ограничить свое "я", тогда мы оказываемся в западном круге цивилизации, где в философы допускаются только люди "в здравом уме и трезвой памяти". Эта тенденция к интеграции жизненного опыта проявилась уже в античном идеале "эроса", закреплена христианским учением об индивидуальной душе и развита новейшими критическими, феноменологическими и психологическими школами европейской мысли.

Соответственно, западной цивилизации свойственно отождествлять познание с размежеванием субъекта и объекта и поглощением объекта субъектом. Отсюда и та устремленность к опредмечиванию действительности, которая дала миру технократическую цивилизацию. Ибо, как отметил М.Хайдеггер, только на Западе человек перешел на ту высшую ступень технизации своей практики, когда техника полностью замещает собой природные процессы, подчиняя практику абстрактному критерию эффективности¹. Этот фундаментальный "вызов" (слово А.Мальро) Запада имеет много измерений. Изначально он несет в себе прометеуский заряд противопоставления человека природному миру, утверждения собственно гуманитарных качеств знания, что сопровождается усилением трагических мотивов в культуре, если понимать под трагедией патетическое утверждение гуманитарных ценностей в акте свободного выбора. (В этом качестве трагедия является, конечно, исключительным достоянием Запада).

В своем стремлении опредметить человеческую практику европейская мысль вольно или невольно исходит изсылки о том, что порядок языка соответствует порядку бытия, так что истины, сформулированные в языке, суть не что иное, как непосредственное отражение истин, объективно существующих в мире. Кульминацией указанного движения мысли стал классический немецкий идеализм, попытавшийся окончательно замкнуть мир в имманентизме, т.е. признать реальным лишь то, что дано в "явлениях", а тайну бытия вынести за скобки философской рефлексии. По сути дела, в рамках этого "логоцентрического" (Ж.Деррида) мировоззрения мир существует только как зеркало, которым "человек мыслящий" удостоверяет могущество своей силы репрезентации.

Впрочем, могущество ли? Современные философы Запада, наконец-то всерьез воспринявшие гениальные прозрения Ницше о "смерти Бога" и ничтожности "последнего человека", твердо сошлись в мнении о том, что подлинным двигателем истории европейской цивилизации были нигилизм как отрицание имманентных ценностей бытия и в то же время - радикальное отречение человека от человечности в себе². Нигилизм, упразднивший вначале Бога, а затем и самого человека, составляет существо глубинной болезненности рационалистического эго на Западе, которое стремясь овладеть миром, стремится также защитить и оправдать всю проекцию (чем стал для нее мир) и

потому обречено жить в страхе и тревоге. Недаром Фрейд рассматривал человеческое "я" именно как продукт беспокойства.

Чем сильнее увлекают человека технократической эры "сны о сверхчеловечестве", покорившем пространство и время, тем более немощными и ущербными становятся его сознание и воля, тем больше этот человек нуждается в наркотиках души и тела. И вот уже Ж.Ф.Лиотар в своем классическом описании "постмодернистского состояния" вполне хладнокровно констатирует: "Мы можем ожидать полной экстерниоризации знания по отношению к "знающему"... Старый принцип приобретения знаний посредством совершенствования ума или даже индивидов становится во все большей мере анахронизмом..."⁵ По мере того как анонимные "системы знания" во все большей мере усваивают себе функции овладения природой и даже осуществления власти в обществе, средоточие духовной жизни западного человека все больше перемещается из сокровенных пространств человеческого сердца в область видимости, зрелища, иллюзии. И притом зрелища непременно вызывающего, щекочущего нервы, унижающего человеческое достоинство, ведь его дерзость отмерена степенью безответственности человека. По замечанию Р.Генона, цивилизация современного Запада не просто неградиционна, но антиградиционна⁶. В Большом Иллюзионе современной массовой культуры жизнь предстает безобидной игрой в рискованное действие и, говоря шире, симуляцией всего и вся.

В этом движении Запада к всеобщей самоидентификации различимы два основных этапа, которые можно соотнести с двумя влиятельнейшими художественными течениями XX в.: модернизмом и постмодернизмом. Хотя оба эти слова заимствованы из лексикона теории искусства, значение их далеко не ограничивается областью эстетики. Модернизм, заявивший о себе в первой четверти XX в., стал знаком эпохи, когда предметом размышления оказался сам предел мысли, несоответствие формы мысли ее содержанию. Искусство и философия модернизма берут своим содержанием не форму как таковую, а именно предел всякой формы, предельность в форме; повсюду в модернистской Европе мы сталкиваемся с ощущением "конца искусства", "конца философии" и даже "конца человека". Художник-модернист - это санитар духа, который очищает лес культуры от завалов снобизма и кумиротворчества, но сам не в состоянии насадить саженцы одухотворенного бытия. Модернистская мысль дышит воздухом насилия. И как бы ни пыталась она уклониться от разрушительных импульсов в себе, она вновь и вновь возвращается к ним, завершаясь в некоем изнеможении, пароксизме сознания.

Модернизм пытался решить задачу синтеза "предельной формы", поставленную классическим рационализмом, но уже без помощи суверенной воли субъекта. Во второй половине нашего столетия ему на смену приходит постмодернизм, соответствующий тому состоянию сознания, когда игра настолько сливается с действительностью, что самое различие между ними предается забвению. Постмодернизм знаменует возвращение мысли к актуальности существования. Он не составляет стиля, как искусство Нового времени, но и не живет разрушением стиля, как модернизм. Перед нами фаза завершения истории, упраздняющая все формы самообъективации духа, погружающая в стихию забвения. Постмодернизм есть состояние "повседневного апокалипсиса". В нем "западная идея" исчерпывает себя в бесконечном ряде самоимитаций. Европа (предрекал Поль Валери еще в 1919 г.) закончит "бесконечно богатым ничто".

В самом общем виде Восток отличается от Запада обращенностью рефлексии не к предметности опыта, а скорее к самому факту присутствия, "таковости", чистой бытийственности сознания, что равнозначно стремлению помыслить сами пределы сознаваемого. Если в античной философии основополагающая метафора сознания - это восковая дощечка для письма, если

в философии Нового времени сознание мыслилось подобным контейнеру, обладающему определенным содержанием, то для восточной мысли сознание предстает как бы опрокидываемым сосудом, изливающим вовне свое содержимое. Сознание здесь оказывается слитым с течением, произвольным протечением самой жизни - абсолютно открытым и, следовательно, порожним, невесомым, светоносным. Его главное качество - зеркальная (не) прозрачность.

В противоположность Западу человек на Востоке не ограничивает себя, не ищет себе определений, но высвобождает себя, сам "дает себе быть". Через собственную неизмеримость он обретает полноту существования, которая есть именно Встреча, но встреча не обособленных сущностей, а "самоопустошающихся", "превратившихся" тел (нетел). Так в притче Чжуан-цзы нож искусного повара и разрезаемая им туша взаимно обращаются в пустоту, растворяясь в хаотическомузыкальной целостности бытия. Самопревращение, "самоопустошение" - первый закон жизни сознания. Последнее, следовательно, не может иметь достоверных свидетельств о самом себе. Как утверждали восточные мудрецы, у нас нет "объективных" доказательств того, что мы не спим. Литератор XVII в. Хун Цзычэн замечает: "Сознание не есть то, чем оно является. Что же в нем сознать?"⁷. Отсюда незаинтересованность китайских ученых в тропологии и теории жанров, их тяготение к притчам, афоризмам, сентенциям, в которых смешиваются "буквальный" и "переносный" смыслы.

Китайская традиция без ложного пафоса утверждает величия человека в его умалении: ничтожность человека перед "вечностью бескрайних пространств" есть не что иное, как его величие в причастности "Единому Превращению" мира, вселенскому танцу вещей. (Именно так раскрывается человеческий удел в китайской пейзажной живописи.) Но величие человека - всегда сокровенное, символическое, вечноотсутствующее. Китайская традиция есть прежде всего апология таинства, власти неизъяснимо-очевидного во всех его видах - от мистики имперского абсолютизма, до интимного круга семьи и школы-общины. В конце первой главы медицинский канон "Нэй цзин" излагается примечательная иерархия образов человека. Мы читаем здесь:

"В глубокой древности были подлинные люди, которые обнимали собой Небо и Землю, держали в кулаке силы инь и ян, дышали чистой энергией, стояли одиноко, оберегая в себе дух..."

В средней древности были совершенные люди, которые были непорочны в своих жизненных свойствах и целостны в своих принципах. Они пребывали в гармонии с силами инь и ян и четырьмя сезонами года, оберегали целостность духа и странствовали между Небом и Землей...

Следом шли мудрые люди, которые были сопричастны гармонии Неба и Земли, следовали принципам устройства Восьми Пределов, сообразовывались с мирскими вождениями, не держали на сердце обиды и гнева, в действиях своих не бежали от мира, в одеждах своих блюли приличия. Вовне они не утомляли свое тело, внутри не напрягали разум, но пестовали в себе безмятежное удовлетворение...

Следом шли достойные люди, которые брали за образец Небо и Землю, образом жизни уподоблялись солнцу и луне, умели различать действия инь и ян, разделять движения четырех сезонов..."⁸

Мы видим, что древние китайцы измеряли достоинство человека способностью вместить в себя, интериоризировать мир. Вершина мудрости по-китайски - это постижение мира как зеркала внутреннего, что делает человека не приметным, обращает его в чистое присутствие. Мудрость китайской традиции есть вездесущая тайна, таинство света, незамечаемого нами именно потому, что он дан нам с предельной очевидностью. И мудрость эта ценна не своим содержанием, а эффективностью самого сообщения и, шире, человеческой общительностью. Речь идет о общительности, свершающейся даже помимо

субъективной воли и понимания. Так, мать и младенец способны понимать друг друга без слов и даже без самого "понимания".

Прообраз вечнопреемственного и вечно воздействующего в человеческой практике представлен ритуалом - подлинной основой восточной мысли. Будучи стилизованным действием, ритуал выступает приметой воли, знаком возвышенных качеств жизни и представляет собой, как говорили в Китае, "сердечную технику", обеспечивающую эффективность без усилия, ибо ритуал свертывается в пространстве "единого сердца", "единотелесности" бытия. Не разрозненные данные умозрения или чувств, а цельная интуиция одухотворенной телесности была условием познания в Китае.

Символизм ритуала есть сведение вещей к их непреходящим качествам, к их символическим типам или, как говорили в Китае, к их "семенам". Он обнажает во всех конечных действиях неисчерпаемую действенность (предстоящую недействием). Первая глава "Нэй цзина", из которой взяты процитированные выше фрагменты, носит примечательное название: "Рассуждение о Небесной подлинности высшей древности". "Высшая древность" в китайской традиции как раз и служила обозначением мира извечно ускользающих, подлинно символических "семенных форм", предваряющих, предвосхищающих все сущее. Эта виртуальная реальность соответствует первичной интуиции телесности, интимной уверенности в подлинности бытия, предпосланной всякому опыту.

Наследие традиционной культуры Китая - это не идеи, не понятия, не образы, но именно типовые формы, которые указывают на пределы и, более того, саму предельность в существовании вещей и потому воплощают собою силу творческих метаморфоз жизни. Здесь не место анализировать те или иные наборы таких типовых форм в культурной практике китайцев. Их наиболее общим прообразом служила структура графических символов "И цзина", сам же принцип типизации явлений распространялся решительно на все стороны китайского жизненного уклада от политики и медицины до искусства и общественных отношений. Сейчас важнее обозначить внутреннюю логику развития типовых форм в истории китайской культуры.

Складывание тех или иных репертуаров типовых форм можно считать результатом проекции матрицы человеческой практики как прото-личности, скрывающейся в разрывах (пределах) индивидуального опыта⁹. Такой протоличностью выступает, в частности, образ основоположника школы, возобновляющего свое присутствие в черед поколений своих преемников. Внутренней пружиной развития типовой формы является тенденция ко все более тонкой и тщательной стилизации. Форма-тип, будучи воплощением предельности, не может не устремляться сама к собственному пределу, не может не соскальзывать во фрагмент, нюанс, экспрессивный штрих. В конце концов она с неизбежностью растворяется в бесконечно сложной сети соответствий между вещами. "Небесная сеть неощутимо редка, но из нее ничего не ускользает", - говорится в "Даодэ цзине". Так типовая форма, возникнув как проекция, "метаморфоза" первоначального Хаоса неуклонно увлекает мысль в головокружительную бездну того же Хаоса. Культура же оказывается иллюзорным, хотя и неустранимым, прикрытием бездонной глубины самопревращения творческой воли. Отметим попутно, что воспитание личности в Китае, которое сводилось по существу к усвоению самоутончающихся типов практики, означало процесс последовательного повышения чувствительности. Этим определялось дидактическое значение культурных норм в Китае.

Что происходит с нашим восприятием, когда импульс типизации уже превосходит порог нашей чувствительности? Поскольку образа хаоса мы иметь не можем, к нам просто возвращается мир "как он есть", со всем богатством его природных форм. Для посвященных в его символическое измерение он свидетельствует о жизни, осознанной до последней мелочи и, следовательно, о полноте человеческого присутствия в мире. В сущности, этот мир - экран, или

дескорум, бытия; он призван не выявлять, а скрывать. Непонимание же символической глубины этого мира заставляет видеть в нем лишь "отражение" идеальной или материальной реальности. В таком случае происходит знакомое нам по европейской истории "расколдовывание" мира.

Круговое движение типовой формы от первоначального хаоса ("беспредельного" - уцзи) к хаосу эстетически свободной жизни ("великий предел" - тайцзи) обеспечивает посредование между природой и культурой. Неразличение первоначального хаоса и хаоса эстетизированной жизни, "пустоты" и "формы" - последнее слово китайской традиции, заслоняющее собой долгий путь мысли и потому чреватое тайной. Два этих вида хаоса подобны друг другу не по аналогии, а по завершению - в силу самого качества своего бытия, носящего конкретный и текучий характер. Тождество "пустоты" и "формы" есть "чудесное совпадение" (мяо ци), которое оправдывается не дискурсивным знанием, а скорее фигурой иронии, обозначающей суть беспредельной предельности.

Было бы несложно показать, что стиль традиционной культуры Китая явился продуктом указанного выше круговорота типовой формы. Так, история китайского изобразительного искусства раскрывается как чередование периодов синтезирования стилистичности и натуралистической манеры в типовой форме и разложения достигнутого синтеза на экспрессионистские и фигуративные элементы изображения, что характерно для живописи X, XIII-XIV и XVII вв. Наиболее ярко распад классической образности проявлялся в творчестве живописцев, вдохновлявшихся "безумным чань", поскольку именно буддизм выявлял пределы традиционного мирозерцания в Китае. Каждый раз разложение типовой формы в искусстве сопровождалось все более обостренным сознанием внутренней противоречивости традиционного эстетического идеала. Наконец, с XVII в. традиционный художественный синтез разрушился окончательно, выродившись в сосуществование разнородных изобразительных манер. Именно со времени маньчжурского завоевания в Китае возобладало отождествление художественного образа с явлениями физического мира. Господство натурализма в искусстве было верным признаком торжества идеологической интерпретации мира, что откликнулось резким усилением догматизма, нетерпимости, всевозможного запретительства. Путь к восприятию западной цивилизации в Китае был расчищен задолго до "империалистического раздела" цинской державы. Традиция исчезла из виду, скрылась в толще культуры, но отнюдь не потеряла своего влияния. Идея символической глубины опыта, вечнопреемственности бодрствующего Сердца продолжала составлять самый общий фон и политических, и эстетических, и религиозных принципов Китая.

Интересно сопоставить судьбу китайской традиции с развитием культуры в соседних странах Дальневосточного региона, в частности в Японии. Культура японцев, воспринявших культурное наследие Китая в его зрелой и довольно радикальной форме буддо-конфуцианского синтеза позднего средневековья, являет собой пример сознательного просцирования понятийного каркаса традиционного мирозерцания на предметный мир и общественную практику людей. Центральное место в японской культуре занял буддизм махаяны, особенно дзэн-буддизм, который в Китае способствовал выявлению внутреннего предела традиции и как таковой остался маргинальным фактором традиционной культуры. Японская же культура есть продукт объективации мировоззренческих посылок традиции. Так, эстетический идеал японцев отличается последовательным выстраиванием иллюзии природного бытия, иллюстрирующей идею недуальности пустоты и форм. Достаточно вспомнить примитивистские фантазии "чайной церемонии". Если в Китае символизм пустоты не отлился в тот или иной образ и допускал сосуществование разных художественных стилей, то в Японии та же символика пустотности, или паузы, сама стала предметом означения и тем самым - частью идеологического

истолкования мира. В Китае искусство было лишь продолжением жизни или, точнее, интуитивно постигаемой "подлинности" жизни. В Японии, наоборот, сама жизнь рассматривалась как продолжение искусства. Соответственно, в Японии культурный стиль сводился к установленному набору предметных свойств, отступление от которого порой каралось как уголовное преступление. Когда, например, мастер чайной церемонии Фурута Орибэ (ум. в 1615 г.) попытался превратить стиль церемонии из подчеркнуто натуралистического в маньеристски-стилизированный (за счет специальной обработки декоративных камней, высаживания мертвых деревьев и проч.), его новации были запрещены в официальном порядке, ибо они разрушали идеологические основы японского миропонимания. Подлинного синтеза типовой формы японская культура не знала, а типовым формам, заимствованным из Китая, в Японии подыскивались идеологические или прагматические обоснования.

Сказанное позволяет осознать глубокие различия судеб традиционной культуры обеих стран в Новое время. В Японии традиция, изначально складывавшаяся как сознательный традиционализм, явилась мощным фактором развития национального самосознания и модернизации страны. В Китае в силу необъективности исходных посылок традиции переход к современной национальной культуре оказался крайне затруднительным и по сию пору незавершенным. Различие исторических путей Японии и Китая можно охарактеризовать как различие между региональными, периферийными вариантами развития (сюда же можно отнести также Корею, Тайвань, Гонконг, отчасти китайские общины в странах Юго-Восточной Азии) и "континентальным", "материковым" путем эволюции, в ходе которой культура не терпит внутренней связи с основами собственно духовной традиции.

Примечательнейшая особенность современной ситуации состоит в том, что при всем различии исторических путей Запада и Востока развитие этих двух мировых историко-культурных регионов привело к очень сходным, в известном смысле даже идентичным результатам. И Запад и Восток пережили в нынешнем столетии глубокий духовный кризис, корни которого лежат в дегуманизации человеческой культуры, внезапно обнаружившемся отчуждении человека от человечности в себе. Обнаружилось, что эта новейшая и самая опасная форма одичания человека восходит в конечном счете к забвению символического измерения опыта и порождаемых им культурных норм. Это забвение, однако, дается как невозможность различать между символическим и действительным. "Моя духовность есть моя власть над материальным," - таково кредо человека современного Запада. "Буду жить материальным, потому что духовное все равно от него не отличимо", - такова позиция человека современного Востока. Мир электронных иллюзий современной НТР знаменует собой именно конец как Запада, так и Востока: для Запада - конец цивилизации классического рационализма, для Востока - конец памятования о "вечноотсутствующем" истоке духовной силы. И там и здесь жизнь в постмодернистскую эпоху лишается глубины, полностью сосредоточивается на актуальности нашего опыта, становится всецело прагматической реальностью.

Вместе с тем эта ситуация парадоксальным образом создает условия и для возрождения традиционной "науки духа". Нынешний интерес к наследию традиционных культур Востока - и прежде всего на самом Востоке - нельзя считать ни случайностью, ни данью поверхностной моде. Складывающаяся на наших глазах "информационная цивилизация" прежде всего делает несущественным предметное содержание символизма, требует отказаться от идеи обозначающих символов, а вместе с ней и от идеи логико-грамматического параллелизма, лежавшей в основе западной рациональности Нового времени. Ищется научная парадигма, позволяющая укоренить область духовного непосредственно в текущем и конкретном характере человеческой практики. Такая парадигма как раз и содержится в традиционной китайской науке,

опирающейся на мир телесной интуиции как антропогенной реальности. И вполне естественно, что в условиях резко возросшей автономности технологических систем резко возрастает и значение столь глубоко осознанной на Востоке человеческой коммуникативности как таковой - того, что можно назвать "техникой сердца"¹⁰, в противоположность "технике орудий", на которую сделал ставку Запад. Поразительные экономические и культурные достижения стран Дальнего Востока за последние десятилетия - одно из многих свидетельств актуальности траадиционного восточного миропонимания в наши дни. Остается пока неясным, каким образом будет влиять на общественную жизнь фактор традиции в континентальном Китае. Можно лишь с уверенностью утверждать, что этот фактор в полной мере раскроется лишь после окончательного преодоления цивилизации Нового времени.

Итак, Запад и Восток более не существуют как исторические данности: они оба включены в единую постмодернистскую ситуацию. Но именно это обстоятельство делает возможным и их сопоставление в качестве эвристического проекта и саму постановку вопроса о характере планетарной цивилизации.

1. О предпосланности чистого, беспредметного присутствия сознания всем актам мышления см. Мамардашвили. М. Как я понимаю философию. М. - 1992. - С. 91-99.
2. Dupre W. Religion in Primitive Cultures. - The Hague, 1975. - P. 19.
3. Heidegger M. Vortrage und Aufsätze. - Pfulingen, 1954. - S. 30.
4. Наиболее глубокий анализ философских основ западного нигилизма содержится в работах Хайдеггера М. См. Heidegger M. Der Europäische Nihilismus. - Pfulingen, 1967. В России в начале XX в. В.Ф.Эрн употреблял в сходном смысле для характеристики европейской позитивистской мысли термин "меонизм", т.е. "философия небытийности". См. Эрн В.Ф. Борьба за Логос. - М., 1991. - С. 92.
5. J.F.Leotard. La Condition postmoderne. - Paris, 1978. - P. 7.
6. Guenon R. Le Règne de la quantité et les signes de temps. - Paris, 1970. - P. 279.
7. Афоризмы старого Китая. - М., 1988. - С. 149.
8. Фу Вэйкан. Хуанди ийцзин дудао (Указания к чтению "Нэй цзин"). - Пекин, 1988. - С. 250.
9. Личность, пишет П.Бурдьё, есть "habitus как укорененная в нас программа, как порождающий принцип всей совокупности действий". Bourdieu P. Distinction. Critique sociale du jugement. - P., 1974. - P. 499.
10. В китайской традиции, как известно, имеется точный эквивалент этого понятия: словосочетание "синь шу", с древности обозначающее практику "внутренней работы".

Клуб Конфуция

Понятие "бессмертный" в даосской традиции

© 1993

Е. Торчинов

Понятие "бессмертный" (сянь) вместе с производными от него (прежде всего сянь дао - путь бессмертных) является базовым для даосской религиозной традиции. Во всяком случае оно в большей степени характеризует содержание даосской доктрины, нежели категория "дао", представляющая собой одну из наиболее общих категорий китайской культуры вообще и в качестве таковой входящая в самоназвание не только даосизма, но и неоконфуцианства (дао сюэ), а на определенном этапе прилагавшаяся к раннему конфуцианству (Мо-цзы) и даже к буддизму Моу-цзы (буддийский апологет III в.). Таким образом, уровень спецификации, выраженный данной категорией, весьма невысок и само слово "даосизм" (даоцзяо) ничего не говорит о конкретном наполнении данного учения. Скорее подчеркиваются его универсалистские интенции и претензия на абсолютную истинность (дао как синоним именно истинного пути), присущую и другим идеологическим образованиям традиционной китайской культуры. Уровень же спецификации, выраженный в категории "сянь", значительно выше. С одной стороны, следовательно, эта категория по объему уже категории "дао" и функционирование ее ограничено лишь рамками собственно даосизма, а с другой - она оказывается наиболее общей из всех прочих специфически даосских терминов. Однако различия между двумя вышеназванными категориями носят не только количественный (по объему), но и качественный (по содержанию) характер, поскольку категория "дао" имеет как доктринальную, так и узко философско-дискурсивную нагрузку, а понятие "сянь" относится всецело к области религиозной доктрины, составляющей как раз центральное ядро даосской традиции и во многом детерминирующей содержание, характер и интенциональность философского дискурса.

Во избежание недоразумений сразу же определим, что будет пониматься под даосизмом в данном исследовании. В настоящей статье словом "даосизм" будет обозначаться автохтонная китайская религия. Окончательно она сформировалась в начале новой эры на основе интеграции первоначально самостоятельных, хотя и взаимосвязанных идеологических течений разного уровня (религиозных, религиозно-философских и философских): учения о дао-Пути и его благой мощи - дэ (школа дао-дэ Лао-цзы и Чжуан-цзы), синкретического философствования "академии" Цзис, связанной с последней школой "инь-ян", традиции религиозной практики шаманов - у и магов - фанши (причем мировоззрение последних, возможно, являлось субстратом разработанной Цзоу Янем (IV-III вв. до н.э.) натурфилософии ("инь-ян" и "у син"). Но одним из важнейших источников даосизма была вера в бессмертных - сянь и в возможность достижения соответствующего состояния адептами. Сохранявшее вплоть до начала новой эры известную автономию это учение,

однако, было теснейшим образом связано как с цинской религиозно-философской традицией (фанши, инь-ян цзя и т.д.), так и с философией школы дао-дэ, что особенно ярко проявилось в "Чжуан-цзы". Таким образом, вера в "сянь" явилась своего рода интегрирующим фактором в складывании даосской религиозной традиции, центральной доктриной которой она и стала.

Итак, учение о "сянь" оказалось доктринальным стержнем даосизма, определившим его религиозную прагматику и, возможно, стимулировавшим философскую рефлексию "Дао-дэ цзина" и "Чжуан-цзы". Однако, как уже отмечалось, оно само по себе не сводимо к этим текстам и не выводимо из них, несмотря на многочисленные эксплицитно релевантные данной доктрине пассажи из последнего памятника. Причина этого - отнюдь не принципиальная оппозиционность веры в "сянь" философии "дао-дэ", а ее иноплановость, ибо доктрина "сянь" (к тому же исторически существовавшая первоначально автономно)¹ относится не к дискурсивно-философскому, а к доктринальному и психотехническому уровню функционирования даосской традиции (см. 6, с. 23-27). Несколько слов об этимологии и семантике иероглифа "сянь" (бессмертный). В настоящее время он представляет собой сочетание двух графем - классификатора "человек" (слева) и фонетика "гора" (справа), обнаруживающих прозрачную этимологию "горный человек", "отшельник". Однако первоначально это слово записывалось более сложным иероглифом, сохранившимся в виде разнописи до настоящего времени. Этот иероглиф восходит к пиктограмме, изображающей пернатого человека (отметим, что на ранних изображениях бессмертные изображаются оперенными, а выражение "юй ко" - "пернатый гость" - стало устойчивым синонимом "сянь", особенно в беллетристике). Следовательно, иероглиф "сянь" этимологизируется как обозначающий некое существо, способное к полету (возможно и глагольное употребление этого слова - "воспарять ввысь"), т.е., по-видимому, шамана в его экстатическом путешествии в верхний мир. Отсюда можно сделать вывод, что вера в "сянь" коренится в шаманизме (см. 23, Т. 2. 132-133), впоследствии же (к середине I-го тыс. до н.э.) она контаминировалась с независимо возникшим представлением о возможности бесконечного продления жизни и обретения телесного бессмертия (что выражается хорошо известным даосским термином "чан шэн бу сы" - "продлить жизнь и достичь бессмертия"). Результатом этой контаминации оказалась даосская концепция "бессмертного" (окончательно оформившаяся, видимо, в царствах Ци и Янь к III до н.э.) как существа, живущего вечно и наделенного всевозможными сверхъестественными способностями (I, 115-121). Этот дуализм генезиса доктрины бессмертия детерминировал двойственность представления о бессмертных в даосской традиции. С одной стороны, мог подчеркиваться "земной", "посюсторонний" аспект безграничного долголетия, с другой - делаться более спиритуализованный акцент на паранормальных силах "сянь", изменении онтологического статуса бессмертного по сравнению со статусом профанов и, наконец, само бессмертие могло трактоваться как результат подобного изменения, приводящего к радикальной трансформации (одухотворению, почти "преображению") всего существа адепта в отношении как психических, так и соматических характеристик.

В исторической перспективе в целом одержала верх вторая тенденция хотя в отдельные периоды, например при Хань (III в. до н.э. - III в. н.э.) и в южнокитайском оккультизме III-IV веков, продолжавшем ханьские традиции, доминировала первая, получившая мощное подкрепление со стороны влиявшей с начала новой эры на даосизм буддийской традиции. Этот процесс завершился к концу I-го тысячелетия н.э., когда "внешняя алхимия" как последний оплот веры в "сянь-долгожителей" по преимуществу была окончательно вытеснена "внутренней" психофизиологической алхимией. Она более непосредственно реагировала на усиление спиритуально-мистического элемента, хотя и следует отметить, что фундаментальный натурализм китайской мысли оказался

непоколебимым и бессмертие продолжало восприниматься как совершенное и божественное, сверхмирское бытие преобразенной целостной личности, понимаемой как нерасчлененное психофизическое органическое единство. Да и все небесные миры бессмертных оказались размещенными в пределах видимого небесного свода (так, высшее небо бессмертия даосской школы Маошань - небо Тайвэй локализовалось в районе созвездий Девы, Льва и Волос Вероники). (22, с. 71; 20, с. 52).

Исторически учение о бессмертии восходит к глубокой древности, поскольку "долголетие" традиционно занимало первое место в системе ценностей древнекитайского общества (у фу - "пять видов счастья"), о чем свидетельствуют надписи на ритуальной бронзе II - первой половине I тыс. до н.э. (13, с. 15-18; с. 333). Позднее, в VIII в. до н.э. в благожелательных надписях на бронзе появляются надписи "нань лао" ("да задержится старость!") и "у сы" ("да не будет смерти!"), которые можно рассматривать как свидетельство зарождения веры в возможность обретения бессмертия. (13, с. 15; 29, с. 87). Впоследствии развитие натуралистической модели философии, отразившее и религиозный аспект традиционной ментальности, сделало невозможным иное представление о бессмертии, кроме как о бессмертии телесном, неограниченном долголетии всего психофизического комплекса человеческого организма, закрепив таким образом весьма архаические представления о жизни и смерти. Единственное исключение - моисты, верившие в духов умерших, тоже, впрочем, воспринимавшихся достаточно натуралистически. К IV-III в. до н.э. вера в бессмертие получила широчайшее распространение по всему Китаю, о чем свидетельствуют недаосские тексты, выражающие скептицизм относительно веры в бессмертие. В частности, Хань Фэй-цзы (III в. до н.э.), усвоивший достаточно полно философско-спекулятивный уровень даосской мысли (дао-дэ цзы), остался полностью вне сферы влияния доктринального содержания даосской (точнее, протодаосской) традиции, что впоследствии в истории китайской мысли случалось многократно. В двух главах своего труда (главы "Шо линь" и "Вай чу шо") Хань Фэй-цзы в ироническом контексте употребляет выражения "бу сы чжи яо" ("снадобье бессмертия") и "бу сы чжи дао" ("путь к бессмертию"). Следовательно, имеются данные о распространении веры в возможность обретения бессмертия посредством употребления особых снадобий в западном Китае (царство Цинь). Известно также о поисках островов бессмертных, предпринятых цискими Вэй-ваном и Сюань-ваном, а также яньским Чжао-ваном (IV - первая половина III в. до н.э.). В Ци и Янь под покровительством фанши-магов процветала вера в острова или горы бессмертных в восточном океане (Пэнлай, Фачжан и Инчжоу), где растут приносящие бессмертие травы и живут святые. Вообще, восточные и северо-восточные царства Ци и Янь были мощным центром кристаллизации веры в "сянь". На юге вера в бессмертие процветала в царстве Чу (о чем свидетельствуют выражение "янь нянь бу сы" - "продление жизни и обретение бессмертия" в "Вопросах Неба" Цюй Юаня (ок. 340 - ок. 278 до н.э.), выражение "снадобье бессмертия" в "Чуских планах" "Чжань го цэ" - "Планов сражающихся царств", шаманский оттенок культуры которого придал более спиритуалистический характер вере в бессмертие и бессмертных.

Следовательно, имеются три исходных центра формирования веры в "сянь": 1) северо-восточный и восточный, для которого характерна вера в острова бессмертных в океане (возможно, как это считалось со времен Гу Яньбу, т.е. с XVII в., стимулировавшаяся морскими миражами (См. 23, т. 5, ч. 2, с. 115), связь с традицией магов и, возможно, с философскими спекуляциями школы "инь"янь); 2) западный, на который, не исключено, повлияли верования сопредельных народов, прежде всего цянов, веривших в необходимость сохранения трупов умерших и прибгавших для этого к мумификации (11, с. 154-157) - практика впоследствии, вероятно, повлиявшая на даосское учение об "освобождении от трупа" (ши цзе); отсюда же, возможно, идет и вера в страну

бессмертия на западе (например, на вершине горы Куньлунь²; и 3) южный, для которого характерны ярко выраженная экзотически-шаманская направленность и относительная спиритуализация образа "бессмертного"³. Последняя черта нашла яркое выражение в образах такого классического произведения, как "Чжуан-цзы" (IV-III в. до н.э.). Обратимся к главе первой ("Беззаботное скитание" - "Сяо яо ю"): "Далеко-далеко на горе Мяогуе живут божественные люди (святые, шэнь жень). Кожа у них, как снег, красота, как у теремной девы. Они вдыхают ветер, пьют росу, а зерна не едят. Оседлав облачную пневу, летят на драконах, странствуют за пределами четырех морей. Они сгущают свой дух и следят, чтобы звери и птицы не страдали от мора и язвы, а урожай были бы обильны". Здесь описываются существа, отчетливо ассоциирующиеся с бессмертными более поздней традиции. Любопытно, что эти святые заботятся о домашних животных и урожайности, выполняя, таким образом, регулирующие природу функции, обычно приписывающиеся благодатной силе дэ монарха. Из дальнейшего контекста видно, что эти святые оказываются для автора "Чжуан-цзы" идеальными личностями, неизмеримо превосходящими конфуцианских героев - Яо и Шуня: "Таким людям ничто не повредит, они не утонут, даже когда вода поднимется до самого неба; они не стоят даже в великую засуху, когда расплавятся металлы и камни, раскалятся почва и горы. Даже из их пыли и мусора можно выплавить и вылепить таких, как Яо и Шунь".

Несколько выше, говоря о Ле-цзы, умевшем летать на ветре, Чжуан-цзы противопоставляет ему мудрецов, в своих скитаниях не зависящих даже от ветра, поскольку они сроднились со всеми стихиями, силами и началами природы и поэтому могут управлять ими.

Нет нужды перечислять все фрагменты "Чжуан-цзы", где прямо или косвенно упоминаются те или иные аспекты практики "продления жизни" и мистического созерцания. Упомянем только о пассаже в главе шестой о беседе мудрой Нюй Юй с Няньбо Цыкуем. Няньбо Цыкуй удивляется, почему у престарелой Нюй Юй цвет лица, как у ребенка. Из дальнейшей беседы следует, что вечную молодость Нюй Юй обрела благодаря созерцанию дао и единению с ним. Дао превыше и жизни и смерти. Оно убивает живущее, но не гибнет; рождает все сущее, но само не рождается. Дао - свидетель становления вещей, оно вечно (отметим, что в соответствии с натуралистичностью китайской философии в ней отсутствует понятие вечности как некоторого над- или вневременного состояния; вечность понимается как бесконечная временная длительность. Поэтому для выражения идеи известной надвременности дао употребляются описательные выражения типа "древнее древности, но не является древним; прежде Неба и Земли, но не стареет" и т.п. Другими словами, сама идея вечности, в зачаточной форме присутствующая в даосских текстах, тем не менее с необходимостью, детерминированной рамками данной культуры, эксплицируется вербально только во временных категориях, в терминах, описывающих последовательность во времени). Следовательно, приобщение к дао делает и адепта причастным к вечности, причем вечности, отличной от простого бесконечного продления срока жизни без качественного преобразования последней, поскольку вечное существование соединившегося с дао субъекта оказывается трансцендентным дихотомии жизнь - смерть. Указанный выше пассаж, таким образом, позволяет понять, почему в "Чжуан-цзы" зачастую высказывается скепсис относительно попыток обрести долголетие посредством всевозможных натуралистических способов. Как отмечает Юй Инши (29, с.80-122), и на что уже указывалось выше, в древнем Китае развились две концепции бессмертия: первая, более натуралистическая, рассматривает бессмертие лишь как безграничное долголетие (чан шэнь, шоу у цю), не предполагающее изменения онтологического статуса бессмертного, и вторая, также не порвавшая окончательно с натурализмом, в тенденции однако, спиритуализованная; согласно этой концепции, онтологический статус бессмертного - радикально иной, чем у обычного человека, поскольку он

переходит из сферы профанного в сферу сакрального, приобретая принципиально иные качества. Первая концепция в большей степени акцентировала самоценность таких методов, как гимнастика или дыхательные упражнения (позднее - изготовление эликсиров), вторая - созерцание и мистическое восхождение к первооснове мира (позднее - также литургический символизм). В целом в истории даосизма явно преобладала тенденция к усилению второго подхода за счет первого, повторим, несмотря на то, что натуралистические методы также никогда не отвергались полностью, ибо они конституировали уровень "совершенствования тела", дополнявший все более доминировавшую практику "совершенствования духа". Понятно, что это комплементарное единство было вызвано к жизни господством в даосизме общеитайской доктрины психосоматического органицизма. Именно эта спиритуализованная концепция бессмертия, оппозиционная как "приземленным" целям мирского долголетия - бессмертия (чан шэн бу сы) или признающая таковое в качестве цели лишь для людей низшего уровня, так и жесткой фиксации поведения адепта, несовместимой с "самоестественностью" и "беззаботным скитанием" (7. с. 74), и нашла свое выражение в "Чжуан-цзы".

Уместно затронуть еще один частный вопрос. Хорошо известно, что одним из первоначальных требований к взыскующим бессмертия был отказ от употребления в пищу "пяти злаков" (у гу). Вряд ли это табу можно объяснить лишь макробактериальными и диетологическими причинами. Если учесть, что земледелие и конкретно выращивание злаков было основой хозяйственной деятельности традиционного китайского общества, определявшей всю его "культурную экологию", то нетрудно предположить, что даосы, отказавшись от "пяти злаков", как бы маркировали таким образом свой разрыв с "мирским", заявляя о себе как о людях "гор и вод" (первозданной природы), а не "садов и полей" (окультуренной природы)⁴. И такая интерпретация семантики "отказа от злаков" вполне обоснована. Однако не исключена и противоположная. Дело в том, что известно такое древнее название бессмертных, как "гу сянь" ("злаковые бессмертные"). Если сравнить это название с рассмотренным выше пассажем из первой главы "Чжуан-цзы", где говорится о том, что святые с горы Мяогуэ заботятся о здоровье скота и обильных урожаях, то можно предположить, что "сянь" в какой-то исторический период воспринимались как гении-покровители скота и злаков, т.е. хозяйственной деятельности населения. Отсюда и табуирование употребления зерновой пищи для даоса (25, с. 216-221).

Таким образом, представление о "сянь" сформировалось в своих существенных чертах к III в. до н.э. Позднейшее развитие учения о "сянь" в рамках даосской традиции не внесло существенных изменений в образы. Созданные в "Чжуан-цзы" и сочинениях ханьского времени. Продолжали параллельно существовать обе отмеченные выше тенденции в интерпретации состояния бессмертного, с переменным успехом пытавшиеся преодолеть друг друга, пока к IX-X векам не был достигнут их синтез под эгидой "сверхмирского" представления о бессмертии. Однако, прежде чем можно будет перейти к содержательному анализу учения о бессмертных в его взаимосвязи с такими категориями, как "жизнь - смерть", "тело - дух", "пневма - дух" и т.д., представляется уместным сказать несколько слов об образе "сянь" в так называемом "придворном даосизме" (прежде всего периода Хань), поскольку он представляет собой своеобразный социокультурный феномен, самым непосредственным образом связанный с верой в возможность физического бессмертия.

Поиски бессмертия царями начались еще в эпоху Чжань-го (V-III вв. до н.э.), и не исключено, что многочисленные фанши и прежде обслуживали соответствующие запросы своих монархов, находясь на придворной службе. После объединения страны Цинь Ши-хуаном, у них оказался один клиент - император, а не множество правителей, как прежде. Хорошо известны мероприятия Цинь Ши-хуана, направленные на поиски островов бессмертных и

приносящих бессмертие снадобий. Столица империи Цинь Сяньян была переполнена магами, рекламирующими себя в качестве знатоков "пути бессмертия". Хуань Куань в своем трактате "Рассуждение о роли и железе" ("Янь те лунь") пишет: "При этом /фанши/, устремившиеся в столицу Сяньян, насчитывались тысячами, они говорили, что бессмертные сдят /снадобья с примесью/ золота, пьют /раствор/ жемчуга, а после этого сохраняют жизнь так же долго, как /существует космос / Небо и Земля" (перевод Ю.Л.Кроля). Общее же отношение Цинь Ши-хуана и продолжавших традицию поисков бессмертия ханьских монархов к культу бессмертных - "сянь" предельно ясно выразил Бань Гу в "Истории /династии/ Хань" (8, т. 4, гл. 256, с. 1260): "Когда Цинь Ши-хуан впервые объединил империю, он предался культу бессмертных. Тогда он послал таких людей, как Сюй Фу и Хань Чжун, в море с непорочными юношами и девами на поиски бессмертных и их снадобий. Но они сбежали и никогда не вернулись. Такие попытки вызвали негодование и ропот в Поднебесной. С возвышения Хань, Синьюань Пин из Чжао, Шао-вэн, Гунсунь Цин, Луань Да и другие из Ци, - все они получали почести и награды от императора У-ди по причине их знакомства с бессмертными, знания алхимии, умения совершать жертвоприношения, служить духам и управлять ими и благодаря их походам за море за бессмертными и их снадобьями. Дары, пожалованные им, составляли тысячи мер золота. Луань Да был в особом фаворе и даже женился на принцессе. Титулы и награды посыпались на него в таком количестве, что все в пределах четырех морей были потрясены. Поэтому в правление под девизами Юань-дин и Юань-фэн в Янь и Ци были тысячи магов, таранивших глаза и потиравших руки, говорящих, что они знают искусство обретения бессмертия, совершения жертвоприношений и получения небесных благословений".

Следует отметить также, что если при Цинь Ши-хуане и до него устремление к бессмертию государей не оказывало непосредственного влияния на государственные дела, то при ханьском У-ди в Западный край (Давань, Фергана) было стремление заполучить знаменитых "небесных коней", существ "того же рода" (тун лей), что и драконы, на которых можно добраться до Западного царства богини Си ван-му и его эликсиров бессмертия. Возможно также, что рассказы Чжан Цяря о Западном крае укрепили готовность императора, разочаровавшегося в морских экспедициях на восток, искать бессмертия на западе, на вершине мифического Куньлуня (29, с. 97-98; 28, с. 95-103). Этой традиции приверженности монархов культу бессмертия следовали и удельные цари (например, знаменитый Лю Ань), причем данная традиция оказалась весьма устойчивой и продолжалась не только при Поздней Хань (I-III вв.), но и в эпоху Нань-бэй чао (V-VI вв.) и далее, вплоть до Сун (X-XIII вв.), став своеобразной константой идеологической ориентации правящих кругов китайской империи.

Каков же тип культуры, способствовавший появлению и столь долгому функционированию веры в "сянь"?

Как уже отмечалось выше, непременным условием существования веры в бессмертных является натурализм традиционной китайской мысли, достаточно подробно охарактеризованный А.И.Кобзевым (3, с. 33-39; 4, с. 52-53), с его признанием взаимосводимости духа и материи и, следовательно, с невычлененностью духовного начала как такового. Даосское решение проблемы соотношения тела и духа наиболее четко выразил Гэ Хун (ок. 284 - ок. 364) (12, с.22), указавший, что они соотносятся как плотина (тело) и вода в запруде (дух): при разрушении плотины вода растекается, или как воск и огонь свечи: когда воск истает, то и свеча перестает гореть (образ, восходящий к Хуань Таню). Во всяком случае, гибель тела приводит и к гибели духа, что подчеркивается восходящей к шаманским верованиям доктриной множественности душ (хунь и по), для которых, по выражению Дж.Нидэма, тело является своеобразной и единственной нитью, связующей их воедино (23,

т. 5, ч. 2, с. 85-93). Гибель тела приводит к их дисперсии и гибели, хотя души "по" и могут "по инерции" продолжать существовать некоторое время после смерти тела (этот срок увеличивается, согласно некоторым авторам, в том числе и Чжу Си (1130-1200), у людей с интенсивной духовной жизнью, например у буддийских монахов) в виде "призрака" (гуй), который далее, по более архаичным представлениям, уходит к "желтым ключам" (хуан цюань) - китайскому аналогу подземного царства мертвых типа "шеола" или "аида", - а по более поздним и нормативным, просто растворяется в пневме (ци) земли подобно тому, как души "хунь", превратившиеся в "дух" (шэнь), растворяются в небесной пневме (26, с. 165-179).

В комментарии к позднему (эпохи Мин, XIV-XVII вв.) трактату "Канону о зародышесвом дыхании" ("Тай си цзин", автор Ван Вэньлу) даос Хуань Чжэнь следующим образом говорит о соотношении пневмы (ци) и духа (шэнь): "Дух - это дитя пневмы. Пневма - мать духа. Дух и пневма следуют друг за другом подобно телу и тени. <...> Тело - жилище духа. Дух - господин тела. Если хозяин пребывает в покое, то дух живет в нем. Если хозяин обеспокоен, то дух покидает его. Если дух уходит, то и пневма рассеивается (здесь слово "пневма" употребляется в узком значении: жизненная сила - дыхание, аналог индийской праны. - Е.Т.) <...> Дух внутри пневмы подобен зародышу в утробе матери, они единотелесны по самой своей сути"⁵. Таким образом, здесь декларируется: а) производность духа от пневмы - субстанции; б) ценностный prius духа перед телом и зависимость от духа жизненного начала; в) единотелесность (единосущность) духа и пневмы. В целом последовательно проводится традиционный китайский натуралистический органицизм, в соответствии с которым человеческая личность воспринимается в качестве единого психосоматического целого.

В даосской антологии "Юнь ци ци цян" (сочинение "Об изначальной пневме" - "Юань ци лунь") говорится: "Тело обретает дао и дух также обретает дао; тело достигает состояния "бессмертного", и дух также обретает состояние бессмертного" (9, с. 56). Из этого и подобных весьма многочисленных фрагментов в даосских текстах современный китайский ученый Тан Ицзе делает справедливый вывод о том, что "высшая цель даосской религии заключается в продлении жизни и обретении бессмертия и прежде всего ценится нераздельность духа и тела" (14, с. 54). Тело для даосов выступает условием функционирования духа, "колесницей духа" (14, с. 55).

Далее, учение об изоморфизме макро- и микрокосме, характерное для традиционного Китая, как и для многих других культур, обеспечивает веру в бессмертие еще одним условием. Поскольку макрокосм как целое вечен, постольку бесконечная жизнь по природе присуща и микрокосму, который через уподобление себя мировому целому может устранить патологические тенденции (символизируемые в традиции в виде "трех трунов" - сань ши или "трех червей", паразитирующих в центральных резервуарах жизненной силы человека, "киноварных полях" - дань тянь) и обрести бессмертие. Этот процесс может квалифицироваться как прихождение в соответствие (следование, овладение) с дао, единотелесным и макро- и микрокосму в качестве регулирующего принципа бытия всего сущего⁶.

Представление о недуральной двуполярности человеческого существа как органического единства психических и физических характеристик нашло свое отражение в учении о двух аспектах "пути бессмертия": совершенствовании тела (гимнастические и дыхательные упражнения, макробиотика и т.д.) и совершенствовании духа (медитация, созерцание), развившихся к XI в. в доктрину одновременного совершенствования природной сущности (син), выражающей сознательно-рациональное психическое начало, и жизненности (мин): син-мин шуан сю⁷.

Следующим аспектом проблемы, нуждающимся в кратком рассмотрении, является ценностный аспект учения о бессмертии. Как уже отмечалось выше,

натуралистический витализм китайской мысли предполагал чрезвычайно высокую оценку жизни, а долголетие с самого начала складывания китайской культуры выступало в качестве фундаментальной ценности (см. выше). В даосизме эти черты китайской духовной культуры преломились в учении о дао как источнике жизни и бессмертия: "Дао управляет жизнью. Если бы дао исчезло, то все сущее не смогло бы жить. Если бы все сущее не смогло жить, то в мире не осталось бы ни одного рода существ и ничего нельзя было бы передать потомкам. Если бы все сущее не могло бы жить и передавать жизнь потомкам, то настала бы погибель" (10, с.701). Любопытно, что на этой же основе добуддийский даосизм отрицал идею целомудрия и безбрачия, что в первые века существования буддизма в Китае было важным пунктом полемики между двумя религиями: "Целомудренный мужчина - это тот, кто не распространяет свое семя, а целомудренная женщина - это та, что не превращает его в новую жизнь. Если бы мужское и женское не вступали бы в союз, то все роды живых существ исчезли бы. Так, соблазненные ложным и обманчивым названием "целомудрия" два человека нарушают нормы Неба и Земли и страдают, будучи лишены потомства. Это, безусловно, великое зло для мира" (10, с. 37, 221). Можно отметить, что даже поздняя средневековая даосская традиция, восприняв буддийские добродетели, в том числе и целомудрие, существенно иначе, нежели буддисты, интерпретировала их (например, в школе Маошань соблюдение целомудрия требовалось для обеспечения "духовного брака" с "небесными бессмертными") (27, с. 471). Таким образом, можно утверждать, что общим условием существования культа бессмертных был натурализм китайской культуры с его жизнеутверждающей аксиологической позицией.

В средневековых трактатах получила развитие и персоналепия бессмертных. Наиболее распространенной была тройственная градация бессмертных, зафиксированная в трактате Гэ Хуна "Баопу-цзы" (12, с. 6): 1) "небесные бессмертные, вознесшиеся на небо и поселившиеся в астральных покоях, заняв место в божественной бюрократии небесных божеств; 2) "земные бессмертные", скрывающиеся в "знаменитых горах" (мин шань) или "пещерных небесах" (дух тянь); 3) "бессмертные, освободившиеся от тупа" - (ши цзе сянь - (24, с. 37-68), обретшие земное бессмертие через смерть и воскресение. Более ранний текст II в. "Канон великого равновесия" - "Тай пин цзин" (10, с. 221) дает иную персоналепию, включенную в общую десятиричную классификацию личностей, данную в нем: рабы (нубэй), народ (минь жэнь), добрые люди (шань жэнь), мудрецы (сян жэнь), совершенномудрые (шэнь жэнь), люди дао (дао жэнь), бессмертные (сянь жэнь), истинные люди (чжэнь жэнь) и божественные люди (шэнь жэнь). Эти категории соответствуют (по вертикали): траве и деревьям, десяти тысячам вещей, горам и потокам (добрые люди и мудрецы совокупно) инь-ян, пяти стихиям, четырем сезонам, Земле, Небу. Поздние тексты в качестве нормативной дают пятиричную классификацию: 1) "бессмертные-демоны (гуй сянь), т.е. преданные дао люди, не достигшие, однако, больших успехов в своей духовной практике; после смерти они не гибнут, а сохраняют жизнь в виде "гуй" - демона, призрака, но "чистого и духовного" (цин лин) по своей природе; 2) "бессмертные-люди" (жэнь сянь) - т.е. даосы, накопившие большую силу дэ, творившие благо, избегавшие болезней и продлившие до бесконечности свою жизнь; 3) "земные бессмертные" (ди сянь) - люди, "взявшие за образец Небо и Землю", действующие согласно механизму вселенских метафорфоз в соответствии с ритмом небесных светил, вернувшие свои пневменные энергии в "киноварные поля" тела и создавшие из них практикой "внутренней алхимии" (нэй дань) "снадобье бессмертия"; 4) "святые (божественные) бессмертные" (шэнь сянь)⁸ - более совершенные "земные бессмертные", уничтожившие в себе пневму инь и создавшие новое тело, состоящее из чистого ян, пришедшие в гармонию с вселенским миропорядком; 5) "небесные бессмертные", сила дэ которых полностью

соединилась с дэ космоса и которые по призыву Неба стали небесными чиновниками" (тянь гуань) в божественной иерархии небес (16, с. 8).

Нетрудно увидеть, что простое продление жизни квалифицируется здесь значительно ниже бессмертия, связанного с изменением антологического статуса бессмертного, его "одухотворением" и сакрализацией, что вновь указывает на победу в даосизме восходящего к шаманизму представления о бессмертии как спиритуализации бытия, а не просто о продлении физического существования. Во многом победа этого направления в учении о бессмертии стала возможной под влиянием буддизма.

Здесь необходимо учитывать фундаментальные различия китайской (репрезентируемой даосизмом) и индийской (репрезентируемой буддизмом) традиций: философский натурализм первой и психологизм второй. Результатом влияния буддизма на даосизм была его спиритуализация (но не психологизация, поскольку сама психика, воспринятая китайскими буддистами как нечто, определилась, превратившись в школах китайского буддизма в субстанциальный дух, что находилось в разительной дисгармонии с антисубстанциалистскими интенциями эталонного индийского буддизма), приведшая и к торжеству взгляда на бессмертие как на особое состояние, отличное от простого продления "мирского" существования. Вместе с тем даосизму остались чужды универсалистские интенции буддийской сoterиологии с ее учением о всеобщем спасении, хотя с XII-XIII вв. получили определенное распространение даосские погребальные ритуалы с предложением духам умерших эликсиров бессмертия для обретения ими хотя бы состояния "демона-бессмертного", но в целом учение об обретении бессмертия сохранило достаточно индивидуалистический характер.

Со временем на бессмертных стали смотреть как на даосских аналогов будд, что привело в XVI-XVII вв. к появлению синкретических школ (где, однако, доминировало даосское начало) "фо сянь" (будд-бессмертных), в которых положения буддийской доктрины воспринимались исключительно через призму даосской традиции⁹.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что 1) учение о бессмертных возникло во второй половине II тыс. до н.э. в результате соединения веры в возможность бесконечного продления жизни, с одной стороны, и шаманских верований, включавших в себя разработанную технику экстаза, что обусловило существование впоследствии двух интерпретаций бессмертия и статуса "бессмертного" (сянь): а) бессмертие воспринималось как бесконечное продление профанического существования, "безграничное долготелие" (шоу у цюнь) и б) достижение бессмертия предполагало спиритуализацию адепта и изменение его онтологического статуса, что приводило его к единению с началами госмоса и обретению "сверхъестественных" способностей. Исторически господствующей стала вторая тенденция. 2) Даосская доктрина бессмертия могла возникнуть и развиваться только на основе натуралистического по типу мировоззрения, характерного для традиционной китайской культуры; задача изучения функционирования натуралистических доктрин в рамках религиозной идеологии может считаться важной методологической проблемой синологического религиоведения¹⁰.

Примечания

1. Игнатович А.Н. Образ "шэньсяня" в японской средневековой литературе // 12-я научная конференция "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. - Ч. 2. - М., 1981.
2. Кобзев А.И. О понимании личности в китайской и европейской культурах // Народы Азии и Африки. - 1979. - N 5.
3. Кобзев А.И. Нумерологическая методология классической китайской философии // 14-я научная конференция "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. - Ч. 1. - М., 1983.

4. Кобзев А.И. Методология традиционной китайской философии // Народы Азии и Африки. - 1984. - N 4.
5. Малявин В.В. Новейшие исследования даосизма в Японии // Народы Азии и Африки.- 1985. - N 3.
6. Рудой В.И. Проблемы истолкования индийских классических философских текстов в свете материалистической диалектики К.Маркса // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). - 1983-1985. - Ч. 1. - М., 1985.
7. Торчинов Е.А. Основные направления эволюции даосизма в период Лючао (по материалам трактата Гэ Хуна "Баопу-цзы) // Дао и даосизм в Китае. - С., 1982.
8. Бань Гу. Хань шу (История династии Хань). Шанхай, 1964. - Т. 4.
9. Ван Вэньлу. Тай си цзин (Канон о зародышевом дыхании) // Сер. "Бай цзи цюань шу", Ханчжоу, 1984. - Т. 8.
10. Ван Мин. "Тай пин цзин" хэ цзяо (Сводный текст "Канона великого равновесия). - Пекин, 1960.
11. Вэнь Идо. Шэньхуа юй ши (Мифы и поэзия). - Пекин, 1956.
12. Гэ Хун. Баопу-цзы // Сер. Чжуцзы цзичэн. - Шанхай, 1954. - Т. 8.
13. Сюй Чжуншу. Цзинь вэнь гуцзы шиле (Разъяснение надписей молений о счастье на металле) // Чжунъян яньцзю юань; лиши, юйянь яньцзюсо цзикань (Bulleti.of the Institute of History and Philology. Academia Sinica). - 1936. - Т. 4.
14. Тан ицзе. Люопунь цаоци даоцзюо гуаньюй шэн-сы, шэнь-син сэнъитиды лилунь (Теоретические вопросы изучения доктрины раннего даосизма о жизни и смерти, теле и духе) // Чжэсюэ яньцзю. - 1981. - N 1.
15. Хуань Куань. Яньте лунь (Рассуждение о соли и железе) // Сер. Чжуцзы цзичэн. - Шанхай, 1954. - Т. 7.
16. Чжан Бодуань "У чжэнь пянь" чжэн и (Правильный смысл "Глав о прозрении истины"). - Тайбэй, 1965.
17. Чжуан-цзы цзиши ("Чжуан-цзы" со сводным комментарием) // Сер. Чжуцзы цзичэн. - Шанхай, 1954. - Т. 3.
18. Юй Литао. Син. юй шэнь (Тело и дух) // Чжунго чжэсюэ ши яньцзю. - 1982. - N 1.
19. Юнь цзи ци цянь (Семь грамот из облачного книгохранилища) // Сер. Сыбу цункань. - Шанхай, б.г. - Т. 15.
20. Andersen P. The Method of Holding the Three Ones. A Taoist Manual of Meditation of the Fourth Centry A.D. // Studies on asian Tooics. - London, 1980. - N 1.
21. Creel H.G.The Birth of China. - N.Y., 1937.
22. Ho Pend Yoke. The Astronomical Chapters' of Chin Shu: With Amendments. Fuii Translation and Annotation. - Paris, 1966.
23. Needham J. Science and Civilization in China. - Cambridge, 1956. 1974. - V. 2, 5. - Pt 2.
24. Robinet I. Metamorphosis and Deliverance from the Corpse in Taoism // History of Religions. - 1979. - V. 19. - N 17
25. Schipper K.M. Le Corps taoiste. Corps Physique - corps sociale. - Paris, 1982.
26. Smyth O.H7 Chinese Concepts of Soul. - Numen, 1958. - V. 5. - N 3.
27. Strickmaann M. A Taoist Confirmation of Liand Wu Ti,s Suppression of Taoism // J. Amer. Oriental Soc. - 1978. - V. 98. - N 4.
28. Waley A. The Havenly Horrses of Ferghana: a New View // History Today. - 1955. - V. 5. - N 2.
29. Yu Ying - shih. Life and Immortality in the Mind of Han China // Harward Journal of Asiatic Studies. - 1964-1965. - Vol. 25.

1. Здесь хотелось бы упомянуть тот факт, что еще при династии Ранней Хань (III в. до н.э. - III в. н.э.) консолидация даосизма была далеко не завершена. Так, в "Хань шу" и "энь чжи" ("Хань шу", гл. 28) "школа бессмертных (шэнь сянь цзя) еще не выступает в качестве деноминации отдельной от "дао цзя" библиографической рубрики.
2. Отметим, что у этой веры оказались серьезные перспективы на конкуренцию с восточным вариантом прежде всего из-за символики запада как врат смерти, но и врат жизни - в позднем даосизме этот аспект иллюстрировался семантикой триграммы - "кань" (вода), между двумя прерывистыми (инь) чертами которой помещается срединная непрерывная (ян): в глубинах рака инь рождается свет ян; характерно также, что, согласно известной легенде, Лао-цзы перед смертью также отправился в западном направлении.
3. Впрочем, эти регионы были связаны между собой, что обуславливало быструю диффузию их культурных традиций. Например, и крайний восток, и крайний запад Китая были местом оживленных межкультурных контактов и смешения различных этносов. Шаньдунское побережье было центром морской торговли. Вместе с тем еще в самом начале Чжоу (XII в. до н.э.) там поселились и западные цзянь, вождь которых Люй Шап и получил удел Ци. Многие в вере в "сянь" восходят и к религиозным верованиям коренных жителей Ци - "восточных варваров" (дун и). Именно в их среде и возникла, видимо, вера в острова бессмертных в море (три божественные горы), в которой отразилась надежда на сверхъестественные силы, естественная у народа, отгесняемого к морю пришельцами с запада. Интересно также вспомнить, что цари Ци возводили свой род к Желтому императору (Хуан-ди) и что именно в Ци расцветает традиция "фан ши", поднимающаяся до уровня философской рефлексии в учении Цзю Яня и доктрине "Хуан-Лао" (5, с. 161).
4. Именно поэтому вряд ли можно говорить о даосской, а не конфуцианской ориентации такого поэта "садов и полей", как Тао Цянь Тас Юаньмин, 365-427).
5. Другой китайский ученый, Юй Литао, анализируя учение о соотношении тела и духа (син, шэнь) на основе "Чжуан-цзы", "Сюнь-цзы", "Хуан-ди нэй цзиня" и других текстов, приходит к аналогичным выводам относительно психофизического единства (18, с. 79-82). Весьма характерна приводимая им цитата из "Хуан-ди нэй цзиня": "Сердце - это чиновник государя, из него исходит свет духа... Если тело повреждено, то дух его покидает; если дух его покидает, то наступает смерть" (18, с. 80).
6. В целом в даосских текстах встречаются такие основные квалификации дао в аспекте обретения бессмертия:
 - а) дао как регулирующий принцип сущего: следование дао приводит к восстановлению должного состояния человека - бессмертию и совершенству, от которого он уклонился, хотя причины уклонения и теоретическая возможность такового не являлись по большей части предметом рефлексии. Характерный пример - "Лао-цзы син эр чжу", ортодоксальный комментарий "Небесных наставников" к "Лао-цзы", т.с. "Дао-дэ цзиню";
 - б) дао как порождающий принцип сущего и источник жизни. В этом смысле дао часто рассматривалось субстанциально как синоним шэньми (или шэньми и дао рассматривались как разные аспекты единой субстанции - Тао Хунцзин, ряд канонических текстов, включенных в "Юань цзи ци цянь", например "Юань цзи луэнь". Некоторые тексты склонны были рассматривать дао как функции (юн) шэньми. Таким образом, упорядочивание шэньми (син ци) должно было привести адепта к восстановлению гармонии с дао как выражением упорядоченности ци и бессмертию;
 - в) как материальная и действующая причина сущего, одновременно и порождающий принцип, и "материя" "десяти тысяч вещей" (можно отметить неразведенность представлений о форме и материи). См. также (14, с. 57-59, 75).
 В целом бессмертие зачастую понималось как результат следования собственной природе (цзи жань) в ее первоизданности (пу), а соответственно и следования дао.
7. В этой связи характерны постоянные упреки даосов в адрес буддизма, психотехника которых была направлена исключительно на "совершенствование сердца" (синь) или "природной сущности" (син) и игнорировала собственно шэньми-энергетическое виталистическое начало в человеке (мин), что с позиций даосов делало буддийскую практику односторонней и недостаточной для обретения полного совершенства и бессмертия.
8. Термины "шэнь сянь" и "сянь" зачастую употреблялись для обозначения "бессмертного" как такового.
9. Доктрина "будд-бессмертных" стала, быть может, наиболее ярким примером китанизации буддизма, поскольку первоначально именно согерниология и ценностная ориентация буддизма и даосизма являли собой наиболее разительный контраст: с одной стороны, доктрина сансары, предполагающая взгляд на мир как на безначальную юдоль страдания и бессмысленного коловращения, регулируемого законом кармы, с другой - натуралистический космизм и признание безусловной ценности чувственного универсума и жизни в единстве с ним (14, с. 51).
10. В этой связи актуальна также выходящая за рамки данного исследования задача изучения даосских методов обретения бессмертия, их теоретического осмысления в даосской традиции и связи с традиционными формами науки в Китае.

Профили

Жизнь и труды Александра Ванновского

© 1993

*И. Кожевникова**

К числу невероятных человеческих судеб относится, мне кажется, и судьба Александра Алексеевича Ванновского. Судите сами: социал-демократ, участник I-го съезда РСДРП, активный участник революции 1905 года, профессиональный военный, разрабатывающий вопросы вооруженного восстания против монархической власти и умерший в Японии, религиозный философ, в течение более чем сорока лет искавший пути духовного совершенствования человека. Но при всей неправдоподобности этой жизни, она в то же время символична для нашей эпохи. И поучительна тоже.

Александр Алексеевич родился в последний год третьей четверти прошлого века - 11 сентября 1874 г., как он сам пишет, "в маленьком провинциальном городке Чернь, расположенном в ста с лишним верстах от Москвы". К счастью, среди его бумаг чудом сохранилась его автобиография, написанная им в Иокोगаме в 1951 г., озаглавленная "Мое краткое жизнеописание" - пять страничек рукописного текста.

Основываясь на этом "жизнеописании" и разрозненных записях, и удалось проследить основные события этой необычной жизни.

Отец Александра Алексеевича, сын священника, выходец из тамбовского села Ваново - отсюда и фамилия Ванновские - был офицером. Мать, урожденная Дурасова, дочь помещика Саратовской губернии. Детство мальчика прошло в Туле, где отец занимал должность старшего адъютанта при начальнике гарнизона. Выйдя в отставку полковником, он служил в Туле на патронном заводе, поставщике военного ведомства. Семья жила в предместье города, неподалеку от слободы Чулково, расположенной за рекой Упой. Слобода и ее жители описаны в очерках Глеба Успенского "Нравы Растеряевой улицы", а в романе Достоевского "Бесы" она фигурирует как "Заречье".

В семье было пятеро детей - два сына, Виктор и Александр, и три дочери - Зинаида, Ольга и Екатерина. Александр любил семью и милую Тулу, любил долгие зимние вечера, когда за чаем собиралась вся семья. Старшая Зина, поклонница Льва Толстого, читала младшим "Детство" и "Отрочество". "Могу сказать, - писал в старости Ванновский, - что с Толстого началась моя сознательная жизнь".

Родители решили отдать мальчика в кадетский корпус. Незадолго до того как ему исполнилось десять лет, мать повезла сына в Москву. "Была половина августа, когда ко дню яблочного Паса привозят в Москву яблоки. Мы с мамой остановились на Смоленском рынке, обширные торговые помещения которого сплошь были завалены яблоками... Весь воздух был насыщен чудесным

* Кожевникова Ирина Петровна, японовед

** Существуют разночтения этой фамилии: "Ванновский" и "Вановский", написанные рукой самого Александра Алексеевича. Мы считаем правильным придерживаться написания "Ванновский", как он сам писал в последние годы жизни.

яблочным запахом - мягким и удивительно приятным. Эта ассоциация Москвы с яблочным ароматом крепко засела у меня в памяти”.

Александр хорошо выдержал экзамен и его приняли в 3-й Московский кадетский корпус на казенное содержание. “В младших классах я мечтал, чтобы стать генералом, а в старших склонялся к карьере инженера. В науках я преуспевал - особенно в математике и физике”.

Весной 1893 г. Александр Ванновский окончил кадетский корпус и, чтобы отбыть воинскую повинность, поступил на Военно-училищные курсы Киевского пехотного юнкерского училища. Но несколько месяцев до осени он посещал кружок по самообразованию, существовавший при Московском университете, - один из первых марксистских кружков в России. В нем изучали происхождение мира по Канту и Лапласу, происхождение человека по Дарвину, историю первобытной культуры по Тэйлору, происхождение семьи и государства по Энгельсу. И, в заключение, материалистическое понимание истории по Марксу. “Но едва мы добрались до Маркса, - вспоминал Ванновский, - как я должен был облечься в мундир вольноопределяющегося одного из полков московского гарнизона и ехать в Киев на Военно-училищные курсы”.

После окончания курсов Ванновский в звании подпоручика вышел в запас и в 1896 г. поступил в Императорское Московское техническое училище, в советское время - Высшее техническое училище имени Н.Э.Баумана, ныне - Технический университет.

В училище читал лекции по политической экономии Сергей Николаевич Булгаков, впоследствии отец Сергей, известный священник и богослов. Он был всего на 3 года старше Ванновского и был тогда убежденным марксистом - марксизм в то время стал широко распространяться среди революционно настроенной русской интеллигенции. Читая свой предмет в разных учебных заведениях Москвы, Булгаков заражал слушателей уверенностью в истинности революционного пути развития общества. “Мне улыбалась техническая карьера, - писал в своих воспоминаниях Ванновский, - но чисто моральные побуждения толкали меня в революцию, марксистскую основу которой развивал нам Булгаков в своих блестящих лекциях”.

Но решающее влияние на политические взгляды Александра оказал его старший брат Виктор. В это время он вернулся в Москву, пережив многие драматические события - исключение из Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии за организацию кружка народовольческого направления и участие в студенческих волнениях 1890 г., а потом арест в 1892 г. и 2 года одиночной камеры за революционную пропаганду среди военных в Невском полку, где он отбывал воинскую повинность. Одинокое заключение окончилось душевным заболеванием и Виктора отдали родным на поруки.

Вернувшись в Москву, Виктор, который, по словам Ванновского, “в тюрьме одолел Маркса и из народовольца превратился в социал-демократа”, через брата Александра создал в Техническом училище социал-демократический кружок, из которого в 1897 г. возник Московский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Делегатом от него на Учредительный съезд социал-демократической партии в Минске поехал Александр, так как Виктор находился под надзором полиции. Вскоре он, как и другие участники съезда, был арестован и после 14 месяцев заключения в Таганской тюрьме получил по приговору трехлетнюю ссылку в Вологодскую губернию. Здесь было много ссыльных интеллигентов: социал-демократов, социал-революционеров и просто таких, кто как-то соприкоснулся с революционным движением - романист Алексей Ремизов, пушкинист Павел Щеголев, эсер Борис Савинков, социал-демократ Анатолий Луначарский и его шурин Александр Богданов, публицист Вацлав Воровский.

На одном из собраний Ванновский обратил внимание на молодого человека, которого сразу окрестил Ленским. “Тот же вдохновенный взор, отражавший душу “прямо геттингенскую”, и те же “кудри черные”, но только

не до плеч. Это был Бердяев - восходящая звезда русской философии. В его лице чисто физическая, мужская красота соединилась с выраженным высокой духовности. В общем, могу сказать, что его лицо было одним из самых интересных лиц, которых мне приходилось встречать до того времени. В обществе он явно главенствовал, но нисколько тем не кичился, что решительно всех располагало к нему". Бердяев, который все больше склонялся к "критическому" (легальному) марксизму, уже в те годы думал о душе, о творческой свободе, о том, что он дальше облек в формулу "весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой". Ванновского же в те годы больше интересовали вопросы революционной практики. Получив предписание отбывать ссылку в Сольвычегодске, на берегу широкой Вычегды, он простился с Бологдой и людьми, которые были ему всего более симпатичны, хотя придерживались полярных взглядов - уже идеалистом Бердяевым и еще ярим материалистом Богдановым.

В Сольвычегодске Александр Алексеевич вместе с находившимся там Юлианом Мариановичем Маленевским, другими ссыльными и женой Верой Владимировной Яковенко организовал социал-демократическую группу "Воля". Отбывший свой срок Маленевский нелегально переправил через границу печатную машину "Бостонка" и шрифты. Типография была организована сначала в Рыбинске, а потом в Ярославле. Александр Алексеевич, отбывший к этому времени вологодскую ссылку, вошел в социал-демократический комитет Ярославля. Типография печатала нелегальные брошюры, перепечатывала "Искру" и "Рабочее дело". Но в 1903 г. полиция выследила группу Ванновского. Он, его жена Вера и несколько товарищей были арестованы. После 2 лет заключения в Ярославской тюрьме Ванновский был освобожден в июне 1905 г. За стенами тюрьмы уже бушевала революция. Сентябрь - декабрь были временем самым "боевым" в его жизни. Он едет в Киев, который "буквально горел в огне политических страстей". На несколько дней выезжал в Севастополь - пытался освободить "потемкинцев", сидящих в тюрьме. Налаживал самооборону в Киеве, оборудовал лабораторию для производства динамита, испытывал первую изготовленную бомбу, принимал участие в восстании Киевского гарнизона. После разгрома восстания в Киеве, Ванновский переезжает в Москву, 3-го декабря выступает на митинге солдат Ростовского полка, пробирается по заснеженной Москве на Пресню, где находилась фабрика Николая Шмидта - цитадель восстания - предупредить дружинников о выезде из Петербурга в Москву карательной экспедиции, предлагает план захвата Кремля и создает небольшой отряд. Но дни Декабрьского восстания были сочтены. После его разгрома он опять должен был уйти в подполье: полиция разыскивала его как участника киевского бунта и Московского вооруженного восстания.

Обвинения были очень серьезными. "Если бы меня схватили в Киеве, - рассказывал в старости Ванновский журналисту Владимиру Цветову, - то военно-полевой суд приговорил бы меня к расстрелу. В случае ареста в Москве меня ожидала виселица".

"Новый, 1906 год, наступил в атмосфере революционного настроения и надежд на близость другой, более удачной революции, - вспоминал Ванновский. - В связи с этим в партийных кругах шло оживленное обсуждение причин провала восстания."

Сам он взялся за перо, чтобы изложить свой собственный военный опыт. Пишет брошюру "Стаечная революция 1905 г." (вышла только в 1917 г.), "Тактика уличного боя", "Тактика милиции" и статью "О подготовке к вооруженному восстанию" для большевистской газеты "Пролетарий" (1906, N 11).

К этому времени относится знакомство Ванновского с Лениным. Они встречались несколько раз, в 1907 г. Александр Алексеевич ездил в Финляндию, в Куоккалу, где Ленин жил в то время с Александром Богдановым.

Разговоры шли в основном о делах Военно-технического бюро (ВТБ), где ведущую роль играл Ванновский. Это была по его словам "вольная революционная организация", задачей которой было распространение военно-технических знаний среди членов партии, другими словами, штаб для военного и тактического руководства грядущим восстанием.

Во время встречи в Куоккале, когда разговор коснулся киевского восстания, за которое, по словам Ванновского, было заплачено дорогой ценой человеческих жизней, Ленин сказал: "История не знает бескровных революций, брось об этом думать".

"На обратном пути, подводя итоги своему разговору с Лениным, - писал в своих воспоминаниях Александр Алексеевич, - я мысленно обратился к нему со словами: "Ты писатель, теоретик, а я практик, и потому мы говорим с тобой на разных языках. Я не хуже тебя понимаю, что революция связана с жертвами, но я чувствую эти жертвы, а ты их не чувствуешь. В этом мы расходимся. Вот если бы тебе самому лично довелось бы провести какое-либо восстание, хотя бы самое маленькое, то ты тогда понял бы мое умонастроение".

Ванновский еще продолжал свою деятельность в ВТБ, еще доказывал возможность вооруженного восстания против царизма, но в нем уже зрел духовный перелом. Его всегда интересовали вопросы психологические. В брошюре "Стачечная революция 1905 г." кроме военных он поднимал и такой вопрос - как стачечник может стать повстанцем, понимая, таким образом, восстание, как процесс движения и превращения личности. Его все сильнее занимали мысли о том, что социальное обновление не может быть достигнуто путем насилия.

Что же произошло с Ванновским? То же, что и со многими интеллигентами того времени, которые в молодости всей душой были преданы марксизму, видя в нем путь освобождения народа от нищеты и несправедливости, а потом так же яростно оттолкнулись от него, от его "социал-демократической", по словам Бердяева, "лжерелигии", "за подчинение личности общественно-утилитарным целям".

Ванновский - активный участник первой русской революции, многие годы живший в подполье и разрабатывавший тактические вопросы вооруженного восстания, руководитель ВТБ, занятый изготовлением гранат и динамита, как ни странно, душой тянулся к мыслям и разговорам не о "дольнем", а о "горнем", к чтению книг, далеких от изготовления гранат и применения "торпедо".

Он пишет: "После 1905 года, когда потухли огни национальной революции, у меня начали возникать сомнения в целесообразности социал-демократической программы и, вообще, в правильности материалистического понимания истории, выдвинутого Марксом. Я стал склоняться к мысли, что истинный социализм требует духовного обновления человечества, в силу чего классовая борьба должна быть соединена с борьбой за личность, способную творить новую, более совершенную культуру".

Александр Алексеевич начинает искать в литературе идеальную личность, которая могла бы стать эталоном для многих людей. Он останавливается на Гамлете, видя в нем высокий гуманизм, который считал основой человеческой личности. Одновременно, как и многие интеллигенты того времени, он обращается к Христу. Несколько десятилетий обе эти личности, пройдя в его сознании оригинальную трансформацию, найдут отражение в одной из его работ. Но об этом - позднее. Пока же, увлекшись такого рода философскими и чисто литературными вопросами, а также психологией - он много читает Фрейда - Ванновский выходит из партии, отходит от всякой политической деятельности. Заработок на жизнь ему дает его техническое образование. Некоторое время он работает от Переселенческого управления в лесах Западной Сибири, в Томском уезде. Там ему приснился вещий сон, по его словам - "замечательное сновидение", которое он назвал "космическим". Будто

он находится в большом городе, а сверху блистает грандиозный фейерверк небесных огней, похожих на извержение вулкана. По небу двигаются сияющие планеты, оставляя сверкающие следы. С высоты небес медленно спускается бесконечная вереница людей в пламенных одеждах, их черные волосы и желтоватые лица придают им восточный вид. Вокруг одной из планет вьются огненные вихри и на одно из мгновений она показалась Ванновскому раскрытой книгой, листы которой треплет ветер. На черном как уголь небе остаются сверкающие следы от движущихся светил, которые, переплетаясь, складываются в сложный узор, похожий на огненные письмена.

Склонный к предчувствиям и предзнаменованиям, Ванновский расшифровал этот сон так суждено будет попасть в страну с действующими вулканами и большими городами, где живут люди с желтой кожей, т.е. в Японию. Огненные письмена он понял, как указание на таинственную книгу, которую ему суждено будет расшифровать, а в планете, похожей на книгу с трепещущими листами, - намек на "Апокалипсис", которым он в то время начал интересоваться.

Но в 1914 г. началась первая мировая война. Ванновский добивается отправки на фронт. В чине подпоручика он был прикомандирован к главной радиостанции при штабе Главнокомандующего армиями Западного фронта. Александр Алексеевич проявил незаурядную смелость при установлении связи между частями действующей армии - за это был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. В 1916 г. Ванновского командировали в Петроград в Офицерскую электротехническую школу для прохождения ускоренного курса по радиотелеграфу. А по ее окончании, когда он собирался ехать обратно на Западный фронт, ему последовало предложение следовать на Восток, в Хабаровск, для продолжения службы на военной радиостанции в должности ее начальника. "В этом предложении, приближавшем меня к Японии, - писал Ванновский, - я увидел перст судьбы и сразу согласился, хотя мне было гораздо выгоднее оставаться в европейской части России, где у меня были и родные и друзья. Я планировал, как только кончится война, поехать на пару недель в Японию, чтобы посмотреть страну своего космического свидения. Но мой план осуществился при других обстоятельствах, которых я совсем не ожидал..."

В 1917 г. в России произошла Февральская революция, а затем октябрьский переворот. В 1918 г. Ванновский был в Петрограде на офицерском съезде как делегат от Приморского военного округа. Он мог бы возобновить знакомство с Лениным, но, как он сам писал, "между нами была уже пропасть". Кроме духовного перелома, увлекшего Ванновского от социал-демократии на путь религиозной философии, было еще одно, главное обстоятельство, из-за которого пути их расходились. Это было будущее России - русский и офицер, он не мог принять Брестского мира.

"Когда пала царская власть, постоянно запаздывавшая с самыми необходимыми и неотложными реформами, - вспоминал об этом времени Ванновский, - то перед народами России открылись широкие творческие перспективы, как в смысле преобразования государственного строя, так и в смысле материального и культурного преуспевания. Но мы знаем, что всегда в подобных случаях сказывается действие энтропии духа в форме какого-либо искушения, способного сорвать творческое восхождение. В семнадцатом году роль такого искушения выпала на долю Ленина, выступившего со своими "апрельскими тезисами", в которых он претендовал на радикальное разрешение самых проклятых вопросов того времени..."

В июле 17-го года, будучи в Москве, я зашел к Бердяеву, с которым когда-то коротал ссыльные годы в Вологде. Мне хотелось поделиться с ним впечатлениями, вынесенными мной из тогдашнего Петрограда. Вы знаете, Николай Александрович, говорил я, что коммунистическая пропаганда удивительно напоминает евангельское искушение царством земным. Ленин,

рисую фантастическое будущее, подобно искусителю, говорит народу - "все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне" (Матф. 4-9).

"На эту тему, - заметил Бердяев, - я недавно написал статью, в которой развивал ту мысль, что все здание ленинской демагогии построено на трех искушениях Христа. Он искушает народ хлебом, ибо обещает ему все земные блага социалистического рая - кисельные берега и молочные реки. Он искушает также чудом, так как утверждает возможность непосредственного перехода в социалистическое общество, возможность прыжка из царства необходимости в царство свободы. И, наконец, как вы уже заметили, обещая пролетариату власть, к которой он не подготовлен, искушает его царством земным".

Речь шла, вероятно, об известной статье Бердяева "Духи русской революции".

"Религия социализма, - писал он в ней, - вслед за Великим Инквизитором принимает все три искушения, отвергнутые Христом в пустыне во имя свободы человеческого духа. Религия социализма принимает соблазн превращения камней в хлеб, соблазн социального чуда, соблазн царства этого мира... В русском народе не оказалось противоядия против антихристовых соблазнов той религии социализма, которую принесла ему интеллигенция".

Ванновский не мог не согласиться с этими словами, ибо видел вокруг себя шабаш насилия появившихся на поверхности "бесов", предсказанных когда-то Достоевским, что, казалось, действительно пришло царство Антихриста. В эти трагические дни он верил, что социальные проблемы не могут быть разрешены "путем длительной Варфоломеевской ночи", что спасение России - в духовном возрождении и единстве.

Очень современно звучат его слова из статьи "Знамя возрождения", вышедшей в Хабаровске в 1918 году:

"...Если мы поймем, что великое будущее нашей страны требует от нас великого единения в борьбе за лицо гражданина нового, действительно трудового общества, в котором "несть ни эллин, ни иудей", "ни пролетарий ни буржуа", а есть только работники духа, творцы общечеловеческих ценностей, то мы поймем также и всю бессмыслицу кровавого хаоса, в котором пребываем, и найдем средства к его преодолению".

В это время Александр Алексеевич настолько серьезно заболел нервным расстройством, что медицинская комиссия признала его "совершенно неспособным к воинской службе". Врачи рекомендовали морские купания и послали его на курорт, только что открывшийся на берегу залива Посьет. Но несмотря на то что уже стоял июнь, вода была такой холодной, что Ванновский вернулся обратно в Хабаровск.

"И вот, - пишет он, - судьба подставила мне вторую ступеньку - врачи предложили поехать на два месяца в Японию, где, по их мнению, начался купальный сезон".

Так в июне 1919 г; Ванновский оказался в Японии.

В Иокогаме, там поселился Александр Алексеевич, жило много русских, поэтому у него не возникало языковых затруднений. Морская вода была теплой, люди приветливы, пейзажи удивительно красивы. И главное покой, после издерганной войной и революцией России. Здоровье быстро шло на поправку, и Ванновский было уже подумывал о возвращении, как пришло известие о падении Колчака. На Дальнем Востоке шла ожесточенная гражданская война, "время всеобщего развала и разгула низших инстинктов". Возвращаться было некуда. Встал вопрос, что делать дальше. Ванновский уже стал привыкать к Японии и ему было жаль с ней расставаться, но без знания языка он не мог обеспечить себе постоянный заработок и начал хлопотать о визе в США - там было больше возможностей для литературной работы, которой он решил себя посвятить. Но когда виза была получена, последовало приглашение от профессора Катаками занять место преподавателя русского языка и литературы

в университете Васэда - там на филологическом факультете как раз открывалось русское отделение. Судьба поставила ему еще одну ступеньку.

"Так три ступеньки судьбы, - писал Ванновский, - привели меня в Японию и дали возможность в ней остаться".

Был апрель 1921 года.

Первое время в новой стране всегда удивительно по силе впечатлений. Япония открывала перед Ванновским новые и новые страницы.

Служба в университете Васэда давала ему возможность безбедного существования. Он попал в среду людей, своих японских коллег, любящих культуру его родной страны. А общение с любознательной молодежью, готовой сопровождать его и по Токио, и по его близким и дальним окрестностям, было целительным для его раненой души. Университету принадлежала большая библиотека - и русские, хорошо подобранные книги, приобретенные профессором Катаками в России, и иностранные, собранные на отделениях английского, французского и немецкого языков. Декан филологического факультета Цубоути Сёё был самым видным в Японии знатоком и переводчиком Шекспира и в университетской библиотеке шекспироведение, в том числе книги о Гамлете, который по-прежнему интересовал Ванновского, было представлено в наиболее полном виде. Впервые за много лет у него было время и возможности для размышлений, литературных занятий, умственного труда.

Эта прекрасная страна, страна его космического сновидения, поистине была отмечена перстом судьбы. Она стояла на зыбкой земле и так близко соприкасалась с раскаленной магмой, что в ней постоянно ощущалось пульсирование чрева планеты. С первых дней приезда в Японию Ванновский постоянно ощущал его в землетрясениях, которые вместе со страхом вызывали в нем чувство какого-то восторга.

Вулканы с их грозной силой поразили впечатлительного Ванновского. Он совершает пеший подъем на вершину потухшего вулкана Фудзи, самую высокую и почитаемую гору Японии. Пишет поэтическое эссе "Японский богатырь". Сравнивает Фудзи-сан с воином, который стоит на страже "счастья и покоя японского народа":

"...Он ведет борьбу с зимними бурями и снежными вьюгами, со свирепыми грозами, осыпающими его огненными стрелами".

Пишет Александр Алексеевич и эссе о вулкане Асама-яма, сравнивает его с капризной красавицей, по несколько раз в день меняющей наряды.

Свой летний отпуск 1923 г. Ванновский решил посвятить вулканам. Сначала он поехал на остров Оосима в Тихом океане, где находится действующий вулкан Михара-яма, а потом переехал в Ито и направился к потухшему вулкану Акаги-сан. Совершив пешее восхождение, он провел там несколько дней, любуясь альпийскими лугами, когда пришло известие о "Канто дайдзисай" - "Великом кантоском землетрясении", поразившем район Токио - Иокагаму. Возвращаясь в Токио, из окна поезда Ванновский видел, как "по лицу обширной равнины, точно паучьи лапы, протянулись длинные, изгибистые трещины". Фотографии тех дней - они сохранились и в архиве Ванновского - запечатлели страшную картину разрушений.

Интерес к вулканам привел Ванновского на остров Хоккайдо в город Хакодатэ, где весной 1929 г. было грандиозное извержение вулкана Комагатакэ.

Вулканы, которые, по мнению авторитетных исследователей, во многом определили быт японцев и сформировали их характер, стали для Ванновского той точкой отсчета, с которой начались его основные научные гипотезы.

Немного обжившись в Японии, Александр Алексеевич начал изучать японскую литературу. В ней его особенно заинтересовали древние мифы, предания и так называемый жанр "кайдан" - рассказы о привидениях: в них Ванновского привлек мотив загробной мести, встречающийся у русских и европейских романтиков. Эта тема интересовала его еще в России - он ее изучил настолько хорошо, что в 1929 г. выступил автором-составителем

разделов "Россия" и "Германия" в двухтомном издании "Собрание рисунков к "кайдан", выпущенных "Тюо бидзюцуся". Ванновский решил заняться сравнительным изучением европейских и японских "страшных рассказов". Но он натолкнулся на языковой барьер. Переводы на русский его учеников были так несовершенно, что из них можно было составить лишь смутное представление об оригинале. После долгих размышлений - кто из живущих в Японии русских может помочь ему в переводах - Ванновский обратился к Михаилу Петровичу Григорьеву (1899-1943).

Зная о его загруженности, он не очень надеялся склонить его к изысканиям в области древней литературы. Но, к удивлению Александра Алексеевича, тот охотно согласился. Когда Ванновский заикнулся о вознаграждении, Григорьев замахал руками и отказался: "Меня интересует сам предмет, а не деньги, да и откуда они у вас!". Оказалось, что в это время Григорьев сам мечтал кроме практических переводов, необходимых для заработка, начать заниматься японской литературой, мечтая в будущем написать историю Японии, иллюстрировав каждый ее этап художественными произведениями той эпохи.

В поисках материала о привидениях - "юрэй" и оборотнях - "обако", которыми полны страшные рассказы - "кайдан", им помог коллекционер старинных изданий и гравюр, у которого почти все книги были на тему о загробной жизни.

Но вскоре они перешли к началу начал японской литературы - к "Кодзики" ("Записки о делах древности"), первому литературному памятнику, повествующему о рождении японской земли и японского государства.

О том, как шла совместная работа рассказывает сам Ванновский:

"Сидим за "Кодзики". Он переводит с листа, поясняя текст комментариями профессора Цугита. Со свойственной ему деловитостью он запасся необходимыми пособиями и, прежде всего, двумя увесистыми томами примечаний и пояснений к мифологическому периоду японской истории этого профессора. Сопоставляет с "Нихон-Сёки", с норито. Я обращаю его внимание на эпизоды, что могут понадобиться мне для статьи, и он дает мне их точный перевод".

Наверное, только специалист может оценить познания и эрудицию тогда еще совсем молодого Григорьева - ему было около тридцати или тридцать с небольшим. К тому же он не был специалистом по древней литературе, не имел ни университетского образования, ни филологической подготовки.

В чем же была главная трудность?

Ванновский объясняет ее так:

"Мы ищем в "Кодзики" объединяющего начала, которое позволило бы нам понять японский миф как одно художественное целое. Нам нужна теория, исходя из которой можно было бы объяснить все темные и загадочные места мифа. А их так же много, как и в "Гамлете". В поисках ключа обращаемся к обширной литературе о "Кодзики". Но она нас не удовлетворяет, ибо в ней, как и в литературе о "Гамлете", имеется несколько глубоких и оригинальных воззрений, а все остальное сплошь вариации к ним. И мы ходим к специалистам по "Кодзики", которые любезно принимают нас и дают указания, которые все-таки не выводят нас из лабиринта мифа".

Дело заключалось в том, что Ванновский и Григорьев рассматривали сюжет "Кодзики" как борьбу двух начал - начала светлого, организующего, и темного, хаотического. Но в эту схему никак не укладывались богиня Идзанами и бог Сусаноо. В конце концов пришлось признать подобную попытку неудавшейся.

Но хоть загадка мифа и не была решена, совместный многолетний труд принес плоды. Оба досконально изучили "Кодзики". Ванновский написал статью "Мифология "Кодзики" и Библия", где сравнивал мифы о творении мира. Эта статья как доклад была прочитана им в японском обществе "Мэйдзи" 26-го

апреля 1932 г., а в 1934-м напечатана в парижском журнале "Путь" - Ванновский послал ее Бердяеву, с которым находился в переписке. Есть упоминание, что о ней благожелательно отозвался Н.К.Рерих. Григорьев же опубликовал в журнале "На Востоке" обстоятельную работу "Древнейший памятник японской культуры "Кодзики".

Однако проблема неразгаданного мифа продолжала, по словам Ванновского, стучаться в его душу.

И все получилось по старой русской пословице: "Утро вечера мудренее" - решение пришло по истечении времени само собой.

"В 1939 г., - писал Ванновский, - когда Григорьев окончательно переехал в Харбин, я задумал написать свои воспоминания о бурном прошлом, пережитом в царской России. В связи с этой работой я обратился к своему космическому сновидению и вот тут меня, что называется, озарило - если на меня, человека XX столетия, вулкан произвел столь сильное впечатление, то тем более это можно сказать про предков японского народа, пришедших из глубины азиатского материка, где нет вулканов".

Интересно, что присхавший в Японию Ванновский обратил внимание на то, что японцам, привыкшим к вулканам, извержениям и землетрясениям с самого детства и воспринимающим их как нечто обычное, в силу привычки не пришлось в голову проанализировать "Кодзики" с этой точки зрения. Ведь часто бывают случаи, например в математике, когда открытия делают молодые неискушенные ученые, которые в силу отсутствия стереотипов находят нетрадиционное решение.

Но догадка, какой бы гениальной она ни была, требует доказательств. Александр Алексеевич начал заново пересматривать весь материал, отбросив в сторону прежние теории. К весне 1941 г. он закончил работу "Вулканы и солнце. Новый взгляд на мифологию "Кодзики", где изложил свою точку зрения о том, что ключом к пониманию "Кодзики" является вулканическая природа Японии.

(окончание следует)

Тайное становится явным

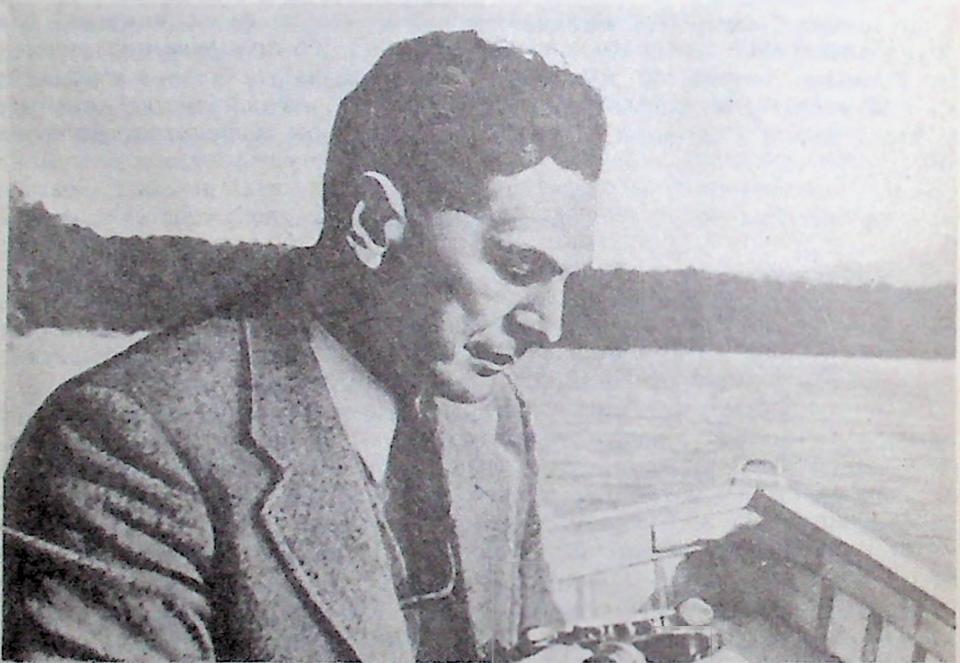
Рихард Зорге: Супершпион или суперполитик

© 1993

В. Молодяков

"Война не начинается в тот день, когда начинаются вооруженные столкновения, и не кончается с подписанием перемирия и с последним пушечным выстрелом".

Людмила Денни

О Рихарде Зорге мы знаем, кажется, все. И если не верим отечественным биографам "пламенного патриота и интернационалиста", то к нашим услугам многочисленные сочинения о "супершпионе XX века", написанные бойкими литераторами, главным образом из США. При полной противоположности

политических позиций и разности акцентов, и те и другие удивительно похожи друг на друга и в равной степени оставляют ощущение того, что самое важное так и не было сказано. Может быть, и в самом деле вопрос "Кто вы, доктор Зорге?", заданный почти 40 лет тому назад его бывшим сослуживцем Хансом-Отто Мейснером, остался без ответа? Какие еще тайны хранит жизнь и судьба Зорге?

Должен сразу же предупредить: никаких сенсационных открытий настоящая статья не содержит. Но, памятуя о том, что новое - это всего лишь хорошо забытое старое, следует вспомнить о многих вещах, вроде бы хорошо известных порознь, но так и не сложившихся в цельную картину. Не надо искать новых разгадок "загадки Зорге" - достаточно непредвзято и комплексно проанализировать некоторые вполне известные - если не в России, так за границей - факты, как многое в, казалось бы, давно знакомой истории предстанет перед нами в совсем ином свете и, возможно, поколеблет сложившиеся стереотипы и шаблоны. Зорге удивлял многих не только при жизни, но и после смерти.

Главное, что объединяет биографии Зорге, написанные по обе стороны "железного занавеса" - это исключительная сосредоточенность авторов на его разведывательной работе, т. е. сборе и передаче агентурной информации. Отрицать важность этой стороны деятельности Зорге нелепо, написано о ней больше чем достаточно - поэтому речь пойдет о другом. Отмечу лишь, что в признании исключительности Зорге-разведчика сходились и друзья, и враги, а развенчать его пытались лишь наиболее однозлые сочинители вроде пресловутого Виктора Суворова в его "Ледоколе"¹. Но при этом практически все биографы Зорге оставляли в стороне его "легальную" деятельность в качестве журналиста и политического аналитика, усматривая в ней лишь "крышу", под которой надежно укрывался "супершпион". Биографы беспристрастно сообщали о том, что Зорге составлял официальные секретные отчеты и донесения за своего "друга" Эйгена Отта (немецкого военного атташе, а затем посла в Токио), но, кажется, не задавались вопросом, почему эти документы так высоко оценивались в Берлине, а их "автор" Отто, человек более чем посредственных способностей, благодаря им, стал послом.

Если бы Зорге писал донесения в Берлин "одной левой" и исполнял их выгодной СССР дезинформацией, это было бы разоблачено уже на второй или третий раз, поскольку в германском МИДе на ключевых постах находились не нацистские выскочки, а дипломаты старой школы, да и сам Зорге не был единственным информатором министерства в Японии. Вывод напрашивается сам собой: Зорге не только оперативно поставлял в Берлин свежую, достоверную, зачастую секретную информацию о событиях в Японии, но и давал анализ сложившейся в стране ситуации. Разумеется, для сбора подобной информации он использовал свою агентурную сеть (в первую очередь Одзаки Ходзуми - близкого друга и советника принца Коноэ), которая работала, таким образом, и на Берлин, и на Москву. Однако "двойным агентом" Зорге не был: Москва знала, что он работает и на Берлин, но Берлин не знал, что он работает на Москву.

Донесения Отта - Зорге ценились в Берлине исключительно высоко. Причем их подлинное авторство не было секретом для высокопоставленных чиновников Рейха, о чем свидетельствуют в частности, воспоминания Вальтера Шелленберга². Арест Зорге стал тяжелым ударом для немецкой дипломатии не только из-за соображений престижа - Берлин лишился своего лучшего информатора и аналитика в Токио, поскольку уровень и оперативность материалов Зорге сделали его поистине незаменимым. Никто из немецких дипломатов или разведчиков не обладал столь широкими, главным образом неофициальными, связями в правящих кругах Японии и уж, конечно, никто не мог столь четко и конкретно проанализировать полученную информацию.

Зорге-аналитик - ипостась не менее важная, чем Зорге-разведчик. И в Москву, и в Берлин помимо собственно агентурной информации шли прогнозы, сбывавшиеся, как правило, с точностью до мелочей. Зорге позволял себе не только анализировать и прогнозировать ситуацию, но и давать рекомендации - причем в Берлине к ним прислушивались чаще, чем в Москве. На следствии Зорге выделял как главное в своей деятельности именно способность влиять на конкретную политику в государственном масштабе, а не просто поставку информации тем, кто ее осуществлял¹. К сожалению, нам почти неизвестны агентурные донесения Зорге в Берлин, но общее направление их может быть отчасти реконструировано по его легальной деятельности и по общему ходу событий в Японии.

Российские источники очень бегло говорят о журналистской деятельности Зорге, главным образом лишь упоминая о его работе в Японии в качестве корреспондента нескольких авторитетных немецких газет, не имевших характера нацистского официоза. Однако полностью обходится молчанием тот факт, что Зорге был японским корреспондентом (и более того - представителем) крупнейшего немецкого геополитика Карла Хаусхофера и его журнала "Цайтшрифт фюр геополитик". Упомянув о рекомендательных письмах от высокопоставленных нацистских чиновников, которые открыли Зорге многие двери в Токио, биографы почти единодушно умалчивают о Хаусхофере или предпочитают вовсе не комментировать этот факт². Не занимавший никаких официальных постов в Третьем Рейхе, Карл Хаусхофер (отставной генерал, военный дипломат и профессор университета в Мюнхене) пользовался исключительным авторитетом у части германского руководства, прежде всего у тех, кто, как Мартин Борман, выступал против войны с СССР и за союз континентальных держав против морского атлантического блока Англии и США. Называть Хаусхофера "серым кардиналом" Третьего Рейха по меньшей мере абсурдно, особенно если учесть, что в нацистском руководстве в конце концов возобладала прямо противоположная точка зрения. Однако авторитет его был велик, особенно в Японии, которую он "хорошо знал и любил"³ и в которой, по свидетельству знавшего его Стефана Цвейга, "приобрел много друзей"⁴ еще во время службы там в качестве германского военного атташе (1908-1910). Следует добавить, что Хаусхофер свободно владел японским языком и постоянно следил за событиями в стране. Вполне естественно, что в качестве своего представителя в Японии он хотел видеть профессионала, аналитика и единомышленника. Он не случайно остановил свой выбор на Зорге, увидев в нем наиболее подходящую фигуру. А сам Зорге опубликовал в его журнале восемь больших аналитических статей (в одиннадцати номерах за 1935-1939 гг., включая юбилейный номер, посвященный семидесятилетию Хаусхофера)⁵. Эти статьи являются центральными в литературно-политическом наследии Зорге и нуждаются в скорейшем издании и изучении в России наряду с избранными корреспонденциями в немецких газетах⁶. Добавлю, что книга о Японии, над которой Зорге работал несколько лет и неоконченная рукопись которой пропала при аресте⁷, писалась Зорге по заказу Хаусхофера, который настоятельно торопил своего корреспондента. Об этой книге пишут почти все биографы Зорге, но, кажется, только Чалмерс Джонсон называет имя ее заказчика и вдохновителя⁸. И без дополнительных объяснений понятно, почему Хаусхофер заказал эту книгу именно Зорге и какую ценность имела бы она, если бы работа была доведена до конца. К сожалению, неизвестно, сохранились ли в архиве Хаусхофера письма Зорге (архив последнего утрачен, по-видимому, полностью). Пока неизвестно и то, как Зорге освещал в донесениях в Москву свои отношения с Хаусхофером и его журналом.

Что же сближало Зорге и Хаусхофера и как была связана с этой близостью деятельность Зорге в Японии. По своей геополитической ориентации оба были евразийцами, что в области конкретной политики ярче всего проявилось в идее оси Берлин - Москва - Токио осенью 1940 г., непосредственно

после заключения Тройственного пакта Германии, Италии и Японии, к которому предлагалось присоединиться и Советскому Союзу. В Германии наиболее настойчивым пропагандистом этой идеи был Хаусхофер, в Японии - тогдашний премьер-министр и один из влиятельнейших политиков принц Фумимаро Коноэ. До сих пор, кажется, не предпринималась попытка хоть как-то связать их, однако такая связка представляется очевидной. Зорге был "полномочным представителем" Хаусхофера в Японии, а его ближайший друг и соратник по политической и агентурной работе Одзаки был другом, помощником и доверенным лицом принца, его личным советником, реально влиявшим на конкретные политические шаги увлекающегося и глобально мыслящего, а потому досадно невнимательного к "мелочам", Коноэ. Зорге и Одзаки фактически подчинили себе все ближайшее окружение принца (Кинкацу Сайондзи, Тэйкити Кавани, Кэн Инукаи и др.), хотя, разумеется, не смогли справиться с противостоящей им группой командного состава Сухопутных войск во главе с Тодзио и представителями "новых концернов"¹¹. Арест Зорге и его группы не случайно совпал с падением третьего и последнего кабинета Коноэ, а сам принц посчитал "дело Зорге" провокацией, направленной лично против него со стороны милитаристов¹². Примечательно, что российские источники ограничивают "группу Зорге" только теми, кто был арестован вместе с ним осенью 1941 г. (Одзаки, Мияги, Вукелич, Макс и Анна Клаузен), умалчивая о "втором эшелоне", попавшем в застенки тайной полиции немного спустя. В него-то и входили молодые интеллектуалы из окружения Коноэ, включая Кинкацу Сайондзи и других, названных выше. Тогда же один из лидеров японских атлантистов, давний "агент влияния" США Мамору Сигэмицу назвал Коноэ "суперпредателем" и потребовал его ареста по обвинению в государственной измене. Примечательно, что эти обвинения Сигэмицу повторил и в своих мемуарах, написанных уже после окончания войны¹³.

Но если влияние Зорге на политику Берлина ограничивалось главным образом рекомендациями в отношении Японии, то в Токио оно оказалось более заметным. Величайшей победой Зорге считается его сообщение в Москву о том, что Япония не нападет на Советский Союз. Сегодня это можно дополнить - Зорге внес немалый личный вклад в то, что Япония поступила именно так. Конечно, это не единоличная его заслуга - в этом же направлении действовали министр иностранных дел и премьер-министр (в прошлом посол в Москве) Коки Хирота, морской министр и премьер-министр адмирал Мицумаса Ёнаи (в предреволюционные годы военно-морской атташе в Петербурге), министр иностранных дел Хатиро Арита и сам принц Коноэ. Сокрушительное поражение под Халхин-Голом остудило самые горячие головы, и даже генерал Тодзио, воплощение самурайского этнократического экстремизма, решительно отказался от идеи войны с СССР, несмотря на постоянное давление со стороны Гитлера.

В свете всего сказанного естественным будет вопрос: на кого же работал Зорге? Ответ на него не так прост и однозначен, как кажется. Как тайный агент Зорге работал на СССР, и именно эта работа принесла ему заслуженные лавры одного из величайших разведчиков XX века. Но он работал и на Германию - все прекрасно понимали, что осведомленный журналист, личный друг посла и влиятельный член нацистской партии, к тому же связанный с Хаусхофером, был поставщиком различной информации, в том числе, возможно, и агентурной, для заинтересованных ведомств в Берлине. Наконец, в Токио Зорге был непосредственно связан с евразийски ориентированными кругами, но эта тема нуждается в дополнительной разработке. В частности, необходимо изучение контактов Зорге с Арита, Ёнаи или их окружением. Иными словами, Зорге как разведчик работал на Москву, но как немецкий журналист он не мог не работать и на Берлин, при этом делясь кое-какими секретами и с японцами, что было необходимо для поддержания контактов и получения новой информации. Разносторонне информированный Зорге был полезен и нужен всем, хотя приоритет интересов ГРУ неизменно соблюдался им. В то же время как

аналитик и политик Зорге работал на реализацию "великого континентального проекта", усматривая в Коноэ и Хаусхофере не только тактических, но и стратегических союзников. Окружение Зорге <кроме Одзаки>, возможно, не разделяло его взгляды, а многие вообще не знали, что работают на ГРУ, а не на Коминтерн. Наиболее верным и последовательным соратником Зорге был евразиец Одзаки, поэтому утверждение одного из отечественных авторов о том, что он "презирал" Коноэ¹⁴ представляется мне глубоко неверным. В высшей степени значим и тот факт, что Зорге был агентом ГРУ, в руководстве которого были популярны евразийские идеи, хотя, конечно, с коммунистическими оговорками.

Судьба Зорге тесно связана с судьбой ГРУ и евразийства в России в целом. Известно, что почти все руководители ГРУ в период до Великой Отечественной войны были репрессированы, в том числе непосредственно курировавшие работу Зорге Я.К.Берзин и С.П.Урицкий. Александр Дугин в своей работе "Великая война континентов" указывает, что они представляли атлантистское лобби в ГРУ¹⁵. Не имея документальных доказательств, воздержусь от категорических утверждений, хотя судьба непосредственного начальства не могла не волновать Зорге. Известно, что в конце 30-х годов поднимался вопрос о его возвращении в Россию, которое так и не состоялось. И здесь, думается, прав В.Суворов, который, опираясь на многочисленные публикации середины 60-х годов делает вывод о нежелании Зорге возвращаться в Москву по соображениям личной безопасности¹⁶. Мы можем добавить сегодня, что это решение было принято и в результате осознания необходимости дальнейшего продолжения своей работы ради будущего Евразии. Зорге понимал, что в Москве ему противостоят слишком влиятельные силы (во главе с самим Л.П.Берия) и шел на риск получить клеймо "невозвращенца". Однако он только увеличил эффективность агентурной работы, а не стал настоящим предателем-перебежчиком вроде небезызвестного Вальтера Кривницкого.

А чтобы окончательно разобраться с Суворовым, приведем его интерпретацию событий: "Не желая возвращаться на скорый суд и лихую расправу, Зорге продолжает работать на коммунистов, но теперь уже не в роли секретного сотрудника (сокращенно - сексот), а скорее, в роли энтузиаста-доносчика, который скрипит пером не денег ради, а удовольствия для"¹⁷. Приведенный пассаж исчерпывающе характеризует моральный, профессиональный и литературный облик борзописца-перебежчика, чьи малограмотные сочинения кое-кем еще всерьез воспринимаются как военно-исторические работы. Замечу, впрочем, что это единственный известный мне отзыв о Зорге такого рода, но исключения, как всегда, только подтверждают правила.

Открытым остается вопрос и о том, как и на чем "засыпался" Зорге, а по существу, кто его предал? Версии о предательстве придерживаются почти все зарубежные авторы, рассматривают ее и отечественные биографы Зорге. Мейснер¹⁸ называл некую любовницу-японку (явно получив из третьих рук известие об Исии Ханакэ, но не она выдала Зорге), Ходзуки Одзаки¹⁹, родственник Ходзуми Одзаки - "японского Азефа" Рицу Ито, видного деятеля компартии, разоблаченного уже после войны в качестве агента политической полиции. М.Колесников, лучший отечественный биограф Зорге, акцентирует внимание на кампании спецслужб против некогда живших в США японцев как потенциальных агентов американской разведки, в число которых попал Мияги Ётоку²⁰. Полагаю, что имела место совокупность всех этих факторов. Ордер на арест Зорге был подписан лично военным министром Тодзио²¹, который в тот же день сменил на посту премьер-министра окончательно сброшенного милитаристами Коноэ. И вместе с тем трудно согласиться с комплиментом Аллена Даллеса: "Это именно блестящая работа Кэмпзэтай (японской тайной полиции - В.М.) сломала наконец группу Зорге в Японии"²². Зорге и его соратники на протяжении многих лет, практически не прибегая к

покровительству Коноэ или иных высокопоставленных лиц, блестяще переигрывали Кэмпбэйтай.

Однако версия о предательстве Рицу Ито, тщательно разработанная Ходзуки Одзаки и затем проанализированная Чалмерсом Джонсоном²³ требует дополнительного рассмотрения. Причастность Ито к аресту семейства Китабаяси, которое вывело контрразведку на "американский" след Мияги, можно считать установленной. Вопрос о связях Ито, уже в довоенное время бывшего авторитетной фигурой в кругах подпольной КПЯ, с советской разведкой (причем НКВД, а не ГРУ) до сих пор открыто не ставился, хотя изучение этого вопроса, а также причин отказа советской стороны от Зорге после его ареста, может многое прояснить в трагической гибели великого разведчика. Деятельность агентуры НКВД в Японии в предвоенные годы не только не могла сравниться с работой группы Зорге, но и вообще не привела ни к каким осязаемым результатам. Естественно, эти люди не могли испытывать никаких симпатий к представителю "конкурирующей организации", да к тому же придерживавшемуся прямо противоположной геополитической ориентации. Туманом покрыта и судьба самого Ито, бесследно "исчезнувшего" в конце 50-х годов после разоблачения и исключения из партии.

Книга Ханса - Отто Мейснера, известная у нас под названием "Кто Вы, доктор Зорге?", издается на английском языке под заглавием "Человек с тремя лицами". Обложку одного из последних ее изданий в Японии, которым пользовался автор настоящей статьи, украшают пятиконечная звезда, свастика и солнечный круг "хи-но мару" - государственные символы СССР, Германии и Японии, долженствующие соответствовать "трем лицам" Зорге. У Рихарда Зорге было одно лицо - патриота-евразийца, радевшего о мире и благе своей родины Германии, своей второй, духовной Родины - России и, конечно, Японии, которую он любил и которой желал лучшего будущего. Страны, земля которой стала местом его последнего успокоения. Обо всем этом я думал в жаркий сентябрьский день 1992 г. придя на могилу Зорге на кладбище Тама под Токио и возлагая цветы к его скромному надгробию. Мы все еще слишком мало знаем о нем, мало чтим этого великого и мужественного человека, сделавшего гораздо больше, чем все привыкли считать. Бесконечно прав был Сергей Есенин: "Большое видится на расстоянии" (кстати, Зорге и Есенин родились в один и тот же год).

1. Суворов В. Ледокол. - М., 1992. - С. 307-309.
2. Шелленберг В. Лабиринт. - М., 1991. - С. 163.
3. Chalmers Johnson. An instance of treason. Osaki Hotsumi and the Sorge spy ring. - Tokyo, 1977. - P. 160.
4. Там же, P. 96.
5. Редакционное послесловие к публикации статьи Хаусхофера "Геополитическая динамика меридианов и параллелей". - "Элементы", 1992. - С. 18 второй пагинации ("Геополитические тетради").
6. Цвейг Ст. Статьи. Эссе. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. - М., 1987. - С. 279. О Хаусхофере см. подробнее: там же. С. 278-280.
7. Перечень этих работ выделен Ч.Джонсоном в специальный раздел библиографии в его книге (С. 266-267).
8. Несколько статей в русском переводе вошли в книгу: Зорге Р. Статьи, корреспонденции, рецензии. - М., 1971. А также: Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. - Берлин. - 1988. (На русском языке).
9. По сообщению М.Колесникова, рукопись книги после ареста Зорге уничтожил вместе с другими его бумагами его друг, немецкий военно-морской атташе Веннекер: Колесников М. Таким был Рихард Зорге. - М., 1965. - С. 195-196.
10. Ch. Johnson. An instance of treason, p. 144.
11. Этот вопрос подробно рассмотрен в моей статье "Геостратегические проекты принца Коноэ" - сб. "Проблемы геостратегии", М., 1993 (в печати).
12. Ch. Johnson. An instance of treason, p. 179-180. Ср.: Ивабути Тацуо. Кидзоку то сэйдзи то си то <Аристократия, политика и смерть>. - "Бунгэй сюндзю", 1954, июнь.
13. Сигэмицу Мамору. Сёва но доран (Потрясения эры Сёва). Токио, 1952. - Т. II, с. 92-98. Ср.: Shigemitsu Mamoru. Japan and her destiny. London, 1958, p. 157.

14. Колесников М. Таким был Рихард Зорге. - С. 148-149.
15. Дугин А. Великая война континентов. - М., 1993 (в печати).
16. Суворов В. Ледокол. - С. 305-306. Ср.: "Огонек", 165, N 14, 17.
17. Суворов В. Ледокол. - С. 307.
18. Hans-Otto Meisner. The man with three faces. - Tokyo, 1976. - P. 213-224. (Глава "Предательство").
19. Одаки Ходаки. Икитэ иру Юда (Живой Иуда). Токио, 1959; Одаки Ходаки. Зоругэ дайкэн (Дело Зорге). Токио, 1963; см. также: Мацумото Сэйгё. Какумэй-о уру отоко: Ито Ричу (Человек, который продал революцию: Ито Ричу). - "Бунгэй сюндо", 1960, июнь.
20. Колесников М. Таким был Рихард Зорге. - С. 178-180.
21. См. напр.: Корольков Ю. Человек, для которого не было тайн. - М., 1965. - С. 212.
22. Цит. по: Richard Deacon. Kempei tai. The japanese secret service then and now. - Tokyo, 1991. - P. 201.
23. Ch. Johnson. An instance of treason, p. 217-226 (приложение "Был ли Ито Иудой?").

АДЫРХАЕВ Николай Борисович

9 ноября 1993 года на 84 году жизни ушел от нас Адырхаев Николай Борисович - ветеран дипломатической службы СССР, воспоминания которого неоднократно публиковались на страницах журнала "Проблемы Дальнего Востока" и вызвали заинтересованные отклики читателей. Вся жизнь, трудовая деятельность Николая Борисовича была связана с японо-советскими отношениями. С 1940 по 1947 год - работа в Посольстве СССР в Токио, активное участие в решении проблем между двумя странами в сложной обстановке второй мировой войны. В послевоенные годы Николай Борисович работал в МИД СССР, где успешно использовал свои глубокие знания японского языка. Он привлекался в качестве эксперта и переводчика при встречах на самом высоком уровне руководителей двух стран: Сталина с руководством японской компартии, Булганина с Коно, на переговорах в Сан-Франциско о мирном договоре с Японией, переговорах по вопросам нормализации японо-советских отношений. После подписания в 1956 году Совместной декларации СССР и Японии о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений - вновь работа в Посольстве СССР в Токио до 1960 года.

В памяти знавших Николая Борисовича он навсегда останется как высоко нравственный, честный, добросовестный человек, служивший примером для окружающих.

Рецензии

Китайский эрос. Сост. А.И.Кобзев. М., СП "Квадрат", 1993. С. 504.

"Китайский эрос" - явление очень заметное на нашем книжном рынке. Виной тому не только скудость печатной научной продукции в наши дни, не только новизна и привлекательность темы, но и не в последнюю очередь, превосходное оформление книги. С ее добротным твердым переплетом, красочной суперобложкой, а главное, более чем сотней иллюстраций, в том числе цветных, это издание, как, вероятно, и полагается книге на эротические сюжеты, предлагает себя не только для чтения, но и для созерцания. Необычно широк и жанр книги: на титульном листе последняя определена как "научно-художественный сборник". И действительно, в книге собраны очень разные материалы: тут и научные исследования в области психологии, культуры, медицины, эстетики, и публикации древних эротологических трактатов, и переводы литературных произведений. Эта жанровая пестрота понятна и оправдана: с одной стороны, первая в нашей стране книга, посвященная сексуальным отношениям в Китае, не может не носить ознакомительный и вместе с тем экспериментальный характер; с другой стороны, сама тема книги потребовала от ее составителя максимально широкого взгляда на частную и общественную жизнь китайцев. И то и другое - необходимое условие для объективного рассмотрения феномена "китайского эроса" в его историческом бытовании.

Книга разделена на три части, каждая из которых объединяет несколько самостоятельных работ. Первая часть носит название (не самое удачное, на мой взгляд) "Страсти любви и правила непристойности". В нее вошли вступительная статья А.И.Кобзева "Парадоксы китайского эроса", перевод главы "Сумеречная сторона любви" из книги Ч.Хьюмана и Ван У о сексуальном искусстве в Китае, статьи Е.В.Завадской-Бай - чжи "Сексуальность как особый колорит китайской традиционной живописи" и О.М.Городецкой "Искусство "весеннего дворца". Последняя работа, содержащая ценные сведения о сексуальных обычаях китайцев, представляет особенный интерес.

Что определяет феномен "китайского эроса"? Составитель сборника А.И.Кобзев в своем превосходном вводном очерке приходит к выводу, что своеобразие китайского эротизма всего нагляднее вымалывается в особой парадоксальности его природы: секс и эротика в Китае принадлежали в равной мере области чувственного и полезного, наслаждения и морали. То и другое не рассматривалось китайцами как греховное забвение божественных заповедей. Можно указать и на то обстоятельство, что китайские трактаты по сексологии были призваны научить, с одной стороны, правильному зачатю, а с другой -

искусству удержания спермы во время полового акта ради укрепления здоровья. Еще одно любопытное противоречие: книги по сексологии адресовались мужчинам, но секреты сексуальной практики излагались в них от лица женщин.

Что же позволяло китайцам усматривать в сексуальной жизни единство удовольствия и долга - двух полярных начал, очевидным образом разъятых в европейской цивилизации? Как справедливо отмечает А.И.Кобзев, тайна китайского эроса заключена в его органической включенности в опыт "полноты жизни" - традиционный идеал китайцев (см. с.22 и сл.). Но сексуальная практика - это не просто "органическая часть человеческой жизни". Она есть прообраз Великого Пути-дао в той мере, в какой она охватывает и пронизывает весь жизненный опыт, не сводится к некому частному "предмету" и свободна от целелеполагания. Секс как привилегированная область встречи природного и культурного, инстинкта и гнозиса в человеческом существовании предоставляет каждому и материал, и правила для самосовершенствования. Эрос в Китае не закабалял, а освобождал: он дарил чистую радость игры. Недаром половой акт в специальной китайской литературе именуется обычно "утехой" или "забавой" (си).

Вот этому учительному аспекту секса как школы и игры посвящены материалы второй части книги. Здесь помещены переводы ряда древних трактатов по "искусству брачных покоев": "Канон Чистой Девы" ("Суню цзин"), "Тайные предписания для нефритовых покоев" ("Юйфан мицзюэ"), "Учитель Проникший-в-таинственную тьму" ("Кун Дун-цзы") и др., а также переводы фрагментов исследований современных западных авторов - К.Скиннера, Дж.Нидэма, Р.Ван Гулика. Читатель помимо множества любопытных практических рекомендаций найдет в этом разделе немало пищи для размышлений о том, как и почему китайцам удалось выстроить целую науку наслаждения, сочетающую серьезнейшую аскезу духа с чистым, по-детски целомудренным желанием сделать секс приятной "забавой". Остается только сожалеть, что в антологию не вошли многие ключевые тексты по данной проблематике, в частности древнейшие из известных ныне эротологические сочинения - "Единение инь и ян", "Разговор о высшем пути в Поднебесной" (нач. II в. до н.э.), книги известных даосских учителей Тао Хунцзина (VI в.), и Сунь Сьмяо (VII в.), трактат автора минской эпохи Хун Цзи "Книга искусства брачных покоев" и др. Следует помнить, кроме того, что трактаты по эротологии в Китае были частью более обширного корпуса текстов, регулировавших все стороны семейной жизни китайцев.

Публикация книг по сексологии в отрыве от их изначального контекста может создать искаженное представление о месте эротологии в китайском быту.

Третья, наибольшая по объему, часть книги целиком состоит из произведений художественной литературы, имеющих отношение к эротике. Некоторые из них, например "Жизнеописание Чжао Фэйянь", "Записки о тереме грез", "Девушка в красной плахте", отрывки из знаменитого романа Ли Юя "Подстилка из плоти", были прежде неизвестны русским читателям. Надо заметить, что смена жанра произвольно отобразила и переосмысление секса в китайской культуре. Роман Ли Юя, как и вся поздняя эротическая литература, рожден более сложной, более тонко чувствующей цивилизацией, в которой значительно острее осознаются внутренние противоречия сексуальности как общественного и культурного явления. Традиционная парадигма духовно-телесного совершенствования через секс сохранила свое значение, но теперь эротизм воспринимается как своеобразное испытание, призванное пробудить в человеке весь потенциал его сознания через конфронтацию духа с буйством плоти; покой душевной просветленности ищется в крайнем возбуждении чувств. Секс оказывается аналогом "критического", "затруднительного момента" (гуаньтоу), который считался в неоконфуцианскую эпоху главным условием "внезапного просветления" (сама эта тема пришла в неоконфуцианский синтез из чань-буддизма). Это обстоятельство позволяло авторам дидактико-эротических произведений с необыкновенной, поразительной даже для свидетеля современной сексуальной революции откровенностью исследовать "подполье" человеческой сексуальности. Такая "аскеза гедонизма" не лишена аналогий и на Западе: на память приходят романы Гюисманса или идея эротизма как основы религиозного опыта у Ж.Батайя. Впрочем, не менее очевидны и различия. Конфуцианский акцент на гармонии и ритуальной стилизации отношений predetermined полное (!) отсутствие сцен насилия в китайских эротических романах. Для китайского писателя в деле соблазнения женщины все решает не грубая сила, а интрига. Однако ж вполне понятно и то обстоятельство, что "религия эроса" с ее проповедью сексуальной свободы не получила в Китае ни публичного, ни тем более официального признания. Эротика при династии Цин все более оказывается под

подозрением и запретом, а вместе с тем разлагается и приходит в упадок тот жизненный и культурный синтез, который запечатлен в традиционной идее китайского эроса. Эта эволюция, вовсе не затронутая в книге, требует обстоятельного изучения.

Помещенные в сборники переводы выполнены в целом подробно, хотя комментарии и текстологические примечания к эротологическим трактатам слишком лаконичны. Встречаются в переводах и неточности, и явные ошибки. Укажу лишь на текст трактата "Главное из наставлений для Нефритовых покоев", напечатанный на стр.183. Выражение "чувства обостряются" имеет в оригинале более конкретный смысл, а именно "влагалище увлажняется". Чуть ниже переводчик не упал в тексте имени легендарного даоса Чи Сун-цзы, что привело к забавному перетолкованию им текста. "Жидкое лекарство", упоминаемое в следующей фразе, способствует не просто "выздоровлению", как сказано в переводе, а "излечению от диабета" и т.д. Название романа Ли Юя в русском переводе кажется мне необоснованно вульгарным. Принятый в английской литературе перевод: "Молебельный коврик из плоти" все-таки ближе к букве, и духу оригинала. Кстати сказать, и подзаголовок романа следовало бы перевести не как "Просветление, пришедшее с прозрением", а как "Просветление после прозрения". Речь идет о "верховном постижении" в позднетрадиционной религии эроса - постижении, приобретаемом "по ту сторону" конвенционального чаньского "внезапного просветления".

Но несмотря на отдельные просчеты и упущения, в сущности неизбежные в книге такого масштаба и такой новизны, несмотря на некоторую увлеченность авторов книги популяризаторством, столь же легко объяснимую, "Китайский эрос" с успехом выполняет задачу ознакомления отечественных читателей с доселе неизвестной им странной китайской цивилизацией и первичной постановкой проблем, относящихся к исследованию сексуальности в Китае. Повторю еще раз, что книга много выигрывает от большого количества иллюстраций, многие из которых представлены не опубликованными ранее рисунками из собраний московских и петербургских музеев, а также частной коллекции А.И.Кобзева.

Хочется надеяться, что начатые авторским коллективом сборника плодотворные изыскания в области китайской эротологии будут продолжены.

Юбилей ученого

Л.П. Делюсину - 70 лет

Лев Петрович Делюсин известен в нашей стране и за ее пределами как видный исследователь новейшей истории и современных социально-политических проблем Китая и крупный организатор китаеведческих исследований. Труды доктора исторических наук, профессора Л.П.Делюсина внесли важный вклад в изучение общественных процессов, происходивших в Китае в нашем столетии, и эволюции его современной общественной мысли.

Исследованиям, принадлежащим перу Л.П.Делюсина, присущи две главные черты, выделяющие их из рядового потока отечественных и зарубежных публикаций на аналогичные темы. Это, во-первых, внимательное, бережное, можно даже сказать - любовное отношение к источнику, документу, факту, восходящее своими истоками к традициям русских востоковедов и - в

известном смысле - напоминающее манеру знаменитых китайских историографов (разумеется, с серьезной поправкой на современный уровень исторических знаний и научной методологии). И, во-вторых, особенность, на первый взгляд, парадоксально противостоящая первой, но по сути органично с ней сочетающаяся: бескомпромиссный отказ от устаревших догм, стереотипов, шаблонов. Эти две черты пронизывают все работы Л.П.Делюсина - большие и малые, ранние и поздние.

Новому поколению востоковедов, только начинающему свой научный путь, трудно представить ту духовную атмосферу, в которой стартовали в науке Л.П.Делюсин и многие его сверстники, младшие коллеги и ученики. Это было время, когда господствовала схема, под которую надлежало подгонять факты. Чтобы хоть в какой-то степени отойти от схемы, требовалась не только научная честность, добросовестность, но также немалое мужество и готовность преодолевать склонность к конформизму в самом себе, ибо казенный стереотип не только навязывался извне, но и гнезвился в собственной слабости. Этой неготовностью подлаживаться под официозные штампы, если они шли вразрез с открывающейся исследователю исторической реальностью, и последовательным отказом от собственных добросовестных заблуждений по мере их преодоления в полной мере обладал и обладает Л.П.Делюсин.

В крупной монографии "Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК", вышедшей в свет более двух десятилетий назад и ставшей важной вехой в

творческой биографии Л.П.Делюсина, автор взял на себя нелегкую миссию восстановить подлинную историю разработки аграрной программы КПК в 20-е годы. Тем самым было дезавуировано утвердившееся в официальной китайской историографии сведение всего сложного опыта китайских коммунистов в аграрно-крестьянской сфере исключительно к противоборству "правильной" теоретической и практической деятельности Мао Цзэдуна с "неправильной" - его вольных или невольных оппонентов. На большом историческом материале Л.П.Делюсину удалось показать взаимосвязь формирования аграрной политики КПК с эволюцией взглядов на характер китайской революции, на ее социально-экономическое содержание и на роль различных общественных классов в революционном процессе.

Другая важная тема в научном творчестве Л.П.Делюсина - история зарождения и развития социалистических идей в Китае в начале 20-х годов. Этой теме посвящена монография, вышедшая сперва в 1970 г., а затем в расширенном виде десятилетие спустя. И здесь автору удалось значительно расширить по сравнению с официальным представлением о реальном потоке социалистической мысли и показать широкую палитру взглядов на социализм многих видных деятелей революционного и реформаторского движения в стране, существенно отличавшуюся от черно-белого видения ортодоксальных китайских историографов. Эти же качества присущи и многим другим работам Л.П.Делюсина.

Л.П.Делюсина как исследователя отличают исключительно высокое трудолюбие и завидная работоспособность, не изменяющая ему и по сей день. Он - подлинный труженик и подвижник науки. И в 90-е годы, как в 70-е и 80-е, он ежегодно публикует десятки статей, брошюр, рецензий, выступает с научными докладами и сообщениями. В поле зрения ученого находятся все важнейшие аспекты жизни современного китайского общества. Проблемы и противоречия реформы в Китае, соотношение модернизации и традиции, политические кампании, судьбы китайских интеллектуалов, китайская идея, проблемы демократии в Китае - вот лишь очень сокращенный перечень тем, которые рассматриваются в работах Л.П.Делюсина последних лет.

С наукой в творчестве Л.П.Делюсина тесно соседствует научная публицистика. Ее отличительными чертами являются строгий объективный анализ, страстная личная заинтересованность в продвижении китайского общества по пути процветания, прогресса, демократии, озабоченность судьбами китайских ученых, писателей, журналистов, со многими из которых Л.П.Делюсин многие годы поддерживает близкие дружеские отношения.

Л.П.Делюсиным создан один из наиболее квалифицированных и творческих коллективов в отечественном китаеведении - Отдел Китая Института Востоковедения. За два десятилетия деятельности этого коллектива под руководством Л.П.Делюсина были изданы десятки фундаментальных трудов по истории и культуре Китая, которые вошли в золотой фонд российского китаеведения. Л.П.Делюсин имел непосредственное отношение также к становлению и развитию китаеведческих исследований в ряде других академических институтов России.

Особо следует подчеркнуть роль Л.П.Делюсина в организации самого значительного общественного форума научного китаеведения в России - ежегодной конференции "Общество и государство в Китае". Этот форум, впервые собравшийся в 1970 г., привлек к себе ученых из всех исследовательских и учебных китаеведческих центров страны - специалистов по истории, экономике, праву, культуре, религии Китая. Многотомное собрание тезисов и докладов участников конференции, изданное за два с лишним десятилетия, составило своеобразную китаеведческую энциклопедию, значение которой для развития науки трудно переоценить.

Организаторская миссия Л.П.Делюсина в деле развития российского китаеведения выразилась и в том, что под его редакцией было опубликовано

большое число трудов многих известных российских исследователей Китая, в числе которых можно назвать Н.Абасва, Т.Акатову, Л.Борох, Е.Завадскую, В.Малявина, А.Меликсетова, Г.Сухарчука, Н.Тяпкину и многих других, не говоря уже о коллективных работах. Здесь необходимо упомянуть и о серии мемуарных произведений видных советских военачальников и иных участников революционного движения в Китае, многие из которых были опубликованы при участии Л.П.Делюсина.

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" сердечно поздравляют Льва Петровича Делюсина с семидесятилетием и желают ему здоровья и долгих лет плодотворного творческого труда на благо отечественной науки.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 12.10.93 г. Подписано к печати 10.11.93 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.л.чл. 15,6 Усл.кр.-отт 43,8 тыс. Уч.-издл. 16,5 Бумл. 60
Тираж 2767 экз. Зак 3 9 5 Цена 100 руб.

Отпечатано в Московской типографии №2 ВО "Наука", 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.